

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь
Установа адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А.С. Пушкіна»

Вучоныя запіскі

Брэсцкага ўніверсітэта

Зборнік навуковых прац

Выпуск 14

Частка 1

Гуманітарныя і грамадскія навукі

Брэст • 2018

Заснаваны ў 2005 годзе

Галоўны рэдактар

А.М. Сендзер

Намеснікі галоўнага рэдактара:

С.А. Марзан (*Частка 1. Гуманітарныя і грамадскія навукі*)

А.Я. Будзько (*Частка 2. Прыродазнаўчыя навукі*)

Рэдакцыйны савет:

В.Е. Гайдук, К.К. Красоўскі, Л.Г. Лысюк, Б.М. Ляпешка, З.П. Мельнікава

Міжнародны савет:

А.А. Афонін (Расія), В.Р. Бязрогаў (Расія), В.А. Главан (Малдова),
Марцін Грабэ (Германія), М.М. Громаў (Расія), В.В. Дзікусар (Расія), Андраш Золтан (Венгрыя),
Антон Мірановіч (Польшча), В.А. Несцяроўскі (Украіна), Ежы Нікітаровіч (Польшча),
Станіслаў Рудальф (Польшча), Б.В. Саліхаў (Расія), В.Р. Самойленка (Украіна),
Фелікс Чыжэўскі (Польшча), Антоні Юўка (Польшча), Эдвард Ярмах (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:

Г.І. Займіст (*адказны рэдактар Часткі 1. Гуманітарныя і грамадскія навукі*),

Н.С. Ступень (*адказны рэдактар Часткі 2. Прыродазнаўчыя навукі*),

У.В. Амелькін, С.В. Арцёменка, М.А. Багдасараў, В.Ф. Байнёў, В.У. Будкевіч, А.М. Вабішчэвіч,
І.Я. Валітава, В.М. Ватыль, П.А. Вадап'янаў, А.М. Вігчанка, А.А. Волчак, Т.А. Гарупа,
А.М. Грыгаровіч, А.А. Гужалоўскі, А.Л. Гулевіч, Т.І. Доўнар, М.П. Жыгар,
Г.А. Зорын, В.І. Іўчанкаў, М.С. Кавалевіч, Т.А. Кавальчук, Ч.С. Кірвель, У.Л. Ключня, П.П. Крусць,
У.У. Лосеў, А.А. Лукашанец, М.І. Ляўчук, В.С. Манахаў, І.П. Мартынаў, А.А. Махнач,
А.В. Мацвееў, У.А. Плецохоў, Я.В. Радына, С.В. Рашэтнікаў, Д.Г. Ротман, В.Ф. Русецкі, А.А. Савіч,
У.С. Секяржыцкі, М.М. Сендзер, У.А. Сенькавец, Я.У. Скакун, А.С. Сляповіч,
В.А. Сцепановіч, В.І. Сянкевіч, Л.Р. Цігарэнка, М.М. Труш, А.В. Чычурын, І.А. Швед,
Я.К. Яловічава, Я.С. Яскевіч

Адрас рэдакцыі:

224016, г. Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21

тэл.: 21-72-07

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

ISBN 978-985-555-906-2 (ч. 1)

ISBN 978-985-555-905-5

© УА «БрДУ імя А.С. Пушкіна», 2018

Вучоныя запіскі

Брэсцкага ўніверсітэта
ЗБОРНИК НАВУКОВЫХ ПРАЦ

2018 • Вып. 14 • Ч. 1

Змест

СТАРОНКІ ГАЛОЎНАГА РЭДАКТАРА

Сендер А.Н. Студент и научно-исследовательская деятельность 9

ФІЛАСОФІЯ

Лепешко Б.М. Размышляя об идеологии: формально-логический анализ..... 11

Врублевская-Токер Т.И. Место моральной составляющей коммеморативных практик
в понятийном поле исторической культуры..... 18

Жук Г.В. Социальная ответственность как категория социальной философии..... 26

Паньонко И.М., Ряшко Е.В. Государственное устройство и управление
в «Философии права» Гегеля 33

ПАЛІТАЛОГІЯ

Стрелец М.В. Теоретик господства труда. Некоторые размышления о наследии Карла Маркса 41

Лагуновская Е.А. Противодействие торговле людьми, нелегальной миграции,
детской порнографии и проституции 50

ГІСТОРЫЯ

Пашкович Е.И., Чуравский Р.В. Фольклорно-мифологический массив Древнего мира
в интерпретации структурализма 57

Бодак А.Ю. Привлечение местных кадров к работе в органах Советской власти
в Ганцевичском районе накануне Великой Отечественной войны 67

Поўх І.В. Гістарычныя ўмовы станаўлення нацыянальнай самасвядомасці
ў Беларусі і Ірланды 73

Бодак А.Ю., Бурик Е.А. Развитие системы торговли и общественного питания
в Западном Полесье накануне Великой Отечественной войны..... 82

Вавренюк И.И., Касяновская А.С. Еврейские некрофации Западной Беларуси (1921–1939 гг.)
как источники изучения мест памяти..... 86

ФІЛАЛОГІЯ

Швед І.А. Міфасемантыка і функцыянальнасць вобраза зайца ў беларускім фальклоры 94

Бут-Гусаім С.Ф. Нацыянальная і рэгіянальная культура ў лютэрку іменаслову
навукова-папулярнай літаратуры сучасных берасцейскіх пісьменнікаў 106

ПРАВА

- Храмов С.М.** Алгоритм установления обстоятельств и примеры решаемых с его помощью задач: криминалистический аспект исследования..... 112
- Зайчук Г.И.** Вопросы квалификации незаконного перемещения диких животных, в том числе погибших, по уголовному законодательству Республики Беларусь 120
- Речиц Е.В.** Правовой механизм охраны водно-болотных территорий: сущность и содержание 129

ПСИХОЛОГИЯ

- Валитова И.Е.** Психолого-педагогическая поддержка семьи, воспитывающей ребенка с особенностями психофизического развития 135
- Медведская Е.И.** Параметры вербальной креативности у представителей различных информационных субкультур 146
- Былинская Н.В.** Представление будущих психологов о профессии и личности профессионала..... 152

ПЕДАГОГИКА

- Ковалевич М.С.** Формирование профессиональной компетентности будущих специалистов помогающих профессий социоэкономического типа 159
- Konowaluk-Nikitin H., Waszczuk J.** Edukacja zdrowotna w praktyce wychowania przedszkolnego 168
- Дмитрачкова Л.Я.** Профессиональная подготовка специалистов образования (специальность 1-21 81 01 Инновации в обучении иностранным языкам) 175
- Займист Г.И., Григорович Е.Н.** Надпрофессиональная компетентность специалиста в условиях инновационной экономики 184
- Александрович Т.В.** Педагогическая поддержка развития вербальной креативности у детей старшего дошкольного возраста в культурно-игровом пространстве учреждения дошкольного образования..... 191
- Сивашинская Е.Ф., Быцко А.А.** Модель и методические аспекты развития социальных компетенций старшеклассников средствами музейной деятельности 200

САЦЫЯЛОГИЯ

- Лысюк А.И., Соколовская М.Г.** Женщины и политика в современной Беларуси: социологический анализ 209

ЭКАНОМІКА

- Салихов Б.В.** Когнитивные аспекты гуманизации современной экономики 218
- Салихова И.С.** Онтология, ценностно-смысловое качество и императивы гуманизации современной экономики 228
- Одиноченкова Н.В.** Организация инновационно-инвестиционных процессов в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития 237
- Брык Е.А., Седель О.Я., Петрукович Д.А.** Анализ состояния качества и уровня жизни населения Брестской области 241
-

Ministry of education of Republic of Belarus
Educational establishment «Brest state university
named after A.S. Pushkin»

*Scientific
Proceeding
Of Brest University*

Collection of Scientific Works

Issue 14

Part 1

The Humanities and Social Sciences

Brest • 2018

Founded 2005

Editor-in-chief

A.N. Sender

Editor-in-chief Deputies

S.A. Marzan (*Part 1. The Humanities and Social Sciences*)

A.Ya. Budzko (*Part 2. The Natural Sciences*)

Editorial council:

V.E. Gaiduk, K.K. Krasouski, L.G. Lysyuk, B.M. Lyapeshka, Z.P. Melnikava

International council:

A.A. Afonin (Russia), V.G. Byazrogau (Russia), V.A. Glavan (Moldova),
Martin Grabe (Germany), M.M. Gromau (Russia), V.V. Dzikusar (Russia), Andrash Zoltan (Hungary),
Anton Miranovich (Poland), V.A. Nestsyaruski (Ukraine), Ezhy Nikitarovich (Poland),
Stanislav Rudalf (Poland), B.V. Salikhau (Russia), V.G. Samoilenka (Ukraine),
Felix Chyzhewski (Poland), Antoni Yuvka (Poland), Edvard Yarmokh (Poland)

Editorial board:

G.I. Zaimist (*managerial editor Part 1. The Humanities and Social Sciences*),

N.S. Stupen (*managerial editor Part 2. The Natural Sciences*),

V.V. Amelkin, S.V. Artsyomenka, M.A. Bagdasarau, V.F. Bainyou, V.U. Budkevich, A.M. Vabishchevich,
I.Ya. Valitava, V.N. Vatyly, P.A. Vadapyanau, A.N. Vitchanka, A.A. Volchak, T.A. Garupa,
A.M. Grygarovich, A.A. Guzhalouski, A.L. Gulevich, T.I. Dounar, M.P. Zygar,
G.A. Zoryn, V.I. Iuchankau, M.S. Kavalevich, T.A. Kavalchuk, C.S. Kirvel, U.L. Klyunya, P.P. Krus,
V.V. Loseu, A.A. Lukashanets, M.I. Lyauchuk, V.S. Manakhau, Y.F. Martynau, A.A. Makhnach,
A.V. Matveev, U.A. Pletsyukhou, Y.V. Radyna, S.V. Rashetnikau, D.G. Rotman, V.F. Rusetski, A.A. Savich,
V.S. Sekyazhytski, N.N. Sender, V.A. Senkavets, E.V. Skakun, E.S. Slyapovich,
V.A. Stepanovich, V.I. Senkevich, L.R. Tsitarenka, N.N. Trush, A.V. Chychuryun, I.A. Shved,
Y.K. Yalovichava, Y.S. Yaskevich

Publishing house address:

224016, Brest, Bulvar Kosmonavtov, 21

tel.: 21-72-07

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

ISBN 978-985-555-906-2 (p. 1)

ISBN 978-985-555-905-5

© EE «BrSU named after A.S. Pushkin», 2018

Scientific Proceeding

of Brest University

COLLECTION OF SCIENTIFIC WORKS

2018• Issue 14• Part 1

Contents

EDITOR-IN-CHIEF COLUMN

Sender A.N. Student and Research Activities 9

PHILOSOPHY

Lepeshko B.M. Reflecting on Ideology: a Formal Logical Analysis 11

Vrublevskaya-Toker T.I. Place of Moral Composition of Commemorative Practices
in Conceptual Field of Historical Culture 18

Zhuck G.V. Social Responsibility as a Category of Social Philosophy 26

Panyonko I.M., Ryashko V.I. State Device and Management
in the «Philosophy of the Right» of Hegel 33

POLITOLOGY

Strelez M.V. Theorist of Labor Dominance. Reflections on the Legacy of Karl Marx 41

Lahunouskaya A.A. Countering Human Trafficking, Illegal Migration,
Child Pornography and Prostitution 50

HISTORY

Pashkovich E.I., Churavsky R.V. Folklore-Mythological Array of the Ancient World
in the Interpretation of Structuralism 57

Bodak A.Yu. Attracting Local Personnel to Work in the Soviet Authorities
in Gantsevichi District before the Great Patriotic War 67

Powkh I.V. Historical Preconditions for National Identity Development
in Belarus and Ireland 73

Bodak A.Yu., Burik E.A. Development of Trade and Public Catering System
in Western Polesie before the Great Patriotic War 82

Vauraniuk I.I., Kasianouskaja H.S. Jewish Necrophations of Western Belarus (1921–1939)
as Sources of Learning Places of Memory 86

PHILOLOGY

Shved I.A. Mythosemantics and Functionality of a Hare Image in the Belarusian Folklore 94

But-Gusaim S.F. National and Regional Culture in the Mirror of Naming Words
in Scientific and Popular Literature by Modern Brest Writers 106

LAW

Chramov S.M. The Algorithm for Establishing Circumstances and Examples of Problems Solved with its Help: Forensic Aspect of the Study	112
Zaychuk, G.I. Issues of Qualification of Illegal Transportation of Wild Animals under the Criminal Law of the Republic of Belarus.....	120
Rechyts E.V. The Essence and Content of the Legal Mechanism for Protection of Wetlands	129

PSYCHOLOGY

Valitova I.E. Psychological-Pedagogical Support of a Family Having a Child with Disability.....	135
Medvedskaya E.I. Parameters of Verbal Creativity in Representatives of Various Information Subcultures.....	146
Bylinskaya N.V. Representation of the Profession and Personality of the Professional of Future Psychologists	152

PEDAGOGICS

Kovalevich M.S. The Formation of Professional Competence among Future Specialists in Caring Professions of Socioeconomic Type.....	159
Konowaluk-Nikitin H., Waszczuk J. Health Education as Employed in Preschool Education	168
Dmitrachkova L.Ya. Professional Training of Education Specialists (Specialty 1-21 81 01 Innovations in Teaching Foreign Languages).....	175
Zaimist G.I., Grigorovich E.N. Overprofessional Competence of a Specialist in the Conditions of Innovative Economy.....	184
Alexandrovich T.V. Pedagogical Support of Development of Verbal Creativity in Children of Senior Preschool in the Cultural and Play Space Companies Preschool Education.....	191
Sivashinskaya E.F., Bytsko A.A. Model and Methodical Aspects of the Development of High School Students' Social Competences by Means of Museum Activity	200

SOCIOLOGY

Lysiuk A.I., Sokolovskaja M.G. Women and Politics in Contemporary Belarus: Sociological Analysis	209
---	-----

ECONOMICS

Salikhov B.V. Cognitive Aspects of the Humanization of the Modern Economy	218
Salikhova I.S. Ontology, Value-Semantic Quality and Imperatives of the Humanization of the Modern Economy	228
Odinochenkova N.V. Organization of Innovation and Investment Processes for Sustainable Development Social and Economic Development.....	237
Bryk E.A., Sedel O.Ya., Petrukovich D.A. Analysis of the Condition of Quality and Living Standards of the Population in the Brest Region	241

СТУДЕНТ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В настоящее время в Беларуси совершенствуется деятельность учреждений высшего образования на основе модели «Университет 3.0». Данная модель ориентирована на единство образовательной, научно-исследовательской и предпринимательской деятельности университета. Ее реализация связана не только с освоением учебных дисциплин в контексте решения конкретных научно-исследовательских задач, но и с привлечением студентов к выполнению научных исследований.

В нашем университете много делается для вовлечения студентов в научно-исследовательскую деятельность. Студенческие научно-исследовательские объединения созданы на всех кафедрах университета и охватывают 30 % студентов дневной формы получения высшего образования. Функционируют 15 студенческих научно-исследовательских лабораторий различной научной направленности, в которых своими научными разработками занимаются более 200 студентов и магистрантов. Лаборатории работают по приоритетным направлениям научных исследований Республики Беларусь. Наряду со студенческими лабораториями в университете созданы и работают более 120 студенческих научно-исследовательских групп и кружков.

Для популяризации и активизации студенческой науки, знакомства с организацией НИРС студентов младших курсов в университете ежегодно 20–30 апреля проводятся Дни студенческой науки: на всех факультетах университета проходят традиционные студенческие научные конференции, конкурсы и выставки лучших научных, курсовых и дипломных работ, научных и наглядных пособий, подготовленных студентами. В 2018 г. на 120 научных мероприятиях приняли участие более 2 700 человек.

Нововведением 2017 г. стало проведение на факультетах Дня открытых дверей «Наука в жизни студента», посвященного научной деятельности БрГУ имени А.С. Пушкина. Мероприятия в рамках Дня открытых дверей были направлены на популяризацию среди молодежи научной деятельности в университете, привлечение студентов к проведению научных исследований в составе временных научных коллективов.

Студенты и магистранты университета ежегодно активно и результативно участвуют в Республиканском конкурсе научных работ студентов. Так, в 2013–2017 гг. на конкурс было направлено 254 работы, из них 203 (80 %) была присвоена категория: 62 работам (30,5 %) первая (8 Лауреатов), 91 работе (44,8 %) вторая, 50 работам (24,6 %) третья. В 2018 г. на XXV Республиканский конкурс научных работ студентов будут представлены 45 работ.

Одной из форм научно-исследовательской работы в высшей школе является индивидуальная работа студентов под руководством преподавателей в рамках выполнения тем научных исследований. Так, к выполнению заданий Государственных программ научных исследований, а также проектов Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в 2017 г. были привлечены 23, а в 2018 г. – 26 студентов.

Большинство преподавателей нашего университета, активно занимающиеся научными исследованиями, свои первые шаги в науке сделали еще в студенческие годы. Соединив образование и науку – два важных ресурса производства знаний, они добились значимых результатов.

Сегодня согласно Стратегии «Наука и технологии: 2018–2040», принятой II Съездом ученых Республики Беларусь (12–13 декабря 2017 г.), еще более актуальной видится задача профессорско-преподавательского состава университета по стимулированию развития творческих, изобретательских и предпринимательских способностей студентов, а также по переходу к новому поколению стандартов высшего образования, обеспечивающих подготовку специалистов, способных к самостоятельной научно-исследовательской, проектно-конструкторской, инновационной, управленческо-аналитической деятельности.

А.Н. Сендер,
главный редактор, ректор университета,
доктор педагогических наук, профессор

УДК 303.442.43:001.82

Б.М. Лепешко

*д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: borys_lepieszko@tut.by*

РАЗМЫШЛЯЯ ОБ ИДЕОЛОГИИ: ФОРМАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Рассматриваются эвристические возможности формальной логики при обращении к исследованию феномена идеологии. Формулируются и аргументируются три тезиса: 1) необходимость рассмотрения логики в более широком контексте, как своего рода высшей математики познания; 2) оппозиция логики аксиоматичности в понимании идеологического процесса и 3) изучение возможностей альтернативных логик.

Сразу же отметим, что парадоксальность подхода, вынесенного в заглавие материала, кажущаяся. Действительно, может вызвать неприятие сочетание таких категорий, как «размышление» и «логика». В том смысле, что логика претендует на истинное, непротиворечивое знание. Размышление же в большинстве случаев предполагает свободный стиль мышления, отсутствие формальных границ эпистемологического характера, парадоксальность, противоречивость, словом, этот термин из арсенала скорее эссеистов, но никак не логиков. Да и вопросам идеологии достаточно часто отказывают в строгой научности (в классической, рационалистической интерпретации смысла этого слова). Какая вообще может быть логика в тех случаях, когда теоретики озабочены выстраиванием системы взглядов на общество, мир и его перспективы с точки зрения того или иного социального слоя, класса, страны? Разве что в контексте правил самого писания текста (непротиворечивого, ясного, лишённого двусмысленностей и т.д.). Поэтому первый вопрос связан с обоснованием собственно темы статьи: в чём смысл и цель сопоставления категорий «размышление», «идеология» и «логика»?

В самом общем виде эта проблема может быть сформулирована следующим образом. Логический арсенал привлекается в процессе осмысления идеологических постулатов в двух аспектах. С одной стороны, как универсальный способ осмысления важнейших процессов и дефиниций. Даже критики рационализма в его чистом виде используют именно рационалистические средства для обоснования своих инвектив, что уж тут говорить о тех авторах, которые ищут новые ресурсы (средства) для усиления и развития классических форм мышления. С другой стороны, как форма развития самой логики. Нынче распространены критические настроения по отношению к возможностям логики [1]. Интересно проследить, каким образом они реализуются на идеологическом материале, априори не сциентистском? Можно утверждать, что логика и соответствующий инструментарий позволяет найти, выделить и сформулировать некоторые базисные положения, которые и структурируют размышления о сущности идеологических процессов, и придают им необходимую форму.

Отсюда *первый тезис*: многие проблемы, с которыми мы сталкиваемся в процессе осмысления идеологической проблематики как теоретического, так и практического характера связаны с тем, что возможности формальной логики нами рассматриваются узко, в чисто инструменталистских виде и форме. Это нечто сугубо прикладное, связанное с применением известных силлогистических и иных упражнений с целью достижения какой-либо цели. Иначе говоря, формальная логика рассматривается достаточно часто как «таблица умножения», но никак не как высшая математика.

Возьмем, к примеру, события 50-летней давности во Франции, в Париже, когда студенческие бунты привели к небывалому кризису государственных институтов, уходу в отставку президента республики генерала де Голля. Сегодня распространена точка зрения, что события тех лет не могут быть адекватно осмыслены с позиции их идеологического содержания. Но можно обосновать положение, согласно которому перед нами вариант именно французской идеологии, которая имеет свои как универсальные, так и специфические национальные черты. Это и эстетизация политического процесса, поскольку трудно представить себе политические события той поры без влияния крупнейших писателей, драматургов, поэтов, художников. Это и выдвигание на первый план вопросов сугубо личного характера (права человека), решение социальных проблем (отношения между полами). Достаточно в этой связи вспомнить многочисленные дацзыбао, граффити, которыми был наводнен Париж той поры. Этот смысловой ряд несложно продолжить, но возникает основной для нас вопрос о формальной логике: а при чем здесь вообще формальная логика? Понятно, что она нам необходима как методология и система методов для понимания тех феноменов, которые осмысливаются. Мы можем выстроить, например, силлогизм: «Все революционные события в Париже отличаются крайней степенью ожесточения, и потому события 1968 г. отличаются тем же».

Можно прибегнуть к аналогии, и с ее помощью обосновать особый, французский, способ формирования идеологических формул, внешне связанных с лозунгами, далекими от прямых социальных требований протестующих. Революция-карнавал, революция-праздник – все это признаки не только XX в., но и предыдущих и последующих эпох.

Формальная логика с ее понятийной определенностью (в частности) требует от нас не только понимать происходящие события (что, конечно, главное), но и придавать им форму строгих и определенных дефиниций, которые позволят идентифицировать те или иные идеологические приоритеты. Скажем, определить, так какое же событие имело место: бунт, мятеж, революция или что-то иное? То есть нам обычно предлагают набор позиций, методологических подходов, массу разноплановых определений одного и того же понятия. Но логика «протестует» против исключительности такого подхода. Не потому, что точек зрения предлагается некое множество, а в связи с тем, что строго сформулированные понятия и суждения не только дают возможность демонстрации известного плюрализма взглядов, но и предполагают определенные ответы на определенные же вопросы. То есть формальная логика ограничивает «всевластие» плюрализма как методологического подхода и предлагает определиться с основными терминами, тезисами.

Далее, формальная логика с ее теорией, например суждения (высказывания), даст возможность использовать известную схему «логический квадрат» для решения тех или иных спорных вопросов. Или хотя бы предложить вариант ответа на эти вопросы. Вот, скажем, мы формулируем частноутвердительное суждение *I*: «Некоторые студенты придерживались анархистских взглядов». Это истинное суждение относительно событий 1968 г. Как тогда будет выглядеть соответствующее суждение *O*, частноотрицательное по сути: «Некоторые студенты не придерживались анархистских взглядов»? Могут ли оба эти суждения быть одновременно истинными? Конечно, но это дает нам возможность утверждать, что спектр политических пристрастий на улицах Парижа в 1968 г. не сводился к одной идиологеме; нам необходимо демонстрировать спектр пристрастий и утверждать идеологическую множественность. Это пример из сферы очевидности, но столь же продуктивным может быть подход, связанный со спорными тезисами. Скажем, перед нами суждение *E*: «Генерал де Голль не верил в организован-

ность и целенаправленность действий студентов». Каким будет суждение, соответствующее *A*, с точки зрения истинности? Очевидно, одновременно истинными они быть не могут, следовательно, ресурс ответов на поставленный вопрос уже будет ограничен.

Но что это значит: применение логики как высшей математики, а не только как инструменталистского подхода? Это значит, например, что мы можем и не должны в теории высказывания использовать ресурсы силлогистики не только в качестве познавательного инструмента, и необходимо расширять границы такого использования. Это также значит, что мы можем и не должны данные инструменты использовать в ином ключе. К примеру, возьмем аналогию как форму мышления. Она дала возможность историку А. Тойнби сформулировать новый методологический подход к пониманию сути исторического процесса, связанный с известной теорией цивилизаций. Ведь что такое идея одновременного существования цивилизаций и соответствующие выводы из такой постановки вопроса, как не «чистая» аналогия? Обратимся к дедуктивной или индуктивной формам мышления, которые так подобно «расписали» нам классики детективной литературы А. Конан-Дойл и А. Кристи. В романе «Восточный экспресс» А. Кристи сформулировала для Э. Пуаро основные требования индуктивного поиска (перед нами вариант полной индукции). Но незаметно «чистая» логика стала проблемой нравственного выбора: детектив Пуаро решает, какой же вариант ответа о предполагаемом убийце он вскоре доложит полиции – ложный или истинный. То есть перед нами уже не уголовная, а этическая проблематика: солгать ради спасения многих людей, которые привели в исполнение приговор жестокому убийце, или наказать их еще раз? Получается, что у формальной логики есть свои границы, но не формального, не эпистемологического, а нравственного характера. Логика может быть нравственной? Нет, носитель логических знаний должен быть нравственным, вот что главное: «высшая математика» применительно к логике означает, что необходимо учитывать широкий спектр идей, подходов, логика должна быть «встроена» в систему различных междисциплинарных координат.

Тезис второй: как это ни покажется странным, логика «возражает» против аксиом разного характера, в том числе аксиом идеологических. Почему странно? Да потому что бытует мнение, согласно которому строгая силлогистика формулирует очень узкий «коридор мышления», где шаг влево или вправо невозможен, поскольку «есть правила», «существуют законы», и, вообще, какие могут быть альтернативы в условиях соблюдения закона противоречия и достаточного основания?

Для комментария обратимся к недавней советской истории в части основополагающих идеологических клише. Вот известный тезис: «Два мира – два образа жизни». Речь, как известно, шла о том, что один мир (западный) – гнилой и разлагающийся, а другой мир (социалистический) – прогрессивный и здоровый.

Современная политология (русская в частности) во многом и до сих пор разделяет этот тезис. Не только относительно прошлого, но и настоящего. Разве что акценты сместились. Речь идет о том, что существует особая цивилизация (славянская), что мы не часть единой европейской общности, у нас масса существенных отличий и т.д. Это общеизвестные вещи, но давайте обратимся к логике. На чем основывалось это суждение в советское время? Не на идеях Н. Данилевского и его книге «Россия и Европа». На реальных границах двух миров, на сформулированной идеологической системе взглядов, в рамках которой этот тезис оказался истинным (мог бы оказаться и ложным). Сегодня границ такого порядка нет, система идеологическая претерпела значительные изменения, но суть осталась той же. Почему? Да потому что остался таким же процесс

мышления, не изменилась логика следствия и выводов. Относительно истинности можно, конечно, спорить, а вот с логикой мышления спорить сложно. В самом деле, возьмем условно-категорический силлогизм: «Если советский человек первым полетел в космос, если страна добилась военно-стратегического паритета с США, то СССР может претендовать на равновеликое с Западом понимание своего места в мире // Советский человек первым полетел в космос, страна добилась военно-стратегического паритета с США // СССР может претендовать на равновеликое с Западом понимание своего места в мире». Можно сказать: формализм, начетничество, а можно верить этой логике, что и происходило. В силлогистике есть нечто незыблемое, убедительное, даже в силлогистике ложной. А сегодня? «Если Россия обладает ресурсом природным и людским, если церковь отличается высокой степенью авторитета и своеобразия (веры), если имеет место симфония отношений между государством и церковью, то она (Россия) воплощает свой особый тип цивилизации» и далее по уже приведенной схеме.

Тут особо следует сказать вот о чем. Для идеологии логика чрезвычайно важна, т.к. придает идеологии стройность, последовательность, убедительность, формальную непротиворечивость. Вот тот факт, что запад «гниет», как-то не убеждает: все же любой, кто был там, видел «тамошний» образ жизни, понимал, что не все так однозначно. Но как только этому тезису придавался вид силлогизма, аналогии, вспоминались соответствующие законы, все становилось на свои места. Манипулирование? Конечно, но когда идеология обходилась без манипулирования общественным сознанием? «Наши дети будут жить при коммунизме». В голодные 50-е гг. XX в. этот лозунг воспринимался как благородная цель и придавал смысл лишениям и терпению советских людей. Но ведь Н.С. Хрущев не был «чистым» волюнтаристом, речь шла об экстраполяции цифр экономического развития в те же 50-е гг. на ближайший период, и если бы они оказались столь же впечатляющими, то экономический рывок был бы реальностью. И здесь логика играла свою важную роль при формулировании идеологических постулатов. Если цены хоть на копейку снижаются, то представьте себе, насколько они снизятся в ближайшее десятилетие, говорили нам. Эту реплику несложно «перевести» на язык индукции или дедукции, хотя, надо признать, еще существовал и ресурс веры, зажженный Октябрем.

Логика «возражает» против аксиом разного характера, прежде всего потому, что аксиомы в самой идеологии требуют постоянной корректировки, постоянного изменения, внесения тех или иных правок. И логика вынуждена идти вслед за этим требованием. Например, на наших глазах менялись подходы в определении важнейших приоритетов национального развития. Первоначально на первом месте было то, что мы называем ностальгией по СССР, бытующей и сегодня. И потому движение к воссозданию (в той или иной форме) экономических, политических, военных и иных структур бывшего единого советского государства было естественным и понятным. Но с течением времени ситуация кардинально изменилась, и на первый план выдвинулась идея создания национального суверенного государства, идея, достаточно быстро приобретающая в республике статус национальной идеи. Уже реализованной во многом национальной идеи.

Попробуем в этот контекст внести соображения формально-логического характера. Конечно, на первом месте здесь будет все тот же инструменталистский подход, т.е. «обслуживание» важнейших идиологем. Вместе с тем выглядели неубедительными рассуждения, в которых обосновывалась идея воссоздания структур советского периода в том или иной виде на новой основе. Здесь можно вспомнить такой способ доказательства, как доказательство от противного. Цепочка суждений, аргументов могла

здесь иметь следующий вид. Допустим, перед нами стоит задача доказать эффективность восстановления многих советских достижений в новых исторических условиях. Мы исходим же из того, что возникли новые существенные факторы. Например, открылся «западный вектор» со всеми его преимуществами, прежде всего экономического характера. Например, речь ведется о формировании национальных элит, которые заявляют о претензиях на интеллектуальное, политическое руководство. Например, возник новый уровень противоречий между бывшим центром и бывшими национальными территориями; мало того, эти противоречия во время известных событий перестроечной поры обострились и многие из них переросли в кровавые конфликты. Например, проявились, выразились исключительно национальные интересы, которые могли быть решены в рамках прежде всего суверенного государства. Так, явные проблемы возникли в сфере приоритетного для нас когда-то освоения космоса. В итоге возникает коллизия, связанная с противоречием между заявленным тезисом и формами его аргументации. Другими словами, тезис доказать невозможно или сложно.

Можно ли на этом основании обвинить логику во «всеядности», апологии любых аксиом – идеологического или иного характера? Очевидно, да, что, собственно, и происходит, прежде всего в лагере представителей неклассической философии. Однако важное уточнение. Логика есть следствие процесса мышления, выражение этого процесса, но логика не есть феномен, тождественный процессу мышления, который намного шире по своему содержанию. Другими словами, нам необходимо учитывать и иные факторы, связанные с процессом мышления. В том числе и факторы иррационального характера. Мы можем привести факторы непонятного характера, например поэтического, и отметить, сколь важную роль именно они сыграли в процессе формировании советской идеологии, примеры здесь столь же известны и очевидны, сколь и блестящи. Можем дезавуировать опорные категории классического способа философствования с привычной диалектикой, истиной и т.д. А как не учитывать социальные, интеллектуальные детерминанты и многое иное, что активно влияет на идеологический процесс. То есть вывод очевиден: недостатки формальной логики есть продолжение ее достоинств, причем формальная логика не есть некая абсолютная сущность, воспроизводящая «из себя» новое знание. Связь здесь носит опосредованный, сложный, межпредметный характер.

Тезис третий: интересен вопрос о наличии и соотношении различных логик, о возможности чего неоднократно заявляли и многие выдающиеся умы. И, понятное дело, о влиянии уже этих логик на процесс идеологического характера. Скажем, Льюис Кэрролл, автор «Алисы в стране чудес» и одновременно крупный логик и математик, выстраивал силлогизмы, которые, согласно действующим правилам, не могли быть признаны истинными. Мы уже приводили в ряде статей пример, когда из двух отрицательных посылок не следует вывод, а Кэрролл его формулировал. Так, например, формулируются посылки: «Ни один честный человек не мошенник» и «Ни один нечестный человек не заслуживает доверия». Аристотелевская традиция утверждает, что вывод здесь невозможен, поскольку обе посылки отрицательные. А Кэрролл приводит свой вариант: «Ни один мошенник не заслуживает доверия». Мало того, он подчеркивает, что надо спокойно относиться к такой формальной разноголосице, т.к. все мыслимые формы силлогизма подвести под правила невозможно [2, с. 29].

Из этого же смыслового ряда умозаключение такого рода: «Тем, кто лыс, расческа не нужна // Ни одна ящерица не имеет волос // Ящерице не нужна расческа». К слову, студенты на семинарских занятиях по логике достаточно легко находят вывод

из «неверных» посылок и убеждены в их истинности. Но здесь возникает непростой вопрос о тех альтернативах, которые открываются перед исследователем (теоретиком, политиком) в случае обращения к формально-логическому инструментарию. Следует заметить, что здесь помощь может оказать операция, которая связана с различными модификациями силлогистического и иного порядка. Так, например, мы можем сформулировать тезис: «Д. Трамп стремится к однополярному миру», и опереться на умозаключение: «Все американские президенты стремились к однополярному миру» и далее по известной схеме. Но, во-первых, все ли? Во-вторых, исторически эта цель многие века не была определяющей. Могут ли быть в этом случае иные альтернативы? Конечно. В частности, используя методологию, предложенную Л. Кэрролом, можем сформулировать такую цепочку суждений: «Ни один американский президент не щедр // Некоторые американские политики не щедры // Некоторые американские политики не президенты». Здесь несколько ошибок, начиная от нарушения принципов закона достаточно основания и заканчивая правилами вывода. Но ведь сам вывод сомнений в истинности не вызывает, и здесь нет необходимости в логике. Тогда какой смысл в этих упражнениях? Только один: демонстрация возможностей альтернативного мышления, а в ряде случаев обращение и к парадоксу как форме мышления. Мы ведь можем, например, достаточно успешно опровергнуть тезис о стремлении Д. Трампа к однополярному миру, особенно учитывая прагматизм действующего американского президента. И главным будет вопрос не о стремлении к однополярности, а о том, как соотносятся понятия «прагматизм» и «идеальные цели» в политике.

Конечно, все сказанное не следует понимать в контексте абсолютной релятивности использования логических схем. Э. Мах в свое время говорил: «Наука означает приспособление идей к фактам и фактов друг к другу». Главное здесь – понять слово «приспособление». Комментируя это высказывание, Пол Фейерабенд замечает: «Приспособление идей к фактам вовсе не означает простого повторения неизменных фактов в мышлении, это диалектический процесс, преобразующий оба элемента» [3, с. 264]. То есть, обращаясь к возможностям различных вариантов логического вывода, мы можем сказать, что в каждом конкретном случае мы исходим из диалектики, исходим как из заданности основных терминов и смысловых параметров, так и из понимания альтернативности мыслительного процесса. Стратегия мышления вообще может быть «смешанной», учитывающей самые различные параметры и компоненты. Так, например, представить себе логический компонент без компонента ментального, в целом психического, достаточно сложно, поскольку любой процесс мышления «человечен» по сути. Логика всегда «встроена» в психологическое поле исследователя, и какие бы строгие правила мышления ни были бы взяты нами на вооружение, всегда есть возможность их корректировки. Представить себе, что существуют четкие параметры отношений между субъектом и объектом, что «все» можно объяснить, используя наработанные схемы мышления, достаточно сложно. Мы будем всегда наталкиваться на некие пограничные ситуации, пограничные линии, даже использование межпредметных связей и соответствующих методик нам лишь усложнит задачу и покажет варианты развития знания, но не их «окончательного» решения. Выбор тем же Д. Трампом идеологических целей можно рассматривать и в историческом, и психологическом аспектах, и на основе фактов его биографии, и исходя из его социального опыта. Как найти нечто, объединяющее различные подходы? С помощью все той же логики, но логики, понятой достаточно широко: как высшей математики, как системы альтернативных возможностей, как единства межпредметных связей.

Следует заметить, что современная философия, как классическая, так и неклассическая, активно привлекает ресурсы логики, причем неклассики акцентируют внимание как раз на тех пунктах размышлений, которые мы выделили: неаксиоматичность и т.д. В этом аспекте язык формальной логики приемлем фактически всеми школами и направлениями. Хотя, безусловно, языки, с которыми «работают» представители различных направлений, – это во многом разные языки. Что же касается идеологии, то внимание к ней определяется тем значением, которое она имеет сегодня. И даже если мы достаточно снисходительно относимся к ее постулатам и принципам, мы вновь и вновь интерпретируем различные положения: путь познания и обоснования тех или иных положений поистине бесконечен.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лепешко, Б. М. «Антилогика»: истоки и сущность / Б. М. Лепешко, А. Б. Лепешко // Социал.-полит. науки. – 2017. – № 3. – С. 31–35.
2. Кэрролл, Л. Логическая игра // Л. Кэрролл. – М. : Наука, 1991. – 192 с.
3. Фейерабенд, П. Прощай, разум! // П. Фейерабенд. – М. : Астрель, 2010. – 477 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.09.2018

Lepeshko B.M. Reflecting on Ideology: a Formal Logical Analysis

Heuristic possibilities of formal logic in reference to the study of the phenomenon of ideology are considered in the article. Three theses are formulated and argued: the need to consider logic in a broader context, as a kind of higher mathematics of cognition; the opposition of the axiomatic logic in the understanding of the ideological process; the study of the possibilities of alternative logic systems.

УДК 930.1

Т.И. Врублевская-Токер

канд. филос. наук, доц. каф. философии культуры
Белорусского государственного университета
e-mail: tokerti@bsu.by

МЕСТО МОРАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИК В ПОНЯТИЙНОМ ПОЛЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

Рассматривается понятие исторической культуры и проблема памяти в структуре знаний о прошлом. Предпринимается попытка проследить становление и взаимосвязь терминов, обозначающих разные виды надындивидуальной памяти, а также выявить при этом особое место и роль моральной составляющей коммеморативных практик как смыслообразующего механизма разных видов деятельности, связанных с «местами памяти».

«Вы журналист?» – «Нет, я историк,
но современность вызывает мой живой интерес».
«Покровские ворота».

Введение

Историческая культура – предмет, сравнительно недавно вошедший в число исследовательских интересов разных общественных наук. Идея исторической культуры возникает там и тогда, где и когда заходит разговор о формах присутствия прошлого в настоящем, о памяти, об историческом сознании. Множество проблем, связанных с исторической культурой, разрабатывается в рамках memory studies, где актуализируются «альтернативные способы представления знаний» [1, с. 198] (историческое сознание, историческая память, коллективная память, социальная память, культурная память, коммеморации и коммеморативные практики и др.). Эти понятия образуют понятийное поле исторической культуры.

Цель статьи – определить место моральной составляющей коммеморативных практик в понятийном поле исторической культуры. В числе задач – установить, какие понятия непосредственно связаны с моральной составляющей коммеморативных практик, а также выявить, исходя из сущности связанных категорий, особенности содержания данной моральной составляющей.

Историческая культура – понятие, отражающее различные формы отношения человеческих групп к прошлому, в том числе и к тому прошлому, которое они признают своим собственным. Историческая культура – часть культуры, которая связана со временем как сущностным элементом человеческой жизни. Изучение исторической культуры предполагает анализ способов социального производства исторического опыта и форм его манифестации в жизни сообществ [2, с. 169].

Формирование проблемного поля исторической культуры и самого данного понятия начинается с кризиса внутри исторической науки, когда подвергаются критике складывавшийся веками образ публичной истории и понятие наследия. Французский историк Пьер Нора, один из основоположников идеи памяти как интегрированного элемента истории, причисляет историю к основаниям национальной идентичности наряду

*Статья выполнена при поддержке гранта БРФФИ-РФФИ Г18Р-003

с идеологией и народной культурой. В частности, он говорит о «неразрывной связи, которая во Франции соединяет практику исторического исследования с развитием национального сознания и с самой идеей национального... В Германии, например, носителями национальной идеи являются в основном философы. В Центральной и Восточной Европе гарантом и зародышем ее развития был национальный фольклор» [3, с. 5]. История и национальное самосознание оказываются в прямой зависимости: нарушение целостности нации приводит к кризису истории или, как минимум, к недоверию к ней. И наоборот, «разрывы» в истории оборачиваются проблематизацией как понятия нации, так и растерянностью в том, каково теперь содержание национальной идентичности. Вообще идея разрыва, прерывания, качественного перехода часто становится одной из ключевых в объяснении того, как происходит эволюция знаний о прошлом. «Революция вызвала два немедленных следствия: разрыв во временной непрерывности нации, которая полностью откинула прошлое под общим именем Старого Порядка, и разрыв в самом принципе коллективной идентичности, внедрившей в национальное тело бациллу конфликта, раздора и даже гражданской войны. Этот двойной разрыв, разрыв памяти и самого тела нации, достаточно полно объясняет, что сразу же после Революции и Империи в эпоху романтизма в 1820–1840-е гг. ...была создана *национальная история*, также наполненная драматическими конфликтами. Принцип и динамизм ее состояли в том, чтобы выбирать из прошлого только факты, объяснявшие развитие “нации”. История превратилась в непрерывное повествование о бытии этой коллективной личности-нации, повествование, тайно исполненное священной миссии религиозного порядка, ставшее носителем универсализма благодаря Декларации о правах человека и гражданина» [3, с. 7]. Стоит заметить, что в приведенном фрагменте, кроме упоминания даты, ничто не указывает именно на французские реалии, так что вполне можно подумать, что речь идет и о другой стране, и о другом времени, которые более близки нам. Но здесь также говорится и о способе возникновения национальных исторических нарративов, которые и сегодня «доминируют в школьном обучении и определяют содержание школьных программ по истории» [4, с. 15]. Подобную репрезентацию прошлого П. Нора называет «практически мифологической», которая, «тысячи раз повторенная, отвергнутая, опротестованная, но в основном воспринятая, была мощным создателем нашей коллективной памяти и нашего способа совместного бытия. Отсюда и происходит выражение... “история-память”» [3, с. 8].

При столкновении с подобным нарративом, излагающим прошлое, возникает ряд проблем и вопросов, некоторыми из которых задаются даже школьники при подготовке к уроку истории. Во-первых, разные нарративы задают разную картину прошлого и предлагают разные ответы на вопрос о содержании национальной идентичности. П. Нора приводит пример, согласно которому идеи Ш. де Голля, а также идеи коммунистов создавали «свою форму исторической памяти и собственную инкарнацию национальной идентичности: коммунизм, как и голлизм, казалось бы, мог легитимно воплотить и представлять все истины Франции» [3, с. 11]. Во-вторых, любой тип исторического знания неизбежно связан с конструированием прошлой социальной реальности, а в виде нарратива оно претендует на то, чтобы, по выражению П. Нора, «распоряжаться национальной памятью», указывая, что следует чтить, что предать забвению, а что считать незначительным фактом для содержания национальной идентичности и национальной идеи. В-третьих, создание единой национальной истории сближает ее с социальными науками: последовательное системное изложение требует объяснения того, как сосуществовали и как были связаны между собой различные фрагменты прошлой

жизни (экономика, политика, демография, образование, культура и т.д.). При этом увеличивается «разрыв между опытом интеллектуальным и опытом пережитым» [3, с. 12], а, значит, официальная версия событий не всегда согласуется с памятью людей о них, а иногда они прямо противоречат друг другу (например, можно упомянуть хотя бы то, как отличается образ партизан в учебниках по истории и в рассказах людей, переживших немецкую оккупацию). В-четвертых, история, преподносимая в виде нарратива, предполагает (пусть даже условное) разделение на прошедшее и действительное: первое является ее предметом, второе нет, и тем самым под вопросом оказывается статус современности в контексте истории. Наверняка, многие школьники и сегодня задают учителю вопрос, почему новейшая история «заканчивается» XX веком, если «становится историей» то, что было буквально вчера? И почему историей называют только историю прошлого, а настоящее делают предметом чего угодно (политики, экономики, социологии, философии), но только не истории? Почему истории отказывают в праве проявлять «интерес к тому поверхностному, лишенному привлекательности и смысла слову времени, в котором мы живем» [3, с. 13]?

П. Нора описывает эту проблему так: «На самом деле с того момента, когда устанавливается четкий разрыв между настоящим и прошлым и когда история сводится к изучению прошлого, история современности становится невозможна. Только история памяти, рассмотренная как управление прошлым в настоящем, могла понять это противоречие» [3, с. 13]. О своем проекте по освоению памяти он говорит как о новом способе изучения национальной истории – истории «символического типа, которая отвечала бы лучше, чем классическая история, научным и гражданским потребностям нашего времени» [3, с. 12]. Иными словами, французская традиция в исторической науке «не только отделила историческую память от историописания, но и провела более тонкую грань между непосредственной (устной или живой) традицией памяти, ее бытованием в повседневной жизни и институционализированной и коллективно освоенной исторической традицией, которая воплощается в топонимике, памятных местах, календаре, искусстве» [4, с.10]. П. Нора был одним из тех, кто обратил внимание на особую роль памяти в создании картины прошлого, на то, что в рамках исторической культуры происходит «метаморфоза национальной истории в национальную память... и метаморфоза “истории современности” в “историзированное настоящее”» [3, с. 13–14].

Тем не менее не Пьер Нора является автором термина «историческая культура». Явление, объединяющее разные образы прошлого, общезначимые и индивидуальные, а также все материальное или духовное, что может свидетельствовать о тех или иных событиях, под именем «историческая культура» («Geschichtskultur», «historical culture») описывается и определяется в трудах Б. Гене, Й. Рюзена, П. Фаулера, Д. Вульфа и др. [5, с. 13–15]. Кроме того, концепция исторической культуры дополняется и понятием исторического сознания [6].

Как видим, в понятийном поле исторической культуры сосуществует несколько понятий, описывающих разные формы и способы представления прошлого. Прежде всего речь идет о памяти. Некоторые исследователи рассматривают понятия «историческая память», «коллективная память», «социальная память», «культурная память» как синонимы, полагая, что различия между ними сводятся к описанию разных сторон одного и того же процесса воспроизводства прошлого в настоящем: «Коллективная память предстала как социальный конструкт, как результат целенаправленных усилий и как представление о прошлом на групповом уровне. Это есть живой процесс постоянного запоминания и забывания, но некоторые константы исторической (коллективной) памя-

ти становятся ценностно значимыми для общества и входят в качестве важнейших составляющих в идентичность его членов» [4, с. 10]. Понятия социальной и коллективной памяти также рассматриваются как взаимозаменяемые: «Введение в научный оборот и начало изучения понятия “социальная память” относят к 1920-м годам и связывают с именем М. Хальбвакса... Согласно М. Хальбваксу, коллективная память существует в определенных рамках, при помощи которых она организует и констатирует повседневный опыт» [7, с. 395]. Другие авторы последовательно разграничивают эти понятия, представляя категориальную сеть исторической культуры [8]. Существует и третья, критическая, позиция, согласно которой термин «память», характеризующий индивидуальную психику, следует распространять на отношение групп и целых наций к прошлому, как минимум, с большой осмотрительностью [9; 10]. Сторонники этой точки зрения полагают, что термин «историческая память» может применяться только к тем духовным и материальным объектам, в которых зафиксировано и воспроизводится прошлое данного сообщества: «Конечно, и в современном обществе можно обнаружить следы архаичных способов сохранения и воспроизводства общественно значимого знания о прошлом, к каковым относятся многие праздники, ритуалы, символика. И тогда применение понятия “историческая память” именно к этой четко очерченной области представляется вполне оправданным» [9, с. 409].

С этим определением согласуется еще одно, хоть и в более широком смысле, но помещающее историческую память в публичное пространство знаний о прошлом. «Под исторической памятью... понимается система общепринятых представлений о прошлом страны, нации, ходе их развития, которые транслируются, обсуждаются в публичном пространстве. Роль и значение исторической памяти обусловлены тем, что она способствует формированию идентичности (тем самым способствуя культурогенезу), осознанию общих проблем, целей, консолидации и мобилизации представителей различных поколений на достижение этих целей» [11, с. 10].

Из приведенных определений можно понять, что историческая память обычно рассматривается как своего рода информационная система, которая складывается в результате накопления сообществом представлений о прошлом, благодаря чему сообщество видит себя как целостный субъект, который некогда возник, существует теперь и также имеет все шансы не распасться в будущем, а каждый член этого сообщества может рассказать о себе что-то, что не имеет отношения к его личной истории, но показывает, кем он является.

Именно в смысле «памяти социума» рассматривает историческую память Морис Хальбвакс [12]. Он разделяет память на память в прямом смысле (память человека) и память в переносном смысле (надличностные структуры, накапливающие, сохраняющие и передающие знания о прошлом). Он также упоминает о том, что термин «историческая память» дает возможность объединять два противоположных видения истории (в виде личных воспоминаний и в виде общезначимой картины прошлого), и поэтому он вообще подобран не очень удачно [12]. Хальбвакс предлагает эти два подхода к прошлому называть индивидуальной и коллективной памятью соответственно. Подобно тому, как индивидуальная память есть у каждого человека, так и коллективная память есть у любой группы внутри социума, и многообразная коллективная память народа становится многослойным пестрым ковром, объединяющим разнообразные групповые представления о прошлом. Эта модель подтверждает свою актуальность, например, в периоды кризиса единой коллективной идентичности (так, на определенном эта-

пе многие перестали говорить о себе «мы советские люди» и как-то незаметно перешли к самоопределениям «мы белорусы», «мы русские», «мы православные» и т.д.).

Изучение работы «Коллективная и историческая память» позволяет также провести границу между двумя типами коллективной памяти – социальной и культурной. М. Хальбвакс пишет: «Будучи прочитанными в книгах, изучаемыми и заучиваемыми в школах, события прошлого отбираются, сопоставляются и классифицируются, исходя из потребностей или правил, которые не были актуальными для тех кругов, которые долгое время хранили живую память о них. Дело в том, что история обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память» [12]. Социальная память представляет собой «живую» память свидетелей, участников или просто тех, кому пришлось жить во время некоторых событий. Она предполагает, что ее носители определяют свое место и роль в этих воспроизводимых событиях. В свою очередь, культурная память принадлежит тем, кто этих событий уже не застал. Можно предположить, что она будет отличаться оторванностью от воспроизводимых событий, а потому и большей стереотипностью, будет больше (если не целиком) наполнена символами и мифами о прошлом. «Когда память о некоей череде событий перестает поддерживаться какой-либо группой, которая в них участвовала или испытала на себе их последствия, которая была их свидетелем или услышала живой рассказ о них от первых участников или наблюдателей, когда эта память расплывается по нескольким индивидуальным сознаниям, затерянным в новых обществах, которые уже не интересуются этими событиями, потому что они для них определенно являются внешними, тогда спасти эти воспоминания можно, только письменно зафиксировав их в форме связного рассказа, ведь слова и мысли умирают, а тексты остаются» [12]. Как видим, культурная память – это представления о прошлом, взятом в «абсолютном измерении», ее воплощением становятся духовные (традиции, символы, ритуалы, культурные коды, устоявшиеся практики) и материальные (вещи, предметы, строения, места исторического значения) объекты. Различия между социальной и культурной памятью можно остро почувствовать, например, тогда, когда современные попытки молодых сделать что-то «по-советски» вызывают у тех, кто родился и жил в советское время либо снисходительную улыбку, либо раздражение от исковерканной исторической правды.

Еще одно уточнение статуса социальной и культурной памяти можно почерпнуть из рассказа Пьер Нора о том, как известная книга, ставшая своего рода символом, выражающим устремления, чаяния и ценности одного поколения, постепенно «становится редкостью, сокровищем чердака или документом для историков. Книга покидает коллективную память, чтобы войти в память историческую, а затем и в память педагогическую» [3, с. 43]. П. Нора в объяснении перипетий истории и памяти активно использует не только метафору разрыва, но и метафору статуарного, застывшего и естественного, живого. Он относит историю к статуарному (единому, законченному, неживому), а память – к естественному (многообразному, изменчивому, живому). Поэтому можно сказать, что коллективная память соединяется в его теории с живой социальной памятью «свидетелей века», а историческая – с культурной памятью потомков, наполненной чем угодно, но только не воспоминаниями о непосредственно пережитом. Ввиду этого уточнения оправданным становится употребление двух терминов: «коллективная социальная память» и «историческая культурная память» в различных вариациях данных признаков памяти (коллективная, или социальная память, культурно-историческая память и т.д.).

К какому же из этих типов памяти, существующих в рамках исторической культуры, следует отнести коммеморативные практики? П. Нора утверждает: «Места памяти (*lieux de mémoire*) существуют потому, что больше нет памяти социальных групп (*milieux de mémoire*)» [3, с. 17]. «*Milieu de mémoire*» в буквальном переводе означает «среда, в которой существует память», и, будучи противопоставленной «месту памяти», вновь поддерживает метафору естественного и статуарного. «Места памяти», а также связанные с ними многообразные коммеморативные практики относятся, таким образом, к области культурной, или культурно-исторической памяти, и на них распространяются все ее признаки (временная и содержательная оторванность от почитаемого события, наполненность мифами, символами и стереотипами и т.д.).

Культурная память складывается из различных форм символической репрезентации прошлого. Исследователи подразделяют их на три группы. Первую составляют те из них, которые связаны с идеями (фольклор, искусство, образование, гуманитарные науки, медиа, практики нарративной интерпретации прошлого). Ко второй принадлежат формы такой репрезентации, связанные с вещами и материальными носителями, которые выступают ориентирами, или маркерами, привязки идей к пространству реального опыта (музеи, монументы, мемориалы, архивы, места исторических событий, артефакты и т.д.). В третьей группе оказываются те, которые связаны с деятельностью человека (ритуалы, празднования, церемонии, другие практики презентации прошлого и сопричастности ему, или коммеморативные практики) [11, с. 11].

Культурная память формируется в ходе коммеморативных практик вокруг мест, объектов и вещей, имеющих отношение к каким-либо прошлым событиям, важным для данного сообщества, и осмысливается, развивается, упорядочивается на уровне тех форм символической репрезентации прошлого, которые связаны с идеями. П. Нора наделяет «места памяти» тремя смыслами: материальным, символическим и функциональным [2, с. 40]. Объект, чтобы стать «местом памяти», должен обрести для сообщества особое символическое значение. Этот механизм исследователи описывают по аналогии с искусством запоминания, которым в древности пользовались греческие и римские ораторы. «Для риториков античной Греции и Рима это искусство было мнемонической техникой. Их метод воспоминания основывался на принципе замещения... Идеи, которые им хотелось запомнить, они связывали с впечатляющими образами и размещали их в воображаемую систему координат, служившую им затем тропой для нарративных путешествий в прошлое» [13, с. 50]. Подобно этому в современных ритуалах, церемониях и т.д. «места памяти» используются как символы чего-то иного, отличного от их материальной сущности, «освещающая концептуальную схему запоминаемого прошлого» [13, с. 51]. Именно с этим обозначением «чего-то иного» связана моральная составляющая коммеморативных практик. В ходе процесса означивания «места памяти» наделяются высоким нравственным смыслом, связываются с героическими, патриотическими идеями, с идеей долга, борьбы за добро и правое дело, с идеями страдания, жертвы и искупления, почитания предков, с высокими нравственными образцами правильной жизни и достойной смерти. При этом реализуется и функциональный смысл «мест памяти»: идеи, привносимые моральной составляющей коммеморативных практик, «указывают на то, “что”, “как” и “зачем” мы запоминаем из нашего прошлого» [14, с. 152].

Фактически моральная составляющая коммеморативных практик формирует ценностное содержание культурной памяти и ее смысл, а также обосновывает ее существование. Она не только формирует оценочный образ прошлого, который складывается в современности у членов данного сообщества («мы потомки великих предков» или

«мы в долгу перед нашими дедами, ведь они пожертвовали собой ради нас»). Моральная составляющая коммеморативных практик формирует и содержательный образ прошлого таким, каким он переносится на современные связи внутри сообщества и за его пределы. Образ победителя существует рядом с образами врага и соратника, образ жертвы – рядом с образами палача и избавителя, образ своего – рядом с образом чужого. Эти образы часто продолжают существовать в современности, поддерживаемые как пропагандистами в политических целях, что бывает чаще, так и самим сообществом, что бывает реже («негативное видение» русского советского наследия в Латвии, советского вообще в Польше, турецкого в Греции и Армении и т.д., а на этом фоне положительное отношение к европейскому, американскому и российскому влиянию соответственно). Враги и друзья прошлого поколения через моральную составляющую коммеморативных практик транслируются следующим поколениям, с той лишь разницей что для первых их враги и друзья были предметом «живой» социальной памяти, а для вторых стали уже предметом культурной памяти, связанной не с самими прошлыми событиями, а лишь с их символическим коммеморативным воспроизведением.

Заклучение

Моральная составляющая коммеморативных практик непосредственно связана со структурами и механизмами памяти, она является смыслообразующей частью механизма превращения исторически значимых для сообщества объектов в «места памяти», а также механизма трансляции содержания исторического опыта последующим поколениям.

Понятийное поле исторической культуры включает такие понятия, как национальная история, историческое сознание, историческая память, коллективная память, социальная память, культурная память, контрпамять, педагогическая память, коммеморации и коммеморативные практики, культурно-историческая травма и т.д.

Моральная составляющая коммеморативных практик является интегрированным элементом культурной памяти, особого типа коллективной памяти (в терминах М. Хальбвакса), или «памяти социума», памяти, воспроизводящей в современности те события, современником, свидетелем или непосредственным участником которых данное сообщество или его члены в силу временной отдаленности уже не являлись. По причине этой отдаленности, а также отсутствия тех, кто мог бы передать «живые» воспоминания, в содержание моральной составляющей коммеморативных практик входят символы, идеи, образы, модели и ценности, в которых прошлые события не просто воспроизводятся, а наделяются особым смыслом, актуальным именно для современного сообщества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕАТУРЫ

1. Дахин, А. В. Коллективная память сообщества: невидимые структуры неизвестного знания / А. В. Дахин // *Метод* : Моск. ежегодник тр. из обществовед. дисциплин : сб. науч. тр. – М. : РАН, ИНИОН, 2016. – Вып. 6. – С. 198–214.
2. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. – М. : Аквилон, 2014. – 576 с.
3. Франция-память / П. Нора [и др.]. – СПб. : С.-Петербург. ун-т, 1999. – 328 с.
4. Тишков, В. А. Историческая культура и идентичность / В. А. Тишков // *Урал. ист. вестн.* – 2011. – № 2 (31). – С. 4–16.

5. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / ред. Л. П. Репина. – М. : Кругъ, 2006. – 768 с.
6. Линченко, А. А. Проблема исторического сознания в философии и теории истории Йорна Рюзена / А. А. Линченко // Изв. Саратов. ун-та. Нов. серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2013. – Т. 13. – Вып. 4. – С. 22–27.
7. Папенина, Ю. А. Теоретические основы понятия «социальная память» / Ю. А. Папенина // Вестн. СПбГУ. Сер. 12, Психология. Социология. Педагогика. – 2010. – Вып. 1. – С. 395–400.
8. Рождественская, Е. Социальная память как объект социологического изучения / Е. Рождественская, В. Семенова // INTER. – 2011. – № 6. – С. 27–48.
9. Савельева, И. М. Перекрестки памяти // И. М. Савельева // История как искусство памяти / П. Х. Хаттон. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – С. 398–421.
10. Савельева, И. М. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – Препринт WP6/2004/07. – М. : ГУ ВШЭ, 2004. – 56 с.
11. Тульчинский, Г. Л. Соотношение исторической и культурной памяти: практики забвения / Г. Л. Тульчинский // Соц.-полит. науки. – 2016. – № 4. – С. 10–13.
12. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>. – Дата доступа: 15.09.2018.
13. Хаттон, П. Х. История как искусство памяти / П. Х. Хаттон. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – 424 с.
14. Беляева, Е. В. Безопасное историческое сознание / Е. В. Беляева // Strategia supravietuirii din perspectiva bioeticii, filosofiei și medicinei / Culegere de articole științifice cu participare internațională / red. T. N. Țirdea. – Chișinău, 2015. – Vol. 21. – P. 150–154.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 26.10.2018

Vrublevskaya-Toker T.I. Place of Moral Composition of Commemorative Practices in Conceptual Field of Historical Culture

The article deals with the notion of historical culture and the problem of memory in the structure of knowledge about the past. The author aims to trace the formation and interconnection of terms that denote different types of supra-individual memory, and also to reveal a special place and role of the moral component of commemorative practices as a sense-forming mechanism of different activities related to «memory places».

УДК 172.1:141.7

Г.В. Жук

канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: 375292226562@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Статья посвящена анализу категории социальной ответственности, выясняется ее природа в процессе исторического развития, выделяется категория гражданской ответственности и раскрывается ее особенность в контексте современного гражданского общества. Отмечается, что в XXI в. требуются новые тенденции в философской концептуализации социальной ответственности, отвечающие вызовам времени.

Судьба человеческой цивилизации всегда зависела от самого человека, его мировоззрения, системы базовых ценностей и поведенческих установок. Как распорядится человек своим разумом и волей? Направит ли их на созидание и процветание мира, либо подведет этот мир к краю пропасти, утопив в море ненависти и смерти. Историк Василий Ключевский в этом вопросе был явным пессимистом, считая, что история людей ничему не учит, а лишь наказывает за ее незнание.

С человечеством опять происходит что-то неладное. Современное общество определяется как общество риска, фундаментальной неопределенности, нестабильности и непредсказуемости. Человечество вновь оказалось перед многоаспектным выбором – технологическим, политическим, образовательным, экономическим, социокультурным, ценностным, цивилизационным. Как будет проходить этот выбор, что и кто будет влиять на него? Действительно ли, как считает А. Зиновьев, с возникновением глобального миропорядка произошел перелом в самом типе эволюционного процесса: степень и масштабы сознательности исторических событий достигли такой степени, что наступило время целенаправленной, проектируемой и управляемой эволюции. Этот факт сам по себе не вызывал бы опасения, если бы не оставался открытым вопрос о целях и планах происходящих конструктивных преобразований и сдвигов. Ведь цели могут быть необязательно благородными, а под благородством и заботой о всеобщем благоденствии могут скрываться установки иного характера, например, жесткого контроля и порабощения. Удивительно, но факт, что в эпоху канувших в прошлое тоталитарных режимов и свободно циркулирующих и пересекающих любые государственные границы информационных потоков, эффект «отключения» мышления не просто продолжает работать, но и приобретает еще более глубокий и масштабный характер. Отношение большинства к государству и политической власти часто носит характер нигилистического игнорирования и политического безразличия. Люди не хотят самостоятельно разбираться в том, что происходит вокруг, и доверяют кому-то другому формировать их собственные представления, безропотно, и даже с удовольствием, потребляя информационный фастфуд. Напоминанием о неизбежных последствиях социальной апатии и равнодушия могут стать слова Мартина Нимеллера: «Когда нацисты пришли за коммунистами, я молчал, я не был коммунистом; потом они пришли за социал-демократами, и я молчал, я не был социал-демократом; потом они пришли за профсоюзными деятелями, и я молчал, я не был членом профсоюза; потом они пришли за евреями, и я снова мол-

чал, ведь я не был евреем; когда они пришли за мной, уже не было никого, кто мог бы за меня заступиться».

В контексте вышесказанного особую актуальность для общества вновь приобретают проблемы социальной, и в первую очередь гражданской ответственности, вопросы совершенствования условий и факторов, обуславливающих ее развитие.

Целью исследования является анализ социальной ответственности как философской категории, выяснение ее природы в процессе исторического развития, выделение гражданской ответственности как разновидности социальной ответственности и раскрытие ее особенностей в современном гражданском обществе.

Социальная ответственность является неотъемлемым атрибутом любого общественного организма, важнейшим элементом социальной взаимосвязи. Это сложное, многогранное, комплексное общественное явление. При этом ответственность относится к числу тех явлений, которые постоянно модифицируются и совершенствуются в контексте требований и запросов времени. Социальная ответственность осуществляет функцию регуляции поведения индивида в соответствии с требованиями социума, отражая всю сложность прямых и опосредованных общественных связей различного уровня. Говоря о социальной ответственности, следует иметь в виду две ее формы – общественную и личную. Ответственность общественная рассматривается традиционно как система социальной подотчетности, подразумевающая санкционную реакцию общества на девиантное поведение человека. Чрезвычайно важно в современных условиях не забывать об ответственности общества и государства за судьбу каждого своего гражданина, за его безопасность и социальное благополучие, за процесс его социализации и гражданского воспитания. Личная ответственность человека состоит в его ответственности перед обществом, государством, другими людьми за свои действия и поступки. Она включает через свободу выбора осознание чувства долга и активную, ответственную жизненную позицию.

Еще одной особенностью ответственности как социального явления является то, что она пронизывает все виды человеческой деятельности, являясь их качественной характеристикой. Запрос на ответственность присутствует в любой сфере социальной жизни, будь то экономика, политика, право, мораль, искусство и т.п. Ответственность является важным компонентом производства и управления, быта и досуга. Выступая регулятором общественных отношений, ответственность предполагает соблюдение и реализацию общезначимых норм, правил и принципов.

Проблеме формирования социальной ответственности уделяли внимание многие ученые. Первые попытки осмысления понятий «ответственность» и «социальная ответственность» можно обнаружить уже в философии Древнего мира. Древнекитайский мыслитель Конфуций, анализируя взаимоотношения общества и личности, рассматривал это понятие как исходное, способствующее установлению порядка. Антропоцентризм Конфуция – это актуализация проблемы человека, его нравственного и умственного развития. Философ говорит о важности выработки для общества надлежащих правил поведения и обязательности их соблюдения каждым человеком. В своих рассуждениях Конфуций приходит к выводу, что привести людей к проявлению добродетели путем принуждения невозможно. Это должно идти от сердца, должно стать убеждением, быть в ментальности человека. Конфуций верит в нравственное предназначение человека. Люди обязаны совершенствоваться и становиться как можно более развитыми, превращаясь в лучшие человеческие существа. И это единственный способ осмысленно прожить жизнь. Философу чужда идея загробной жизни с воздаянием за добрые дела

и наказанием за грехи. Совершенствоваться нужно ради самого совершенства, а не ради последующего воздаяния. Для правителей Конфуций определил четыре Дао, среди которых, как обязательное, и чувство ответственности [1].

Древнегреческое понимание ответственности в ранний период связано не с внутренней нравственной мотивацией человека, а с ее «священной санкцией», карой за ненадлежащее поведение, исходящей от олимпийских богов. Герои Гомера еще не ощущают ответственности за содеянное перед другими людьми, не мучаются внутренними переживаниями и раскаянием, их в первую очередь терзает страх перед божьим наказанием.

Иное понимание ответственности возникает в связи с формированием античной этики в древнегреческом полисе. В этот период зарождается осознание необходимости формирования ответственности как внутреннего качества индивида. Демокрит настаивает уже на том, чтобы человек оценивал свои поступки не только с точки зрения санкций и наказаний со стороны общества и богов, а с позиций собственной нравственности. У Аристотеля мы обнаруживаем тезис о том, что человек обладает свободой выбора. Проблему ответственности Аристотель рассматривает в контексте взаимоотношений личности и общества, личности и государства. Совершая тот или иной выбор, гражданин несет всю ответственность за принятые решения не только перед обществом, но и перед своей совестью. Ответственное действие является таковым, когда оно свободно, т.е. освобождено от принуждения, и намеренно, т.е. совершается человеком, осознающим свои поступки и имеющим возможность предвидеть и контролировать его результаты. Нельзя быть ответственным за то, что не подлежит моему предвидению, и за то, что наступило вопреки моим усилиям предотвратить неблагоприятный исход [2].

Таким образом, в теории ответственности личности практически сразу образовалось два подхода. Первому характерно понимание ответственности как подотчетности и обязательства в заданных неким субъектом рамках, как меры внешних порицаний и наказаний за совершенные человеком проступки. Страх перед наказанием – вот что предостерегает человека от дурных поступков. И в этом контексте он должен быть ответственным, соблюдая все нормы и правила человеческой жизнедеятельности. Другой подход акцентирует внимание на осознанном личностном понимании ответственности. Сторонники этого подхода, прежде всего представители объективного идеализма, развили понятие ответственности как чувства долга, внутреннего самоконтроля, понимания необходимости предвидеть результаты своих поступков. Ответственность определена здесь как социально-политическая ответственность разумного гражданина. Оба сформировавшихся подхода проецируют свое понимание ответственности на уже заданную общественную структуру.

Наличие и развитие этих данных прослеживается в дальнейшей исторической ретроспективе. В Средние века, когда господствовала теологическая доктрина, в определенной степени усиливаются позиции первого подхода. «С возникновением христианства акцент полностью перемещается с заботы о мире и связанных с этим обязанностей на заботу о душе и ее спасении... новозаветные послания полны призывов избегать публичности и политики, заниматься своим, сугубо частным делом, заботиться о собственной душе» [3, с. 211]. Человек должен стать добродетельным ради самой добродетели. Нравственная задача человека – бороться с грехами. Грех же – это всякое, как сознательное, так и бессознательное, отступление словом, делом и даже помыслом от заповедей Божиих. Наказание рассматривалось как искупление греха. Такие идеи мы обнаруживаем в наследии выдающихся мыслителей средневековья Августина Блаженного и Фомы Аквинского. Таким образом, ответственность в эпоху Средневековья уходит

в зону внутренних взаимоотношений человека с Богом, предполагает личную ответственность человека за содеянное зло и позволяет выработать механизм самоконтроля на основе чувства страха перед Божьим наказанием. Церковь при этом активно контролирует поведение человека, используя каноническое право [4].

Эпоха Возрождения и Нового времени вновь актуализирует проблему гражданской и правовой ответственности, которая рассматривается в контексте общественного устройства и государства. Своеобразна и интересна этическая концепция Н. Макиавелли, несмотря на кажущуюся противоречивость. Мыслитель говорит об эволюционном происхождении морали, в основе которой лежит естественное неравенство людей и их способность к сопоставлению. Мораль создается обществом. Природный закон заменяется человеческим. Мораль определяется как общее выражение ряда идеальных сил, действующих в обществе. Специфика моральных воззрений заключается в том, что они, отражая общий нравственный опыт людей и взаимный интерес общества и государства, претендуют на безусловную абсолютную ценность. Более того, не следовать морали сложно, т.к. самые глубокие и базовые моральные ценности становятся сущностью человека, критерием его принадлежности к роду человеческому. Но проблема заключается в том, что человек не идеален, его природа греховна, порочна, эгоистична. У людей есть не только общие интересы, но и свои личные. В реальной действительности ценности конкурируют между собой, часто вступая в противоречия. Требования морали и человеческого закона всегда под угрозой нарушения. Общество, по Макиавелли, является ареной борьбы страстей. Неблагоприятные с точки зрения морали страсти будут преобладать там и тогда, где хаос преобладает над гармонией, где на поддержание морали не затрачивается энергия, в том числе государственная, и где вредным страстям не противостоят усилия самих людей. Последнее как раз и предполагает наличие свободной воли, разумности, осознанности всего происходящего и принятие личностного ответственного решения. В своих рассуждениях Н. Макиавелли стоит на принципах политического реализма [5].

У Т. Гоббса, Д. Локка, Г. Гроция концепция ответственности развивается в рамках общей теории философии общественного договора и опирается на следующие базовые тезисы: естественная свобода человека, естественное равенство людей, естественная склонность человека к соперничеству, жажде славы, гордыне.

Т. Гоббс, например, рассуждая об ограничении естественных прав гражданским правом, говорит о необходимости соблюдения условий общественного договора. Одним из гарантов его соблюдения выступает боязнь человека нарушить свое слово. Но определяющим все же остается ответственность власти и государства, их авторитет и сила, ибо человек слаб и эгоистичен и может нарушать по этой причине взятые на себя обязательства. «Государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты» [6, с. 133].

Логическим продолжением концепции гражданско-правовой ответственности является учение И. Канта. В основе теории – практический разум, свободная воля и достоинство человеческой личности. Ни один человек не может принудить другого быть счастливым, каждый вправе искать своего счастья на том пути, который ему самому представляется хорошим, если только он не наносит ущерба свободе других, стремиться к свободе, совместимой по некоторому общему закону со свободой всех. И. Кант выступает против патерналистской формы организации общества и государства, ставит

общечеловеческое выше личностного эгоистического. Через утверждение принципа универсальной ответственности человека философ развивает идею взаимной ответственности государства и личности, актуализирует тему гражданского общества и гражданской ответственности личности [7].

Реалии современного мира требуют внесения корректировок в ставшие уже классическими концепции социальной ответственности. В условиях углубляющегося цивилизационного кризиса, на фоне многочисленных глобальных проблем следует актуализировать тему ответственности не только за непродуманные и неудачные действия в условиях действующей общественной структуры (которая, как выясняется, может быть далека от совершенства), а за успешное завершение необходимого позитивного действия в контексте требований и вызовов времени. Такая ответственность предполагает укрепление сознательного начала в рамках социальной жизни, преодоление отчуждения личности от социума, чувства апатии, одиночества, страха.

В современном массовом обществе велик соблазн попасть под влияние всеильного государства, растворившись в нем и на него же переложив всю ответственность. Активно происходящая сегодня атомизация и изоляция индивидов способствует выработке у них пессимистического взгляда на мир. Уход в себя и апатия, ощущение собственной беспомощности находят компенсацию в идентификации с государственной мощью. В сознании индивида часто просто не укладывается, что ему по существу принадлежит решающая роль в образовании общественных и политических движений вокруг него. Человеку очень важно осознать, что в действительности именно он (индивид) является той осью, вокруг которой вращается общество и история. Но в этом случае каждый из нас будет нести персональную ответственность за все то, что происходит.

В нынешних условиях актуальным становится функционирующее гражданское общество, в центре которого не просто совокупность негосударственных организаций, а конкретный человек с активной гражданской позицией, думающий, анализирующий, понимающий и принимающий всю долю персональной ответственности не только за то, что есть, но и за то, что будет. Гражданское общество является важнейшим показателем инициативного поведения и практического гражданского соучастия в общественных делах. Современное понятие гражданского общества передает уровень осознания гражданином общественных задач и его практической активности в деле претворения их в жизнь. Оно выражает степень зрелости общества, способность обеспечения общегражданских интересов и предполагает не только формальное участие личности в политической жизни, но и умение воздействовать на функционирование политической системы в целях достойной жизни. Гражданская ответственность, как важнейшая характеристика гражданского общества, обязывает гражданина осознавать себя субъектом исторического действия. Показатели гражданской ответственности определяются степенью и уровнем достижения позитивных результатов в общественном процессе.

Формирование такой модели гражданской ответственности предполагает воздействие внешнего фактора, например, путем воспитания или убеждения. Но это происходит лишь в том случае, когда общество в лице конкретной власти и политической системы заинтересовано в формировании ее в таком виде, а не регламентирует и фиксирует модель лишь слепого послушания и жесткого наказания в контексте установленных норм и правил. Как нам кажется, в современном обществе актуализируется проблема именно внутренней саморефлексии личности через самопознание, самоанализ, самовоспитание, самоконтроль и т.д. Пришло время человеку разбудить себя самого и понять, что в действительности каждый из нас, как пишет Юнг, «кирпичик в структуре

мировых политических организмов и причинно соучаствует в возникновении конфликтов между ними» [8, с. 258].

Чувство гражданской ответственности сопряжено с альтруистическим началом индивида: следуя интересам социума, личность осознанно идет на возможные ограничения собственных прав и свобод, не ожидая при этом поощрения, благодарности, получения каких-то преимуществ от государства, но надеясь на понимание и поддержку таких же рядовых граждан («пока мы едины – мы непобедимы», «в единстве наша сила»).

Гражданская ответственность представляет особый вид внутренней перспективной социальной ответственности, предполагающий осознанное добровольное принятие и исполнение решений в контексте прогрессивных социальных процессов.

Результаты различных социологических исследований по данной проблематике фиксируют, с одной стороны, осознание необходимости и важности формирования социальной и гражданской ответственности, а с другой – низкую степень готовности нести персональную ответственность за происходящие в мире и стране события, высокую степень готовности переложить ответственность на других субъектов, прежде всего на властные структуры. По результатам регулярно (с 2008 г.) проводимых автором социологических опросов среди студентов БрГУ имени А.С. Пушкина (выборка примерно составляет 200 человек) в рейтинге базовых ценностей продолжают быть на первых позициях здоровье, семья, любовь и дружба (данные 2018 г.), далее по степени понижения рейтинга следуют: образование, помощь людям, карьера, деньги. И на последних позициях – гражданская ответственность, власть и традиционно занимающий из года в год самую низшую ступень патриотизм. На вопрос: «Чувствуете ли Вы персональную ответственность за события, происходящие в мире и стране?» лишь 1 % респондентов дали положительный результат, 2 % затруднились с ответом, а 97 % молодых людей дали отрицательный ответ. На вопрос: «Хотите ли Вы нести персональную ответственность за происходящее в мире и стране?» ответы были следующие. Подавляющее большинство (73 %) студентов выбрали позицию «нет», 24 % – «затрудняюсь ответить» и лишь 3 % ответили «да». Среди опрошенных респондентов 83 % одобряют волонтерскую деятельность как проявление ответственной гражданской позиции, но лишь 17 % принимают лично в том или ином виде участие в студенческом волонтерском движении. При ответе на открытый вопрос о сущности гражданской ответственности большая часть студентов продемонстрировало понимание ее основных характеристик. Среди наиболее распространенных и интересных были следующие ответы: гражданская ответственность – это «ответственность за соблюдение каждым гражданином установленных в обществе норм и правил», «небезразличное отношение к стране», «ответственность за честь своей страны», «высокоразвитая позиция человека, когда он несет ответственность за нормально функционирующее общество», «следование закону, но так же способность указывать на ошибки в нем». На вопрос: «Что Вы считаете самым главным событием в истории Беларуси?» 83 % молодых людей называют: «Победа над фашистской Германией и освобождение Беларуси».

На основе полученных результатов разведывательного социологического исследования можно предположить, что гражданская ответственность не предстает в качестве смысловой квинтэссенции системы ценностей студенческой молодежи, а доминирующими являются личностные ценностные ориентации. Но при этом важно зафиксировать, что такие ценностные гражданские позиции, как помощь людям, ответственность, патриотизм не утратили своей значимости, студенты осознают и принимают их как ценность. К сожалению, инерционно-доминирующим является убеждение среди молодежи

в том, что за происходящее (в первую очередь за отрицательный результат и негативный опыт) отвечает кто-то другой. Велико стремление найти виноватого, сняв, таким образом, ответственность с себя и переложив ее на других.

Таким образом, социальная ответственность представляет собой социально-философское понятие, отражающее определенный объективно-исторический характер взаимоотношений между людьми во всех сферах их жизнедеятельности. Как сложное многогранное явление, социальная ответственность предполагает способность человека оценить свои действия и поступки с точки зрения их социальной значимости и социальных последствий. Социальная ответственность может носить либо ретроспективный характер, выступая как система социальной подотчетности или наказания за нарушения действующих норм и правил, либо будет основываться на сознательном отношении и внутренней регуляции индивида в соответствии с прогрессивными установками и требованиями времени. Каждая историческая эпоха ретранслирует свой тип взаимоотношений между личностью и обществом. Современное общество требует новые подходы и новые акценты в концептуальных теориях социальной ответственности. Особого внимания сегодня заслуживает проблема формирования гражданского общества, в центре которого личность с ярко выраженной ответственностью – созидательной гражданской позицией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конфуций об обществе и государстве как о семье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: studwood.ru/910984/filosofiya/. – Дата доступа: 25.09.2018.
2. Аристотель. Сочинения : в 4 т. – М. : Мысль, 1975–1984. – Т. 4. 1984. – 830 с.
3. Арндт, Х. Ответственность и суждение : пер. с англ. / Х. Арндт. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. – 352 с.
4. Августин, Аврелий. Исповедь. Петр Абеляр. История моих бедствий : пер. с лат. / Аврелий Августин. – М. : Республика, 1992. – 335 с.
5. Макиавелли, Н. Избранные произведения / Н. Макиавелли. – М. : Худож. лит., 1982. – С. 315.
6. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1989–1991. – Т. 2. – 1991. – 731 с.
7. Кант, И. Сочинения : в 6 т. / И. Кант. – М. : Мысль, 1963–1966. – Т. 4 : в 2 ч. – 1965. – Ч. 1. – 478 с.
8. Одайник, В. Психология политики. Политические и социальные идеи К. Г. Юнга / В. Одайник. – М. : Ювента, 1996. – 382 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 12.11.2018

Zhuck G.V. Social Responsibility as a Category of Social Philosophy

The article is devoted to the analysis of social responsibility category, its nature in the process of historical development is highlighted, the category of civil responsibility is distinguished and its peculiarity in the context of modern civil society is revealed. It is noted that new tendencies in philosophical conceptualization of social responsibility corresponding to time challenges are required in the XXI century.

УДК 35:340.12:141(430)

И.М. Паньонко¹, Е.В. Ряшко²

¹канд. юрид. наук, доц., зав. каф. гражданского права и процесса
Института права и психологии

Национального университета «Львовская политехника» (Украина)

²канд. юрид. наук, доц., доц. каф. уголовного процесса и криминалистики
Львовского государственного университета внутренних дел (Украина)

e-mail: 1panyonko@filatelist.org.ua

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО И УПРАВЛЕНИЕ В «ФИЛОСОФИИ ПРАВА» ГЕГЕЛЯ

Анализируются философско-политические и правовые идеи Г.В.Ф. Гегеля. Раскрываются его взгляды относительно сущности государства. Выделяются роль и место государственных органов в управлении социально-политическими, экономическими и правовыми процессами. Отмечается важность роли и места управленческих структур в развитии и функционировании государства и гражданского общества, защиты национальных интересов и безопасности государства.

Введение

Среди философских трудов Гегеля выдающееся место во всей истории политико-правовой мысли принадлежит «Философии права». В. Нерсесянц отмечает: «Историческая судьба этого гегелевского произведения продемонстрировала его важное значение» [1, с. 3].

Проблемы общества, государства, государственно-политического строя, государственного управления привлекали внимание немецкого мыслителя. Гегель, будучи студентом, проявляет глубокий интерес к философско-политическим и правовым идеям мыслителей античности, средневековья, нового времени и современников. В своей первой публикации Гегель подвергает острой критике государственно-политический строй, построенный на деспотизме, произволе и беззаконии. И такая морально-правовая оценка станет духовным и нравственным кредо на всю жизнь выдающегося философа.

Следует заметить, что проблемы, рассмотренные Гегелем в «Философии права» и других произведениях, не только представляют бесценную научную и духовную сокровищницу, но являются важной теоретико-методологической базой и актуальным политико-правовым источником идей для Украины, которая сегодня в условиях развития, защиты демократии, духовных ценностей ведет борьбу за свою свободу, независимость и суверенитет.

«Философия права» Гегеля была и есть в центре внимания многих ученых. Среди западных гегелеведов значительный интерес представляют труды, посвященные философско-правовым и политическим концепциям мыслителя. Среди них В. Виндельбанд, С. Гуссерль, В. Дильтей, Д. Лукач, Б. Рассел, К. Поппер, К. Фишер, М. Хайдеггер.

В 20–40 гг. XX в. философско-политические и правовые идеи Гегеля некоторыми западными учеными тенденциозно воспринимались как тоталитаристические, а мыслителя объявляли апологетом милитаризма и шовинизма. Эта тенденция прослеживалась в произведениях Я. Гоммеса, К. Поппера, Б. Рассела, Э. Топича, Н. Шитта.

В бывшем СССР отношение к Гегелю как философу зависело от идеологической и политической конъюнктуры. В советской литературе некоторые государственно-политические и правовые концепции Гегеля в трудах М. Макарова, Ф. Горохова, К. Милонова, А. Пионтковского, В. Ральцевич оценивались как авторитарные, тоталитарные

и этичные. Начиная с 60-х гг. XX в. отношение к гегелевскому наследию становится более объективным в трудах В. Асмуса, П. Галанзы, А. Гульги, А. Дворцова, Б. Кедрова, Д. Керимова, С. Кечекьяна, М. Овсянникова, Б. Маньковского, В. Нерсесянца, Т. Ойзермана, А. Пионтковского, В. Туманова, В. Шинкарука.

К сожалению, в современной отечественной научно-теоретической мысли наблюдается пассивное отношение к гегелевскому теоретико-философскому наследию, а также в публикациях, посвященных Гегелю, и тема государственного устройства и управления недостаточно освещена.

Целью исследования является теоретико-философский и правовой анализ проблемы государственного устройства и управления в «Философии права» Гегеля.

Понимание государства Гегелем

Важной составляющей всего творчества Гегеля является глубокое философское осмысление сущности государства и права, в котором анализируется его «общефилософская и мировоззренческая позиция» [1, с. 6]. Значительное влияние на становление и формирование философских и политико-правовых идей Гегеля оказали произведения Платона и Аристотеля. «Гегель, – отмечает В. Нерсесянц, – воспринимал и в дальнейшем... углубил и развил идею Платона и Аристотеля о государстве как сверхиндивидуальной целостности и моральной общности людей» [1, с. 12]. Гегель не только глубоко и творчески изучает произведения античных мыслителей, но и анализирует философские и политико-правовые труды Винкельмана, Гердера, Канта, Монтескье, Руссо, Шиллера, Якоби. В 1798 г. он пишет работу «О внутренних отношениях в Вюртемберге», в которой критикует феодальное государственное устройство Вюртемберга. Гегель выступает за введение новой конституции, признание права граждан формировать магистраты, уравнение в правах всех существующих социальных сословий. Гегель резко выступает против тех положений конституции, в «основе которых лежит несправедливость» [2, с. 49]. Мыслитель раскрывает диалектику взаимосвязи и борьбы старого и нового, приходит к выводу, что «являются слепыми те, кто считает, что можно сохранить учреждения, конституции, законы, живой дух которых исчез, и которые не отвечают больше морали, потребностям и взглядам людей» [2, с. 50].

Анализируя сущность государства, Гегель в первую очередь акцентирует свое внимание на понятии «государства» и его признаках, а также диалектике взаимосвязей государства и гражданского общества, роли и месте государственных органов в управлении социально-политическими, экономическими и правовыми процессами. «Что такое государство?» – задает он вопрос и отвечает: «Государство – единство нравственной идеи, моральный дух, как действительность самой себя, субстанциональная воля, которая мыслит и знает себя и выполняет то, что она знает» [3, с. 279]. Государство является следствием степени развития мирового духа. Вся история представляет собой царство мирового духа. По мнению философа, определение понятия «государство» означает, что в нем и в деятельности органов государственной власти реализуется ум, всеобщая воля. Таким образом, в разумном государстве между общей волей, народной идеей как «сущностью» и «явлением» достигается единство. Государство по Гегелю в своем развитии проходит свою фазу нравственности, это нравственный универсум. «Государство, как реализация и осуществление разума, отвечает разумной воле каждого индивида» [3, с. 462].

Мнение Гегеля о государственном устройстве

Гегель чрезвычайно ценил ум как высшую степень развития «мирового духа». «Ум, – подчеркивал он, – должен быть господствующим, и таким он есть в развитой стране» [3, с. 386]. «Мышление – основа права и государственного устройства вообще» [3, с. 392]. «Разумное назначение человека, – говорит Гегель, – жить в государстве, а если еще нет государства, то есть требование разума, чтобы оно было основано» [3, с. 130]. Народы без государственного устройства, по словам Гегеля, лишены собственной истории, «подобны народам, которые существовали еще до создания государства, и тем, которые и до сих пор существуют в качестве диких наций» [4, с. 368].

Гегель задается вопросом: «Что собой представляет государственное устройство?». И отвечает: «В политико-правовом устройстве государства существуют три ветви власти. Власть, которая определяет и устанавливает всеобщее, – законодательная власть... Эта власть распространяется на всех субъектов права. Исполнительная (правительственная) власть должна контролировать все социальные сферы и служить интересам общего, т.е. интересам государственного устройства и управления. Судебная власть относится к специальной сфере» [3, с. 311]. Философ убежден, что сила государства не только в ее разумности, но и в справедливости и законности, «государственное устройство должно быть в себе и для себя крепким и обладать значимостью и почвой, на которой стоит законодательная власть» [3, с. 336].

Особое значение Гегель придавал правоохранительным органам (суд, прокуратура, полиция). Он сторонник таких законов государства, которые способствуют его прогрессивному развитию. Так, анализируя результаты Великой французской революции, он указывал на то, что «французская нация не только лишилась своих устаревших учреждений, которые, как бездушные цепи, тяготели над ней, но также освободила индивида от страха и привычек повседневной жизни» [5, с. 70]. Все ветви власти, по мнению мыслителя, должны заботиться об общих интересах, т.е. интересах государства. Хотя каждая ветвь власти обладает своей особой спецификой, вместе с тем они должны быть единым целым, если одна из властей будет вести борьбу с другими властями с целью подчинения своим интересам – это приведет к «расшатыванию» целого, и, как конечный результат, уничтожения всего государства. Так, «в период французской революции то законодательная власть поглощала так называемую исполнительную власть, то исполнительная – законодательную власть, и бессмысленно предъявлять здесь моральное требование гармонии» [3, с. 311].

Государственное устройство – это сложный диалектический процесс, зависящий от характера развитости самосознания определенного народа, и в этом «заключается его субъективная свобода, а соответственно, и действительность государственного устройства» [3, с. 315]. «Каждый народ имеет то государственное устройство, которое ему соответствует и подходит» [3, с. 315]. В подтверждении этого тезиса Гегель приводит следующий пример: «Наполеон стремился дать испанцам определенное государственное устройство, что достаточно плохо удалось. Поскольку государственное устройство не является неким творением: оно представляет собой работу многих веков, идею и сознание разумного в той мере, в какой они развиты в данном народе. Поэтому государственное устройство никогда не создается отдельными субъектами. То, что Наполеон дал испанцам, было умнее того, чем они владели раньше, и все же они восприняли это как что-то им чуждое, потому, что они еще не достигли необходимого уровня для этого развития. Народ должен чувствовать, что его государственное устройство соот-

ветствует его праву и его состоянию, в противном случае, оно может, правда, быть внешне имеющимся, но не будет иметь ни значения, ни ценности» [3, с. 315].

Гегель весьма критически оценивает государственное устройство и управление в феодальных монархиях. Он указывает, что в них превалировали единичные, отдельные интересы над общими, т.е. интересами народа. В таких государствах целая масса простого народа лишалась прав и свобод. Деспотизм, произвол, открытое беззаконие господствовали «вместо закона» [3, с. 318].

Много внимания уделяет Гегель осмыслению роли и места совершенной формы государственного правления. Мыслитель убежден, что таковой является конституционная монархия. «Понятие монарха самое сложное понятие для толкования и рассуждения» [3, с. 320]. Существует мнение, что «право монарха основано на божественном авторитете... и задача философского анализа заключается в том, чтобы достичь в понятиях это божественное» [3, с. 320]. «Народ, взятый без своего монарха, и необходимо, и непосредственно связанного с ним... есть бесформенная масса, которая уже не является государством и не обладает суверенитетом, правительством, судами» [3, с. 321]. Гегель придерживается той точки зрения, что монарх несет большую ответственность, и его решения являются обязательными для всех членов общества. «Мы не хотим сказать, – пишет Гегель, – о том, что монарху разрешено действовать своевольно, самостоятельно, наоборот, он связанный конкретным содержанием совещаний, и если конституция действует, то ему часто остается только поставить первым свое имя, но это имя (подпись) важно; это – величина, за пределы которой невозможно выйти. Монарх должен быть достойным своего высокого положения» [3, с. 322–323].

Рассматривая роль и место монарха в государстве, Гегель убежден: «Если против власти монарха часто возражают, что из-за него ход государственных дел зависит от случайности, т.к. монарх может быть недостаточно образованным и может оказаться недостойным стоять во главе государства, и что существование такого состояния в качестве разумного нелепо, то неправильна... сама предпосылка, что якобы в данном случае имеет значение особенность характера. При совершенной организации государства все дело только в наличии вершины формального решения; монарх должен быть только человеком, который говорит “да” и ставит точку над “і”, так вершина должна быть такой, чтобы особенность характера не имела значения. Все то, что присуще монарху, кроме этого иного решения, является нечто таким, чему не следует придавать значения. Может быть... такое положение государства, при котором выступают только те случайные особенности, но это не означает, что государство еще не вполне развито. В благоустроенной монархии объективная сторона принадлежит только закону, к которому монарху следует добавить только субъективное “я хочу”» [3, с. 324]. Гегель – сторонник единства государства, основой которого является величество монарха, что делает невозможным «борьбу за трон, ослабление и разрушение государственной власти» [3, с. 325]. Размышляя над проблемами монархического правления в государстве, Гегель придерживается точки зрения, что благодаря существующему порядку престолонаследования, предотвращается посягательство различных политических сил на престол. Гегель противник выборности монарха. «Выборность монарха легко может показаться наиболее естественным представлением, поскольку она ближе всего является поверхностным мышлением; выборная монархия представляется едва ли не худшим из институтов. Государственное устройство превращается в избирательной монархии в избирательную капитуляцию, в институт на милость собственной воли, что ведет к превращению государственных властей в частную собственность, к ослаблению госу-

дарства, потере ею суверенитета и ее внутреннему распаду и внешнему разрушению» [3, с. 326]. Если люди, отмечает мыслитель, разрешают монарху править и подчиняются ему вопреки своим интересам, целям, намерениям, то это вызвано объективной необходимостью существования государства.

Особенностью деятельности монарха является решение государственных дел, возникающих в силу объективных потребностей, которые рассматриваются высшими законодательными органами. По мнению Гегеля, монарх несет ответственность за действия своего правительства. «Монарх, – говорит Гегель, – занимается делами общегосударственного значения, особенно касающимися внешних отношений с другими государствами, он является центром государственной власти. Законодательная власть также принадлежит ему» [6, с. 132]. Монарх выражает волю и интерес всеобщего, т.е. общества и государства, а в субъективном отношении значительное место занимает его совесть в решении проблем государственного устройства и принятия необходимых законов. Гегель значительное внимание в своем произведении уделяет проблеме сущности монархического государственного устройства, роли и места власти монарха, взаимосвязи и взаимоотношений с государственными и общественными органами. Он склоняется к мысли о «превращении монархического строя в наследственную монархию с установлением престолонаследия по первородству» [3, с. 328]. Монархия, по мнению философа (он подразумевает Прусскую монархию), превращается или появляется в «качестве абсолютной вершины органично развитого государства» [3, с. 328]. Мыслитель указывает на то, что феодальные монархии с деспотической формой правления были причиной внутренних конфликтов, мятежей, насильственных действий со стороны правителей, что иногда приводило к гибели правящих династий [3, с. 328–329].

Роль и место личности в обществе и государстве в понимании Гегеля

Существенную роль в функционировании государства играет институт управления (исполнительная власть). Содержанием деятельности руководителей всех государственных структур Гегель считал их субъективную честность и преданность делу, законность и справедливость, а это требует «накопления опыта, мудрого знания, что является гарантией справедливости» [4, с. 375].

Философа чрезвычайно интересовала проблема роли и места личности в обществе и государстве. Для выполнения важных функций государственного управления, личность должна обладать, в первую очередь, знаниями, быть профессионально способной выполнять те или иные функции в государстве. Гегель выступает за то, чтобы государство создавало такие условия, «которые гарантируют каждому гражданину возможность посвятить себя его интересам». Он считает, что должна существовать здоровая конкуренция между индивидами, которые должны заниматься общественными делами. Только самые достойные должны быть назначены на государственную должность, и эта компетенция «принадлежит государю» [3, с. 333]. Государственные служащие (чиновники) – это, как правило, лица, обладающие определенными знаниями, культурой, развитым интеллектом и правом, они являются «главной опорой государства» [3, с. 336].

«Государственная служба, – пишет Гегель, – требует жертвенности самостоятельным и случайным удовлетворениям субъективных целей, и поэтому дает право находить такое удовольствие в исполнении служебного долга. В этом заключается связь между всеобщим и отдельным интересом, который составляет понятие и внутреннюю прочность государства» [3, с. 334]. Гегель выдвигает высокие требования к выполнению каждым служащим (работником) своих служебно-профессиональных обязаннос-

тей. Он говорит о том, что «нарушение права в результате невыполнения обязанностей... (действия, несовместимые со службой) является нанесение вреда... это проступок или даже преступление [3, с. 334]. Проблему злоупотребления властью Гегель тоже не оставил без внимания. По мнению мыслителя, «злоупотребление властью, ведомствами и чиновниками», что ведет к произволу, можно избежать при условии контроля за их деятельностью, в том числе «не только сверху, но и снизу» [3, с. 334–335].

Гегель формулирует чрезвычайно прогрессивную для своего времени идею о том, что все члены государства имеют право своими знаниями и волей влиять на деятельность правительства и парламента. Гегель отвергает популистские лозунги, что буквально все члены государства могут принимать участие в государственных делах, и все эти дела хорошо понимают [3, с. 347]. «По своей природе, – говорил Гегель, – люди не равны, как в отношении физических сил, так и духовных способностей» [7, с. 50]. Он был глубоко убежден, что в развитии государства, его устройстве и управлении важную роль играет интеллектуальный потенциал. Социальные группы и сословия, которые оказывают значительное влияние на развитие и функционирование государства, по Гегелю, это – военные, юристы, врачи, духовенство, ученые. Этому слою присуща образованность, то в его ведении находится право в государстве, целостность государства, законы, наука, искусство и т.д.

Философ постоянно акцентирует внимание на проблеме прав и свобод человека и гражданина. Гегель глубоко убежден в том, что не только различные общественные организации (корпорации), социальные сословия, но и каждый гражданин государства должны быть подчинены «высшим интересам государства» [3, с. 330]. «С одной стороны, государство предоставляет отдельному индивиду права и свободы, а с другой – возвращает его в свое лоно, и таким образом сохраняет его» [8, с. 286].

Критики Гегеля обвиняли философа в том, что он возносит государство над личностью (индивидом) и тем самым ограничивает ее права и свободы, провозглашая идеи насилия государства над индивидом, что в конечном итоге приводит к тоталитаризму. Более того, некоторые критики объявили Гегеля не только теоретиком тоталитаризма, но и апологетом войны. Однако Гегель никогда не выступал в роли идеолога тоталитаризма и войны, а, наоборот, в тоталитаризме видел ограничения прав и свобод как отдельного индивида, так и независимости и самостоятельности гражданского общества, которое в условиях тоталитаризма полностью политизировано и лишается самостоятельности, поглощается тоталитарной системой. Напротив, Гегель резко критикует насилие и произвол как форму несвободы и несправедливости, что является неразумным и аморальным. Преподнося государство как идею, как царство мирового духа, как божественное творение и как всеобщий разум, мораль и свободу, Гегель, как великий диалектик, видит в ней существующие противоречия. «Государство, – отмечает он, – не является произведением искусства, оно находится в обществе, тем самым в сфере произвола, случайности и ошибок, глупое поведение может внести искажения во множество его сторон» [3, с. 285]. Это положение Гегеля имеет важное методологическое значение для современной теории и практики развития украинского государства.

Не обошел Гегель и такую важную составляющую государства и государственного устройства, как роль и место депутатского корпуса. Мыслитель считает, что депутаты «избираются с тем, чтобы обсуждать и решать различные дела» [3, с. 347]. Избиратели считают, что депутаты обладающие знаниями и опытом в решении государственных проблем, должны заботиться, в первую очередь, об общих интересах государства [3, с. 348]. Очень интересную мысль он высказывает о профессиональных и мораль-

ных качествах депутата: «Если такому человеку предоставляется доверие, то мы должны быть уверены в его готовности заниматься с чистой совестью моими делами, как своими, прилагая к этому все свои знания» [3, с. 348].

Гегель очень тщательно и ответственно анализировал политико-государственную деятельность, особенно талантливых государственных деятелей. Так, характеризуя герцога Веллингтона, замечает, что он не пользуется репутацией оратора, и его выступления в парламенте далеки от той многочасовой хвастливой болтовни, с помощью которой столько членов парламента достигло признания, как красноречивые ораторы» [9, с. 405]. Мыслитель одобрительно относится к государственно-политической деятельности Веллингтона, видя в ней умение анализировать основные проблемы и принимать весомые решения. «В английском парламенте с «массой способных к государственному управлению... есть целый ряд талантливых депутатов, которые отдают все свои силы политической деятельности в интересах государства» [9, с. 405]. Они должны принимать активное участие в работе (парламента, сборов и т.д.). Гегель считал, что «депутатам должны быть известны специальные потребности избирателей, их проблемы и особые интересы, которые должны быть реализованы в их политико-правовой деятельности» [3, с. 349]. Если не удовлетворяются интересы избирателей, то выборы становятся практически излишеством, потому сводятся к игре и произволу» [3, с. 349].

Гегель приходит к выводу, что значимым является то, когда наиболее важные области жизни – экономику, торговлю и т.д. – представляли депутаты, которые «хорошо осведомлены» в этих сферах. Депутаты, считает мыслитель, должны сосредоточить свою деятельность на анализе и решении проблемы всеобщего государственного масштаба, не забывая и о проблемах отдельных индивидов, членов общества, которые готовы с чистой совестью заниматься делами избирателей как своими [3, с. 248].

Интересный тезис формулирует Гегель о влиянии публичных собраний в воспитании граждан. Хотя он не употребляет терминов «правовое сознание» и «правовая культура» в современном понимании, но оценивает их роль, потому что «народ лучше всего учится понимать, в чем заключаются его истинные интересы» [3, с. 351]. Народ, у которого есть права и свободы, более заинтересован в деятельности государства, чем тот, у которого прав и свобод не существует [3, с. 352].

Гегель не только сторонник публичных мероприятий, где решаются важные государственные и общественные проблемы, он призывает граждан принимать в них активное участие, поскольку они выступают важным фактором формирования общественного мнения. Анализируя диалектику всеобщего, особенного и единичного, философ убежден в том, что только их диалектическое единство и гармоничное взаимодействие будет способствовать прогрессивному развитию государства, а также обеспечению прав и свобод граждан.

Заключение

Гегель глубоко и всесторонне в «Философии права» и других произведениях раскрывает диалектику взаимосвязи всех ветвей власти и государственного управления. Немецкий мыслитель большое значение придавал философскому осмыслению сущности государства, его месту и роли в развитии и функционировании общества. Анализируя историю развития мирового духа, Гегель приходит к выводу: он воплощается в государстве. Образцом такого государства мыслитель считал конституционную монархию. Рассматривая диалектику взаимосвязей государства и человека, Гегель убежден, что только умное демократическое государство защищает права и свободы гражданина.

Характеризуя все ветви власти в политико-государственном строительстве, мыслитель отмечает, что их гармоничная взаимосвязь является гарантией прогрессивного развития общества и государства. В государственном управлении существенную роль играет первое лицо государства – монарх, а также управленческий аппарат, правоохранительные органы. Гегель убежден, что в цивилизованной, демократической стране важное место занимает парламент, депутаты которого должны решать важные жизненные проблемы граждан.

Большое значение в государстве и в государственном управлении мыслитель придавал личности – таланту, уму, высоким духовным и моральным качествам. Проблемы государств, государственного устройства и управления, которые анализировал Гегель, и сегодня актуальны и не потеряли теоретико-методологической роли и социального значения. С именем Гегеля связано более глубокое, чем у его предшественников, толкование таких категорий, как государство, право, законность, государственная власть и управление, депутатская деятельность, гражданское общество. Научная разработка данных категорий представляет весомый вклад в современную политику государственного строительства Украины.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нерсесянц, В. С. Политическая философия Гегеля: становление и развитие / В. С. Нерсесянц // Гегель, Г. В. Ф. Политические произведения / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Наука, 1978. – С. 6–48.
2. Гегель, Г. В. Ф. О внутренних отношениях в Вюртемберге новых времен, прежде всего о недостатках конституции, касающихся управления магистратов 1798 / Г. В. Ф. Гегель // Политические произведения / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Наука, 1978. – С. 49–53.
3. Гегель, Г. В. Ф. Философия права : пер.с нем / Г. В. Ф. Гегель / ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
4. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Философия духа / Г. В. Ф. Гегель / отв. ред. Е. П. Ситковский ; редкол.: Б. М. Кедров [и др.]. – М. : Мысль, 1977. – 471 с.
5. Гулыга, А. В. Гегель / А. В. Гулыга. – М. : Молодая гвардия, 1970. – 272 с.
6. Гегель, Г. В. Ф. Конституция Германии / Г. В. Ф. Гегель // Политические произведения / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Наука, 1978. – С. 65–184.
7. Гегель. Философская пропедевтика / Гегель // Работы разных лет : в 2 т. / Гегель ; сост., общ. ред. А. В. Гулыги. – М. : Мысль, 1971. – Т. 2. – 630 с.
8. Философия права Гегеля и современность : коллектив. монография / В. Вайхельт [и др.] ; отв. ред. Д. А. Керимов. – М. : Наука, 1977. – 151 с.
9. Гегель, Г. В. Ф. Антиполитический билль о реформе 1831 г. / Г. В. Ф. Гегель // Политические произведения / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Наука, 1978. – С. 373–413.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 16.10.2017

Panyonko I.M., Ryashko V.I. State Device and Management in the «Philosophy of the Right» of Hegel

The article analyzes the philosophical, political and legal ideas of the great German thinker G.F.F. Hegel. His views about the essence of the state are revealed. The role and place of state bodies in the management of sociopolitical, economic and legal processes are highlighted. The importance of the role and place of management structures in the development and functioning of the state and civil society, the protection of national interests and the security of the state are noted.

УДК 678.98

М.В. Стрелец

д-р ист. наук, проф., проф. каф. гуманітарных наук
Брестскаго дасударственаго тэхніческаго ўніверсітэта
e-mail: mstrelez@mail.ru

ТЕОРЕТИК ГОСПОДСТВА ТРУДА. НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАСЛЕДИИ КАРЛА МАРКСА

Предпринята попытка с современных позиций осмыслить теоретическое наследие Карла Маркса. Показано, что в своей исследовательской деятельности Маркс был нацелен на то, чтобы раскрыть внутренние механизмы социальных процессов. Коллеги и предшественники Маркса, активно пытаясь постигнуть эти механизмы, были ориентированы на нематериальности социума. Маркс же исходил из материальности социума. Преодоление генезиса отчуждения труда уроженец Трира видел в смене современного ему капитализма социализмом с его общественной собственностью на орудия и средства производства. В статье утверждается, что концепции основоположника научного социализма оказались очень жизнеспособными и востребованными.

Введение

Карл Маркс принадлежал к тем мыслителям, масштабы которых следует измерять в контексте всей человеческой истории. Это одна из ярчайших фигур в истории мировой общественной мысли. С именем этого человека связана богатая как на жизнеспособные идеи, так и на утопические установки идеологическая система под названием марксизм. В статье предпринята попытка с современных позиций осмыслить теоретическое наследие Карла Маркса.

Карл Генрих Маркс родился в древнем городе Трире 5 мая 1818 г. Когда Карлу исполнилось шесть лет, его еврейская семья приняла христианство – перешла в протестантизм [10, с. 7]. Образование будущий мыслитель получал в Трире, Бонне и Берлине. Первый из названных городов славился среди прочего сильным гимназическим образованием. Пять лет учебы в гимназии имени Фридриха-Вильгельма дали Карлу солидный запас знаний, который помог ему быстро адаптироваться к высоким требованиям профессорско-преподавательского состава Боннского университета. Университетский этап в биографии Маркса включал и знаменитый университет, расположенный в прусской столице [7, с. 329].

В 1841 г. Маркс окончил Берлинский университет. Его диссертация «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» произвела неизгладимое впечатление на ученых мужей. Уже сама ее тема свидетельствовала о научной смелости соискателя. По своим взглядам Маркс был тогда гегельянцем-идеалистом. Его вполне обоснованно считали своим младогегельянцем прусской столицы. Они были глубоко уверены, что гегелевская философия дает инструментарий для обоснования идейной платформы, принципиально несовместимой с верой в бога, реформаторством, эволюционным путем социальных изменений [11, с. 542].

Вместе с тем амбиции энергичного молодого человека не ограничивались преподавательскими планами. Было также намерение попробовать себя в атеистической журналистике. Возможная самореализация в журналистике предполагала появление «Архива атеизма». Это периодическое издание задумывалось как результат сотрудничества Маркса и Фейербаха. К сожалению, ни один из этих планов не наполнился реальным содержанием [9, с. 102].

И все же Маркс не потерялся на рейнских берегах. Ему удалось пройти первый журналистский опыт в «Rheinische Zeitung». Хронологические рамки выхода газеты: 1 января 1842 г. – март 1843 г., местонахождение редакции – Кельн. Большую часть этого времени он ее редактировал, совмещая соответствующую функцию с авторскими публикациями. Правда далеко не все собственные статьи редактора доходили до читателя в авторской редакции. Немалую их часть ждали два возможных сценария: 1) исключение из редакционного портфеля; 2) внесение властью изменений с устранением всех радикальных формулировок. Редактор требовал сделать бесцензурным прусское медийное пространство, не раз и не два заявлял о том, что высший орган исполнительной власти королевства далеко не всегда действует в интересах своих граждан. Более того, с течением времени Маркс заговорил о том, что отжила свой век святая святых – монархия, что на повестку дня встал вопрос о демократической Пруссии. Даже неискушенный в политике читатель не мог не сделать вывода о том, что это – повестка дня для революционеров. В консервативной Пруссии судьба такого редактора была предрешена, и Маркс по собственной инициативе перестает быть редактором. Газета не на много пережила его уход: весной 1843 г. недовольные оппозиционностью кельнской газеты власти поставили точку в ее истории [11, с. 544].

Маркс все же не расстается с журналистикой. Анализируя первый опыт журналистской деятельности, предельно требовательный к себе молодой человек выявляет резервы для профессионального роста. Главный резерв представлялся ему таким: резкое повышение политэкономического сегмента в образовательном арсенале.

1843 г., год ухода из «Rheinische Zeitung», был во многом переломным для Маркса. Первое судьбоносное событие связано с городом Крейцнах. Именно здесь Карл обретет статус супруга Женни фон Вестфален. В Крейцнахе он не забывает и о журналистике. В его голове рождается идея международного журнала. Соответствующий план включал четыре момента. Момент первый: ключевой партнер в реализации плана – Арнольд Руге. Момент второй: журнал исключительно демократического содержания. Момент третий: журнал выполняет функцию генератора идей для граждан германских государств, Франции, не видящих никакой альтернативы демократическому выбору. Момент четвертый: местоположение редакции периодического органа, связывающего германцев и французов общим демократическим знаменателем, – французская столица.

Второго судьбоносного события – начала французской эмиграции – могло не быть, если бы молодой человек играл по правилам, которые стремились навязать Марксу власти. Суть торга, затеянного властями, была предельно проста: в королевстве становится одним оппозиционером меньше и одним госслужащим больше. Более того, был прозрачный намек на карьерный рост. Однако Маркс был непоколебим в своем выборе. В конце октября 1843 г. его первая в жизни эмиграция стала фактом. Разумеется, это была и первая эмиграция для Женни, полностью солидарной с планами и замыслами супруга. Выбор французской столицы в качестве места первой эмиграции оказался удачным. Женни была очень рада тому, что супругу удалось избежать одиночества, что расширился круг его настоящих друзей. Карлу было одинаково хорошо и с этническим евреем, выдающимся мастером слова Генрихом Гейне, и с этническим немцем, сыном фабриканта Фридрихом Энгельсом. Правда, причастность их к дальнейшей судьбе Маркса была разной. В отличие от Гейне Энгельс был причастен к ней перманентно: он морально и финансово поддерживал Маркса и его семью, был его соавтором, редактировал его работы, помогал дельными советами в исследовательском процессе. Касательно дельных советов особо следует выделить наличие проблемного комплекса, свя-

занного с работополучателями, которые фигурируют в марксистской литературе как рабочий класс. Только с подачи сына работодателя, уже реально вникшего в суть производственных отношений в рамках фабрично-заводского производства, данная страта современного Марксу общества стала приоритетным объектом исследовательского процесса у уроженца Трира [12, с. 118–243].

Карл Маркс оказался во французской столице тогда, когда уже было реальностью превращение рабочего класса из класса в себе в класс для себя. Главным признаком подобного превращения явилось наличие рабочих организаций. Субъекты их создания были разные. Таковыми являлись, например, граждане страны пребывания и находившиеся в этой стране соотечественники основоположника марксизма. И те и другие сразу же восприняли его как союзника, считали весьма полезными встречи с ним, продумывали варианты совместных действий. Интуиция помогла Марксу разобраться в находившихся в Париже наиболее значимых фигурах, которые ратовали за коренное переустройство существовавшего социально-экономического строя. Страны, гражданами которых были эти лица, находились на разных стадиях развития. Во Франции – родине П.Ж. Прудона – относительно недавно произошло становление индустриальной цивилизации. В России – родине М.А. Бакунина, В.П. Боткина – до этого было еще далеко. В ходе встреч с данными людьми Маркс не мог не заметить их потрясающую неординарность, наличие у них собственных оригинальных концепций [8, с. 444]. Маркс, конечно, понимал, что его взгляды и практическая деятельность не могут удовлетворить французские власти, и спустя пятнадцать месяцев его первая французская эмиграция закончилась.

С февраля 1845 г. по февраль 1848 г. продлилась брюссельская эмиграция Маркса. Именно к этому времени относятся первые пробы совместного творчества Маркса и Энгельса. Первый их труд – «Немецкая идеология». Эта работа засвидетельствовала о серьезных изменениях в философских взглядах Маркса. По содержанию «Немецкой идеологии» чувствовалось, что такой труд никак не мог написать гегельянец-идеалист, младогегельянец, что Маркс окончательно порывает с соответствующим философским лагерем. И в Брюсселе, как и в Париже, Маркс ищет связь с рабочими организациями международного масштаба, например «Союз справедливых». Маркс фактически оформил в нем свое членство, что произошло через два года после его появления в Брюсселе. То же самое сделал и Энгельс. Судя по содержанию пропагандируемых Союзом идей, это была революционная организация. Естественно, она никак не могла быть легальной. Марксу и Энгельсу импонировал ее пропагандистский уклон. Они точно знали, что эту организацию создали их соотечественники, оказавшиеся в Брюсселе. Маркс и Энгельс были весьма удовлетворены генетической связью между «Союзом справедливых» и «Союзом коммунистов». Они дорожили членством в последнем, стали его главными идеологами. Именно Марксу и Энгельсу принадлежит авторство «Манифеста коммунистической партии», ставшего их вторым по счету совместным трудом. Это труд программного значения. При этом речь идет не только о выполнении программной функции для «Союза коммунистов», но и в дальнейшем для многих поколений коммунистов, действовавших после исчезновения данной организации. Даже сейчас для ортодоксальных коммунистов день опубликования Манифеста – 21 февраля 1848 г. – считается знаковым. Символично, что это произошло в столице Англии – передовой капиталистической страны [12, с. 247–314].

Год и месяц выхода «Манифеста» маркировали для Маркса старт второй парижской эмиграции. Она в отличие от первой оказалась довольно короткой. Для понимания

причин именно такой продолжительности эмиграции следует четко представлять себе две рубежные точки. Первая из них – февральская революция 1848 г. во Франции. Революционно настроенный Маркс представлялся опасным для напуганных революцией бельгийских властей, и они поставили крест на его брюссельской эмиграции. Была своя логика в том, что Маркс оказался в революционной Франции. Однако в марте того же года становится реальностью революционная ситуация в Германии. Это второй ключевой момент. Основоположник марксизма никак не мог в это время находиться вне своего Отечества. Стартовал кельнский этап его кипучей деятельности, и связан он был с выходом «*Neue Rheinische Zeitung*» – детищем Маркса. Маркс был для газеты и организатором, и главным редактором, и генератором идей. При этом он создал команду мощных интеллектуалов, которые выполняли функции редакторов: Генрих Бюргерс, Эрнст Дронке, Фридрих Энгельс, Георг Веерт, Фердинанд Вольф, Вильгельм Вольф. Можно также уверенно утверждать, что члены редакционного комитета писали историю революции 1848–1849 гг. Объектом их освещения явились практически все значимые факты в разных уголках Старого Света. Они на очень высоком теоретическом уровне положили начало историографии революции 1848–1849 гг.

Первый номер «*Neue Rheinische Zeitung*» попал к читателю 1 июня 1848 г., когда революция развивалась по нарастающей, а последний – 19 мая 1849 г., когда очевидной стало ее поражение. Поражение революции означало, что членам редакционного комитета грозило тюремное заключение. 16 мая 1849 г. власти четко и ясно заявили Марксу, что ему не место в Отечестве, что он должен его немедленно покинуть. Естественно, стала неизбежной очередная эмиграция Маркса. Стала реальностью третья парижская эмиграция основоположника научного социализма. Она продолжалась менее месяца. Против германского эмигранта объективно сработало событие, произошедшее во французской столице 13 июня 1849 г. Речь шла о демонстрации, которая явилась прологом к существенному ухудшению политического климата в стране. Французские власти поступили с Марксом точно так же, как прусские [10, с. 460–498]. Маркс направляется в английскую столицу.

Житель Лондона по фамилии Маркс официально нигде не работал. Но он очень много времени проводил в библиотеках, за письменным столом. Он, конечно, понимал, что гонорары за публикации будут скромными. Спасал Карла, Женни и их дочерей друг Фридрих [12, с. 432–497]. Энгельс понимал, что он спонсирует глыбу. Именно в Лондоне Маркс написал «Капитал», проявил себя как ученый-экономист мирового уровня, достиг значимых результатов в междисциплинарных исследованиях.

Стремясь подвести научную базу под идеологию рабочего движения, он одновременно прилагал максимум усилий для наполнения реальным содержанием лозунга: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Главное направление этих усилий – создание поистине планетарной международной рабочей организации. Впервые стала реальностью организация, имевшая секции в Старом и Новом Свете. Год появления этой организации – 1864. К ней не сразу было подобрано оптимальное название. Вначале был апробирован такой вариант «Международная рабочая ассоциация», затем руководство остановилось на названии «Международное товарищество рабочих» и, наконец, – Первый Интернационал.

Под первоначальный состав Первого Интернационала вполне подходило выражение «совмещение несовместимого». Что общего у поборников тред-юнионистских идей, убежденных социалистов, принципиальных республиканцев, адептов анархизма? К тому же первые представляли Англию, вторые – Францию, третьи – Италию. Самой

авторитетной фигурой в стане четвертых был подданный российского императора Михаил Бакунин. По логике вещей, у всех членов организации должны были иметься единые ответы на два вопроса: что такое коммунизм и как прийти к коммунизму? Однако ответы, данные Марксом и Бакуниным, никак не стыковались. Поэтому через восемь лет после создания Первого Интернационала бакунинцы вышли из него, что было четко и ясно прописано в соответствующем решении Гаагского конгресса Международного товарищества рабочих.

В постаагский период влияние Маркса на Первый Интернационал будет слабеть. Его лидерам стало далеко небезопасно оставаться в Старом Свете, и они обосновались в Нью-Йорке. Нью-йоркский этап в истории Первого Интернационала занимает 1872–1876 гг. Именно на американской земле будет поставлена точка в его истории. Форумом, на котором все это произойдет, станет специально организованная конференция в Филадельфии. Постфактум, в 1876–1881 гг. Маркс жил надеждой реанимировать свое детище, однако это не удалось. Правда, сторонники Маркса не будут забывать о его горячем стремлении, и в 1889 г. станет реальностью Второй Интернационал. К сожалению, основоположник научного социализма уйдет из жизни за шесть лет до этого события 14 марта 1883 г.

Главный интеллектуальный продукт лондонской эмиграции Маркса – «Капитал» – далеко не в полном объеме увидел свет при жизни его автора. Маркс подержал только первый том «Капитала» (в мае 1867 г.). Второй том «Капитала» выйдет в 1885, а третий – в 1894 г. Все издательские заботы взял на себя Ф. Энгельс [7, с. 338–343].

Стоит подробно остановиться на теоретическом наследии Маркса, т.е. идеологической системе под названием «марксизм». У этой системы три сегмента. Сегмент первый – философский. В советское время во всех вузах изучали две его составляющие – диалектический и исторический материализм. Сегмент второй – экономический. Ключевое звено данного сегмента хорошо известно – теория прибавочной стоимости. Сегмент третий – политический (это теория классової борьбы – определяющий аспект марксистской политической концепции). В большинстве работ Маркса ощущается пересечение всех перечисленных сегментов.

Маркс на протяжении всей своей исследовательской деятельности был жестко нацелен на то, чтобы для человечества перестали быть terra incognita внутренние механизмы социальных процессов. Конечно, коллеги по цеху активно пытались постигнуть эти механизмы до появления работ данного мыслителя, оставив после себя объемное наследие. В марксовом наследии материальность социума была сопряжена с такой мегасистемой как природа. И функционирование, и динамика этой мегасистемы вырастают из внутренних механизмов саморазвития, самодвижения. При ретроспективном взгляде подобная динамика прослеживается в занявшем миллионы лет пути от простейших видов растений до современного человека. Человек как результат эволюции природной мегасистемы и часть социума органически вовлечен в двойную эволюцию. Вся человеческая жизнь имеет следующую содержательную сторону – последовательное снятие вопросов на предмет потребностей. Это квинтэссенция социального бытия. Первоосновы в здании социального бытия – решение вопросов по пище, одежде, жилью. Из них вырастает новая материальная конструкция природной мегасистемы. Одновременно меняется конструкция социума. Она становится более сложной, более совершенной, что характерно для всех частей социума. И одна и другая конструкция возникает в результате целенаправленного человеческого труда. Только благодаря именно такому труду снимаются указанные вопросы. Далее на повестку дня выносятся адекват-

ный трудовой ответ на очередные проблемные комплексы, завязанные на потребностях. При этом потребности меняются в сторону и большей сложности, и большего разнообразия. В своей материалистической концепции Маркс рассматривает человека как главную производительную силу. Человек вплетен в ткань противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Корни этих противоречий следует искать в возникновении общественного разделения труда. Общественное разделение труда распространялось на людей с разными знаниями, умениями, навыками. Это различие предопределило происхождение социальных страт, различавшихся по материальному уровню, потребностям, интересам. [1; 4].

Труд всех членов социума после того как общественное разделение труда стало постепенно углубляться, привел к кардинальным сдвигам, которые уловили К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии»: «Социальная сила, т.е. умноженная производительная сила, возникающая благодаря обусловленной разделением труда совместной деятельности различных индивидов, – эта социальная сила, вследствие того, что сама совместная деятельность возникает не сознательно, а стихийно, представляется данным индивидам не как их собственная объединенная сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают; они, следовательно, уже не могут господствовать над этой силой, – напротив, последняя проходит теперь ряд собственных фаз и ступеней развития, не только не зависящих от воли и поведения людей, а, наоборот, направляющих эту волю и это поведение» [3].

В системе общественного разделения труда с самого начала прослеживались коллизии. Она оказалась перманентно втянутой в противоречие между производством и потреблением. В ней утвердилась своеобразная табель о рангах для созидателей и потребителей материальных благ. Как созидатель материальных благ человек представлял собой часть социума, как их потребитель – часть природы. Интересы социума как целостной системы замыкаются на человеке как созидателе материальных благ. Человек же первично нацелен на их потребление.

Решение подобных вопросов стало обрастать противоречиями по мере углубления общественного разделения труда. Потребности конкретного индивида все меньше зависели от того, что было конечным продуктом его созидательной деятельности. Неизбежным было то, что в этом конечном продукте нарастала часть, которая путем обмена переходила к другим индивидам. Образно говоря, речь идет о совокупном труде, который никак не мог возникнуть сознательно. Без наличия каких-либо сознательных регуляторов рос его удельный вес в процессе созидания конечного продукта и, естественно, рос удельный вес конкретного индивида в совокупном труде. Результат совокупного труда вписывается в два слова: овеществленный труд. Появление овеществленного труда маркировало переоценку ценностей для социума как целостной системы. До появления общественного разделения труда здесь в качестве ценности выступал член социума. Отныне вместо него в таком качестве выступал овеществленный труд.

Германский мыслитель нашел меткое выражение для указанной переоценки ценностей – отчуждение труда. Оно сопряжено с тройным отчуждением индивида. Первое и по порядку, и по значимости – отчуждение от социума как целостной системы. Второе отчуждение выросло из переформатирования субъектно-объектных отношений «индивид → природная мегасистема». Переформатировались также субъектно-объектные отношения по линии «индивид А → индивид Б» и вновь в сторону отчуждения.

Конечно, это тройное отчуждение было реальностью и до Маркса, и во времена Маркса, остается и после Маркса. Но именно Маркс впервые сформулировал инстру-

ментарий для его фундаментального анализа [1; 4]. В этой связи есть смысл обратиться к другому труду Маркса «Экономическо-философские рукописи 1844 года»: «Рабочий относится к продукту своего труда как к чужому предмету... Чем больше рабочий выматывает себя на работе, тем могущественнее становится чужой для него предметный мир, создаваемый им против самого себя, тем беднее становится он сам, его внутренний мир, тем меньшее имущество ему принадлежит. Рабочий вкладывает в предмет свою жизнь, но отныне эта жизнь принадлежит уже не ему, а предмету... Рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. У себя он тогда, когда он не работает, а когда он работает, он уже не у себя» [6].

Еще раз подчеркиваем, что до возникновения общественного разделения труда созидатель и потребитель материальных благ был в одном лице. Но чем сильнее обрелось плоть и кровь общественное разделение труда, тем слабее все это работало и, естественно, все активнее ставился вопрос о судьбе излишков трудовой деятельности. Они во все большей степени становились объектом присвоения среди тех, кто их не производил. Последние оперативно использовали отсутствие регуляторов, направляющих общественное разделение труда в сознательное русло, и постоянно прибегали к методам, не имевшим ничего общего с совестью, моралью, цивилизованностью. Формируется механизм перераспределения материальных благ, в котором на первый план выходит частная собственность [1; 4]. Маркс: «Посредством отчужденного труда человек порождает не только свое отношение к предмету и акту производства как чуждым и враждебным ему силам, – он порождает также и то отношение, в котором другие люди находятся к его производству и его продукту... Подобно тому, как он свою собственную производственную деятельность превращает в свое исключение из действительности, в кару для себя, а его собственный продукт им утрачивается, становится продуктом, ему не принадлежащим, точно так же он порождает власть того, кто не производит, над производством и над продуктом. Отчуждая от себя свою собственную деятельность, он позволяет другому человеку присваивать деятельность, ему не присущую» [6].

Однозначно отвергая частную собственность как ядро всей системы производственных отношений, Маркс выступал за смену современного ему капитализма социализмом с его общественной собственностью на орудия и средства производства. Выступив пионером в выявлении генезиса отчуждения труда, в анализе целого комплекса последствий данного явления, уроженец Трира видел в этом единственный путь его преодоления [1; 4; 8, с. 452]. Насколько жизнеспособными оказались соответствующие концептуальные построения основоположника научного социализма?

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс представлял социализм, коммунизм исключительно как движение к обществу, где все меньше будет места отчуждению труда и целому шлейфу отчуждений, которые за ним тянутся [6]. Такой подход органически вписывался в гегелевскую диалектику, в восприятие общества как живого организма. Он коррелируется с современными реалиями, с наличием зоны постиндустриальной цивилизации, где прослеживается явный прорыв в направлении преодоления указанных отчуждений. Здесь пустила глубокие корни социализация производственно-экономических отношений, прочно институционализировалось социальное государство. В постиндустриальной цивилизации основы капитализма все интенсивнее размываются формирующимся в его недрах новым способом производства. Этот процесс Маркс анализировал в третьем томе «Капитала», связывая его с появлением «кооперативных фабрик рабочих». Трудовые кооперативы – это, по определению Маркса, не только «переходный пункт», но и «первая брешь» в капиталистическом способе про-

изводства. Суть ее заключается в «положительном устранении» внутри таких кооперативов противоположности между трудом и капиталом, а значит, и преодолении условий наемного труда. Наличие в зоне постиндустриальной цивилизации «трудовой коллективной собственности позволяет говорить о переходе от формального к реальному обобществлению производства» [4].

Наследие Маркса касательно преодоления отчуждения важно рассматривать и в свете революционных последствий цифровой экономики. Цифровая экономика – это реальность постиндустриальной экономики. «Как и прогнозировал Маркс, стирается грань между свободным и рабочим временем... сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени. Именно постольку, поскольку за истекшее столетие среда обитания человека претерпела качественные изменения, сегодня есть все основания полагать, что интенсивное развитие производительных сил приближает нас к истинному “царству свободы”» [4]. Конечно, отчуждение в той или иной степени будет всегда. Представление о его полном преодолении – это полнейшая утопия. Именно на такого Маркса сориентировалась в конце девятнадцатого века социал-демократия реформистского толка, генетически связанная с современной социал-демократией. Именно к такому Марксу без малого полвека тому назад вернулись многие западноевропейские коммунистические партии, положив начало истории еврокоммунизма [12, с. 562].

В «Манифесте коммунистической партии» Маркс и Энгельс изменили диалектике, представив социализм, коммунизм как конечную цель; сформулировали явно нежизнеспособный инструментарий на предмет полного преодоления отчуждения. В корне расходилась с представлениями об обществе как живом организме идея о насильственном ниспровержении капитализма в результате коммунистической революции: «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией» [2].

Конечно, историческая правда требует обязательно сказать о том, что уроженец Трира после выхода в свет «Манифеста коммунистической партии» не раз и не два будет задумываться над целесообразностью «насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя» [2]. Германскому теоретику в момент появления данного труда не было и тридцати. С годами исчезла категоричность. Спустя без малого четверть века прозвучало такое заявление: «Мы знаем, что надо считаться с учреждениями, нравами и традициями различных стран; и мы не отрицаем, что существуют такие страны, как Америка, Англия, и если бы я лучше знал ваши учреждения, то может быть прибавил бы к ним и Голландию, в которых рабочие могут добиться своей цели мирными средствами. Но даже если это так, то мы должны также признать, что в большинстве стран континента рычагом нашей революции должна послужить сила; именно к силе придется на время прибегнуть, для того чтобы окончательно установить господство труда» [5].

Заключение

Таким образом, исходя из материальности социума, Маркс постиг феномен отчуждения, сформулировал инструментарий для его преодоления. При этом его взгляды не стояли на месте. Рискнем предположить, что если бы судьба отвела Марксу не 64 года, а гораздо больше, то возможна была его дальнейшая эволюция. Известно, что его друг и соратник Фридрих Энгельс, умерший через 12 лет после смерти Маркса, к концу

своей жизни становился все ближе к социал-демократам реформистского толка. На последние работы Фридриха Энгельса ссылались наиболее яркие представители еврокоммунизма: Энрике Берлингуэр, Сантьяго Каррильо, Жорж Марше [12, с. 562].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов, С. А. Наследие Карла Маркса: отделить зерна от плевел [Электронный ресурс] / С. А. Виноградов // Заметки по еврейской истории. – 2012. – № 2 (149). – Режим доступа: <https://www.berkovich-zametki.com/2012/Vinogradov1.php>. – Дата доступа: 12.01.2018.
2. Маркс, К. Манифест Коммунистической партии [Электронный ресурс] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2018. – Режим доступа: <https://www.marxists.org/russkij/marx/-manifesto.htm>. – Дата доступа: 12.01.2018.
3. Маркс, К. Немецкая идеология [Электронный ресурс] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Режим доступа: <https://www.marxists.org/-russkij/ideology/index.htm>. – Дата доступа: 12.01.2018.
4. Маркс и XXI век [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://naukarus.com/marks-i-xxi-vek-k-itogam-nauchnoy-konferentsii-v-chest-190-letiya-so-dnya-rozhdeniya-k-marкса>. – Дата доступа: 12.01.2018.
5. Маркс Карл [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/Маркс,_К. – Дата доступа: 15.01.2018.
6. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года [Электронный ресурс] / К. Маркс. – Режим доступа: <https://www.souz.info/library/marx/1844-works.htm>. – Дата доступа: 14.01.2018.
7. Fetscher, I. Marx, Karl / I. Fetscher // Neue Deutsche Biographie (NDB). – Band 16. – Berlin : Duncker & Humblot, 1990. – S. 328–344.
8. Freund, M. Karl Marx / M. Freund // Die Großen Deutschen. – Berlin : Ullstein, 1956. – S. 437–452.
9. Friedenthal, R. Karl Marx. Sein Leben und seine Zeit / R. Friedenthal. – München : Piper Verlag, 1981. – 687 s.
10. Gemkow, H. Unser Leben. Eine Biographie über Karl Marx und Friedrich Engels / H. Gemkow. – Berlin : Dietz Verlag, 1981. – 734 s.
11. Groß, G. Marx, Karl / G. Groß // Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). – Band 20. – Leipzig : Duncker & Humblot, 1884. – S. 541–549.
12. Wheen, F. Karl Marx / F. Wheen. – München : Bertelsmann Stiftung, 2001. – 564 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 13.10.2018

Strelez M.V. Theorist of Labor Dominance. Reflections on the Legacy of Karl Marx

The author of the article tried to comprehend the theoretical legacy of Karl Marx from modern positions. He shows that Marx throughout his entire research activity was firmly aimed at ensuring that the internal mechanisms of social processes ceased to be for mankind to be terra incognita. Of course, even before Marx, other theorists tried to comprehend these mechanisms and left a voluminous legacy. In this legacy there is an obsession with the immateriality of society and that there is nothing positive with it. Marx was sure that there would be something positive if rely on materiality of society and not to consider exceptions. Being a pioneer in identifying the genesis of labor alienation and in analyzing the whole complex of consequences of this phenomenon, a native of Trier saw the only way to overcome modern capitalism to it socialism with its public ownership of the tools and means of production. The author finds out how viable the corresponding conceptual constructions of the founder of scientific socialism turned out to be.

УДК 32.019.5

Е.А. Лагуновская

канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: helenlaguna@yandex.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ, НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ, ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИИ И ПРОСТИТУЦИИ

На основании изучения статистики и отчетности исследуются причины нарушения права на защиту от эксплуатации и насилия и пути противодействия им в социально-политической практике. Рассматривается общественно-политическая деятельность Белорусского государства, государственных органов, общественных организаций, направленная на борьбу с антисоциальными явлениями: торговлей людьми, нелегальной миграцией, детской порнографией и проституцией.

Введение

По оценкам международных экспертов, в начале третьего тысячелетия торговля людьми среди незаконных источников доходов опередила традиционно находившуюся на втором месте после наркоторговли незаконную торговлю оружием. Для Республики Беларусь данная проблема также является актуальной. Основная масса жертв торговли людьми в нашей стране – это женщины, ставшие объектом сексуальной эксплуатации. Реже жертвами становятся мужчины, попавшие в трудовое рабство.

Республика Беларусь, не являясь членом Совета Европы, в 2013 г. присоединилась к Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми. В законодательстве Беларуси понятие «торговля людьми» определяется как вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека в целях эксплуатации. Это действия, совершенные путем обмана, либо злоупотребления доверием, либо применения насилия, либо под угрозой применения насилия. «Использование занятия проституцией» – это извлечение лицом материальной или иной выгоды от добровольного оказания другим лицом за вознаграждение услуг сексуального характера (половое сношение, мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера) [7].

Цель статьи – на основании изучения статистики и отчетности рассмотреть общественно-политическую деятельность белорусского государства, а также государственных органов и общественных организаций, направленную на борьбу с торговлей людьми, нелегальной миграцией, детской порнографией и проституцией; исследовать причины данных антисоциальных явлений в современном белорусском обществе и предложить пути противодействия им в социально-политической практике. Объект исследования – общественно-политическая деятельность белорусского государства, государственных органов, направленная на борьбу с антисоциальными явлениями: торговлей людьми, нелегальной миграцией, детской порнографией и проституцией.

Торговля людьми, нелегальная миграция, детская порнография и проституция как антисоциальные явления: их причины и пути противодействия

Проблема торговли людьми в XXI в. является актуальной как для Республики Беларусь, так и для всего мирового сообщества. Ежегодно жертвами торговли людьми становятся 14 тыс. белорусов, примерно 117 тыс. украинцев, 57 тыс. молдаван, 28 тыс. румын, 9,5 тыс. болгар [2]. Криминальные структуры используют современных рабов для занятий проституцией и попрошайничеством, тяжелого труда в сельском хозяйстве,

втягивают их в схемы своей преступной деятельности. Эксперты по статистике и отчетности обращают внимание на то, что масштаб данной проблемы намного больше, так как значительная часть жертв и членов их семей заявляют о случившемся только в безвыходной для себя ситуации.

В Беларуси проблема торговли людьми стала актуальной с 1990-х гг. в связи с распадом СССР и кризисными процессами в социальной, политической, экономической сферах жизнедеятельности общества. В 1996 г. в МВД было создано Управление по незаконному обороту наркотиков, которое с 2004 г. стало называться Управлением по противодействию незаконному обороту наркотиков и преступлениям в сфере нравов. Также в 1996 г. по указанию Главы государства при Совете безопасности Республики Беларусь была организована межведомственная комиссия по борьбе с преступностью, коррупцией и наркоманией, целью которой были координация и контроль деятельности всех государственных органов по вопросам борьбы с сутенерством, сводничеством и проституцией. Одновременно началось совершенствование белорусского уголовного законодательства. В 2001 г. была принята Государственная программа комплексных мер по противодействию торговле людьми и распространению проституции на 2002–2007 гг. В рамках ее реализации для минимизации антисоциальных последствий торговли людьми и реабилитации жертв трафика в Беларуси были созданы десятки центров социального обслуживания населения, социально-педагогических центров, ликвидированы 11 преступных организаций и 58 организованных преступных групп, открыто несколько сотен каналов вывоза граждан Республики Беларусь в 16 стран мира с целью их эксплуатации [3, с. 3].

9 марта 2005 г. был принят Декрет Президента Республики Беларусь № 3 «О некоторых мерах по противодействию торговле людьми», нацеленный на приведение национального законодательства в соответствии с международными нормами. Он регулировал сферу трудоустройства и обучения за границей, деятельности брачных и модельных агентств и порядок усыновления. В борьбу включились не только правоохранительные органы, но и более десятка министерств и ведомств, неправительственных организаций и средств массовой информации, а координатором выступило МВД.

Активная деятельность белорусского правительства внутри страны позволила Республике Беларусь занять на международной арене одну из лидирующих позиций в противодействии торговле людьми. На 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2006 г. Беларусь инициировала принятие резолюции «Улучшение координации усилий по борьбе с торговлей людьми», которая 19.10.2006 была единогласно принята. Одним из практических результатов принятия этой резолюции стало создание международного координационного механизма по борьбе с торговлей людьми – Межучрежденческой координационной группы.

Активная совместная работа правительства Республики Беларусь и Международной организации по миграции привела к открытию в июле 2007 г. в Минске Международного учебного центра подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров в сфере миграции и противодействия торговле людьми при Академии МВД. Международный учебный центр сотрудничает с рядом международных организаций. При их содействии, а также в рамках реализации проектов международной технической помощи проводятся обучающие семинары и тренинги, мероприятия международного характера (заседания, визиты, рабочие встречи и пр.). Встречи, проводимые в рамках образовательных курсов, в сочетании с иными мероприятиями способствуют накоплению богатого фактического и теоретического материала, что позволяет преподавателям

Центра проводить научные исследования в области борьбы с торговлей людьми. На основе этих исследований издаются монографии, методические материалы и учебные пособия, предназначенные не только для студентов и преподавателей вузов юридического профиля, но и для работников подразделений по борьбе с торговлей людьми.

Белорусская инициатива по активизации международных усилий по противодействию торговле людьми была выдвинута Президентом Республики Беларусь в ходе Саммита ООН в сентябре 2005 г. В рамках ее реализации 5 марта 2007 г. в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке по инициативе Беларуси была организована и успешно проведена международная конференция «Торговля женщинами и девочками: совместный ответ на вызов». В июне 2008 г. Генеральная Ассамблея провела инициированные Беларусью тематические дебаты по торговле людьми. Также по инициативе Беларуси, поддержанной рядом государств – членов ООН, 3 июня 2008 г. в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке впервые состоялись тематические дебаты Генеральной Ассамблеи ООН по проблеме торговли людьми, участники которых единодушно высказались о необходимости принятия срочных и эффективных действий по борьбе с данным антисоциальным феноменом. 25 июля 2008 г. в Нью-Йорке Экономический и социальный совет (ЭКОСОС) принял консенсусом инициированную белорусской делегацией резолюцию «Укрепление координации деятельности Организации Объединенных Наций и других усилий по борьбе с торговлей людьми». В 2013 и 2017 гг. в рамках Генассамблеи ООН были проведены два заседания по анализу состояния осуществления Глобального плана действий по борьбе с торговлей людьми. В 2014 и 2016 гг. Комиссией ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (КППУП) приняты резолюции, посвященные проблемам борьбы с торговлей человеческими органами и людьми в целях извлечения органов. В мае 2018 г. КППУП приняла резолюцию «Предупреждение торговли людьми с использованием технологических средств и борьба с ней» [2].

Республика Беларусь является участником всех основных международных правовых документов, регулирующих вопросы борьбы с торговлей людьми. К ним относят в первую очередь «Конвенцию о рабстве», «Конвенцию о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами», «Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин», «Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности», «Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми». В Минске Совет глав государств Содружества Независимых Государств 25 октября 2013 г. утвердил программу сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с торговлей людьми на 2014–2018 гг.

На национальном уровне организационно-правовые основы противодействия торговле людьми определяет Закон Республики Беларусь о противодействии торговле людьми от 7 января 2012 г., он также устанавливает систему мер по защите и реабилитации жертв торговли людьми в нашей стране. В стране реализуется Государственная программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2017–2019 гг., в которой особое внимание уделено предупреждению торговли людьми, защите и реабилитации жертв [2].

В рамках Глобального партнерства под эгидой ООН в 2018 г. Республика Беларусь является участником ряда международных, межправительственных и неправительственных организаций, а также сотрудничает со всеми странами, ведущими борьбу с торговлей людьми. Одним из наиболее интенсивных партнеров Беларуси в этом направлении является Республика Турция, для которой борьба с проблемами незаконной миграции и торговли людьми является одной из приоритетных [2].

9 октября 2018 г. на встрече с генеральным секретарем Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе Томасом Греммингером президент Беларуси Александр Лукашенко заявил о том, что торговля людьми, нелегальная миграция – это проблемы, которые существуют во многих странах, и в борьбе с ними должна усилиться позиция ОБСЕ [1].

Особо следует отметить, что в Беларуси активизировалась работа по борьбе с новыми актуальными вызовами и угрозами – преступлениями, связанными с торговлей людьми, детской порнографией, «секс-туризмом», педофилией. Общемировая тенденция развития детской порнографии затронула и Беларусь, хотя и не приобрела угрожающих масштабов благодаря своевременным законодательным мерам и активности правоохранительных органов. В январе–августе 2018 г. по линии противодействия порнографии и вовлечению детей в антиобщественное поведение выявлено 599 преступлений (–13,7 % по сравнению с 2017 г.). 530 преступлений (почти 90 %) – это менее тяжкие – факты изготовления и распространения порнографии (ст. 343 УК Республики Беларусь) (526 из них с использованием сети Интернет). Деяния, связанные с оборотом детской порнографии (ст. 343¹ УК Республики Беларусь), составляют 8,2 % от всех рассматриваемых преступлений. Установлены 14 детей, использованных в качестве моделей/актеров для порносъемок (учтены как несовершеннолетние жертвы торговли людьми), из них 7 малолетних [5]. Наказание за такие действия предусмотрено частями 2 и 3 ст. 343¹ УК Республики Беларусь. В Республике Беларусь по раскрытию такого рода преступлений специализируется отдельное подразделение МВД.

Удельный вес преступлений, связанных с педофилией, составил 46,1 % от общего количества преступлений по линии торговли людьми. За январь–август 2018 г. установлены 455 (+38,3 %) детей, потерпевших от педофилии, в том числе 150 малолетних. По уголовным делам проходят 312 подозреваемых в педофилии (120 человек арестованы). По линии противодействия преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних в январе–августе 2018 г. выявлено 600 общественно опасных деяний, в том числе 360 тяжких и особо тяжких [5].

Не менее актуальна и преступность, связанная с трудовой эксплуатацией. Основным вектором вывоза белорусских граждан по-прежнему остается Российская Федерация с эксплуатацией, как правило, на строительных объектах. Отмечены факты трудовой эксплуатации в Турции, Польше и внутри республики. С 2006 г. были установлены жертвы торговли людьми из Вьетнама (16), России (13), Украины (2) и Молдовы (1), подвергшиеся эксплуатации на территории Республики Беларусь [6]. Существует также проблема внутренней эксплуатации, когда жертвами являются граждане Республики Беларусь на территории своей страны. С 2011 г. наметилась тенденция преобладания жертв внутренней эксплуатации над жертвами, подвергшимися эксплуатации за рубежом (ранее число жертв внешней эксплуатации превышало внутреннюю в два-три раза, а в 2006 г. – в девять раз). В 2011 г. эксплуатации на территории Республики Беларусь подверглись 153 человека (за рубежом были вывезены 142), в 2012 г. – 124 и 85, в 2013 г. – 90 и 59, в 2014 г. – 54 и 43, в 2015 г. – 77 и 44 соответственно. В первом полугодии 2016 г. выявлено 37 лиц, эксплуатировавшихся внутри страны, и 39 – за ее пределами [6]. В январе–августе 2018 г. установлены 97 жертв торговли людьми, среди которых 19 несовершеннолетних. Из этого количества 91 жертва (включая всех несовершеннолетних) подверглась сексуальной эксплуатации, 6 – трудовой. Внутри страны 81 подвергся эксплуатации (включая всех несовершеннолетних), 16 вывезены или планировались к вывозу за рубеж [5].

Таким образом, основные формы торговли людьми остаются в Беларуси практически неизменными с 2000 г.: это преступления, совершаемые в целях сексуальной или трудовой эксплуатации. Необходимо отметить, что сексуальная эксплуатация является самой распространенной формой торговли людьми. В целях сексуальной эксплуатации трафикеры переправляют белорусских женщин в страны Евросоюза, на Ближний Восток и в некоторые регионы Российской Федерации (преимущественно в Москву и Московскую область). В январе–августе 2018 г. перекрыто четыре канала поставки женщин за границу, из них два в Турцию (7 человек), по одному в Грецию (четыре человека) и Израиль (один человек). По состоянию на август 2018 г. по уголовным делам проходят 45 подозреваемых в трафикинге (31 человек арестован) [5]. Трафикеры для личной безопасности стараются принимать «живой товар», находясь в стране назначения и избегая приезда в Беларусь. Вместе с тем отдельные иностранцы, используя белорусские криминальные связи, периодически приезжают в Беларусь вербовать девушек для занятия проституцией за границей. Поэтому сотрудники подразделений по противодействию торговле людьми действуют на упреждение и задерживают трафикеров при попытке вывоза наших граждан за рубеж в целях последующей эксплуатации.

Отметим, что уголовная ответственность за незаконное трудоустройство за рубежом наступает только в том случае, когда присутствует эксплуатация людей. Под эксплуатацией в Беларуси понимается незаконное принуждение человека к работе или оказанию услуг (в том числе к действиям сексуального характера, суррогатному материнству, забору у человека органов и/или тканей) в случае, если он по независящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ/услуг, включая рабство или подневольное состояние [7].

Имея транснациональный характер, торговля людьми адаптируется к применяемым мерам противодействия и принимает новые формы. К ним можно отнести организацию «секс-туризма» (когда иностранцы приезжают в страну исключительно с целью потребления платных сексуальных услуг), создание «борделей», замаскированных под массажные студии и салоны (когда под видом персонала набираются и работают проститутки), ведение «секс-бизнеса» исключительно посредством сети Интернет (без личного контакта сутенера с клиентами и проститутками) и даже фиктивные браки между трафикерами и проститутками для легализации их вывоза за рубеж в целях последующей эксплуатации [6].

Меры по противодействию торговле людьми имеют в Беларуси комплексный характер и реализуются в следующих направлениях: 1) совершенствование национального законодательства; 2) деятельность государственных органов, международных организаций, общественных объединений и их координация; 3) подготовка кадров; 4) международное сотрудничество; 5) статистика и отчетность, доступные в сети Интернет.

В Республике Беларусь реализуется Национальный план действий по борьбе с торговлей людьми, представленный в виде государственных программ.

Заключение

В январе–августе 2018 г. по сравнению с прошлым годом на 7,6 % увеличилось количество преступлений, выявленных органами внутренних дел Республики Беларусь, связанных с торговлей людьми (1 301); при этом количество тяжких и особо тяжких увеличилось на 29,4 % и составило 467 преступлений (35,9 % от общего количества). При этом выявлено по четыре факта торговли людьми (ст. 181 УК Республики Беларусь), использования рабского труда (ст. 181-1 УК Республики Беларусь) и факта по-

хищения людей в целях эксплуатации (п. 4 ч. 2 ст. 182 УК Республики Беларусь). В 2017 г. таких преступлений выявлено не было [5].

Проведенное исследование показало, что экономические проблемы и ограниченные возможности самореализации граждан в Республике Беларусь являются важными факторами маргинализации и уязвимости значительных социальных групп, что способствует их виктимизации, подверженности различным видам эксплуатации, в том числе и в качестве объектов для торговли людьми. Право на защиту от эксплуатации и насилия нарушается не только у люмпенизированных людей: алкоголиков, наркоманов, проституток, детей, оставшихся без попечения родителей или лиц, их заменяющих, лиц, лишившихся жилья и ведущих антисоциальный образ жизни. Факторами, способствующими преступной деятельности в данной сфере, являются также низкий уровень правовой культуры белорусского общества, его информированности о нарушениях права на защиту от эксплуатации и насилия в современном мире.

Криминальные структуры используют недостаточно защищенное социальное положение человека и предлагают ему именно то, что ему необходимо в данный момент, то, чего ему не могут предоставить незамедлительно государственные органы или общественные организации. Так, например, лицам пожилого возраста предлагается ежедневная поддержка и решение бытовых и финансовых вопросов, оплата счетов, а в результате они «продаются» вместе с жилплощадью, имеющейся у них в наличии; лиц с ограниченными возможностями используют для попрошайничества в обмен на «поддержку и защиту», на которую они могли бы рассчитывать со стороны государственных органов или общественных организаций; женщинам, мечтающим о вступлении в брак за границей, предоставляются услуги разнообразных «служб знакомств», которые вовлекают их в преступные схемы работоторговли; гражданам, нуждающимся в работе, предлагается возможность трудоустройства, которая заканчивается трудовым рабством и т.п. Таким образом, количество случаи нарушения права человека на защиту от эксплуатации и насилия растет в условиях недостаточного контроля государственных органов и общественных организаций за данными социальными группами населения, если государственная и социальная помощь и поддержка в реализации их потребностей затруднена или ограничена.

Наличие в нашей стране значительного рынка потенциальных жертв объясняется еще и духовной незрелостью и доверчивостью значительного числа граждан, отсутствием у них навыков критического мышления. Утверждение конструктивных нравственных ценностей в системе общественных отношений связано с формированием духовной зрелости социума и закреплением ее в конкретных социально-экономических и социокультурных условиях. Духовная зрелость человека выражается в «свободе для...», духовная незрелость – в «свободе от...». Духовно зрелый человек ценит свою свободу и дорожит ей. Ориентация на «свободу от...» исключает возможность нравственного развития и формирования критического мышления. На постсоветском пространстве большинство людей оказались неспособными применить полученную свободу для созидательных целей, что проявляется в таких личностных качествах как осуждение, обвинение других в своих неудачах. Это обстоятельство способствует виктимизации граждан, их подверженности технологиям манипуляции сознанием, постановке их в зависимое положение (страх мести или физической расправы в случае выхода из преступной схемы). Кроме того, нравственная деградация вместе с тяжелыми бытовыми условиями и имеющимися жилищными проблемами, алкоголизмом и девальвацией семейных ценностей также являются основополагающими причинами роста рассматривае-

мых антисоциальных явлений и подверженности больших социальных групп разным формам нарушения права на защиту от эксплуатации и насилия.

На протяжении всей истории выдающиеся представители человечества выступали за противодействие торговле людьми, нарушающей права человека, и на современном этапе рассматривают его как антисоциальный феномен, не совместимый с цивилизационным и культурным прогрессом. При этом, как свидетельствуют факты, информации, предоставляемой СМИ, явно недостаточно: проблема торговли людьми, нелегальной миграции, детской порнографии и проституции продолжает оставаться актуальной. Анализ причин данных антисоциальных явлений показывает, что их наличие заключается как в недостаточности информирования, так и в высокой социальной уязвимости широких слоев населения Беларуси. Поэтому необходима масштабная работа по укреплению нравственных основ общества, которая должна осуществляться совместными усилиями государственных и общественных структур.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукашенко, А. Г. Мы готовы сделать больше для безопасности на континенте [Электронный ресурс] / А. Г. Лукашенко. – Режим доступа: https://sputnik.by/defen-se_safety/20181009/1038055627/Lukashenko-my-gotovy-sdelat-bolshe-dlya-bezopasnosti-na-kontinente.html. – Дата доступа: 09.10.2018.

2. Борьба с торговлей людьми // Официальный сайт М-ва иностр. дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mfa.gov.by/mulateral/global_issues/trafficking/. – Дата доступа: 06.10.2018.

3. Государственная программа противодействия торговле людьми, нелегальной миграции и связанным с ними противоправным деяниям на 2008–2010 гг. // СБ – Беларусь сегодня. – 2007. – 8 дек. – С. 3.

4. Государственная программа противодействия торговле людьми, нелегальной миграции и связанным с ними противоправным деяниям на 2011–2013 гг. // Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.newsby.org/belarus/ukaz0/uk982.htm>. – Дата доступа: 06.10.2018.

5. Обстановка по выявлению преступлений по линии противодействия торговле людьми [Электронный ресурс] // Официальный сайт М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=5421>. – Дата доступа: 06.10.2018.

6. Принимаемые в Республике Беларусь меры по противодействию торговле людьми [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://city-brest.gov.by/>. – Дата доступа: 06.10.2018.

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь; статьи, предусматривающие ответственность за преступления, связанные с торговлей людьми [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=3003>. – Дата доступа: 06.10.2018.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2018

Lahunouskaya A.A. Countering Human Trafficking, Illegal Migration, Child Pornography and Prostitution

The article, based on the study of statistics and reporting, examines the causes of the violation of the right to protection from exploitation and violence and the ways to counter them in social and political practice. It considers the political activity of the Belarusian state, state bodies, public organizations, aimed at combating antisocial phenomena: human trafficking, illegal migration, child pornography and prostitution in modern conditions.

УДК 291.13+398.1

Е.И. Пашкович¹, Р.В. Чуравский²¹канд. ист. наук, доц., зав. каф. всеобщей истории

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

²магистрант 2-го года обучения исторического факультета

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

e-mail: ¹pashkovich_elena@tut.by; ²churavsky.r@gmail.com**ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ МАССИВ ДРЕВНЕГО МИРА
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТРУКТУРАЛИЗМА**

Рассмотрен опыт представителей структуралистского направления в качестве методологического принципа при интерпретации фольклорно-мифологических текстов Древнего мира. Работа построена вокруг концепций основоположников структурализма К. Леви-Стросса и В.Я. Проппа и дает представление об основных положениях данного подхода в их исследованиях фольклорно-мифологического массива.

Введение

Одна из самых значительных теорий мифа XX и XXI вв. возникла в рамках школы французского структурализма, который возник благодаря Клоду Леви-Строссу, получившему известность как последовательный борец за права индейцев. По образованию будущий основатель структурализма был юристом и философом. Увлечение индейскими культурами пришло к нему в 1930-х гг., когда он читал курс лекций по социологии в университете Сан-Паулу. Благодаря возможности работать с индейцами, живущими в бассейне Амазонки, он собрал большой материал, описывающий повседневную жизнь народов Южной Америки [1, с. 535]. Тогда же, осмысливая культуру этих племен, он стал поднимать многие экзистенциальные вопросы, стремясь найти место антропологии в деле спасения вымирающих культур и сохранения их самобытности. В работе с собранным материалом ученый исходил из сугубо научной позиции, считая, что сознание человека и его поведение, должны исследоваться подобно тому, как ведется изучение явлений в физике, химии, биологии. По мнению К. Леви-Стросса, мифология должна стать тем, что лучше всего подходит для такого постижения сознания. Ей ученый посвятил целый ряд своих работ. В основе их лежала идея о том, что мифотворчество в архаических обществах существует относительно, независимо от других форм жизнедеятельности людей, например, влияния их социально-экономического положения, а потому дает возможность исследовать ум первобытного человека без этих напластований [2, с. 79]. Содержанию мифологических текстов совершенно неважно как живет общество. Какое бы оно ни было, жить лучше люди не станут, а потому и привносить в мифологию какие-то проблемы из социальной и экономической сфер жизни общества бессмысленно.

Историки структурализма в лингвистике

Предпосылкой для возникновения структурализма в антропологии и изучении мифа послужил структурализм Ф. де Соссюра в лингвистике. По его мнению, следует различать понятия язык и речь. Под первым он понимает набор грамматических структур, которые существуют у всех людей в сознании и которые человек усваивает после своего рождения, чтобы в дальнейшем коммуницировать с другими членами общества [3, с. 363]. Речь же, по Ф. де Соссюру, является чем-то индивидуальным, сферой, где

человек привносит свое личностное понимание. Поэтому речь представляется мгновенной и не связанной с коллективным (в отличие от языка). Задача лингвистики, по мнению ученого, состоит в изучении языка, который не подвержен влиянию субъективного понимания индивида и является объективно существующим. Ф. де Соссюр представляет язык в качестве системы знаков и элементов, которые образуют некоторую структуру ввиду подчинения определенным правилам и законам. Лингвистика, как указывает исследователь, изучая язык, не должна пытаться проникнуть в его историю образования, а сосредоточить внимание на современном состоянии [3, с. 364]. По его мнению, язык следует изучать не через соотнесение слов с объектами, которые они обозначают, а посредством выделения связей между его элементарными единицами. Рассматривая звуковую сторону языка, Ф. де Соссюр указывал, что такими элементарными единицами являются фонемы: они сами по себе ничего не обозначают, однако являются структурными элементами, на основе которых человеческий мозг выполняет словообразование, выражая, таким образом, свои мысли. Как писал русский лингвист первой половины XX в. Н.С. Трубецкой, «любое слово представляет собой целостность, структуру; оно воспринимается слушателями как структура» [4, с. 41]. Однако фонемы не существуют просто так. Н.С. Трубецкой указывал, что их содержание зависит от того, какое место занимает та или иная фонема в оппозиции к другой [4, с. 71]. В такой бинарной оппозиции, по мнению Н.С. Трубецкого, один из членов будет являться маркированным, т.е. более важным, а другой – немаркированным. Разница между ними заключается в обладании каким-то определенным признаком. К примеру, в оппозиции «жар – шар» маркированным будет являться [ж], поскольку он звонкий. Таким образом, происходит формирование бинарных пар в звуковой структуре языка. Позже такие же структурные компоненты были обнаружены и в других разделах языка, например в грамматике, где такой единицей стала «морфема». Именно эта идея обнаружения структурных компонентов и их бинарная оппозиция в языке, который казался таким хаотическим образованием, легла в основу концепции К. Леви-Стросса по выявлению сходной структуры в мифах, которые он считал составной частью языка.

Подход К. Леви-Стросса в интерпретации мифологического

Приступив к изучению мифов, К. Леви-Стросс начал искать в них противоположности сродни открытой в звуковой структуре языка бинарной оппозиции фонем, а также нечто, что лежит между ними, образуя промежуточное звено. Для их обнаружения ученый прибегает к ряду хитроумных приемов, разного рода допущениям, приравнениям и подстановкам. Так, привлекая какой-нибудь мифологический сюжет, исследователь брал все существующие его версии, считая, что под мифом нужно понимать их совокупность [5, с. 194]. Сам текст К. Леви-Стросс делил на несколько кодов, которые соответствовали тому или иному эпизоду из текста [2, с. 80]. К примеру, если в мифе рассказывается о каких-то нормах поведения, значит в нем можно выделить «этический» код, если о происхождении вселенной – «космогонический» и т.д. Далее ученый делал допущение о том, что отдельные элементы, которые он выделил в рамках этих кодов, могут, принимая причудливые формы, совпадать между собой. После этого он создавал таблицы с бинарными парами. Как утверждал К. Леви-Стросс, делал он это потому, что наш интеллект (у всех людей одинаковый) способен создавать такие построения. Рассмотрим применение данной конструкции на примере мифа об Эдипе, который в свое время рассматривал З. Фрейд.

Сюжет об Эдипе и его предке царе Кадме, дошел до нас в произведениях трагиков V в. [6, с. 658]. Этот фиванский цикл начинается с похищения Зевсом прекрасной Европы, дочери царя Тира Агенора. Тот поручает трем своим сыновьям Кадму, Килику и Фойнику отыскать свою сестру и без нее не возвращаться [7, с. 263]. Кадм решил узнать, где находится его сестра у дельфийского оракула бога Аполлона. Однако тот повелел ему не искать сестру, а найти корову с двумя лунными пятнами на боках и следовать за ней и на том месте, где она ляжет, – основать город. Так он и поступил: найдя корову, последовал за ней, пока она не легла. Довольный, что пророчество исполняется, он послал слуг к ручью за водой, но только те притронулись к воде, как услышали шипение. Выяснилось, что на этом месте живет дракон. Тогда Кадм решил вступить в бой с этим чудищем и, победив его, вырвал у него зубы, которые потом засеял. Там, где он их сеял, выростали вооруженные до зубов воины, которые тут же начинали сражаться насмерть между собой. В результате в живых осталось только пятеро. Они сложили оружие и, примерившись, zaloжили вместе с Кадмом крепость нового города Фивы. После Кадма в Фивах правил его сын Полидор, которому наследовал Лабдак. Премником Лабдака был Лай, отец Эдипа. История этого героя начинается с пророчества, данного его отцу, что якобы сын, который у него родится, убьет своего отца. Тогда он, чтобы этого не допустить, приказывает своему слуге отнести мальчика, который родится, на гору и там оставить на съедение диким зверям. Однако слуга сжалился над мальчиком и передал его слуге царя Коринфа Полибу, у которого детей не было. Тот со своей женой вырастили Эдипа. На одном из пиров друг Эдипа назвал его приемным, что поразило героя. Он пытался узнать правду у Полиба и его жены Мeroпы, но те не открылись ему. Тогда Эдип решил идти к дельфийскому оракулу, где получил пророчество, что убьет своего отца и женится на своей матери. Не зная окончательно, что его настоящие родители не Полиб и Мeroпа, Эдип подумал, что речь идет о них. Поэтому, чтобы не допустить исполнения пророчества он отправился в путешествие. В пути ему повстречался старец, который загородил дорогу, не давая Эдипу возможности пройти. Он ударил слугу этого старца и уже собирался уйти, как вдруг получил удар посохом от самого старика. Эдип в гневе нанес ответный удар, убив старика, который был не кем иным, как его отцом – царем Лаем. Таким образом, исполнилась первая часть пророчества. После этого Эдип вошел в Фивы, где узнал о горе горожан, которые вынуждены платить человеческую дань ужасному чудищу сфинксу, что поселился недалеко от города. Герой, желая облегчить тяжелую участь людей, отправился к сфинксу, загадывающему загадку о том, что есть человек, и убивающему не отгадавших ее людей. Разгадав загадку чудища, после чего оно кинулось в море, Эдип вернулся в город, где был провозглашен царем и женился на вдове Лая Иокасте. В итоге исполнились оба пророчества. От этого союза родилось двое сыновей и две дочери. Но вскоре город постигли несчастья, причиной которых был этот кровосмесительный брак. Узнав правду от прорицателя, Иокаста покончила с собой, а Эдип, не в силах более терпеть это, ослепил себя и обрек на изгнание. За ним последовала его дочь Антигона, которая провела его до Афин, где герой скончался. В Фивах же началась война за трон между сыновьями Эдипа Этеоклом и Полиником, в результате которой Полиник погиб. Его тело запретили хоронить, т.к. он во время войны он призвал на помощь город Аргос. Антигона, которая попыталась похоронить тело брата, сама была приговорена к смерти [8, с. 163–178].

Такова краткая версия фиванского цикла, для рассмотрения которого К. Леви-Стросс создает таблицу, состоящую из четырех колонок. Первая и вторая колонки представляют первую бинарную оппозицию и могут быть заключены в рамки «соци-

ального» кода. Третья и четвертая колонки – еще одна пара противоположностей, которые образуют «антропогонический» код. В первую колонку исследователь помещает все события, которые происходят между кровными родственниками, но выходят за рамки социальных норм. Здесь оказывается женитьба Эдипа на своей матери Иокасте, поиски прапрадедом Эдипа Кадмом своей сестры Европы, которую похитил Зевс, а также нарушение запрета Антигоной хоронить своего брата Полиника. Ученый призывает сделать допущение о том, что все эти события являются отображением гипертрофированных родственных отношений. Антиподом этого состояния служат события, представленные во второй графе. Среди них: Эдип, убивающий своего отца Лая; Этеокл, убивающий своего брата Полиника, и убивающие друг друга воины, которые вырастали из зубов дракона, засеянных Кадмом. Все эти эпизоды, по мнению Леви-Стросса, объединены общей канвой – утратой ценности родства [9, с. 433–434]. Таким образом, просматривается первая бинарная оппозиция: гипертрофия родственных отношений – гипотрофия родственных отношений. Все это объединяется в «социальный» код. Третью колонку ученый посвящает сюжетам с чудовищами. Сюда входят убийство дракона Кадмом и уничтожение Эдипом сфинкса. В четвертую колонку автор концепции относит имена трех царей Фив, которые он рассматривает с точки зрения их этимологии: Лабдак – хромой, Лай – левша, Эдип – толстоногий. Чем автор аргументирует такую расстановку? Относительно сюжетов из третьей колонки он пишет, что все они связаны между собой одной и той же идеей: чудовище убивает людей, тем самым забирая их жизни, но в то же время они создают человека. Так, Кадм убивает дракона, и из его зубов рождаются люди. Эдип убивает сфинкса, что, как считает К. Леви-Стросс, равнозначно по смыслу деянию Кадма, т.к. сфинкс лишал людей жизни, загадывая им загадку о том, что есть человек. Оба эти чудовища были побеждены человеком, общей чертой этой графы объявляется непринятие автохтонного происхождения человека [9, с. 434]. Вероятно, что в данном случае под «автохтонным» («the autochthonous origin») следует понимать идею несменяемости поколений. В данном случае, герои как бы показывают, что одни люди умирают, а другие рождаются, и тем самым реализуется цикл смертей-рождений. Бинарной оппозицией для этого является принятие автохтонного происхождения человека, как пишет Е.М. Мелетинский, «живущего на земле подобно растениям» [2, с. 86]. Оно объясняется с привлечением сюжетов, которые существуют у других народов и повествуют о том, как люди возникли из земли. К. Леви-Стросс замечает, что весьма часто в таких сюжетных линиях люди, выйдя из земли, первоначально не могли двигаться, либо страдали какими-то дефектами конечностей. Отображением этого в мифе об Эдипе может служить этимология имен трех царей Фив, каждое из которых обозначает тот или иной физический недуг. Обе эти графы исследователь объединяет во вторую пару оппозиций, под общим «антропогоническим» кодом. Таким образом, мы имеем две пары бинарных оппозиций с «социальным» и «антропогоническим» кодами. Что же выражает миф об Эдипе? Как пишет К. Леви-Стросс, «вероятно, общество, исповедующее идею автохтонности человека, не может перейти к мысли о том, что каждый из нас рожден от союза женщины с мужчиной; в обществе существует недооценка кровного родства, наряду с его переоценкой» [5, с. 193]. По его мнению, у людей существует стремление отвергнуть эту автохтонность и в тоже время невозможность сделать это. Поэтому мышление индивида разрабатывает логический инструмент, при помощи которого сама проблема несменяемости человека или его рождение от союза мужчины и женщины уступает место вопросу: «рождается ли подобное подобным или чем-то другим?». Это и есть то самое промежуточное звено, которое на-

ходится между бинарными оппозициями. К. Леви-Стросс обозначает его как «медиатор». В данном случае процесс медиации, по К. Леви-Строссу, служит логическим инструментом разрешения, т.е. ускользания от сложной экзистенциальной проблемы жизни и смерти [5, с. 193]. Он отмечает, что такой подход к мифологическому сюжету об Эдипе позволяет рассматривать все существующие его формулировки, а также фрейдистское толкование. В нем К. Леви-Стросс увидел постановку З. Фрейдом вопроса в отношении интерпретируемого им мифа, сходного по содержанию с вопросом, заданным в изначальном тексте: как союз двух может дать жизнь одному? [9, с. 435].

Итогом всей работы К. Леви-Стросса, как он сам пишет, является выведение формул любого типа мифов, если сам миф рассматривается во всей совокупности существующих вариантов. Формула, выведенная им для героических сказаний, вроде сказания об Эдипе, имеет следующий вид [9, с. 442]:

$$f_x(a) : f_y(b) \approx f_x(b) : f_{a-1}(y)$$

Разберем каждую ее составляющую: y – позитивная функция, деяние в отношении общества; восстановление справедливости; x – негативная функция, деяние в отношении общества; несправедливое, бесчестное поведение; a – антагонист, некий персонаж выполняющий негативные действия в отношении общества или главного героя; b – протагонист, главный герой, который восстанавливает справедливость и является медиатором в данной функции, поскольку находится между бинарной оппозицией: хорошее деяние (y) – плохое деяние (x).

Попробуем применить данную функцию к мифу о древнегреческом герое Телефе. Телеф, сын Геракла и жрицы Афины Авги, которая была дочерью аркадского царя Алея [10, с. 522]. Алей еще до рождения Телефа получил пророчество, что его сыновья погибнут от руки внука, рожденного Авгой. Поэтому он и сделал свою дочь жрицей богини Афины, тем самым обрекая ее на безбрачие. Когда Геракл гостил у аркадского царя, то тайно овладел его дочерью, в результате чего та забеременела. Произошло это в храме Афины, после чего в Аркадию пришел мор и голод. Тогда царь Алей спросил у пифии – прорицательницы, вещавшей от имени Аполлона, в чем же причина невзгод, постигших город. Та ответила, что в храме Афины было совершено преступление. Придя в этот храм, царь увидел, что его дочь беременна. Алей, испугавшись полученного ранее пророчества, не решившись убить свою дочь, приказал изгнать ее, отняв у нее сына и оставив его умирать на горе Парфения. Там его нашли пастухи царя Корифа, который взял мальчика к себе во дворец и воспитывал как родного сына. Когда мальчик подрос, то узнал, что является подкидышем. Тогда Телеф решил отправиться на поиски своих настоящих родителей. В своих странствиях он совершал подвиги и участвовал в сражениях, в одном из которых убил сыновей Алея, чем исполнил пророчество, данное до его рождения. В конечном итоге он пришел к дельфийскому оракулу, который сообщил ему, где искать мать: та оказалась в Мисии, где стала женой царя Тевфранта. Придя туда, герой воссоединился с матерью, а после смерти Тевфранта стал правителем в Мисии, взяв в жены одну из дочерей Тевфранта [6, с. 498].

Если мы рассмотрим данную историю в соответствии с переменными формулы, то получим следующую картину: царь Алей является антагонистом (a), поскольку совершает несправедливое действия в отношении главного героя и своей дочери, его матери, обрекая ее на безбрачие из-за своих желаний избежать предначертанного рока. К тому же после рождения Телефа Алей пытается помешать естественному ходу вещей, установленному богами, т.е. изменить свою судьбу, в результате чего изгоняет свою

дочь, а ее сына приказывает убить. Таким образом, он совершает несправедливое, негативное деяние (x). Телеф выживает и исполняет пророчество, чем восстанавливает волю богов, и мстит своему деду за бесчестное отношение к матери, т.е. совершается восстановление справедливости. Здесь одновременно проявляется и положительная функция (y) героя и отрицательная, которая направлена на антагониста (x). После этого он воссоединяется с Авгой, получая в жены дочь царя и становясь правителем Мисии. Тем самым Телеф преодолевает последствия плохого деяния антагониста и достигает успеха, что в формуле выражается как $f_{a-1}(y)$.

Насколько можно судить, К. Леви-Стросс находился между двумя вариантами толкования мифов. В одном случае, весь сюжет сказания сводится к выявлению бинарных оппозиций и нахождению медиатора с целью создания алгебраической формулы, которая, по задумке автора, объясняется логическим мышлением человека. С другой стороны, как в случае с Эдипом, содержание мифа приравнивается к какой-то конкретной бинарной оппозиции, нахождение и расшифровка которой оказывается, как пишет Е.М. Мелетинский, «разрешением противоречий» между жизнью, и смертью [2, с. 86]. В результате такого толкования, все содержание мифа иногда сводится к какой-нибудь простой рекомендации [11, с. 26–27]. Это уподобляет миф роману, автор которого пытается донести до читателя то, как следует вести себя в той или иной жизненной ситуации. Но если в таком романе этот посыл очевиден, то для обнаружения его в мифе, например как в случае с Телефом, – запрет не вмешиваться в естественный ход событий и не совершать несправедливые поступки в отношении других – необходимо применять изощренные математические операции.

Вопросы вызывает и наличие самой структуры, постулируемой К. Леви-Строссом в мифах. Основываясь на бинарных оппозициях, которые можно обнаружить при должном внимании, где угодно, привлекая для интерпретации мифов все его варианты и другие толкования, используя все возможные допущения, ученый создает конструкцию, которая не имеет объективной действительности, а является скорее игрой разума. Как отмечает И.М. Дьяконов, пользуясь методом структурализма, мы не проводим раскодирование мифов, а, наоборот, дополнительно кодируем их в терминологии структуралистского направления [12, с. 50]. Автор сначала разрабатывает конструкцию, а потом начинает искать ее в фольклорно-мифологическом массиве. Такой подход отчасти напоминает психоанализ. Современный российский антрополог Лев Самуилович Клейн выделяет следующие причины столь большой популярности у исследователей фольклорно-мифологических текстов.

1. Концепция К. Леви-Стросса возникла в кризисное для науки время, когда идейные ценности довоенного периода утратили свое значение. Люди в это время стали искать «тайные учения, гуру» [1, с. 543–544]. Таковым, по мнению автора, стал для них К. Леви-Стросс, стиль работ которого соединил в себе психологию, математику и лингвистику, образовав нечто сложное, запутанное и, местами, загадочное.

2. Попытка применения математических конструкций на фоне большой популярности физики и математики к области, которая считается гуманитарной, представлялась очень современной.

3. Многих, по мнению Л. Клейна, привлекло в структурализме отсутствие единой школы, без необходимости строгой доказательности постулируемых явлений и возможность разнообразных допущений.

Есть у французского антрополога и более объективные достижения. Так, им была пересмотрена концепция восприятия мифологического мышления древнего человека

Л. Леви-Брюля. Ему же принадлежит большая заслуга в деле искоренения расизма в отношении отсталых народов [1, с. 545]. Несмотря на это мы вынуждены признать, что концепция структурализма в отношении толкования мифологических текстов имеет не больше оснований, чем построение «эдипова комплекса» в психоанализе. Поэтому нам видятся справедливыми суждения Е.М. Мелетинского и Л.С. Клейна, которые в целом можно свести к следующему: создав структуру и законы ее функционирования, любой миф можно подогнать под ее содержание.

Структура сказки и толкование мифа В.Я. Проппом

Говоря об этапе зарождения структуралистского направления в антропологии и философии, нельзя не упомянуть еще одного ученого, чьи идеи во многом предвосхищали некоторые положения концепции К. Леви-Стросса. Владимир Яковлевич Пропп хотя и не причислял себя к структуралистской школе в том понимании, какое придавал понятию структурализма К. Леви-Стросс, все же занимался вопросами структуры фольклорно-мифологических текстов. В первую очередь он известен своими трудами по изучению волшебной сказки, структуру которой изложил в своей работе «Морфология сказки». Под волшебной сказкой В. Пропп понимал всякий рассказ, который построен на чередовании в установленном порядке определенных функций с возможностью пропуска некоторых из них либо их повтора по второму кругу [13, с. 89]. Всего таких функций В. Пропп насчитал 31 [14, с. 26–61]. Позже французский фольклорист А. Греймас, руководствуясь учением К. Леви-Стросса, сократил их число до 20, выявив среди них бинарные оппозиции [13, с. 91]. Все эти функции можно уместить в три сюжетных блока, которые можно условно обозначить так.

1. *Предварительное испытание*, которое вводится в сказку для того, чтобы герой приобрел средство для прохождения основного испытания. Например, герой отправляется спасать царевну и находит волшебного волка, который загадывает ему загадку. Тот отвечает на нее и получает волшебного помощника, т.е. волка, без которого он не смог бы пройти основное испытание.

2. *Основное испытание* – это эпизод, когда герой достигает цели и получает желаемое. К примеру, герой при помощи волка влетает на высокую башню и похищает царевну, которая была в плену у антагониста. Иногда на этом эпизоде сказка заканчивается, но чаще всего следует еще третье испытание.

3. *Дополнительное испытание* служит для того, чтобы удостовериться, что этот герой настоящий: герой с царевной прибыли домой, но какой-нибудь знатный человек присваивает себе подвиг, совершенный героем. Тогда он в результате какого-то волшебного действия либо раскрытия правды царевной, доказывает, что является настоящим свершителем подвига. В этом эпизоде частым моментом является чудесное физическое преобразование персонажа, например через купание в кипящем котле, и обязательным – повышение социального статуса: был обычным крестьянином – стал мужем принцессы.

Сказочная структура, определенная ученым, оказалась весьма продуктивной моделью для исследования повествовательных возможностей фольклора. Основатель французской школы структурализма К. Леви-Стросс скептически отнесся к этой работе, с которой смог ознакомиться только в переводе через 30 лет после издания на русском [24, с. 9–35]. Между учеными разгорелась дискуссия. К. Леви-Стросс обвинил советского ученого в приверженности школе формализма, т.к. тот уделял большое внимание выделению формы – жанра волшебной сказки, рассматривая его вне исторического контекста [52, с. 132]. На это В. Пропп заметил, что не всякое ее выделение вле-

чет за собой приверженность к формализму. Внеисторичность его подхода и рассмотрение исключительно сказки связано с интересом, а также обнаружением закономерности именно среди такого рода текстов [1, с. 546]. Ошибочность такой оценки К. Леви-Стросса в том, что школа формализма изучает сказки порознь, а В. Пропп в своей работе применил сравнительный метод и на большом материале показал, что есть связь между сюжетами, которые объединены структурой. В своем ответе на рецензию французского ученого, В. Пропп рассказал, что он пришел к этой структуре случайно: просто читая сборник сказок, заметил, что, несмотря на смену некоторого содержания, структура этих сказок одинаковая. Тогда, изучив около ста сказок такого типа, он выделил схему этой структуры. Возражения же К. Леви-Стросса, по мнению советского исследователя, показывают, что тот «представляет себе работу ученого так, будто у того сначала возникает метод, а потом уже он начинает размышлять, к чему бы этот метод приложить» [15, с. 135]. Такое замечание, пожалуй, самое точное указание на слабую сторону гипотетической концепции К. Леви-Стросса. Как отмечает Л. Клейн, произошло столкновение «объяснения материала и гипотетической схемы» [1, с. 546].

В своем творчестве В. Пропп уделит внимание и мифу, взяв для примера мифологическое сказание об Эдипе [15, с. 258–300]. Выбор именно этого сказания был совершенно случайным. Так как З. Фрейд и К. Леви-Стросс представили интерпретацию этого мифа, то ученый решил предложить свое видение. Его он построил на популярной гипотезе о существовании когда-то давно в развитии человеческого общества периода матриархата, когда женщины занимали главенствующее положение. В. Пропп увидел в истории Эдипа переход от этой стадии к стадии патриархальной. По его мнению, когда-то давно существовал «старый порядок», т.е. матриархат, где наследование престола велось по женской линии и претендент на трон, чтобы его занять, должен был вступить в брак с дочерью действующего правителя [15, с. 270]. Когда претендент объявлялся, то он помимо вступления в брак с дочерью царя стремился также убить будущего тестя и тем самым ускорить процесс наследования. Таким образом, происходила борьба за престол между отцом девушки и будущим зятем. По мнению В. Проппа, такая борьба была оправдана со стороны героя тем, что отец девушки всячески стремился помешать этому браку, т.к. не желал появления соперника за трон в лице зятя. Но со временем женщины утратили господствующее положение, в результате чего произошло изменение порядка наследования: оно стало вестись по мужской линии. Сказание об Эдипе является отражением этого перехода, т.е. установления «нового порядка». По мнению исследователя, проявляется это в том, что Эдип является не зятем царя, а его сыном, женится он не на дочери царя, а на его жене, т.е. своей матери, и убивает своего отца не потому, что тот стремился сорвать женитьбу Эдипа на ком-либо. Таким образом, этот сюжет и многие схожие ему, являются отражением пережитка некоего иного состояния общества, когда наследование трона осуществлялось не от отца к сыну, а через дочь зятю. Как пишет В. Пропп, схожий мотив можно обнаружить и в сказке, где очень часто главный герой борется со своим будущим тестем, который ущемляет права своей дочери или хочет выдать ее замуж за того, кого она не любит. В этой борьбе герой непременно выходит победителем, после чего женится на царевне и становится правителем. Отец же девушки либо погибает, и тогда герой наследует все царство, либо примиряется со своим зятем и передает ему полцарства в управление.

Вся эта конструкция выглядит довольно логичной. Однако она опирается в проблеме истории развития человеческого общества и отсутствия доказательств гипотезы о существовании матриархата как некоего эпохального явления [62]. Построение, пред-

ложенное В. Проппом, безусловно, не является безумным, но его легко опровергнуть, используя методы археологического подхода к фольклорно-мифологическому материалу. Необходимо нанести на карту те случаи, где присутствует борьба между тестем и будущим зятем, и мы увидим, что эти сюжеты распространены по миру довольно бессистемно, не имея связи с фактом развития патриархального или матриархального уклада общества. В результате оказывается, что эту гипотезу абсолютно невозможно доказать.

Тем не менее вклад В. Проппа в фольклористику поистине огромен, как и его влияние на развитие структурализма. Проблема, как нам кажется, заключается в слишком сильной ориентации на систему К. Леви-Стросса. Этот ученый многое сделал для структурализма, подняв сам вопрос о наличии структуры в таком хаотическом массиве, как фольклорно-мифологический. Но его доказательство от гипотезы, на которое обратил внимание В. Пропп, на наш взгляд, является совершенно неверным, поскольку ведет в таком случае к подгонке имеющегося материала под постулируемые положения. По всей видимости, подход, который использовал В. Пропп в работе с волшебными сказками, является наиболее приемлемым, хотя в то же время мы видим, как этот ученый сам совершает ту же ошибку, что и его французский коллега. Построив схему на основании ошибочной гипотезы о матриархате, он вписывает в ее рамки миф об Эдипе, подтверждая его всевозможными примерами из сказки, считая их отображением когда-то существующего порядка. С таким же успехом можно предположить, что та же история об Эдипе и другие примеры не отражают такого порядка, а, наоборот, показывают ситуацию, которой в реальной жизни быть не могло.

Заключение

Анализируя концепции, предлагаемые исследователями в рамках структурализма в отношении фольклорно-мифологического массива данных, мы приходим к выводу, что обе они страдают одним важным недостатком: им присуща принципиальная неверифицируемость. Эти замечания не относятся к сказочному материалу, который анализировал В.Я. Пропп в своей работе «Морфология волшебной сказки». Они касаются мифологических сюжетов и попыток обнаружить там некую структуру на основании семиотического восприятия текстовых массивов. На наш взгляд, проблема такого рассмотрения изучаемых текстовых единиц заключается в неправильной последовательности восприятия этих самых текстов исследователями. Они сначала строят некую конструкцию, которая в дальнейшем накладывается на определенный сюжет или группу сюжетов. Такой подход сопряжен с особенностями восприятия субъектом какого-то объекта. Среди таковых можно назвать феномен апофении и так называемую «ошибку техасского стрелка». Все это может привести к тому, что бессвязные элементы выстроятся в какую-то структуру, образуя между собой взаимосвязи, и что-то будут объяснять. Как справедливо отмечает основатель актуального на сегодняшний день археологического подхода в фольклористике Ю.Е. Березкин, в основе построения «подобных химер» лежит убежденность людей в том, что каждый элемент культуры не случаен и что за ним стоит «высший принцип», который объясняет все и все наделяет смыслом [17, с. 240].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клейн, Л. С. История антропологических учений / Л. С. Клейн. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2014. – 744 с.

2. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М. : Восточ. лит., 2000. – 407 с.
3. Найдыш, В. М. Мифология : учеб. пособие / В. М. Найдыш. – М. : КНОРУС, 2010. – 432 с.
4. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии / Н. С. Трубецкой ; пер. с нем. А. А. Холодич. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 352 с.
5. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс ; пер. с фр. В. В. Иванова. – М. : Наука, 1985. – 398 с.
6. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. / редкол.: С. А. Токарев (гл. ред.) [и др.]. – М. : Совет. Энцикл., 1991–1992. – Т. 2 : К – Я. – 1992. – 719 с.
7. Тахо-Годи, А. А. Греческая мифология / А. А. Тахо-Годи. – М. : Искусство, 1989. – 302 с.
8. Немеровский, А. И. Мифы и легенды народов мира : в 3 т. / А. И. Немеровский. – М. : Литература : Мир книги, 2004. – Т. 1 : Древняя Греция. – 496 с.
9. Levi-Strauss, C. The structural study of myth / C. Levi-Strauss // The Journal of American Folklore. – Vol. 68, № 270. – P. 428–444.
10. Мифологический словарь / редкол.: Е. М. Мелетинский (гл. ред.) [и др.]. – М. : Совет. Энцикл., 1990. – 670 с.
11. Стеблин-Каменский, М. И. Миф / М. И. Стеблин-Каменский. – Л. : Наука, 1976. – 103 с.
12. Дьяконов, И. М. Архаические мифы Востока и Запада / И. М. Дьяконов. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 248 с.
13. Зарубежные исследования по семиотике фольклора / редкол.: И. С. Брагинский [и др.]. – М. : Наука, 1985. – 315 с.
14. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2001. – 192 с.
15. Пропп, В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи / В. Я. Пропп ; под ред. И. С. Брегинского [и др.]. – М. : Наука, 1976. – 324 с.
16. История женщин на Западе : в 5 т. : / под общ. ред. Ж. Дюби, М. Перро ; пер. с англ. А. В. Карасева [и др.]. – СПб. : Алетейя, 2014–2015. – Т. 1. – 2014. – С. 457–471.
17. Березкин, Ю. Е. Об универсалиях в мифологии / Ю. Е. Березкин // Актуальные проблемы изучения архаики / под ред. М. А. Ильиной. – СПб., 2014. – С. 237–253.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.11.2018

Pashkovich E.I., Churavsky R.V. Folklore-Mythological Array of the Ancient World in the Interpretation of Structuralism

The article is devoted to one of the popular directions in working with textual data files – their interpretation. The paper presents an analysis of the experience of representatives of the structuralist trend as a methodological principle in the interpretation of folklore and mythological texts. The work is built around the concepts of the founders of structuralism – K. Levi-Strauss and V.Ya. Propp – and gives an idea of the main provisions of this approach in their studies of folk-mythological.

УДК 94 (476)

А.Ю. Бодак

канд. ист. наук, доц., доц. каф. всемирной истории
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: bodak1961@yandex.ru

ПРИВЛЕЧЕНИЕ МЕСТНЫХ КАДРОВ К РАБОТЕ В ОРГАНАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ГАНЦЕВИЧСКОМ РАЙОНЕ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена проблеме установления советской власти в регионе западной Беларуси в период, который предшествовал Великой Отечественной войне, на примере Ганцевичского района. Одним из ключевых вопросов организации новой жизни в воссоединенных областях стало привлечение к руководству района представителей местного населения. Этот процесс оказался очень сложным и потребовал больших усилий со стороны органов советской власти. К лету 1941 г. задача в целом оказалась решена, но ее окончательное решение прервала война.

В связи с воссоединением БССР осенью 1939 г. во вновь образованных районах республики остро стал кадровый вопрос. Руководить здесь без привлечения местных жителей было невозможно, и партийные и советские структуры начали работу по отбору и воспитанию местных кадров. Путь этот оказался сложным. Обнаружилось много проблем и кадровых ошибок, людей приходилось учить практически с нуля. Потому можно оценить масштабность этой работы, которая продолжится и в послевоенные годы, а закончится тем, что в этих районах будет выстроена крепкая и динамичная кадровая система. В статье излагается история становления кадровой системы в Ганцевичском районе, который входил в 1940–1954 гг. в состав Пинской области.

Начало этого пути было крайне трудным. Образование и воспитание части будущих руководящих кадров оставляло желать лучшего: в низовых структурах хозяйственных учреждений оставалось много людей, к которым у соответствующих органов возникали неизбежные вопросы. Кроме того, долгое время у приезжего начальства будет сохраняться ярко выраженный синдром недоверия и подозрительности к местным выдвиженцам.

В течение 1940 г. руководителями района выступали «восточники», которые неоднократно это демонстрировали. Так, 8 апреля на районном партсобрании заведующий районным земельным отделом Чеботарев заявлял: «Штат набрали из местных жителей, а они не могут работать с людьми» [1, л. 15]. Ему вторил заведующий Райпотребсоюзом Пикман: «У нас работает много бывших торговцев и спекулянтов» [9, л. 10]. Представитель райкома Сохар отмечал, что в Круговичах «некий Купайчик организовал МОПровскую партию (МОПРа – международная организация помощи рабочим – А. Ю.), его избрали председателем, а жену секретарем» [1, л. 12].

Иногда руководители из местных позволяли себе довольно независимые высказывания. Так, начальник Хотыничского участка Наркомстройпромхоза Фиш, не скрывая, что при польской власти имел в Столбцах лесопильный завод, а два последние «польские» года имел с братом чайную и кондитерскую в Ганцевичах, в ответ на критику творимых им безобразий, заявлял: «На меня кидали грязь и ни черта мне не сделали и не сделают, а вы все остались в дураках» [5, л. 25].

Откровенные высказывания местных руководителей оказались зафиксированы в ряде доносов местных жителей на председателя Чудинского сельсовета Каско,

по мнению райкома, ставшего «на антисоветский путь». В доме Михаила Захарчени он говорил: «Мабыть там, в СССР в колхозах плохо. Моя баба рассказывала, что из Семейева приходила жабровать женщина очень оборванна. Если бы хорошо – не кинули бы там работу. Им там не дают сена косить, охоту отбивают, коров не держат и голодные. Из Минска говорят, что наших хлопцев высылают за то, что говорят правду». Как сообщал информатор, он «говорил и тяжело-тяжело вздыхал». По мнению руководства, он не запрещал разговоров колхозников, подобных тому, что состоялся в мае на общем собрании: «Кабы знал хорошо все раньше, ни за что своего коня в колхоз бы не обогулил». На кустовом совещании председателей сельсоветов в Лунинце в июне 1940 г. он посетовал Сергеене Василию Захаровичу: «Скоро на нас войной пойдут. Эх, знал бы это, никогда не вступил бы в эту организацию. Почему я тогда не заболел?» [8, л. 3].

Особо следует сказать о председателе Мальковичского сельсовета Хилютиче Павле Прокофьевиче, о поведении которого красноречиво свидетельствовали записки как местных активистов, так и представителей районных властей. Необходимо отметить, что некоторые сообщения о его поведении похожи на сведение счетов и наветы. Тем не менее у него явно были и выходы, которые заставляли районное начальство верить тому, что сказано. На президиуме сельсовета по лесозаготовкам 27 августа 1940 г. он заявил: «Народ не может продать сено государству, ибо накопили мало из-за непогоды, и сено не дома, на лугах и болотах» (его слова поддержал член сельсовета Федор Максимович Малявко из Задубья) [5, л. 10]. 11 сентября 1940 г. он вызвал 11 допризывников из д. Липск, а сам уехал в Задубье. Тогда же написали, что он «приходит на работу только к 11-ти часам» [5, л. 11]. В октябре 1940 г. отмечалось, что П.П. Хилютич не подает пример недисциплинированности и «до сих пор» не уплатил сельхозналог и страховки, не сдал зерно- и картофелепоставки [5, л. 6]. Тогда же он с помощником прокурора, согласно донесению, «заявились самоснабжением»: в рабочее время в магазине Белостокского текстильного треста «купили по пальто и чем-то затоварились на лесопильном заводе» [19, л. 10].

В ноябре председатель Мальковичского сельсовета оказался замешан в серьезном правонарушении, о котором свидетельствует документ, приведенный без комментариев: «10.11. в Ганцевичи был доставлен Страх В.Д. Вечером 8.11. он пришел в клуб д. Мальковичи, где шла культурная постановка. После при клубе – квартира гражданки Ваверек Анны. Страх и Рогатко пригласили туда завклубом Кветко и председателя сельсовета Хилютича. Страх начал похабно приставать к Ваверек. Вызвали милиционера Крицкого. Страх начал драться кулаками, потом ушел в поселок потребовал у гр. Шепелевича топор или нож. Тот не дал, тогда Страх выдрал из телеги Шепелевича железный сердечник и вернулся в клуб, хотел дать по голове Хилютичу. Его обезоружили и вывели из клуба. Видя озверевшего Страха, вооруженного железным сердечником, молодежь из клуба разбегалась, в панике полезли в окна и двери. Гад признал себя виновным, но заявил, что милиционер и председатель сельсовета его сами избili в квартире Ваверек и во дворе клуба. Его уперли в Пинскую тюрьму с вещдоком – железным сердечником» [7, лл. 16–17].

12 января 1941 г. Хилютич собрал допризывников по постановке на учет в райвоенкомат и ругался на них «отборной матерной бранью». Допризывник Иван Петрович Милевский озадаченно заметил: « При панской Польше так не ругались, когда шли в армию, а председатель сельсовета, избранный народом, а ругается» [5, л. 22об].

В тот же день на собрании в Куково он грозил, что если крестьяне не выполнят план лесозаготовок и вывоз за 4 квартал, то тамошние депутаты ответят своей головой.

Угрозы продолжились 16 января, когда в Хотыничах на собрании по заготовке леса и вывозу древесины, он посулил крестьянам: «Кто завтра не выедет в лес – будьте уверены, что я вас переселю в Вологодскую губернию» [5, л. 22об].

19 января 1941 г., когда в сельсовете проходило собрание по заготовкам и вывозу, «Хилютич и Кулан (секретарь сельсовета) не смогли руководить собранием, и правление взяло собравшихся в свои руки». 30 января Кулан собрал собрание в Роздяловичах, председатель сельсовета кричал, что он тут хозяин и без него они не имеют права собираться. Приехавшему уполномоченному заготовке сена и просившего провести собрание по закупке сена, он заявил: «Я хозяин и не разрешаю собрание... пускай ко мне приезжает кто хочет, не только с района, но даже из области, я и его могу послать к чертовой матери, потому что я здесь хозяин» [5, лл. 22–23об]. 16 февраля 1941 г. председатель пирова у Каханчика вместе с секретарем райисполкома Ляховым, уполномоченным райисполкома по лесовывозу и лесозаготовкам. Так же там присутствовали депутат сельсовета Петр Карпович Гацук и Федор Игнатьевич Ярошевич. «Информатор» этого события обобщил: «При Польше оба имели собственное кирпичное производство с применением наемной рабочей силы, а Ярошевич имел и батрака в хозяйстве» [5, л. 40].

Председатели сельсоветов несли ответственность перед советской властью за поведение своих «подданных», иногда не желавших идти в ногу с указаниями сверху. Это означало по тогдашней терминологии ослабление бдительности в работе с массами. Немало неприятностей получил председатель Огаревичского сельсовета Иван Александрович Рублевский за инцидент, произошедший в д. Огаревичи 23 июня 1940 г. на собрании по лесозаготовке, лесовывозу и дорожным работам, которое проводил секретарь райисполкома Ляхов. Тот не успел закончить своего выступления, как на сцену вышел местный житель Минич Герасим Андреевич. Он заявил, что раз ему отремонтировали сапоги дорого и недоброкачественно, «мы не пойдем на лесовывозку и заготовку леса, а равно и дорожное строительство, пусть идут те сволочи, которые сидят в Ганцевичах». Народ отреагировал на это выступление аплодисментами и криками «правильно». Тем не менее позже огромное количество людей отправилось на работы не без воздействия председателя сельсовета. Разгневанный Ляхов информировал райком, что он «знает Минича с 1939 г. как настроенного антисоветски. После выступления он вышел не в дверь, а в окно. Нужно принять к нему меры». На донесение Ляхова была наложена злобная резолюция секретаря райкома: «Органам НКВД разобраться» [3, л. 87]. Чтобы самим не стать объектами разбирательства, некоторым председателям приходилось «сдавать» политически неблагонадежных односельчан. Так, в августе 1940 г. председатель Чудинского сельсовета Александр Васильевич Рулинский, не дожидаясь доноса, сам рассказал представителю райкома о том, что сын бывшего председателя колхоза имени Молотова Захарченя Антон Федорович – бывший член польской организации «Стрелец» (упорно именуемой местными «Щелец» – А. Ю.) – ведет агитацию против комсомольской организации колхоза. По дороге из Островчя в Колки он говорил председателю: «Гитлер – гений. Он всех разобьет, в том числе СССР, потому что у советской власти нет ничего, там народ ожидает войны, когда она вспыхнет, народ поднимет восстание и совершит революцию». Об этом он просил никому не рассказывать и держать в тайне [8, л. 11]. Судя по тому, что тайны не вышло, дальнейшая судьба бывшего «стрельца» была незавидной.

17 декабря 1940 г. райком подводил итоги кадровой работы в районе за истекший год. Было отмечено, что в 1940 г. на ответственную руководящую работу выдвинули 688 человек, из них 91 член партии, 93 комсомольца, а остальные – беспартийные.

Из общего количества, местные составили 563 человека (321 белорус, 71 поляк, 20 русских, 138 евреев, 3 украинца и 2 – представители других национальностей) [2, л. 38].

Лучшими из местных представителей власти были названы Антон Степанович Клевец (председатель Ганцевичского сельсовета, депутат Верховного Совета СССР), при котором его сельсовет «стал первым во всем»; Иван Александрович Рублевский (председатель Огаревичского сельсовета, на 100 % выполнил все общественно-политические кампании, построил клуб и 4 школы); Лазарь Моисеевич Шмуклер (председатель Велико-Рожанского сельсовета, «показал класс в идейно-теоретическом уровне»); Василий Игнатович Наумик (финагент по Мальковичскому сельсовету, в работе с единоличниками добился 100 % выполнения финплана); Петровский (агент Ганцевичского Райуполнаркомзага, добился 100 % поставок государству) [2, л. 39].

Ряд местных представителей власти подвергался критике, не всегда обоснованной. Бывшему председателю Чудинского сельсовета Еремею Петровичу Каско вменили в вину, что он при учете земли приписывал землю беднякам и уменьшал кулакам, «связался с кулацкой средой». Бывший председатель колхоза имени 17 Сентября Кузьмин «развалил работу в колхозе, не прислушивался к голосу лучших колхозников и колхозниц, был связан с бывшим солтысом и кулаками» [2, л. 40] (хотя на самом деле им припомнили критические высказывания в адрес некоторых непродуманных властных мероприятий).

Всего за 1940 г. было снято с работы как «не справившихся и не оправдавших доверие» 13 человек, из них 8 местных. Все они «не работали над повышением теоретического уровня и не изучали историю партии» [2, л. 39]. Среди них были 3 председателя и 2 секретаря сельсоветов. Отдельно сняли 43 человека в Леспромхозе, Стройлеспромхозе и Райпотребсоюзе [2, л. 40].

Для воспитания новых кадров за 1940 г. были направлены на краткосрочные курсы председателей и секретарей сельсоветов 23 человека, председателей сельпо – 3, бухгалтеров сельпо – 4, завмагаов – 5, трактористов – 15, лаборантов заготзерна – 3, начальников участка и мастеров – 4, заведующих школами и учителей – 85, дорожных мастеров – 3, заведующих Домами социалистической культуры – 3, сельхозактива – 50: послано в годичную сельскохозяйственную школу – 12, на курсы трактористов и механиков – 10, в школы ФЗО и железнодорожную школу – 80 [2, л. 40].

Для повышения квалификации работники регулярно сдавали техминимумы: работники торговли, финансовых, почтово-телеграфных, финансово-банковских органов, милиции и лесозаготовительных и лесоразрабатывающих органов. Так же периодически проводились производственно-технические совещания по всем учреждениям и предприятиям, 2 совещания с хозяйственниками по вопросу «выковывания и воспитания кадров». Проводилась и политическая работа – за год местным кадрам было прочитано 28 лекций для изучения «Краткого курса ВКПб», науки, религии и международного положения [4, л. 1].

Вопрос о местных кадрах продолжал стоять остро в первое полугодие 1941 г. вплоть до начала войны. 30 апреля 1941 г. райком раскритиковал сразу 4 сельсовета района. Председателю Круговичского сельсовета (Лисок) досталось за то, что он был тесно связан с Лелесом Василием Михайловичем из д. Медники. Тот, по утверждениям местных жителей, «выдавал властям революционно настроенных крестьян и сейчас враждебен». В нарушении здорового образа жизни были отмечены депутаты Куковского сельсовета Турко Николай Остапович, Богдан Михаил Людвикович и Гордей Герасим, которые пили с Жуковским Тихоном Ивановичем и Запаковским Янко Янковичем

и покрывали их невыполнение гужевой повинности. Это вызывало недовольство крестьян [6, л. 65].

В марте 1941 г. чуть не лишился должности председатель Хотыничского сельсовета – там был закидан грязью портрет Сталина. Подозрения пали на Адама Кононовича, отец которого был «изъят» органами НКВД [10, л. 1].

В том же сельсовете 23 апреля на совещании депутатов по подготовке к празднованию 1 мая депутат Тимошкевич Павел Иосифович говорил: «Мы не должны помогать милиции. Указания милиции для нас не закон, делайте, как кому вздумается, милиция нам ничего не сделает». Сам депутат, несмотря на неоднократные предупреждения со стороны милиции, гнал самогон. Председатель Хотыничского сельсовета Хилютич накануне 1 мая развел в сельсовете грязь. Местные жители говорили, что он часто ездит в Роздяловичи якобы по службе, «а на деле к бабам, славящимся своей половой распущенностью, – Шемет Екатерине Петровне и Марии Макаревич» [6, л. 72]. Депутат того же сельсовета Охремчик Павел Герасимович, как доложили местные тому же представителю райкома, «враждебен власти недоволен и пускает клеветнические слухи, что Советская власть долго не продержится, а при Польше был связан с полицией» [6, л. 65].

В мае 1941 г. райком неоднократно критиковал местных депутатов – 8 мая житель д. Куков Санько Владимир Федорович подтвердил представителю райкома, что бывший секретарь комсомольской организации д. Остров Куковского сельсовета Тихон при поляках систематически крал и был судим, а на комсомольской работе требовал с кандидатов в члены ВЛКСМ «могарыч» в размере 1 литра водки [6, л. 72]. Тогда же и в том же сельсовете депутат, заведующий магазином Богдан Михаил Людвинович при поступлении в его торговую точку промтоваров, по знакомству отдавал их своим друзьям – депутату Турко Николаю Антоновичу и председателю сельсовета Рублевскому. Турко заявил проявившим недовольство крестьянам, что ему, как депутату, «положено брать в неограниченном количестве» [6, л. 72].

20 мая 1941 г. на стол инструктору райкома легла бумага от жителя д. Хотыничи, в которой говорилось, что депутат райсовета из этого села Гацук Григорий Антонович 2 мая вместе с местным жителем Охремчиком Василием Антоновичем зашел в хату к Ирине Григорьевне Дрозд (жене бывшего солтыса, репрессированного органами НКГБ), где ночевал до утра. В течение ночи он пытался склонить женщину к отношениям, запугивая служебным положением. Когда та отказалась, тот пригрозил увеличением ее налогообложения до 2 000 руб. [6, л. 27].

15 мая 1941 г. в райком поступила с опозданием информация от Герасима Минича по поводу некоторых местных работников, которые еще осенью 1939 г. принимали участие в разграблении имения Опацких в Огаревичах: «После того, как (Константина) Ковша выгнали из совхоза, он сейчас работает в магазине Стройлеспромхоза. Ковш Кастусь работает в лесхозе объездчиком, Ковш Александр Антонович служит на железной дороге стрелочником. Все Ковши в прошлом панские подлизники. Работали тесно с офицерами и полицией, и полиция заезжала в их дома. Ковш Антон замещал полицейского, имел револьвер, был в Лунинце на курсах 2–3 месяца. Прошу принять меры» [11, л. 5]. Иногда подобная информация приобретала характер явного сведения каких-то счетов. Примером может служить отправленная тем же числом записка на своего коллегу от землемера Михан Петра Александровича на имя наркома совхозов Голодушко: «Тихончук Михаил выдал членов КПЗБ Витко Николая (члена КПЗБ с 1926 по 1938 гг.) и Плотко Кастуся из Любашево, который был выдвинут солтысом по заданию КПЗБ»

[11, л. 5]. Возникает неизбежный вопрос: почему этот информатор ждал с осени 1939 г., когда такая информация была бы куда более кстати?

31 мая 1941 г. заместитель завотделом кадров райкома Иванов констатировал на районном партсобрании: «Мы на разные работы выдвинули 130 местных человек, но их плохо воспитываем, например, в сельсоветы выдвинуты новые люди без опыта, а им райисполком не оказывает помощи... Продолжается засоренность кадров – в Круговичском сельпо работает сын дьяка, и другие тоже» [1, л. 57].

Следует отметить, что работа по совершенствованию местных кадров в районе проходила вплоть до 22 июня 1941 г. Сложности субъективного характера постепенно преодолевались и были бы окончательно преодолены, если бы не начало войны, которая временно сорвала процесс окончательного установления Советской власти в регионе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный Архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 2219-п. Оп.1. Д. 7.
2. ГАБр. – Ф. 2210-п. Оп. 1. Д.14.
3. ГАБр. – Ф. 2210-п. Оп. 1. Д.16.
4. ГАБр. – Ф. 2210-п. Оп. 1. Д. 18.
5. ГАБр. – Ф. 2210-п. Оп. 1. Д.19.
6. ГАБр. – Ф. 2210-п. Оп. 1. Д.27.
7. ГАБр. – Ф. 2210-п. Оп. 1. Д.28.
8. ГАБр. – Ф. 2210-п. Оп. 1. Д.41.
9. ГАБр. – Ф. 2210-п. Оп. 1. Д.55.
10. ГАБр. – Ф. 2210-п. Оп. 1. Д.135.
11. ГАБр. – Ф. 2210-п. Оп. 1. Д.137.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.11.2018

Bodak A. Yu. Attracting Local Personnel to Work in the Soviet Authorities in Gantsevichi District before the Great Patriotic War

This article is devoted to the problem of the establishment of Soviet power in the region of western Belarus in the period that preceded the Great Patriotic War on the example of the Gantsevichi district of the Pinsk region (now the Brest region). One of the key issues of organizing a new life in the reunited areas was the involvement of representatives of the local population to the district leadership. This process turned out to be very difficult and demanded great efforts on the part of the Soviet authorities. By the summer of 1941, the task as a whole was solved, but its final decision was interrupted by the war.

УДК 316.344.8(476+417)(091)

І.В. Поўх

канд. філал. навук, дац. каф. замежных моў
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
e-mail: iryna_powkh@tut.by

ГІСТАРЫЧНЫЯ ЎМОВЫ СТАНАЎЛЕННЯ НАЦЫЯНАЛЬнай САМАСВЯДОМАСЦІ Ў БЕЛАРУСІ І ІРЛАНДЫІ

Праведзены аналіз падабенства і адрозненняў гісторыка-культурнага генезісу Беларусі і Ірландыі; вылучаны асноўныя гістарычныя падзеі, якія садзейнічалі станаўленню і развіццю нацыянальнай самасвядомасці ў гэтых краінах; адзначаюцца фактары, якія іх аб'ядноўваюць. Разглядаюцца перадумовы для ўтварэння дзяржаўнасці і самаідэнтыфікацыі беларусаў і ірландцаў, прычыны страты Беларусі і Ірландыі нацыянальнай незалежнасці, працэс фарміравання нацыянальна-палітычных рухаў, стварэння атрыбутаў нацыянальна-дзяржаўнай улады. Вызначаны агульныя геапалітычныя, гістарычныя і сацыяльна-эканамічныя фактары, якія садзейнічалі станаўленню нацыянальнай самасвядомасці ў Беларусі і Ірландыі.

Уводзіны

Як вядома, сапраўдная гісторыя кожнага народа пачынаецца толькі з усведамлення сваёй адметнасці і працягваецца да той пары, пакуль не знікне ўласцівая яму здольнасць вылучаць сябе сярод іншых народаў. Яна існуе датуль, пакуль людзей не пакіне этнічная і нацыянальная самасвядомасць. Пры поўнай яе страце адбываецца расцягванне пазбаўленых нацыянальнай самасвядомасці людзей больш моцнымі суседнімі этнасамі. Асабліва паскоранымі тэмпамі гэтыя працэсы адбываюцца тады, калі перспектывы на дадзены момант этнасы маюць шмат агульнага ў культуры і гісторыі з народамі, што знаходзіцца на мяжы страты сваёй нацыянальнай самасвядомасці. Народы з непадобнымі, супрацьлеглымі антрапалагічнымі рысамі, напрыклад славяне і цюркі, звычайна цяжка паддаюцца асіміляцыі пры варунках, калі суседнічаюць, уступаюць паміж сабою ў кантакты. Беларусы ж спрадвеку жылі і жывуць на сумежжы з чатырма вельмі блізкімі да іх паводле антрапалагічных прыкмет і культуры народамі, і таму пры неспрыяльных акалічнасцях мы даволі часта адмаўляліся ад сваёй этнічнай прыналежнасці. Узніклі такія акалічнасці не самі па сабе, а ў выніку свядомай дзейнасці дзяржаўных улад.

Нягледзячы на значную тэрытарыяльную аддаленасць Беларусі і Ірландыі, гэтыя дзве краіны маюць шмат агульнага ў сваім гісторыка-культурным генезісе. Даследчык Галіна Адамовіч звяртае ўвагу на той факт, што на тэрыторыі сучаснай Беларусі археолагамі былі знойдзены рэшткі кельцкай матэрыяльнай культуры: упрыгожанні, грошы, прадметы побыту, а таксама на помнікі духоўнай культуры кельтаў, якія знайшлі сваё адлюстраванне ў беларускай перакладной літаратуры, у прыватнасці сюжэты кельцкага паходжання («Аповесць пра Трышчана» – помнік беларускай перакладной літаратуры XVI ст.) [1, с. 72].

Беларускія навукоўцы адзначалі наяўнасць значных падабенстваў ў гісторыі і культуры Беларусі і Ірландыі. Так, С. Шупа звяртае ўвагу на «фатальную залежнасць» беларусаў і ірландцаў ад бульбы [10], якая з'яўляецца адным з асноўных прадуктаў харчавання ў абодвух народаў. Сярод іншых фактараў даследчык адзначае значныя моўныя страты, панесеныя ў XX ст., геасоцыякультурнае падабенства (знаходжанне абе-

дзвюх краін на мяжы з Еўропай, вынікам чаго стала запаволенасць жыццёвых працэсаў, эміграцыя), геапалітычны фактар (непасрэднае суседства з больш вялікімі і магутнымі дзяржавамі, крыніцамі палітычнай, культурнай і моўнай агрэсіі). У сувязі з гэтым даследчык параўноўвае сучаснае становішча Беларусі ў складзе СНД з існаваннем Ірландскай вольнай дзяржавы (Irish Free State) ў складзе Брытанскай Садружнасці.

Падабенства гістарычных лёсаў Беларусі і Ірландыі адзначае і Адам Мальдзіс. Сярод асноўных фактараў, якія аб'ядноўваюць гэтыя дзве краіны, ён называе той факт, што «права на іх існаванне, дзяржаўнасць ставілася пад сумненне, а часам ставіцца і сёння больш магутнымі суседзямі» [1, с. 10]. Ён звяртае ўвагу і на тое, што як Беларусь, так і Ірландыя далі свету шмат таленавітых асоб, але ўсе яны так ці інакш увайшлі ў культурную спадчыну іншых нацый. Так, Ірландыя дала сусветнай літаратуры чатырох лаўрэатаў Нобелеўскай прэміі (Б. Шоў, У.Б. Йейтс, С. Беккет, Ш. Хіні), але ўсе яны пісалі на англійскай мове. Тая ж з'ява назіраецца і ў беларускай культуры. Адама Міцкевіча, які нарадзіўся і вырас на Навагрудчыне і ўславіў гэтыя мясціны ў сваёй творчасці, адносяць да польскіх паэтаў; мастак Марк Шагал, родам з Віцебска, пераехаў у Францыю і набыў сусветную вядомасць як слынный французскі мастак; урадженцы Беларусі Шымон Перэс і Менахем Бегін кіравалі дзяржавай Ізраіль (былі адпаведна прэзідэнтам і прэм'ер-міністрам), сталі лаўрэатамі Нобелеўскай прэміі міра; Тадэвуш Касцюшка – нацыянальны герой Францыі і ЗША; навукоўца Ігнат Дамейка праводзіў свае доследы ў Чылі. Нават гістарычныя назвы этнасаў – літвіны і скоты – з цягам часу замацаваліся за іх суседзямі – Літвой і Шатландыяй адпаведна [4, с. 45]. Тым не менш гістарычнаму вопыту чалавецтва вядомы і шматлікія выпадкі, калі народы не раствараліся сярод іншых, а захоўвалі сваё аблічча нават пры такіх умовах, якія, здавалася б, не пакідалі ніякіх гарантый на выжыванне. Менавіта гэтую з'яву мы можам назіраць на прыкладзе гісторыі Беларусі і Ірландыі.

Станаўленне беларускай і ірландскай нацыянальнай самасвядомасці прайшло складаны шлях [2; 3; 5–8; 11–14].

Утварэнне дзяржаўнасці

У X–XII стагоддзях на тэрыторыі сучаснай Беларусі ўтвараюцца Полацкае, Тураўскае і Смаленскае княствы – першыя старажытнабеларускія дзяржавы. Яны мелі ўласныя княжацкія дынастыі, веча, межы, адміністрацыю, войскі і грашовая адзінкі. На тэрыторыі Ірландыі з'яўленне першых палітычных адзінак (правінцый, кожная з якіх складалася з пэўнай колькасці дробных каралеўстваў) адносяць, паводле розных крыніц, да V–VIII стагоддзяў. Ірландская прававая сістэма вызначала тры ўзроўні каралеўскай улады: уладар аднаго дробнага каралеўства, уладар некалькіх дробных каралеўстваў, кароль правінцыі. У VIII–IX стагоддзях пачынаюцца першыя спробы цэнтралізацыі палітычнай улады і барацьба паміж каралямі асобных каралеўстваў за ўладу на ўсёй тэрыторыі Ірландыі. У IX ст. тэрыторыя Ірландыі падзялялася на дзве часткі – Ле Кін і Ле Мога.

Пачатак этнічнай самаідэнтыфікацыі

Ірландыя на працягу свайго гістарычнага развіцця мела вялікую колькасць назваў (больш за 200), сярод якіх Хібернія, Эйрэ, Скотыя, Ірын і інш. Назва Ірландыя мае скандынаўскае паходжанне і з'явілася ў IX–X стагоддзях, прычым пэўны час суіснавала з назвамі тыпова ірландскага паходжання.

На гэтым этапе на тэрыторыі сучаснай Беларусі лакальныя формы этнічнай самасвядомасці спалучаюцца з фармаваннем больш шырокіх уяўленняў пра адзінства ўсяго рускага этнасу. Развіццё эканамічных сувязяў прыводзіць да ўмацавання кантактаў паміж рознымі супольнасцямі, што існавалі да XI ст. на ўзроўні племянных аб'яднанняў і паступова набывалі сталыя рысы дзяржаўнасці, – княствамі. Ініцыятарам інтэграцыйных працэсаў на тэрыторыі сучаснай Беларусі ў гэты перыяд выступае Кіеўская Русь. Гэты час вызначаецца з'яўленнем і распаўсюджаннем агульнага этноніма «русіны» («русь»), уяўлення пра агульнасць паходжання, рэлігіі, мовы (XI–XIII стагоддзі). У значнай меры інтэграцыйным працэсам садзейнічала агульная рэлігія – хрысціянства. Так, існуе меркаванне, што тэрмін «рускі» да канца XVI ст. азначаў прыналежнасць да праваслаўя, якое, у сваю чаргу, разглядалася як адна з тыповых уласцівасцяў беларусаў як этнасу. Да XIII ст. даследчыкі адносяць і першыя прыклады ўжывання тапоніма «Белая Русь» у дакладных гістарычных крыніцах (Дублінскі рукапіс).

Узнікненне асаблівасцяў насельніцтва ў мове, духоўнай і матэрыяльнай культуры – фарміраванне асобнага этнасу. Складванне этнічнай тэрыторыі

У XIII ст. на палітычнай карце Еўропы з'яўляецца новая дзяржава – Вялікае княства Літоўскае. У перыяд росквіту ў яго склад уваходзілі тэрыторыі сучаснай Літвы, Беларусі, Украіны, часткова Расіі. Дзяржаўнай мовай ВКЛ, згодна са Статутам 1566 г., была «руская» (старажытнабеларуская). Каля 1570 г. Васіль Цяпінскі пераклаў на беларускую мову Евангелле. У гэты час вылучаюцца такія элементы традыцыйнай культуры беларусаў, як прадметы побыту, абрады і абрадавыя песні. У гутарковай мове вылучаюцца асаблівасці, уласцівыя сучаснай беларускай мове («дзеканне», «аканне», зацвярдзелыя гукі). Этнічная самаідэнтыфікацыя выражаецца праз назвы «русіны» (праваслаўнае насельніцтва) і «літвіны» («ліцвіны», «ліцьвіны») (каталіцкае насельніцтва, пасля – усё шляхецкае саслоўе ВКЛ), уяўленне аб «вялікай» і «малой» радзіме, усведамленне агульнасці гістарычнага лёсу.

Заканчэнне перыяду палітычнай раздробленасці ў Ірландыі даследчыкі адносяць да XI ст., калі вярхоўная ўлада перайшла да караля Брыана Баромэ (Brian Bóroime), прадстаўніка паўднёвай каралеўскай дынастыі, што стала пачаткам фарміравання моцнай цэнтралізаванай манархіі.

Страта дзяржаўнай незалежнасці, абвастрэнне этнарэлігійных адносін, неспрыяльныя ўмовы развіцця культуры і этнасу ўвогуле

У сярэдзіне XVI ст. Вялікае княства Літоўскае страчвае сваю дзяржаўную незалежнасць (1569 г. – утварэнне Рэчы Паспалітай; 1772, 1793, 1795 гг. – падзелы Рэчы Паспалітай і далучэнне этнічнай тэрыторыі Беларусі да Расійскай імперыі). У гэты перыяд адбываецца стабілізацыя тапоніма «Белая Русь» у вобласці Верхняга Падняпроўя і Падзвіння. Выкарыстанне «рускай» (старажытнабеларускай) мовы ў афіцыйным справаводстве забаронена спецыяльным актам 1696 г. У 1767 г. з дапамогай Расійскай імперыі ствараецца Слуцкая канферэнцыя праваслаўнай шляхты, мэтай якой з'яўляецца ўмяшанне ва ўнутраныя справы Рэчы Паспалітай.

Імкненне царскіх улад інтэграваць этнічную тэрыторыю Беларусі ў Расійскую імперыю выклікала моцныя антырасійскія настроі і актывізацыю нацыянальна-вызваленчага руху (утварэнне ў 1768 г. Барскай канфедэрацыі; паўстанні 1830–1831 і 1863–1864 гг., стварэнне нелегальнай рэвалюцыйнай арганізацыі «Дэмакратычнае таварыства» (1836), дзейнасць падпольнай арганізацыі «Саюз свабодных братоў» («Братні са-

юз літоўскай моладзі») (1846–1849), што, у сваю чаргу, прывяло да актывізацыі русіфікатарскай палітыкі на тэрыторыі сучаснай Беларусі (1832 г. – стварэнне пры расійскім урадзе «Асобага камітэта па справах Заходніх губерняў») з мэтай русіфікацыі Беларусі, закрыццё Віленскага універсітэта; 1836 г. – канчатковы пераход на рускую мову навучання; 1839 г. – скасаванне уніяцкай царквы на Беларусі; 1840 г. – спыненне дзеяння Статута ВКЛ 1588 г., увядзенне расійскага заканадаўства. З гэтага ж года беларускія тэрыторыі пачынаюць афіцыйна называцца «заходнерускімі», ужыванне ў афіцыйных дакументах назваў «Беларусь» і «Літва» забараняецца; 1859 г. – забарона выкарыстання лацінкі ў беларускім друку; 1864 г. – забарона размаўляць па-беларуску ў навучальных установах). Існаванне Беларусі наогул адмаўлялася ў афіцыйных публікацыях, а таксама энцыклапедычных даведніках гэтага часу, што выходзілі ў Расійскай Імперыі.

Кардынальныя змены ў гісторыі Ірландыі адбыліся пачынаючы з другой паловы XII ст. У кастрычніку 1175 г. пасля англа-нармандскага захопу была заключана Віндзарская дамова, згодна з якой кароль Ірландыі прыняў прысягу каралю Англіі і быў абавязаны збіраць для яго даніну з усёй Ірландыі. Вынікам паступовай каланізацыі Ірландыі сталі супрацьстаянне ірландскай і нармандскай арыстакратыі, а таксама шэраг англа-ірландскіх войнаў другой паловы XIII – XIV ст., што суправаджаліся паступовай асіміляцыяй англійскіх пасяленцаў у кельцкае асяроддзе. XV ст. вызначаецца гісторыкамі як перыяд «гэльскага адраджэння». У гэты час уся тэрыторыя Ірландыі, акрамя Пэйл – невялікай англійскай калоніі на ўсходзе, складалася з асобных тэрытарыяльных адзінак, кожная са сваёй адміністрацыйнай сістэмай. Ірландскі парламент (створаны нармандцамі ў 1297 г.) абвясціў ірландскае заканадаўства як адзінае, што дзейнічае на тэрыторыі Ірландыі, пазбаўляючы такім чынам юрыдычнай сілы загады прадстаўнікоў англійскай улады. Быў дазволены гандаль паміж жыхарамі тэрыторый, падпарадкаваных Англіі, і гэламі, адкрыта першая на тэрыторыі Ірландыі вышэйшая навучальная ўстанова – каледж Святой Дзевы.

У другой палове XVI ст. пачынаецца захоп Ірландыі дынастыяй Цюдар, усталяванне англійскай заканадаўчай сістэмы, англіканскай царквы, забараняюцца ірландская мова, традыцыйная ірландская вопратка і прычоскі. Вынікам каланізацыі ірландскіх тэрыторый у XVII ст. становіцца з’яўленне новага грамадства (у першую чаргу, на поўначы Ірландыі), пратэстантаў, выхадцаў з Англіі і Шатландыі. Палітычная барацьба знайшла сваё адлюстраванне ў рэлігіі (павелічэнне колькасці пратэстантаў у парламенце, канфіскацыя зямельных надзелаў каталікоў), а таксама і ў эканамічнай сферы (абмежаванне ірландскага экспарту). Англа-ірландская вайна 1689–1691 гг. прывяла да прыняцця шэрагу антыкаталіцкіх «пенітэнцыярных законаў» («penal laws»): забарона прымаць удзел у працы парламента, займаць дзяржаўныя пасады, займацца юрыдычнай практыкай, мець афіцэрскае званне, купляць зямлю ці арэндаваць яе на тэрмін, большы за 31 год. Вынікам далейшай барацьбы каталіцкага насельніцтва за свае правы, нягледзячы на тое, што ў 80-я гг. XVIII ст. Ірландыя стала незалежным каралеўствам (на чале якога, аднак, стаяў намеснік англійскага караля) з уласнай паштовай сістэмай, банкам, мытняй, судамі і сталіцай, стала падпарадкаванне Ірландыі брытанскаму парламенту (1720–1783), увядзенне ў 1765 г. першага закона «Аб часовым спыненні заканадаўчых гарантый» («suspension act»), поўнае аб’яднанне брытанскага і ірландскага парламентаў у 1798 г. і падпісанне ў 1800 г. Саюзага дагавора, паводле якога ў студзені 1801 г. Ірландыя ўвайшла ў склад Аб’яднанага каралеўства.

Фарміраванне партый і парламенцкая барацьба

Асноўныя падзеі XIX ст. ў гісторыі Ірландыі былі звязаны з імкненнем вярнуць страчаную незалежнасць. Гэтае імкненне праяўлялася ў двух формах: канстытуцыйнай – праз увядзенне самакіравання («home-rule») і рэвалюцыйнай (паўстанне «Маладой Ірландыі» («Young Ireland») у 1848 г. і Феніанскі рух у 1860-я гг.).

Станіслаў Рудовіч адзначае, што пачатак XX ст. і ў гісторыі Беларусі, і ў гісторыі Паўночнай Ірландыі быў адзначаны прыкметнай актывізацыяй нацыянальна-кансаладацыйных працэсаў, што выявілася ў імкненні абедзвюх краін да самастойнага дзяржаўнага быцця і з'яўленні на гістарычнай арэне новых грамадска-палітычных рухаў і арганізацый. [8]. У пачатку XX ст. адбываецца распаўсюджванне этноніма «беларусы», замацаванне паняццяў «беларуская мова», «беларуская тэрыторыя», «беларуская гісторыя», «беларуская культура», што, у сваю чаргу, аказала станоўчы ўплыў на развіццё этнічнай самаідэнтыфікацыі беларусаў.

У канцы XIX – пачатку XX ст. актыўна развіваецца і беларускі, і ірландскі друк: у Беларусі пачынае выходзіць часопіс «Гоман» (1882), газеты «Наша ніва» і «Наша доля» (1906) і інш. У 1906 г. адкрываецца першае легальнае беларускае выдавецтва «Загляне сонца і ў наша аконца». У Ірландыі выходзяць газеты «Ірландская воля» («Irish Freedom»), «Рэспубліка рабочых» («Workers' Republic»).

У 1902–1903 г. ўзнікла першая беларуская нацыянальна-палітычная партыя – Беларуская рэвалюцыйная грамада, пазней перайменаваная ў Беларускую сацыялістычную грамаду. Яе кіраўнікамі былі Іван і Антон Луцкевічы, Вацлаў Іваноўскі, Алесь Бурбіс і інш. Грамада практыкавала радыкальныя метады барацьбы, а пасля засяродзілася на легальнай культурна-асветніцкай працы па пашырэнні нацыянальнай самасвядомасці, дасягненні раўнапраўя беларусаў з іншымі народамі ў галіне культуры і асветы, узвышэнні грамадскага статусу беларускай мовы. Палітычная вага гэтага руху не была значнай, але ён меў даволі вялікі ўплыў на грамадскую думку [8, с. 109].

На мяжы XIX–XX ст. у Ірландыі адбываюцца значныя аграрныя пераўтварэнні. Навукоўцы адзначаюць гістарычную абумоўленасць рознага стаўлення англічан і ірландцаў да зямельнай уласнасці, адзначаючы сутыкненне двух светапоглядаў. Адзін з іх, заснаваны на прынцыпе абсалютнай зямельнай уласнасці, належаў англічанам, другі, у аснову якога было пакладзена ўяўленне пра зямлю як уласнасць усяго племені, што знаходзілася ў карыстанні асобных яго членаў, належаў ірландцам. Раней тры чвэрці зямлі магнатаў знаходзілася ў арэндзе сялян. Становішча кардынальна змянілася, калі англійскі парламент прыняў шэраг законаў на карысць арандатараў, вынікам чаго стала аграрная рэформа 1904–1914 гг. – скарачэнне ў Ірландыі абшарніцкага землеўладання і павелічэнне колькасці сялян-уласнікаў. Гэтай рэформе папярэднічала працяглая барацьба ірландскага народу за зямлю і нацыянальную незалежнасць, адной з праяў якой стала стварэнне Ірландскай нацыянальнай зямельнай лігі.

Падзеі гэтага часу знайшлі водгук і на Беларусі, у прыватнасці ў артыкуле, змешчаным у газеце «Наша Ніва» ў пачатку 1908 г., дзе падрабязна разглядаліся перадумовы, сутнасць і наступствы ірландскай рэформы.

Але не толькі ў вачах грамадоўцаў, згуртаваных вакол «Нашай Нівы», Ірландыя была ўзорам наспелых змен. Да гістарычнага досведу гэтай краіны неаднаразова звяртаўся, напрыклад, беларускі дзеяч Раман Скірмунт. У польскамоўнай брашуры «Голас мінуўшчыны і патрэба моманту» (1905) Р. Скірмунт імкнуўся давесці мясцовай спалнізаванай шляхце, што яна паводле паходжання і гістарычнага лёсу ўяўляе сабой адзінае цэлае з тутэйшым насельніцтвам, не зважаючы на адрозненні ў мове. І ў якасці

прыкладу ён прыводзіў ірландцаў: «Значная большасць іх [ірландцаў] размаўляе па-англійску, меншасць захавала кельцкую мову; тым не менш нацыянальная еднасць застаецца непарушнай» [8, с. 116]. Адною з характэрных праяў развіцця беларускай і ірландскай нацыянальнай самасвядомасці ў пачатку ХХ ст. быў «культурны нацыяналізм» («cultural... nationalism» [12, с. 140]), які знайшоў сваё адлюстраванне ў палітыцы «дэ-англізацыі» і, адпаведна, «дэрусіфікацыі».

У ХІХ ст. у Ірландыі ствараюцца такія грамадскія арганізацыі, як Гэльская Ліга, Ірландскае літаратурнае грамадства, Ірландскае рэспубліканскае братэрства (Феніанскі рух), Нацыянальная Рада і інш. У 1905 г. на з'ездзе Нацыянальнай Рады была выпрацавана наступная праграма: аднавіць ірландскую канстытуцыю 1782 г., якая давала Ірландыі права на ўласны самастойны парламент; скасаваць Саюзны дагавор 1800 г. з Англіяй; садзейнічаць развіццю ірландскай прамысловасці і гандлю. У якасці сродку дасягнення пастаўленых мэтай з'езд зацвердзіў тактыку грамадскага непадпарадкавання, якая мела на ўвазе адмову ірландскіх парламенцёраў ад удзелу ў дзейнасці брытанскага парламента, ігнараванне англійскіх судаў і стварэнне ўласнай судовай сістэмы, спыненне супрацоўніцтва з англійскімі ўладамі ў галіне банкаўскай справы, гандлю і інш. Квінтэсенцыя такой лініі паводзін выказвалася ў лаканічным выслоўі «Sinn Féin» – «Мы самі». Прыкладна з 1906 г. гэты лозунг замацаваўся ў якасці назвы новага руху, які перарос у самастойную партыю. Да Першай сусветнай вайны дзейнасць гэтага руху не выходзіла за межы літаратурна-палітычных дыскусій у друку і партыйных клубах. Практычныя вынікі агітацыі былі нязначныя, але заслуга «Шын Фэйна» выражалася ў тым, што ён фарміраваў пазіцыю ірландскай дэлегацыі ў брытанскім парламенце па пытанні абмежаванай аўтаноміі Ірландыі ў складзе Брытанскай Імперыі.

Падабенства ўмоў, у якіх даводзілася дзейнічаць ірландскім шынфэйнерам і беларускім грамадоўцам, блізкасць іх мэтай спрыялі абуджэнню ўзаемнай цікавасці адной партыі да другой. Таму была пэўная логіка ў тым, што праз нейкі час абставіны звялі разам іх прадстаўнікоў. Паводле згадак у розных крыніцах, сустрэча адбылася ў перыяд з 1905 па 1920 гг. у Фінляндыі на з'ездзе прадстаўнікоў сацыялістычных партый. Ад Беларусі ў ёй прымаў удзел Іван Луцкевіч. Адным з вынікаў гэтай сустрэчы стала матэрыяльная дапамога, аказаная ірландцамі беларускаму выдавецтву [5].

Адным са шляхоў адраджэння ірландскай нацыянальнай культуры было развіццё нацыянальнай адукацыйнай сістэмы. Прыкладам гэтага можа служыць Рабочы адукацыйны рух, распачаты Гэльскай Лігай. Мэтай гэтага руху было павышэнне інтэлектуальнага, сацыяльнага і маральнага ўзроўню ірландцаў, іх зацікаўленасці ва ўласнай культурнай спадчыне праз занятакі ірландскай мовай, гісторыяй, танцамі, арганізацыю штогадовых фестываляў ірландскай мовы і культуры. На момант заснавання Лігі ў 1893 г. толькі шэсць кніжак былі выдадзеныя на ірландскай мове, большая частка яе носбітаў была непісьменнай. Але ўжо праз год Ліга выпусціла 50 тыс. падручнікаў. Колькасць людзей, зарэгістраваных у класах па вывучэнні ірландскай мовы, налічвала тысячы чалавек. Паступова нацыянальны рух набываў масавае значэнне. Лісты і бандэролі адрававаліся на роднай мове, і калі адзін з гандляроў быў выкліканы ў суд за тое, што напісаў на фургоце сваё імя па-ірландску, яго абаронцам быў малады Патрык Пірс – будучы кіраўнік паўстання 1916 г. [2].

Праблема статусу ірландскай мовы дайшла да брытанскага парламента, дзе ў Палаце прадстаўнікоў у 1899 г. абмяркоўвалася пытанне аб увядзенні ірландскай мовы ў лік школьных прадметаў. Адным з аргументаў супраць гэтай прапановы быў недахоп свецкай літаратуры на ірландскай мове. Тым не менш да 1906 г. ірландская мова была

ўведзена ў школы як мова выкладання, а таксама як самастойная дысцыпліна. У 1909 г. ірландскую мову сталі вывучаць і ў Нацыянальным універсітэце.

Перамога нацыянальна-культурных сіл, стварэнне нацыянальна-дзяржаўных атрыбутаў

Абставіны наступнага дзесяцігоддзя не спрыялі непасрэдным кантактам беларускіх і ірландскіх патрыётаў. Беларусь знаходзілася пад уціскам царскай рэакцыі, а Ірландыя апынулася на парозе грамадзянскай вайны.

У стаўленні беларусаў і ірландцаў да падзей у свеце, у прыватнасці да Першай сусветнай вайны, таксама назіраецца пэўнае падабенства. Ірландская фракцыя ў брытанскім парламенце заклікала да абароны «супольнай англійска-ірландскай айчыны» [8, с. 118] і выступала за адпраўку ірландскіх валанцёраў на фронт. Насуперак ім шынфэйнеры, чый уплыў у Ірландыі ў гэты час прыкметна ўзрос, аб'явілі аб нейтралітэце ірландцаў у канфлікце, які (паводле шынфэйнераў) іх не датычыўся і быў выкліканы гандлёвым суперніцтвам Англіі і Германіі. Партыя «Шын Фэйн» скіравала свае намаганні на тое, каб стварыць у Ірландыі самастойны ўрад і дамагчыся доступу Ірландыі як асобнай дзяржавы на пасляваенную мірную канферэнцыю. У гэты час у Ірландыі існаваў шэраг прыватных армій: Ольстэрскія валанцёры, Ірландскія валанцёры, Грамадзянская армія і Ірландскае рэспубліканскае братэрства (ІРБ). Калі пачалася вайна, ІРБ, чые ўдзельнікі былі на чале Ірландскіх валанцёраў, і Грамадзянская Армія пад кіраўніцтвам Джэймса Коналіі запланавалі сумеснае паўстанне (Велікоднае паўстанне 1916 г.). Адным з найбольш значных вынікаў Велікоднага паўстання стаў рост папулярнасці «Шын Фэйн», якая ў снежні 1918 г. атрымала 73 месцы ў парламенце Аб'яднанага каралеўства. Аднак дэпутаты-шынфэйнеры не паехалі ў Лондан, а сабраліся ў Дубліне, дзе ў студзені 1919 г. абвясцілі сябе ірландскім парламентам, прынялі Дэкларацыю незалежнасці і выбралі са свайго асяроддзя ўрад Ірландскай рэспублікі. У адказ на гэта ўлады Брытанскай імперыі накіравалі супраць Ірландскай Рэспублікі шасцідзесяцітысячнае рэгулярнае войска (створаная з ірландскіх валанцёраў Ірландская рэспубліканская армія налічвала толькі каля 15 тыс. чалавек). Вынікам англа-ірландскай вайны 1919–1921 гг. стала стварэнне Ірландскай Вольнай Дзяржавы (Irish Free State) (з 1949 г. – Ірландская Рэспубліка) і адыход Паўночнай Ірландыі да Каралеўства Вялікабрытаніі і Паўночнай Ірландыі [2].

Беларускія адраджэнцы таксама ацэньвалі вайну, развязаную магутнымі імперыямі ў барацьбе за сусветнае панаванне, як чужую свайму народу. Адначасова яны ўсведамлялі, што вайна можа перайначыць усю палітычную карту Еўропы і адкрыць больш шырокія перспектывы для нездзяржаўных нацый, магчымасць сцвердзіцца пасля вайны ў якасці самастойнай дзяржаўна-эканамічнай адзінкі. Беларускі нацыянальна-вызваленчы рух значна ўзмацніўся падчас рэвалюцыі 1917 г., а яго накіраванасць на стварэнне ўласнай дзяржавы з правам прадстаўніцтва на міжнароднай мірнай канферэнцыі атрымала значную падтрымку [8]. Паспяховым завяршэннем нацыянальна-вызваленчага руху на тэрыторыі Беларусі стала ўтварэнне 25 сакавіка 1918 г. Беларускай Народнай Рэспублікі (існавала да 1919 г.) з уласнымі атрыбутамі дзяржаўнасці: сцягам, гербам і канстытуцыяй. Беларускае мова набывае статус дзяржаўнай.

20-я гг. XX ст. адзначаны ў гісторыі Беларусі і Ірландыі абвастрэннем барацьбы за дзяржаўную незалежнасць і захаванне нацыянальнай ідэнтычнасці. У 1921–1937 гг. у Заходняй Беларусі дзейнічала Таварыства беларускай школы (ТБШ), з 1922 г. пачаў сваю дзейнасць Інбелкульт (Інстытут беларускай культуры). У гэты час узмацняюцца

літаратурныя і мастацкія кантакты паміж Беларуссю і Ірландыяй. Віленскія газеты «Наша Ніва», «Беларускі зван», «Новае жыццё», часопіс «Наш сцяг» друкуюць артыкулы, прысвечаныя актуальным праблемам тагачаснай Ірландыі. У савецкі перыяд у беларускім літаратуразнаўстве таксама з'яўляюцца артыкулы, прысвечаныя праблемам ірландскай літаратуры (Ю. Дворкіна «Джойс і яго «Уліс»»), але з сярэдзіны 1930-х гг. гэтыя даследаванні былі спынены на дзесяцігоддзі.

Цікаваць да ірландскай культуры, у прыватнасці літаратуры, была адноўлена ў 1990-х гг., пасля атрымання Беларуссю статусу незалежнай дзяржавы. Выходзяць з друку і перакладаюцца на беларускую мову творы Дж. Джойса, У.Б. Йейтса, Ш. Хіні, Шона О'Кейсі і інш. Пытанні ірландскай літаратуры і культуры займаюцца шматлікія даследчыкі, сярод якіх Л. Баршчэўскі, Э. Садаўнічы, В. Буйвал. Ствараецца таварыства «Беларусь – Ірландыя», асноўным напрамкам дзейнасці якога становіцца пашырэнне культурных узаемасувязяў паміж дзвюма краінамі [1].

Нельга не адзначыць і ролі беларускіх і ірландскіх эмігрантаў у развіцці і падтрымцы нацыянальнай самасвядомасці сваіх народаў. Напрыклад, у ЗША былі створаны беларуская і ірландская дыяспары, паміж якімі мелі месца пастаянныя кантакты і супрацоўніцтва.

Значэнне вывучэння і даследавання падабенстваў гістарычна-культурных працэсаў у Беларусі і Ірландыі вельмі слушна зазначыў беларускі філосаф і публіцыст Уладзімір Самойла: «Гое, што дзеецца цяпер паміж Ірландыяй і Ангельшчынай, павінна цікавіць кожнага сьведомага беларуса як яго ўласная кроўная справа, як справа яго роднага народу» [8, с. 121]. І сапраўды, у гістарычных лёсах абедзвюх краін, нягледзячы на геаграфічную адлегласць, шмат унутранага падабенства. Гэтую важную акалічнасць неабходна асэнсаваць, паказаць рэальныя шляхі і спосабы дасягнення таго, «што без гэткага знання і досведу старшых братоў шмат трудней і марудней можа быць дасягнута» [8, с. 122].

Заклучэнне

Такім чынам, станаўленню нацыянальнай самасвядомасці ў Беларусі і Ірландыі садзейнічаў шэраг агульных для абедзвюх краін геапалітычных, гістарычных і сацыяльна-эканамічных фактараў, найважнейшымі з якіх з'яўляюцца:

- 1) наяўнасць магутнай дзяржавы-суседа;
- 2) несупынная барацьба за захаванне нацыянальна-культурнай самабытнасці і дзяржаўнай незалежнасці;
- 3) нізкі статус і абмежаванае ўжыванне роднай мовы, якая становіцца адным з нацыянальных сімвалаў;
- 4) узаемасувязь палітычнага і рэлігійнага супрацьстаяння.

Гэтыя фактары мелі значны ўплыў на менталітэт беларусаў і ірландцаў, іх стаўленне да сваёй гісторыка-культурнай спадчыны, сучаснай культуры, роднай мовы, палітычнай і сацыяльна-эканамічнай сітуацыі ў краіне, а таксама на фармаванне і развіццё кантактаў і ўзаемасувязяў паміж дзвюма нацыямі. Гэты ўплыў не мог не знайсці свайго адлюстравання ў мастацтве і ў першую чаргу ў літаратуры.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Адамовіч, Г. Парадыгматыка агульнага беларуска-ірландскага літаратурнага кантэксту / Г. Адамовіч // Беларусь – Ірландыя = Belarus – Eire : матэрыялы навук. се-

- мінара «Беларуска-ірландскія гісторыка-культурныя сувязі», Мінск, 1999 г. / рэдкал.: А. Мальдзіс (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 2000. – С. 72–86.
2. Афанасьев, Г. Е. История Ирландии / Г. Е. Афанасьев. – Изд. 2-е, стереотип. – М. : USSR : Комкнига, 2006. – 312 с.
3. Богданович, А. Б. Формирование этнического самосознания белорусов (IX – первая половина XVII в.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. Б. Богданович. – Минск, 1999. – 119 л.
4. Буйвал, В. Зямля святога Патрыка / В. Буйвал // Мастацтва. – 1996. – № 4. – С. 45–48.
5. Гістарычны шлях беларускай нацыі і дзяржавы = The History of the Belarusian Nation and State / М. Біч [і інш.] ; пад агул. рэд. У. Арлова [і інш.]. – Мінск : Медисонт, 2007. – 438 с.
6. История Ирландии / Л. И. Гольман [и др.] ; отв. ред. Л. И. Гольман. – М. : Мысль, 1980. – 390 с.
7. Карыбаева, М. А. Национальное самосознание: философско-методологический анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / М. А. Карыбаева ; Нац. акад. наук Кыргыз. Респ., Ин-т философии и права. – Бишкек, 1999. – 24 с.
8. Мальдзіс, А. Беларуска-ірландскія гістарычна-культурныя ўзаемасувязі / А. Мальдзіс // Голас Радзімы. – 2000. – 3 траўня. – С. 6.
9. Рудовіч, С. Ірляндзкі рух за незалежнасць і беларускае адраджэнне першае чвэрці XX ст.: паралелі, кантакты, уплывы / С. Рудовіч // Спадчына. – 2000. – № 2. – С. 107–127.
10. Шупа, С. Шэсць пунктаў падабенства / С. Шупа // Наша ніва. – 1994. – № 12. – С. 12.
11. Irish Language and Culture / ed. by F. Coles. – Victoria : Lonely Planet Publications Pty Ltd, 2007. – 255 p.
12. Kiberd, D. Inventing Ireland. The Literature of the Modern Nation / D. Kiberd. – London : Vintage, 1996. – 719 p.
13. Rosenstock, G. Beginner's Irish / G. Rosenstock. – New York : Hippocrene Books, 2000. – 145 p.
14. The Course of Irish History / Radio Telefís Eireann ; ed. by T. W. Moody, F. X. Martin. – Cork : The Mercier Press, 1978. – 404 p.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.10.2018

Powkh I.V. Historical Preconditions for National Identity Development in Belarus and Ireland

The article deals with the issue of Belarusian and Irish national identity development. The author analyses the differences and similarities in the historical and cultural genesis of Belarus and Ireland, pointing out the main historic events that facilitated the formation and development of the national identity in the above countries and stating the common factors. The article covers the preconditions for Belarusian and Irish statehood and self-identity, the reasons for the loss of national independence, national and political movement, as well as the appearance of national power attributes. At the end of the article the author stresses the common geopolitical, historical, social and economic factors supporting national identity development in Belarus and Ireland.

УДК 94(476)

А.Ю. Бодак¹, Е.А. Бурик²

¹канд. ист. наук, доц., доц. каф. всемирной истории
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

²канд. ист. наук, доц., доц. каф. всемирной истории,
декан исторического факультета
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

e-mail: ¹bodak1961@yandex.ru; ²burik-@mail.ru

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ТОРГОВЛИ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В ЗАПАДНОМ ПОЛЕСЬЕ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена организации системы торговли и общественного питания в Ганцевичском районе в период с 1940 до начала лета 1941 г. В данной сфере произошли наиболее осязаемые для местного населения социальные процессы. Рассматривается деятельность органов новой власти по национализации торговли и общественного питания и ее результаты. Достижения и недостатки остро воспринимались местным населением. К лету 1941 г. районному руководству удалось в целом стабилизировать ситуацию в торговле.

Осенью 1939 г. западная Беларусь воссоединилась с БССР и начался сложный процесс установления в регионе всех составляющих новой советской общественной и экономической жизни. Одним из этих элементов является система снабжения населения необходимыми для жизнедеятельности промышленными и продовольственными товарами. В статье раскрываются успехи и сложности становления данной системы на примере образованного Ганцевичского района Пинской области (1940–1954 гг.) в предвоенный период.

Внимание новой власти должны были привлечь следующие проблемы:

- 1) в условиях слома системы частного хлебопроизводства наладить новую, социалистическую систему с сохранением качества выпускаемого продукта;
- 2) ликвидировать появившиеся с осени 1939 г. очереди в магазинах и организовать снабжение населения товарами как первой необходимости, так и расширенного спроса, не допуская появления «черного рынка»;
- 3) развивать новые формы экономической деятельности в виде потребительской кооперации и организации приусадебных хозяйств.

Снабжение населения хлебом оказалось непростой проблемой. Ранее существовала отлаженная система хлебопечения, которая базировалась на сочетании большого количества мелких пекарен, которые держали, как правило, евреи, и изготовления хлеба в домашних условиях (в индивидуальных крестьянских хозяйствах). Последнее существенно снижало нагрузки на торговую сеть, лишь бы была мука.

Первоначально с осени 1939 г. в районе происходили случаи администрирования и грубого вмешательства государства в систему мелкого производства. Появившаяся сложная бюрократическая надстройка в виде нового громоздкого бумагооборота, планов и отчетов повлияла на начало развала производства хлеба. Начались первые очереди и первые конфликты между покупателями. Хлеб распределялся в торговую сеть в следующих пропорциях: половина в магазины, четверть в столовые и четверть – в ведомственные ларьки.

Поскольку государственные предприятия не могли обеспечить население качественным хлебом и в достаточном количестве, все лето 1940 г. районные власти постоянно обсуждали эту проблему на заседаниях райкома и райисполкома, хотя поначалу и без видимого успеха. Несколько раз планировали построить новую пекарню с трехсменным циклом работы, продажу хлеба сконцентрировать только в государственных магазинах, поскольку из ларьков он часто безконтрольно исчезал [2, л. 129]. В качестве примера можно привести серьезное недовольство рабочих лесо- и кирпичного заводов работой своих ларьков. Поскольку снабжение их хлебом не соответствовало государственным нормам и составляло всего полкило в сутки, райком увеличил нормы поставок туда хлебопродукции. Однако к ларькам сразу же руководство заводов прикрепило часть служащих и работников других организаций, и нормы опять оказались недостаточными [5, л. 140].

Качество хлеба оставляло желать лучшего. Однако вместо поиска настоящих причин появления брака руководство начало искать «врагов народа» и сделало вывод о том, что политическая работа и бдительность не на высоте [2, л. 185]. На самом деле причина изготовления некачественного хлеба крылась в плохой организации государственного производства и игнорировании наработанного опыта прежних частных производителей. Работали неквалифицированные работники вместо высланных профессионалов, использовалось некачественное топливо, были трудности с водоснабжением. Отрицательно сказывался на качестве хлеба и плохой помол муки на национализированных мельницах в отдаленных сельсоветах, где имели место перебои с дровами для мельниц и крестьяне были вынуждены возить свое топливо [8, л. 27]. В конце осени 1940 г. старые пекарни давали две трети от запланированной продукции, которая продолжала исчезать в сети ведомственных буфетов.

Весной 1941 г. райком партии просил у Пинского обкома дополнительные средства для постройки новой хлебопекарни в райцентре к 1 мая 1941 г. (эти просьбы шли больше года).

В неважном состоянии оказалась и сфера общественного питания. В октябре 1940 г. столовые в райцентре были признаны райкомом непригодными для приема пищи. Предрайисполкома Смоляков получил распоряжение подыскать подходящее помещение для столовой № 2 [2, л. 186]. В марте 1941 г. в столовых продолжалась антисанитария. Обслуживание клиентов было признано невнимательным и некультурным, имелись случаи обвешивания потребителей, ассортимент блюд был ограниченным. Прикрепленный к ним скот кормили плохо. Весной 1941 г. планировалось расширение ассортимента блюд и обеспечение столовых посудой и средствами наведения чистоты [9, л. 91].

С 1930-х гг. в СССР сохранялось напряжение со снабжением продуктами питания работников государственных предприятий. По этому поводу в октябре 1940 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) издали Постановление, согласно которому создавались подсобные ведомственные хозяйства. В Ганцевичском районе таковые были созданы в Денисковичском и Мальковичском лесозаводах, райпромкомбинате и райзаге [2, л. 190].

Непросто развивалась в районе и торговая сеть, которая стала государственной и регулируемой. 1 февраля 1940 г. была утверждена торгово-кооперативная сеть [1, л. 13]. Ситуация осложнялась хроническим дефицитом товаров первой необходимости. Они стали появляться на «черном рынке», что стало неизбежным следствием дефицита [1, л. 33]. Происходили многочисленные попытки отдельных чуждых элементов внедриться в торговую систему, но они жестко пресекались партийными органами [1, л. 43]. Чтобы сгладить острые углы системы снабжения, райпотребсоюзу райкомом было предписано к на-

чалу весеннега сева 1940 г. забеспечыць магазіны таварамі, якія можна было зрабіць мяснымі сіламі – дэгтем, сельскагаспадарчым інвентарем і т.д. [1, л. 133].

Весной 1940 г. у торгавой сістэме пачаліся першыя дасягненні: па раёну лічылася 30 торгавых пунктаў, 2 сталовых, 1 колбасная фабрыка і 2 пекарні. Тавароабарот патрэбкооперацыі вырас у два разы [4, л. 7]. Пры гэтым раёкам пастаянна патрабаваў актывізацыі работы райпатрэбсаюза і весті барацьбу проціву жулікаў і спекулянтаў [3, л. 24]. С апошнімі спрабавалі справіцца, арганізавваючы продажы тавараў па спісам. Хоць раённая пракуратура гэта лічыла грубым парушэннем правілаў торгавлі, но гэта быў адзіны на той момант варыянт справіцца з пакупкай прадуктаў для паследуючай перепродажу і некалькі сакарачаў чароды, якія сталі сапраўдным бичом саветскай торгавлі.

Адрэбныя служачыя райпатрэбсаюза іспользавалі сваё служэбнае палажэнне, каб переправіць дэфіцытныя тавары (как прамышленныя, так і прадовольственыя) родствэннікам на восток рэспублікі. За такія дзеіствыя абком партыі выдворыў правінівшыся абратно ў восточныя абласці БССР, каб яны не кампраметіравалі ўладу. Астатныя чіновнікі пачалі рабаваць дбросовестно, зрабаваў вывады з судыбы сваіх проштрафівшыся коллег.

В канце мая 1940 г. раёкам вярнуўся к разрабаванню састанія дэл у торгавлі. Выяснілось, ча з імевашыхся на той момант 43 торгавых пунктаў раёна не все «саотвествуюць культаурнай саветскай торгавлі»: прадавцы там рабаваць без халатаў, і процветае грязь. В дэфіцыце почти повсеместно былі кнігі, музыкальныя інструменты і колесная мазь. Базарная плошча ў раёцэнтре аборадовалась медленно. Райпатрэбсаюз практычески прекратіў торгавлю прохладітельнымі напіткамі і мороженым (на устраненіе гэтаго Элькіну далі два дня). К 1 іюня он же получил задание открыть в райцэнтре чайную і развезці па торгавым пунктам дэфіцытныя тавары [5, л. 86].

Несвоевременное поступление товаров в магазины иллюстрировал тот факт, ча к лету 1940 г. недополучение торгавой сетью тканей, обуви і сахара саоставило до 75 %, а по шелку і шерсти этот процент достиг 100 [5, л. 86]. На торгавых базах проверка показала, ча многіе тавары повышенного спроса многіе дней залеживаются на базах. Райком после гэтаго стал довольно сурово проверять торгавые базы і отдаленные от райцэнтра ведомственные ларькі, где часто утаивался от покупателей дэфіцытны товар. Осенью 1940 г. очереди продолжали оставаться бичом повседневной жизни раёна, і гэта стало вызываць возмущеніе некоторых руководящих работников от начальника райотдела НКВД до мелких чиновников райисполкома [5, л. 134]. Райком реагировал на донесенія, поступающие с мест, признавая факты нарушения правил торгавлі [2, л. 238].

Тогда же в Чулінском сельсовете были вскрыты случаи самого настоящего натурального обмена. Власти ударили по местной патрэбкооперацыі і сняли ее начальника. Дело в том, ча в д. Будча завмагазіном Савеня продавал крестьянам мыло і браў за кусок 2 пуда картошки. Мыло ему поставляла военная часть, расквартированная в Людвікове. А в самой части некий лейтенант Кузнецов менял то же мыло на картошку по июльскому 1940 г. «курсу обмена валюты» из расчета 1 кусок мыла на 1 пуд картошки. Бартерные операции охватили Чудин, Будчу і Великий Рожан і измерялись ящиками мыла. Если учесть, ча 1 ящик весил 48 кг і содержал 120 кусков [5, л. 52], то обмен был убедительным.

В канце 1940 г. были подведены годовые итоги работы торгавой сети. Товарный дэфіцыт был объяснен предельно «просто». Оказывается «при Польше магазіны были

завалены товарами, ибо их никто не мог купить – не на что, сейчас же все крестьяне имеют возможность купить, вот и пустые полки» [8, л. 33]. Из 38 магазинов по району к концу года было отремонтировано только 10, хлебный магазин в райцентре не отремонтировали и не очистили, и он находился в антисанитарном состоянии.

Не смотря на обилие негативных моментов, торговля и общественное питание развивались поступательно. Специфика тогдашнего делопроизводства, которое в основном для внутреннего потребления уделяло больше внимания недостаткам, чтобы подстегнуть работников к плодотворной деятельности, заставляет исследователя анализировать количество излагаемого в документах негатива. На самом деле ситуация оказывалась позитивной. Об этом свидетельствует практическое отсутствие внимания власти к данной сфере на заседаниях райкома с весны 1941 г. Внимание тогда уделялось в основном явлениям негативного порядка.

В числе первоочередных задач новой власти в районе стало наведение порядка в снабжении населения хлебом. Эта задача была выполнена к весне 1941 г. Было уделено большое внимание организации точек хлебопечения, партийным органам пришлось немало потрудиться, чтобы добиться приемлемого качества хлеба и обеспечения им всех категорий трудящихся. Для снятия напряженности среди людей в снабжении другими продуктами питания, были организованы приусадебные хозяйства в различных ведомствах (таковые получают дальнейшее развитие в послевоенный период в большом количестве). Для власти большую проблему составил появившийся «черный рынок», а так же имевший место натуральный обмен продуктами между отдельными людьми и целыми организациями. Эту проблему пришлось решать самыми жесткими методами. Развитие системы потребительской кооперации заметно улучшало материальное положение местного населения.

На полное решение всех вышеуказанных проблем у советской власти в районе не хватило времени в связи с начавшейся войной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 2219-п. Оп.1. Д. 5.
2. ГАБр. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 6.
3. ГАБр. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 7.
4. ГАБр. – Ф. 2219-п. Оп. 1. 8.5.
5. ГАБр. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 16.
6. ГАБр. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 19.
7. ГАБр. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 41.
8. ГАБр. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 91.
9. ГАБр. – Ф. 2219-п. Оп. 1. Д. 92.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.11.2018

Bodak A.Yu., Burik E.A. Development of Trade and Public Catering System in Western Polesie before the Great Patriotic War

This article is devoted to the organization of the system of trade and public catering in the Gantsevichi district of the Pinsk region (now the Brest region) in the period 1940-early summer 1941. The most tangible social processes for the local population took place in this area, and here the activity of the new government bodies on the nationalization of trade and public catering and its results in the period under study are examined. Achievements and shortcomings here acutely perceived by the local population. By the summer of 1941, the district leadership was able to generally stabilize the situation in trade.

УДК 303.446.4: 94(976)

И.И. Вавренюк¹, А.С. Касяновская²

¹менеджер ООО «Инвест Софир» (г. Брест)

²канд. ист. наук, доц. каф. социологии и специальных социологических дисциплин

Гродненского государственного университета имени Я. Купалы

mail: 1irisha7474@mail.ru

ЕВРЕЙСКИЕ НЕКРОФАЦИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921–1939 гг.) КАК ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ МЕСТ ПАМЯТИ

Исследована погребальная обрядность евреев. Проанализирована политика польских властей по отношению к евреям и их культурному наследию. Еврейские некрофации Западной Беларуси (1921–1939 гг.) необходимо рассматривать не только как исторический источник, но и как памятники культуры. Многие из ранее зафиксированных памятников еврейской эпиграфики Беларуси уже утрачены, другие продолжают ветшать и разрушаться, отдельные уничтожаются людьми. Таким образом, фиксация и публикация материалов о еврейских некрофациях является актуальной задачей.

Введение

Некрофации – богатейший источник для изучения малых архитектурных форм (надгробий), эпиграфики, погребальной обрядности. Материалы еврейских кладбищ в исследованиях Республики Беларусь привлекаются крайне редко, а еврейские надгробия являются одним из наименее изученных материальных источников по истории культурного развития евреев Беларуси. Планомерная исследовательская работа еврейских некрофаций в Республике Беларусь ранее не проводилась. Отдельные работы по фиксации художественных образов и эпитафий мацев предпринимались в конце XIX – начале XX в. В 1982–1989 гг. группа исследователей во главе с И. Дворкиным, Д. Дашевским, В. Дымшицем, М. Хейфецом осуществила ряд экспедиций по территории Беларуси с целью изучения еврейского наследия, но обнаруженные памятники не были научно задокументированы [1, с. 78–79]. Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сефер» (Москва), Еврейский исторический институт (Варшава) провели ряд полевых школ и экспедиций на территории современной Беларуси, в ходе которых была частично осуществлена фиксация материального наследия еврейских общин. В 2014 г. в ходе краеведческой практики студентов 1 курса Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина под руководством И.И. Вавренюк были изучены мацевы бывшего брестского еврейского кладбища [2, с. 6].

История еврейских некрофаций и политика польских властей

Первые еврейские кладбища в западнобелорусском регионе были заложены с появлением еврейских общин в Беларуси, т.е. примерно в XIII–XIV вв. Демография евреев определила появление еврейских кладбищ практически во всех городах и местечках региона. Еврейские кладбища были собственностью еврейской общины. Кладбище, как правило, располагалось за городской чертой, было отделено преградой (водоемом, земляным валом, забором). Топонимика размещения некрополей предписывалась еврейской традицией, а также экономическим фактором. Так, например, в Антополе Кобринского повета в 1933 г. было три еврейских кладбища. Два из них были старыми, ранее основанными за пределами населенного пункта, но к XX в. они оказались в центре Антополя. Действующее еврейское кладбище находилось за пределами Антополя [3, л. 6]. Количество кладбищ в населенном пункте зависело от длительности проживания евреев,

их демографического развития. Некоторые города и местечки региона имели несколько еврейских кладбищ: по три в г. Каменец-Литовский и м. Антополь Кобринского повета, два – в г. Пинске и др. [4, с. 33]. За состоянием еврейского кладбища следила еврейская религиозная гмина. В бюджет постоянно закладывались расходы на зарплату служащих кладбища, поддержание порядка, установку забора и т.п. Так, например, в 1932 г. из бюджета брестской еврейской религиозной гмины на кладбище было затрачено 3 250 злотых [5, л. 48].

Польское правительство не всегда соблюдало декларируемые права и свободы по отношению к евреям и их культурному наследию. Так, в Пинске в 1933 г. глава города «хотел заложить на месте старинного еврейского кладбища городской парк, т.к. кладбище было неухоженным, захоронения на нем давно не проводились; кладбищу было более 100 лет. Последнее захоронение (37 евреев, расстрелянных поляками) было сделано в 1919 г.» [6, л. 8]. Польские власти не учитывали того, что пинская еврейская община была хасидской, а хасиды на кладбищах традиционно не корчевали деревья и кустов, даже не выкашивали траву. В 1925 г. были разработаны «Правила организации опеки за захоронениями», но на еврейские кладбища они не распространялись [7, л. 10–18].

Еврейские погребальные общества

Обряд погребения с соблюдением традиций проводился обществами «Хевра Кадиша» («Святое братство») и «Хесед Шель Эмес» («Последняя услуга») – специальными еврейскими благотворительными товариществами двух форм «гмилут хасидим» (традиционной благотворительности) – «галвайт гамет» (погребение мертвых и присутствие на их похоронах) и «никур холим» (утешение скорбящих по усопшим) [8, л. 82].

«Хевра Кадиша» работала практически во всех городах и местечках региона, где были еврейские религиозные гмины. Документы, регулирующие деятельность «Святого братства» в Бресте были разработаны раввинами А.-Л. Каценеленбогеном в 1795 г. и Х. Соловейчиком в 1909 г. [9, л. 1]. Официальным началом работы общества считается 1800 г. [10, л. 28]. Согласно уставу, целью деятельности товарищества являлось «отдание последней услуги умершим евреям, которое должно проходить согласно всем ритуалам и местным обычаям без различия пола и возраста, и без разницы, принадлежал ли умерший к жителям города» [9, л. 1]. Структурными составляющими организации были коллегии старших, общее собрание членов товарищества, ревизионно-контролирующая комиссия, мировой суд и правление. Начальный надзор за деятельностью товарищества относился к компетенции раввината во главе с раввином еврейской религиозной гмины. Членом «Святого братства» мог стать любой иудей старше 30 лет, который вел праведную жизнь и обратился с заявлением о приеме в члены «Хевра Кадиша» [9, л. 2–6]. К непосредственным функциям членов общества относились ритуальное омовение, переодевание, препровождение умершего на кладбище [9, л. 6]. Работая как благотворительное, общество за свой счет проводило похороны бедных иудеев, покупало ткань, шило саваны, оплачивало перевозку тела на кладбище. В ежегодных отчетах «Хевра Кадиша» в Бресте отмечалось, что в 1931–1936 гг. общество провело около 80 % всех похорон иудеев. В 1937 гг. членами «Хевра Кадиша» в Бресте были 150 человек [10, л. 20–28].

Схожим по функциям работы являлось товарищество «Хесед Шель Эмес». По уставу целью данного товарищества являлись «ритуальные услуги согласно традиции не состоятельных евреев (умерших дома, в больницах, домах старцев, лазаретах, филантропических учреждениях и т.п. учреждениях от болезней, а также жертв несчастных

случаев), с исполнением всех санитарных, полицейских, административных формальностей, а также требований еврейской религиозной гмины; за счет товарищества». Членом товарищества мог стать любой иудей или еврейское учреждение, если они ведут порядочный образ жизни, заплатили взнос и написали заявление о вступлении. Обязательным условием являлось голосование большинством голосов за кандидатуру желающего стать членом общества. Члены общества в Пинске делились на обычных, почетных и пожизненных. Права всех членов товарищества были равны. Разными были обязанности и оплата: обычные члены платили ежемесячно по 50 грошей, пожизненные – разово 25 злотых, почетные освобождались от платы [11, л. 3–4]. В «Хесед Шель Эмес» в Бресте все члены были равными и платили по 20–50 грошей в месяц в зависимости от материальных возможностей [12, л. 2]. Количество членов было непостоянным. Так, в городе Пинске Полесского воеводства в составе «Хесед Шель Эмес» было 80, в 1933 г. – 77 человек; в Бресте в 1934 г. – 241, в 1937 г. – 160 человек [12, л. 16–59]. Структурными составляющими товарищества являлись правление, общее собрание членов, ревизионная комиссия [11, л. 4]. С 1934 г. в Брестском обществе «Хесед Шель Эмес» финансовые проблемы стали постоянными, а в 1937 г. финансовая ситуация стала плачевной, т.к. еврейская религиозная гмина выделила обществу только 200 злотых. В 1937 г. «Последняя услуга» провела в городе 85 похорон [13, л. 2].

Погребальная обрядность евреев

Сам обряд похорон иудеев в 1921–1939 гг. был традиционным и проходил в несколько этапов. В случае смерти иудея его родственники (лица, их заменяющие) должны были незамедлительно сообщить в синагогу и погребальному обществу о смерти. Погребальное общество занималось подготовкой тела к захоронению и самими похоронами. Членам семьи рекомендовалось как можно меньше контактировать с мертвым телом, так как оно считалось сосредоточением всего нечистого. Братство в специальном помещении при кладбище проводило обмывание тела «тпаара». После этого на тело надевали простую белую похоронную одежду «тахрихим» [14, с. 104–105]. Мужское тело также оборачивали в «талес» (молитвенное покрывало), причем предпочтение отдавалось личному покрывалу мужчины. Согласно религиозной традиции, умершего еврей хоронили в день смерти до наступления темноты (в течение 24 часов с момента смерти), кроме субботы и праздников. Время могло растягиваться до трех суток [15, с. 134]. Как правило, на еврейском кладбище было специальное здание для подготовки тела умершего к захоронению. Такие здания были в Лунинце, Лахве, Кожан-Городке, два в Ленине [16, л. 64], Городце [17, л. 12].

Традиции хоронить евреев в гробах, как и у ашкеназов, в регионе не было. Но под давлением польских санитарных властей евреи Западной Беларуси стали хоронить умерших в гробах, но не везде. Так, например, только в 1934 г. еврейская религиозная гмина в местечке Высоцк Столинского повета за продажу гробов и погребение получила 500 злотых дохода [18, л. 19], в г. Кобрин за продажу гробов – 2 673 злотых [19, л. 5]. Члены братства переносили или перевозили тело на кладбище на специальных носилках, повозке (дилижансе). Например, в Бресте в «Хевра Кадиша» для перевозки тела умершего еврея существовала должность специального извозчика, который за каждые похороны получал в 1935 г. по 1,5 злотых. В 1930-е гг. этим извозчиком в Бресте работал Н. Вайнштейн [10, л. 22].

Еврейские похороны нашли отражение в воспоминаниях местных жителей: «Евреи на похоронах очень много плакали, а когда у покойников не было семьи, нанимали

плакальшціцу. Когда всходил месяц, покойника накрывали черным сукном и, высоко подняв на носилках, несли на кладбище. Обычно провожали покойника только самые близкие родственники. Тело лежало в специальном черном ящике – “кубельне”, который хранился в сторожке на кладбище» [20, с. 7–8]. Зачастую в воспоминаниях отражены искаженные стереотипы: «Помню, как хоронили. У них у дому... я помню... у них окошка, ляжаў на простыне белай, потом нейкай соломки там положили, там дальше не знаю. И несли... У их хоронили полулежа там на кладбище... вот так вот подсовывали туда, полулежа хоронили» [21, с. 73]. Отражено в воспоминаниях и традиционное еврейское погребение без гроба: «Несли зашитага такога у белым таком, не касцюм, ничего, а он такой как у простыне... Евреев в гробу не хоронят, а в мешке» [21, с. 73–74].

Смерть раввинов, религиозных авторитетов рассматривалась в другом ракурсе – как трагедия. Так, по воспоминаниям жителей местечка Мир, «когда, в 18-й день месяца Сиван 5 696 умер машгиах (духовный лидер общины), его смерть часть студентов иешивы восприняла как смерть отца» [22, с. 189]. В целом обряд проводов покойника имел отличия по направлениям иудаизма: мусары во время прощания с покойником так стенали, плакали и убивались, что со стороны походили на умалишенных; хасиды могли традиционно приплясывать.

После погребения завершалась основная часть «онена» (одной из трех частей еврейского траура, припадающая на день смерти и погребения умершего). Остальные две части еврейского траура («шива» и «шлошим»), длящиеся неделю и год соответственно, являлись логическим продолжением «онена» и завершались обрядом «хакамат мацева» (установлением надгробного камня) и поминальным праздником йорцайт. Большинство еврейских семей соблюдали семидневный период траура – «шива» («семь»), некоторые – 30 дней. В течение всего периода, когда длится «шива», в дом ходили родственники и друзья с визитом соболезнования, помогали скорбящим пережить утрату близкого. В течение года после похорон евреями традиционно принято было посещать кладбище в месяц элул (двенадцатый месяц еврейского календаря, приходится на вторую половину августа – первую половину сентября). Посещение кладбища – «кевер увес» («на могилы предков/отцов») проходило в основном в понедельник и четверг. Традиции ходить на могилы предков в праздники, в субботу и ночью не было [23, с. 138]. В момент посещения могил родственников и почитаемых людей произносили текст, обращенный к усопшему, начинающийся формулой «Loyf in beyt» («Беги и проси»). При посещении могил цадиков и других почитаемых духовных лидеров зачастую писали записки-просьбы, также на могилы предков приносили камешки. В годовщину смерти («йорцайт») члены семьи зажигали специальные поминальные свечи и произносили особые молитвы памяти – «изкор». Проявляя уважение к усопшему, ближайший из родственников зажигал свечу иорцайт каждый год на годовщину смерти. Усопших также поминали во время «йицкор» (поминальных служб в синагоге) [24, с. 47–48]. Документ о смерти платно оформляли в еврейской религиозной гмине, к которой относился усопший [25, л. 10].

Через год (иногда через месяц) после похорон устанавливали надгробия. Родственникам усопшего (лицам, их заменяющим) необходимо было платить как за изготовление самого памятника, так и за традиционные разрешение на установку памятника на могиле и место на еврейском кладбище еврейской религиозной гмине, к которой относился усопший. Стоимость за место на еврейском кладбище зависела от категории места (I–IV), если такие выделялись. Так, например, в местечке Антополь в 1934 г. за место на еврейском кладбище в зависимости от категории места (I–IV) платили 15–150 зло-

тых, за ўстаноўку памятных у памятніках у залежнасці ад катэгорыі – 5–20 злотых [26, л. 22], у гмінах месечек Высоцк, Городно, Теребрезев, Березов Столінскага павета ў 1933 г. – 30 і 5 злотых адпаведна (без выдзялення катэгорыяў) [18, л. 41]. Даход еўрэйскай рэлігійнай гміны ў м. Антополь за 1934 г. толькі за месца на кладбішчы быў 500 злотых, за дазвол ставіць памятнікі – 100 злотых [27, л. 40]. У месечцы Сернікі Палескага воеводства еўрэйскай рэлігійнай гмінай быў разрабаван «Статут збору платы за месца на кладбішчах і за надгробныя памятнікі ў карысць еўрэйскай рэлігійнай гміны», згодна якому за месца на кладбішчы ў Серніках плата ўзялася ў размяре 10–500 злотых, за ўстаноўку памятніка – 10–1 000 злотых [28, л. 4]. Памятнік традыцыйна разглядаўся еўрэямі як атрыбут месца захаронення. Ожіданне прыхода Мессіі перафармавала пахаванне ў хранилішчы, таінственнае месца ажідання другога прышэсця. Таму недопушчальнай лічылася крэмацыя, а пахаванне ў тэрытарыяльнымі межах кладбішчы абракало душу на доўгія мукі [29, с. 141].

Еўрэйскія памятнікі як крыніцы некропалістыкі

Надгробія еўрэйскіх кладбішчы прадстаўлены двума асноўнымі тыпамі: мацевы (стелы) і охелі (ці огелі саркафагі). Стела прадстаўляе сабой вертыкальна стаячую каменную плітку з надпісам, рэльефным ці жывапісным выяўленнем. Огель – невялікая гробніца з дрэва ці камя, укараненая роспісам ці скульптурай, па форме напамінае шатэр, часта ўстаўлялася над могілкай духоўнага настаўніка, лідэра гміны (цадыка). Стелы (мацевы) – асноўны тып еўрэйскага надгробія, фармоўна аформленай асновай якая з’яўляюцца сціжылі Завета, фармы аркі, партала. Мацевы заходнябеларускага рэгіёна маюць наступныя памеры: шырыня – 0,8–1,2 м, вышыня – 1–1,8 м, талшыня – 0,15–0,2 м. Абаротная старона памятніка часта не апрацавана. Матэрыялам для выраблення мацев служылі пяшчанік, граніт, дрэва, цэментны раствор, рэдка мрамор. Выбар пяшчаніка ці спецыяльнага раствора, які залівалі ў фарму, быў абумоўлены наяўнасцю яго ў даным месцы, а таксама папулярызацыяй еўрэяў рэгіёна, што не дазваляла еўрэям заказваць больш дарагія памятнікі з імпартнага матэрыяла. На лійцавай старона мацев наносіліся эпітафія і рэльефнае выяўленне. На аснове аналізу эпітафіяў мацев заходнябеларускага рэгіёна можна выдзяліць іх наступныя традыцыйныя складнікі: уступіцельная фармула «по нитман» («здесь пакойцца»), імя усопшага і імя яго (ея) аца, эўлогія (благаслаўленне), дата смерці па еўрэйскаму календару, завершаючы эўлогія «Да будзе душа яго завязана ў вузле жыцця» (часта ў выглядзе абрэвіятуры – як сімвал еўрэйскай эпітафіі). Эпітафія, як правіла, складалася з імя, імя аца, аднаго–двух эпітэтов, буквеннай даты смерці з паказаннем дня, месяца і года па еўрэйскаму календару. Практычна ўсе фармулы і выяўленні заімаваны з талмудычных трактатаў еўрэйскіх тэкстаў і малітваў. На эпітафіі быў паказан тып леталічэння ліфрат катан («по малому счэту») – традыцыйны еўрэйскі спосаб абазначэння даты ад стварэння сусвету, пры якім не паказваюць тысячагоддзе. Тэкст на мацевых выкананы ў класіфікацыйных монументальных прыемах – барельеф і кантррельеф.

Каму правіла, эпітафіі складалі адно стільнае цэлае з выяўленнем, нанесеным на мацевы. Згодна рэлігійным перапісаным і звычаям, на надгробіях можна было помешчаць асвятленыя традыцыяй выяўленні, мотывы якіх чэрпаліся з жывотнага (львы, олени, медведі, птуцы і т.д.) і расліннага сусвету (дрэвы, фрукты, корзіны з плодамі, вінаградныя грозды, лоза і т.п.). У іконографіі мацев Заходняй Беларусі агульна можна выдзяліць тры мастацкія пласты: расці-

тельный, зооморфный и геометрически архитектурный. В широко распространенных стелах с пластическими изображениями, относящимися к отвлеченно-декоративно-символической группе, орнамент играл главную роль в системе композиции, являлся основным и единственным изобразительным мотивом. Наиболее распространенным для мацев является изображение вокруг букв «על» благословляющих ладоней когена, окружности, семисвечника, растительного орнамента, что пространственно выделяло начало эпитафии. Особенностью региона является редкое использование Маген-Давида для изображения вокруг букв «על». Необходимо выделить мацевы, которые характеризовали социальный статус умершего, получаемый по рождению, – левитов и когенов (когены, или коэны, – иудейские священнослужители, жрецы; левиты – потомки Левия, родоначальника одного из двенадцати колен Израилевых) [30]. У когенов на мацевах традиционным является изображение двух рук, сложенных определенным образом, левитов – руки с кувшином с водой для ритуального омовения рук. Нужно отметить, что руки когенов и рука с кувшином левитов являются единственными антропоморфными изображениями на мацевах. Особое место занимают надгробия с изображением меноры – светильника – символа иудаизма. Причем встречаются светильники с тремя, четырьмя, пятью свечами. Вне культовой составляющей рельефы выражали общечеловеческие представления о жизни и смерти и дают представление о характерных чертах усопшего. Библейский запрет на изображение человеческого облика вынуждал мастеров прибегать к своеобразному эзопову языку: изображался тот зверь, нрав которого каким-то образом соответствовал репутации и характеру усопшего. Иногда выбор диктовался аналогией имен и названий. Часто в пластике стел фигурировали предметы реального мира: у ученых – шкаф с Пятикнижием [31, с. 12–13]. Большую декоративную роль в рельефах мацев играли растительные формы. Как правило, растительные мотивы были выразителями идеи смерти: сломанное дерево, дерево с обрубленными ветвями, сломанный цветок, сломанная ветка, сорванные листики. В целом все сломанное, сорванное, разбитое являлось символом смерти, например, сломанные свечи. Растительные мотивы также могли нести чисто декоративный характер.

Форма почти всех представленных элементов композиционной структуры мацев решена в обобщенно-символическом ключе, проста и лапидарна. Животный мир, птицы, предметы зачастую передаются схематично, преобладают принципы условной оптимизации. В целом орнамент мацев известный, стереотипный. Но на сохранившихся фото можно увидеть, что были в регионе примеры и богатых символикой и декором мацев (Брест, Мир, Пинск и др.) [32, с. 43].

Наиболее древние из еврейских кладбищ западнобелорусского региона не сохранились. На первоначальных местах существуют остатки около 40 еврейских кладбищ региона. Самые древние мацевы западнобелорусского региона – надгробия XVIII в., которые сохранились на еврейских кладбищах в г. Высокое (Каменецкий р-н), п. Ружаны, г.п. Шерешево (Пружанский р-н).

Заключение

Еврейские некрофации Западной Беларуси (1921–1939 гг.) – важный исторический источник и памятники культуры. Надгробия еврейских кладбищ 20–30 гг. XX в. представляют сегодня особую художественную ценность, отражающую уникальность еврейской культуры. Кладбище представляло собой ритуализированную пространственную категорию, связанную с разграничением анклава живых и мертвых – мест жиз-

недеятельности еврейской общины и некрополей. Степень изученности еврейских некрофаций региона невелика и требует более пристального научного изучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Муратов, И. Еврейская надгробная эпиграфика Беларуси. Еврейское кладбище в Друе / И. Муратов // Тирош – труды по иудаике : сб. тр. / Центр «Сефер» ; под ред. М. Членова. – М. : Сефер, 2009. – Вып. 9. – С. 78–103.
2. Митюков, А. С надгробий надо снять ноги / А. Митюков // СБ – Беларусь Сегодня. – 2014. – № 238 (24619).
3. Бюджет Антопольской еврейской религиозной гмины Кобринского повета за 1933 год и списки должников // Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2302.
4. Вавренюк, И. И. Евреи в жизни Пинска (1921–1939 гг.) / И. И. Вавренюк // Моўнакультурная прастора Брэсцка-Пінскага Палесся : зб. навук. арт. / рэдкал.: М. М. Аляхновіч [і інш.]. – Брэст : Альтернатива, 2013. – С. 32–35.
5. Отчеты, бюджет Брестской еврейской религиозной гмины и переписка с ней по вопросам финансово-хозяйственного характера (17 сентября 1928 г. – 6 июня 1933 г.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2309.
6. Переписка с поветовыми старостами и заявления граждан о надзоре над еврейскими кладбищами, о погребении на православных кладбищах и др. (14 авг. 1928 г. – 30 июня 1936 г.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2340.
7. Циркуляры и руководящие указания полесского воеводского управления и переписка с гминными правлениями об учете и охране могил погибших воинов в Первую мировую войну и др. (1926 г.) // ГАБр. – Ф. 2003. Оп. 2. Д. 453.
8. Функ, Ю. В. Евреи Беларуси в конце XIX – начале XX в. / Ю. В. Функ. – Минск : БелНИИДАД, 1998. – 105 с.
9. Устав еврейского благотворительного товарищества «Хевра Кадиша» в Бресте // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 40.
10. Устав, протоколы собраний и отчеты о деятельности Брестского общества «Хевра Кадиша» (6 марта 1931 г. – 13 янв. 1936 г.) // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 2. Д. 886.
11. Устав, годовые отчеты, протоколы собраний благотворительного общества «Последний долг» (13 февр. 1930 г. – 12 июля 1938 г.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 4. Д. 3993.
12. Протоколы собраний и отчеты о деятельности брестского еврейского товарищества «Хесед Шель Эмес» в Бресте (3 нояб. 1933 г. – 17 янв. 1938 г.) // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 2. Д. 584.
13. Переписка со старостами по вопросу бюджетно-хозяйственной отчетности еврейских религиозных гмин (21 янв. 1937 г. – 16 дек. 1937 г.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2740.
14. Golberg-Mulkiewicz, O. Obrzędy żałobne i pogrzebowe Żydów polskich / O. Golberg-Mulkiewicz // Polska Sztuka Ludowa. – 1986. – № 1–2. – S. 104–105.
15. Алексеевский, М. Представление о еврейских похоронно-поминальных традициях в рассказах жителей Латгалии / М. Алексеевский // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии : материалы экспедиций 2011–2012 гг. / под ред. С. Амосова. – М. : Сефер, 2013. – С. 133–135.
16. Дело о территориальных изменениях еврейских религиозных гмин (13 июня 1930 г. – 16 февр. 1935 г.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2369.

17. Бюджет и список членов Антопольской еврейской гмины, внесших пожертвования на 1934 год (23 апр. – 15 окт. 1934 г.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2410.
18. Уставы о взимании платы за молитвенные дома, от убоя скота и др. Бюджет и списки членов еврейской религиозной гмины в Высоцке Столинского повета // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2413.
19. Отчет об исполнении бюджета еврейской религиозной гмины за 1937 год, г. Кобрин // ГАБр. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 28.
20. Быховцев, Н. Евреи в межвоенный период / Н. Быховцев // Ваўкавышчына : краязн. часопіс. – 2009. – № 4 (14). – С. 7–8.
21. Белова, О. Портрет этнического соседа: евреи глазами славян (по фольклорно-этнографическим материалам с Гродненщины) / О. Белова // Желудок: память о еврейском местечке / под ред. И. Копченовой. – М. : Сефер, 2013. – 328 с.
22. Раманава, І. Мір: гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары / І. Раманава, І. Махоўская. – Вільня : ЕГУ, 2009. – 248 с.
23. Дымшиц, В. Еврейское кладбище: место, куда не ходят / В. Дымшиц // Штетл, XXI век : полевые исследования / сост.: В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2008. – С. 135–142.
24. Корн, И. Иудаизм в искусстве / И. Корн. – Минск : Белфакс. – 128 с.
25. Бюджет Антопольской еврейской религиозной гмины Кобринского повета на 1936–1938 гг. // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2601.
26. Бюджет и список членов Антопольской еврейской гмины, внесших пожертвования на 1934 г. (23 апр. 1934 г. – 15 окт. 1934 г.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2410.
27. Уставы о взимании платы за молитвенные дома, от убоя скота и др. Бюджет и списки членов еврейской религиозной гмины в Высоцке Столинского повета (1933 г.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2413.
28. Списки лиц, внесших финансовые пожертвования, отчеты по хозяйственным расходам еврейской гмины в Серниках (30 июня 1933 г. – 22 дек. 1933 г.) // ГАБр. – Ф. 1. Оп. 10. Д. 2291.
29. Локотко, А. И. Архитектура европейских синагог / А. И. Локотко. – Минск : Ураджай, 2002. – 156 с.
30. Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eleven.co.il/>. – Дата доступа: 29.12.2017.
31. Чечик, З. Мацевы / З. Чечик. – М. : Дом еврейской книги, 2005. – 167 с.
32. Levy, A. Judische Grabmalkunst in Osteuropa / A. Levy. – Berlin, 1924. – 84 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.01.2018

Vauraniuk I.I., Kasianouskaja H.S. Jewish Necrophations of Western Belarus (1921–1939) as Sources of Learning Places of Memory

The scientific article studies the history of the formation of Jewish necrophations in Belarus, investigated the funeral rites of Jews, analyzed the policy of the Polish authorities in relation to the Jews and their cultural heritage. Jewish necrophations of Western Belarus (1921–1939) can be considered not only as a historical source, but also as a cultural monument, which reflected the impact of the traditional Jewish culture and the cultures of other peoples of Belarus. Today, many of the fixed monuments of the Jewish epigraphy of Belarus have already been lost, others – continue to deteriorate and weaken, others are being destroyed by people. The cemetery was a ritualized spatial category associated with the demarcation of the enclave of the living and the dead – the places of life of the Jewish community and necropolises.

УДК 398.3

І.А. Швед

*д-р філал. навук, праф., праф. каф. рускай літаратуры і журналістыкі
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
e-mail: Shved_inna@tut.by*

МІФАСЕМАНТЫКА І ФУНКЦЫЯНАЛЬНАСЦЬ ВОБРАЗА ЗАЙЦА Ў БЕЛАРУСКІМ ФАЛЬКЛОРЫ*

Мэта працы – вызначэнне міфасемантыкі і функцыянальнасці вобраза зайца як чынніка заалагічнага кода беларускага фальклору. Гісторыка-генетычнае і функцыянальна-семантычнае даследаванне «тэксту зайца» ў беларускім фальклоры паказала, што ў ім даміруе мужчынская эратычная сімволіка, выразна выяўлены семантыка ўрадлівасці, плоднасці, адраджэння, асацыятыўная сувязь з вясной, вадой, агнём, месяцам, хлебам, грыбамі, яйкамі, а таксама з міжсветавай мяжой, душамі нябожчыкаў, нячыстай сілай. У прыродна-ландшафтным кодзе заяц звязаны з морам (Дунаем), полем (чыстым) і лесам, у заалагічным – з кунай, лісой, мядзведзем, воўкам, варонай, мышшу, казой.

Уводзіны

Вобразы звяроў як чыннікі заалагічнага кода фальклору пэўнага народа апошнім часам усё часцей становяцца аб'ектам спецыяльнага вывучэння, напрыклад, грунтоўная праца [1]. Народным уяўленням славян пра жывёл, заалагічнаму коду міфапаэтычнай мадэлі свету беларусаў і іншых народаў прысвечаны працы беларускіх фалькларыстаў, міфалагаў, этнографістаў, археолагаў, культуролагаў А. Боганевай, Т. Валодзінай, Ю. Драздова, Л. Дучыц, Э. Зайкоўскага, У. Лобача, А. Ненадаўца, С. Санько, Л. Салавей, І. Швед, Ю. Янкоўскага і інш., у прыватнасці артыкулы ў энцыклапедычным слоўніку «Міфалогія беларусаў» [2]. Пры гэтым у працах этналагічнага характару пераважае гісторыка-генетычны падыход (даследаванні Э. Зайкоўскага, Л. Дучыц, У. Лобача, Т. Кухаронак і інш.).

На вобразы жывёл увага звярталася беларускімі фалькларыстамі, этналінгвістамі і ў сувязі з вывучэннем пэўных відаў і жанраў традыцыйнай культуры. Так, У. Коваль у манаграфіі «Восточнославянская этнофразеология: Деривация, семантика, происхождение» (Гомель, 1998) прааналізаваў сімволіку зайца і казы ў фразеалагічных адзінках. Т. Валодзіна ў манаграфіі «Цела чалавека: слова, міф, рытуал» (Мінск, 2009) у кантэксце даследавання народнай анатоміі і медыцыны ахарактарызавала зааморфныя вобразы (сабака, мыш, воўк, кот, жаба) у этнакультурным тэксце скураных хвароб. Гэтая ж даследчыца грунтоўна вывучыла ўстойлівыя выразы з жывёльнымі кампанентамі і слухна адзначыла, што шэраг з іх «настойліва вылучае вобразы ваўка, мядзведзя, зайца і лісіцы з дзікіх звяроў і сарокі, вароны, вераб'я, жураўля, савы з дзікіх птушак. Не менш вядомыя лось, барсук, дзік і іншыя звяры за выключэннем асобных прыкладаў засталіся па-за межамі этнафразеалагічнага зрэзу моўнай свядомасці» [3, с. 69].

Зааморфныя метафарычныя вобразы прыродных аб'ектаў і з'яў, зааморфныя рэферэнты раслінных аб'ектаў у свеце міфапаэтыкі славянскіх загадак вывучала А. Алфёрава. Пры гэтым даследчыца зыходзіла з меркавання, што метафары, узятыя са свету жывёл, «генетычна ўзыходзяць да міфалагічных метафар, у якіх прадугледжвалася сапраўдная тоеснасць (у межах міфалагічнай свядомасці) міфалагічных аб'ектаў і з'яў

**Артыкул напісаны ў межах навукова-даследчай працы «Заалагічны код беларускай традыцыйнай духоўнай культуры (па запісах XIX – пач. XXI ст.)», якая выконваецца па ДПНД «Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства» (№ дзяржрэгістрацыі 20160897 ад 13.04.2016).*

з жывёламі ці птушкамі. У далейшым структура паэтычнай метафары загадак з зааморфнымі вобразамі толькі фармальна ўваскрэшала былую рэальнасць міфалагічнага мыслення, бо пазнейшыя метафары зааморфнага віду грунтаваліся на прынцепах свядомага мастацкага параўнання і перанясення. Адсюль агульнасць метафарычных замяшчальнікаў прыродных з'яў у іх» [4, с. 39].

К. Кабашнікаў у сувязі з даследаваннем малых жан-раў беларускага фальклору ў славянскім кантэксце разгледзеў групу ўсходнеславянскіх, польскіх і сербскіх загадак, якія адносяцца да птушак і жывёл – дзікіх і свойскіх. У плане вызначэння генезісу фальклорнай заасімволікі важнай з'яўляецца заўвага К. Кабашнікава, што «загадкі арыентуюцца як на знешнія прыкметы птушак і жывёл, так і на асаблівасці іх паводзін, на рысы, якую яны прыносяць чалавеку, і на іншыя іх якасці. У сувязі з тым, што ў вонкавым выглядзе розных жывёл ёсць нейкія агульныя прыкметы, у розных загадках паўтараюцца некаторыя мастацкія дэталі і паэтычныя сродкі» [5, с. 138].

У кантэксце вивучэння такой з'явы традыцыйнай святочна-абрадавай культуры беларусаў, як маскіраванне і абрадавае пераапраанне, Т. Кухаронак звярнула ўвагу на функцыянальнасць масак, якія прадстаўлялі зааморфных персанажаў. Найбольш распаўсюджанымі сярод іх з'яўляюцца каза (казёл), кабыла (конь), бусел (жораў, журавель), радзей сустракаліся сярод маскіраваных бык (тур, карова), воўк, ліса, заяц [6, с. 16].

Хоць вобраз зайца даволі шырока прадстаўлены ў шэрагу тэкстаў, якія складаюць вербальную частку каляндарных (найперш, зімовых і веснавых) і сямейных (у прыватнасці, вясельных) абрадаў, у песнях на любоўна-матрыманняльную тэматыку, дзіцячым фальклору, парэміях, казках і інш., гэты вобраз не быў прадметам спецыяльнага даследавання беларускіх вучоных, за выключэннем сціслага артыкула Ю. Драздова і С. Санько ў энцыклапедычным слоўніку «Міфалогія беларусаў» [2].

У гэтай працы вобраз зайца разглядаецца як адзін з чыннікаў заалагічнага кода, у сувязі з элементамі іншых канцэптуальных кодаў беларускага фальклору. Мэта працы – вызначэнне міфасемантыкі і функцыянальнасці вобраза зайца як чынніка заалагічнага кода беларускага фальклору.

Вобраз зайца ў відах і жанрах беларускага фальклору

Заяц займае даволі значнае месца ў міфапаэтычнай мадэлі свету беларусаў. Пра яго вызначанасць ускосна сведчыць народнабеліская гісторыя пра вялікі патоп: у Ноевым каўчэгу аказваюцца толькі птушкі і заяц, прычым заяц называецца першым: «А ў каўчэг узяў зайца, пташку, вобшчэм некіх пціц. І зайца. І поплыў» (в. Жмурнае, Лельчыцкі р-н) [7, кн. 2, с. 475]. Заяц прадстаўлены і ў этыялагічных легендах. Так, прыпісаная яму палахлівасць у Рэчыцкім Палессі тлумачыцца тым, што ў зайца маленькае сэрца. Бог зляпіў яму занадта доўгія вушы, а на сэрца гліны не хапіла. Тады Бог адарваў зайцу хвост, пакінуўшы толькі кароткі адростак, і зрабіў маленькае сэрца. «Ось зачым ён усіх баіцца, а яго ніхто» [8, с. 103].

У разнастайных відах і жанрах беларускага фальклору заяц сімвалізуе *мужчыну* ў пэўных яго станах і статусах. Часта гэта малады хлопец, жаніх. У некаторых карагодных і гульнівых песнях да зайца звяртаюцца як да «бацохны». Мужчынская любоўна-шлюбная сімволіка зайца выяўляецца ў адрасаваных яму просьбах звіць вянок, пацалаваць дзяўчыну; у карагодных песнях заяц нярэдка выбірае дзяўчыну. Па звестках інфарматараў з вёсак Мяркулавічы, Шылавічы Чачэрскага раёна, «Заіньку» вадзілі «на Пасху і пасля Пасхі». Напачатку выбіраецца Заінька – любая дзяўчынка або хлопчык, які займае месца па-за карагодам. Усе астатнія становяцца на кола. Замкнуўшы

яго, спяваючы, рухаюцца наперад: спачатку насустрэч сонцу, затым – па сонцу. Змена напрамкаў руху ажыццяўляецца на пачатак новай страфы. Абраны Заінька, узяўшы перад сабой паралельна сагнутыя ў локцях рукі, накіраваныя вонкавай часткай угору (кісці адвольна нахілены наперад, локці апушчаны ўніз), на поўным прысяданні рухаецца спачатку па-за колам. Зайшоўшы ў сярэдзіну круга, імправізуе танец: сродкамі харэаграфіі і пантамімы адлюстроўвае паэтычны тэкст песні: «Заінька з лесу йдзёць, / Шэранькі з лесу йдзёць, / Ой, да кося, з лесу йдзёць, / Ой, да кося, з лесу йдзёць. // Заінька, зайдзі к нам, / Шэранькі, зайдзі к нам, / Ой, да кося, зайдзі к нам, / Ой, да кося, зайдзі к нам. // Заінька, паскачы, / Шэранькі, паскачы, / Ой, да кося, паскачы, / Ой, да кося, паскачы. // Заінька, памыйся, / Шэранькі, памыйся, / Ой, да кося, памыйся, / Ой, да кося, памыйся. // Заінька, прычашысь, / Шэранькі, прычашысь, / Ой, да кося, прычашысь, / Ой, да кося, прычашысь. // Заінька, ідзі к Дунаю, / Шэранькі, ідзі к Дунаю, / Ой, да кося, ідзі ў Дунай, / Каго хочаш выбірай». У іншай карагоднай песні «заіньку», які «з лесу йдзе», просяць зайсці да карагоднікаў, легчы спаць, потым устаць, умыцца, паскакаць, выбраць каго хоча і весці ў лес [7, кн. 2, с. 57–59].

Песенная гумарыстыка ў сувязі з актуалізацыяй любоўнай тэматыкі таксама прыцягвае вобраз зайца, напрыклад: «За гарою зайчыкі трубяць, / Чаму мяне хлопцы не любяць! / Злажэцца, хлопцы, па грошу, / Купець мне ленту харошу, / Буду тую ленту насіці, / Будуць мяне хлопцы любіці (ФА¹; Чурылава, Бешанковіцкі р-н). У тэкстах з сіметрычнай дзвухчасткавай кампазіцыяй карціна «бегання зайкі каля зайкі» выступае прыроднай паралеллю да заляцання хлопца да дзяўчыны: «Бегаў зайка каля зайкі – / І ў авёс. / Ехаў хлопец па дзевачку – / Не прывёз» [9, с. 169].

У вясельным абрадзе і адпаведных вербальных тэкстах заяц таксама выяўляе *любоўна-шлюбную сімволіку*. Песні пра зайца, надзеленага *эратычнай і фалічнай сімволікай*, звязаны з абрадам шлюбнай ночы. У Тураве пасля таго, як маладых адвялі ў ложак, спявалі «палескага зайца». У Гомельскай вобласці да абраду шлюбнай ночы прымеркавана песня, мастацкі эфект сюжэта якой палягае на мадэліраванні дачыненняў між маладамі праз актуалізацыю вобразаў зайца і лісы: «Да наша лісухна п’яна была, / Да на гарадах спаць лягла. / Прыбег заюхна, лёг на яе, / Прачнулася лісухна – мокра ў яе: / – Да ці ж не быў жа ты, касы, каля мяне?» [1, с. 181]. Са шлюбам звязаны і даволі архаічны матыў пераплывання «заінькай рэчанькі» ў вясельных песнях. У Гомельскай вобласці напрыканцы вяселля адзін з яго ўдзельнікаў у вывернутым кажуху «скача зайцам» [1, с. 178]. На вяселлі ў в. Малыя Чучавічы Лунінецкага раёна ў перапынку паміж першым і другім сталом госці ладзілі спецыяльную гульню: «Бабы старэйшыя з роду маладога бэруць «зайцы» (фігуркі з цеста, якія выпякаліся разам з караваем) пад руку і ўжэ кагуць на род маладога: “Хто ахотнік у вас?” Ну, шуцяць. І ўжэ тамачкі ад маладога выходзяць мужчыны, возьмуць вілкі – у печ ставім гаршчкі этыя – завяжуць на іх шнурка якога, на плячо – гэта ўжэ за стрэльбу. І тамачкі ўжэ тыя бабы – “зайцы” – бягаць, уцякаюць і хаваюцца. І во там як зловяць тога “зайца”, ужэ ставіць тады баба барыш. А як не зловяць, не застрэляць, то ўжэ ж той бабі паставіць барыш той мужчына» [10, кн. 1, с. 384].

У песенным матыве заломы капусты зайцам ён увасабляе мужчынскі, а капуста жаночы пачатак [1, с. 182]. На хрэсьбінах у былой Магілёўскай губерні спявалі жартоўную песню, у якой куму абяцаюць злавіць зайца: «Таму-сяму па лапачцы... / А май-

¹ФА – Фальклорны архіў студэнцкай навукова-даследчай лабараторыі БрДУ імя А.С. Пушкіна «Фалькларыстыка і крэзанаўства» (кіраўнік – І.А. Швед).

му куму да ўсё тулаўца» [1, с. 183]. Матыў «баба ловіць зайца (і воўка)» абыгрываецца таксама ў дзіцячым фальклоры, напрыклад у лічыльцы: «Баба хітра, баба лоўка – / Поймэ зайца, поймэ воўка. / А шоб баба нэ леныла, / То бэрыся, догоныла» (ФА; Вайцяшын, Бярозаўскі р-н). Сон пра злоўленага зайца (ці ката) абяцае жанчыне *цяжарнасць*, нараджэнне сына, напрыклад: «Як у сні зловіш зайца ці ката, то будэш берэменная» (ФА; Бядзязін, Маларыцкі р-н). Калі сава пераймае заячы крык (працяжна крычыць «ку-у-у!»), гэтым яна пацвярджае цяжарнасць маладухі [11, с. 40].

Асаблівыя адносіны цяжарнай і зайца пастулююцца правіламі і забаронамі, якія пабудаваны на ўяўленні пра тое, што *ўласціваасці зайца могуць перадацца дзіцяці*. Цяжарнай забараняецца шкадаваць забітага зайца, бо дзіця будзе мець парослыя заечай шэрсцю плямы. Дзіцяці можа перадацца касавокасць зайца, калі цяжарая будзе глядзець на зайца ці есці яго мяса [11, с. 65, 67]. Зласліўцы могуць зрабіць так, што дзіця народзіцца з «заячай губой»: «А гаворят, если она [беременная] прошла, и по порогу ударят топором, вот этим бывает заячья губа... Не знаю, правда ли, ни правда, но такое» (ФА; Кашылава, Брэсцкі р-н).

У шэрагу тэкстаў вобраз зайца актуалізуецца ў сувязі з тэмай дзяцей: «Ходзіць зайчык па капусце, / Носіць дзеці ў белай хустцы. / А катора пісне, / То на землю цісне» [9, с. 169]. Гэтая тэма знаходзіць развіццё і ў лічылках, дзе заяц па-нямецку лічыць дзяцей [9, с. 401]. Паводле легендарнага апавядання зайчык, якога паслаў Гасподзь, адвёў дзяцей ад маланкі: «Ну колісь жэ... коровы паслі... пастушкі. І в нас там было па-сеяно жыто. Ну і найшла хмара велькая, дзеці пасядалі за жыто, прытуліліца. Воны пасядалі за жыто тэе, а тут зайчык прыбег. Колькі іх там тых дзяцей было, я не знаю. “Но от... мы встали і за тым зайчыком бежымо, того зайчыка ловімо. От-от возынеш, от за хвосцік, а той зайчык далей-далей”. А в тое месца ўдарыло, дзе воны сядзелі. От зайчык одов’ёў... Господь зайчыка послал і дзеці адыйшлі от тья месца, дзе ўдарыло...» [10, кн. 2, с. 456].

«Гіпервітальнасць/сэксуальнасць зайца адлюстраваная ў розных непрыстойнага зместу анекдотах, прымаўках, прыпеўках і песнях (напрыклад, у беларускай песні з Лепельскага раёна “Ай, кум да кумы баразёнкай ішоў”)» [2, с. 188]. Тэксты з такімі матывамі з часам трапілі ў дзіцячы фальклор, напрыклад: «Заінька шэры, / Не хадзі па сеньях, / Не тропай нагою, / Не лягу с табою, / Я лягу з Іванам / Пад чырвоным каптанам», «Заінька серанькі, / Хадзі кашу есці. / Заінька наш не хоча, / Каля бабы тапоча», «Ох ты, баба старая, / Чаму не йдзеш замуж за зая: / Зая дроў насычэ, / Баба бліноў насычэ» [9, с. 296].

У такіх кантэкстах заяц можа выступаць разам з іншымі жывёльнымі персанажамі, якія ўвасабляюць мужчынскую сэксуальнасць, жаночую ж пару да іх найчасцей складае ліса, напрыклад: «Тянэ ліса по лісі холодільніка так, шо роздаецца стон на весь ліс. Почулі той стон медведь з зайцом, рышылы подывытыся, шо там такое. Прыходять, бачыць ліса холодільніка тянэ. Воны: “Поможты?” Ліса: “Ну, поможітэ, мальчікі”. Воны: “Чім рушчіватыся будыш?” Ліса: “Чі деньгі, ці натура”. Тянуть воны і совешчаюцца, шо будуть брать. Шо такое натура, воны нэ знають, тому рэшылы брать грошы. Затягнулы холодільніка. Ліса кажэ: “Мальчікі, што вам?” “Грошы”, – кажуть воны. Русплатылася з імы ліса, воны і пуйшлы. Але інтэресно ім стало, шо ж такое натура. Ворочаюцца і пытають: “Рыжа, так шо ж такое натура?” Ліса: “Ой ты, Господі, ну зняла б трусы і дала”. А заяц кажэ медведю: “Ох добрэ, шо ны взяли, а то на мэнэ – вылыккі, на тэбэ – малэнькі” (ФА; Вістычы, Брэсцкі р-н). У прыпеўцы заяц з лісай нарыхтоўваюць сена: «Стары заяц сіно косыць, / А ліса згрыбае, / Муха сіно к возу носыць, / А камар кідае» (ФА; Татарнавічы, Драгічынскі р-н).

Даволі сталай з'яўляецца карэляцыя надзеленых матрыманіяльнай сімволікай зайца і куны, як мужчынскага і жаночага. Так, у жартоўнай песеньцы з матывам «жаныцьба зайца» жаночай парай яму выступае куна: «Сабралася зварына, дай з усяго свету / Дай сталы судыты, кого ожныты, / Дай сталы судыты, зайца ожныты, / Дай сталы судыты, зайца ожныты, / Дай сталы судыты з куною ожныты. / Сіў жэ заец под корчэм, дай й думу думае: / Хоч я заец бэз хвоста, а жынку маю. / Под купыну сіла куна, дай думу думае: / Ой кого ж я любыла, шо й хвоста нэ мае» (ФА; Плешчыцы, Пінскі р-н). У сувязі з адзначаным важна падкрэсліць, што заяц разам з кунай і собалем фігуруе ў тэкстах, якія маюць рытуальна-абрадавую функцыянальнасць, напрыклад у прыгаворках сватоў: «Сваты обычно солідны, за словам в карман ны лізуть! Обычно говорылы, хто як вмів: “Здравствуйте, здравствуйте! / Прышлы до вас купці за товарамы. / Нам трэба ны жыто і ны пшыныца, / Ны заец, ны соболь і ны куныца, / А ваша дочка краса-девіца. / У вас товар, у нас купець. / Трэба іх нам в однэ місце звысты / І новы род-сымью завысты”» (ФА; Стрыгава, Кобрынскі р-н). Праз сімволіку палявання на зайцоў і куну традыцыйна выяўляецца карціна сватання, як у каляднай песні: «Братцы, уставайця, коні сядлайця, / Коні сядлайця, з двара з'яжджайця. / На паляваньне, не пагуляньне, / Куну сачыці, зайцаў лавіці, / Зайцаў лавіці, дзеўку сватаці» [7, кн. 1, с. 82]. У купальскай песні «стральцы-байцы» забілі «дзеваць зайцаў, / Дзесятую з зайчанятамі, / Шылі яны дзеўкам юбкі, бабкам шубкі» [12, с. 190].

Мужчынскі вобраз зайца ў сатырычным рэчышчы прастаўлены ў прыпеўках, якія, рэалізуючы любоўны матыв паводле ўсіх правіл паэтыкі жанру, высмейваюць няўдалага кавалера, напрыклад: «Як цябе ні любіць – / Такога красаўца. / Галава, як макацэра, / Вушы, як у зайца» (ФА; Тальмінавічы, Ляхавіцкі р-н).

Заяц выкарыстоўваўся і ў **любоўнай магіі**, выступаў у якасці ахвяры. Так, каб прычараваць хлопца, дзяўчына апоўначы ідзе да чараўніцы, прыносіць з сабой забітага зайца. Чараўніца раскладае вогнішча, адсякае ў зайца адну лапку, аддае дзяўчыне, потым перацірае ў руках зёлкі і сыпле іх у вогнішча. Пасля, укланчыўшы, падымае рукі ўгору, цалуе зямлю і кідае забітага зверу ў агонь, гаворачы: «Кідаю сваю ахвяру ў агонь, / Няхай мой любы заўсёды будзе разам са мной» [13, с. 30].

Прыпісаную зайцу **плоднасць** маглі магічным чынам пашыраць на людзей і свойскую жывёлу. У былой Гродзенскай губерні курам давалі заячы памёт, каб яны лепш нясліся. У казцы каб «асемяніць» поле, пан купіў у мужыка «сеўчыка» – ім аказаўся заяц, які збег з мяшка [1, с. 183].

У купальскіх песнях любоўная мужчынская сімволіка зайца актуалізуецца ў сувязі з матывам абыходу дзяўчатамі жытняга поля, напрыклад: «Пайдзем, дзеўкі, / Пайдзем, дзеўкі, ва круг жыта, / Ва круг жыта. / Ці не найдзем, / Ці не найдзем каго ў жыце, / Каго ў жыце. / Зайца найдзем, / Зайца найдзем – паганяем, / Паганяем. / Мальца найдзем, / Мальца найдзем – пагуляем, / Пагуляем. / Зайца нашлі, / Зайца нашлі – паганялі, / Паганялі. / Мальца нашлі, / Мальца нашлі – пагулялі, / Пагулялі» [12, с. 106]. Характэрна, што ў тэкстах на гэтую ж тэматыку ў жыце могуць шукаць саву, перапёлку, Бога – істот, якія звязаны з урадлівасцю, увасабляюць яе, з'яўляюцца яе духамі. Дарэчы, зайцу (які ў немцаў і некаторых заходніх славян вядомы як жытні дэман) прысвячаецца дажынальная барада [1, с. 189].

Праз шлюбную і фалічную сімволіку, як адзначе А. Гура, заяц звязаны з **хлебам**, найперш караваем, які ўвасабляў мужчынскую сілу. Фігуркі зайцаў для ўпрыгожвання каравае выпякалі ў раёне Свіслачы. Шэраг палескіх песенных тэкстаў пра зайца прыўрочаны да абраду выпечкі каравае. Зайчык у іх павінен прынесці неабходныя для ўпры-

гожання атрыбуты, «ніці каравай упавіці» [1, с. 184]. Цікава, што з'едзеныя парадзіхай заячая шэрсць з хлебам павінны былі палегчыць цяжкія роды [11, с. 85]. У Стаўбцоўскім раёне маленькі хлябец «зайчык» пякуць з рэштаў цеста, а ў сярэдзіну кладуць мяса [1, с. 185]. Асацыятыўна заяц карэльное і з хлебам, які бралі ў дарогу: ім як «зайцавым гасцінам» частавалі дзяцей. Дачка лесніка згадвае пра дзядулю, што прыходзіў нарыхтоўваць дровы: «И вот он это разворачивает, так бережно, аккуратненько разворачивал это, и потом к себе прижимал и сбоку отрезал такой ломоть. А мы ж дети, там бегаем, а он говорит: “Это зайчиков хлеб”. И мы его ели. С таким аппетитом ели этот ржаной хлеб, 50-е годы ж были. А потом себе кусочек. Мешочек у него такой холщевенький, в нем груши, дички-гнилки, мягенькие такие – это был его обед такой. И вот этот дедок поест груш с хлебом этим, попьет с колодца водички, ложится под стожок и спит. По-спал и пошел дальше дрова заготовливать. И он тогда много рассказывал. Говорит, еще настанет время, когда китайцы в Буге будут коня поить» (ФА; Зводы, Брэсцкі р-н).

Акрамя хлеба, заяц звязаны яшчэ з адным сімвалам плоднасці, вітальнасці, адраджэння – **яйка**. У дзіцячым фальклоры заяц нясе яйкі і выводзіць дзяцей. У замовах сам заяц знаходзіцца «ў яйцы». Гэтая сувязь, верагодна, не з'яўляецца фармальнай і мае архаічныя міфалагічныя вытокі. «Найбольш міфалагізаванае сюжэтнае ўваходжанне зайца, як адзначаюць Ю. Драздоў і С. Санько, – у казках з матывам Кашчава (Змяёва) смерць у яйку. У гэтых казках заяц уваходзіць у спарадкаваныя сімвалічныя шэрагі, элементамі якіх абавязкова аказваюцца сам заяц, качка і яйка. Выразны касмаганічны кантэкст казак гэтага сюжэтнага тыпу раскрывае і сімволіку зайца ў традыцыйнай культуры наагул. Акураг максімальная набліжанасць зайца да самых пачатковых стадый касмагенезу і да пракаветнага хаосу, уяўнага пачатковымі водамі, робіць зайца адным з так званых медыятараў раг excellence. Ён належыць не проста памежнай зоне паміж гэтым і якім-небудзь з іншых светаў, а менавіта мяжы паміж светам (космасам) і нясветам (хаосам) як гэткамі. Між іншага, перакінуўшыся зайцам, тройчы дасягае трыдзевятага царства герой казкі “Сіняя світа”» [2, с. 187]. Трэба таксама адзначыць, што песенна-паэтычная інтэрпрэтацыя матыву метамарфозаў лімінальнай істоты, якая пераадольвае розныя памежныя локусы, таксама ўключае вобразы зайца, качкі і ваўка – поле дзяўчына перасякае шэрым зайцам: «Не аддасць мяне – бацька я сама пайду, / Чэраз поле тваё шэрым зайцам, / Чэраз лес сівым ваўком, / Чэраз мора шэрай вуткай, / На двор на твой цёмнай тучкай» [14, с. 517].

Заяц, надзелены **медыятыўнай функцыянальнасцю**, судачыняецца з засветамі і яго насельнікамі. «Сувязь зайца са светам памерлых прасочваецца ў казцы «Аб свіным кажуху», у якой памерлая маці дае з магілы сваёй дачцэ ў памочнікі зайца, якога тая перахоўвае ў дуплястай хваіне, і на якім яна ездзіць да касцёла» [2, с. 187]. Заяц можа ўяўляцца іпастассю **душы**, звязвацца са светам памерлых, адмоўна ацэньвацца і ў павер'ях. Так, калі заяц прабягаў пад акном, чакалі смерці. Калі заяц забягаў у пуню ці іншыя халодныя будынкi, чакалі голаду, калі ж ён падаваў адтуль голас – чакалі нябожчыка [11, с. 232]. У дзіцячай песеньцы пра пахаванне мухі зайцы «яму капалі» ці «дошкі часалі» [9, с. 232, 236].

Увогуле лічылі, што калі заяц перабяжыць дарогу, будзе няшчасце, і лепш вярнуцца назад: «Калі заец пэрэбажыт дарогу, то здарыцца штось дрэннае» (ФА; Непамацынаўка, Пружанскі р-н). Або ён (ці вавёрка), скачучы перад падарожнікамі, указвае на няшчасце, якое ўжо здарылася ў той хаце, адкуль чалавек выйшаў [8, с. 508]. На Берасцейшчыне лічылі, што няшчасце прыносіць той заяц, які перабягае дарогу ў накірунку супроць зашпіленай палы, г.зн. за пазуху падарожнаму. Матыў перабягання да-

рогі адлюстраваны і ў вясельных песнях пра зайца: моладзец-жаніх б'е зайца за тое, што той перабег яму дарогу і спужаў каня [1, с. 192]. Пабачаны ў сне заяц не абяцаў нічога добрага – «пагана. Таксама: падман»; між тым, заяц у сне – «купіш маёнтак; жаданне збудзецца» [11, с. 423, 424].

Сімвалічна *звязаны з агнём і пажарам* заяц, калі ўб'ягаў у хату падчас пабудовы, нібыта прыносіў у яе пажар – верылі, што хата абавязкова згарыць. У такім выпадку маглі будоўлю спыняць, а матэрыял пускаць на дровы. Пажару чакалі і калі заяц прабягаў праз сяло [8, с. 529, 103]. Увага звярталася і на абставіны, у якіх бачылі зайца ў вёсцы. Так, пажару чакалі, калі заяц прабяжыць праз вёску з аднаго канца ў другі не заўважаны на вуліцы сабакамі. Але калі пры тых самых умовах ён перабяжыць толькі вуліцу і схваецца ў агародзе, то гаспадары гэтага агарода могуць спадзявацца на нейкую бліzkую ўдачу [8, с. 496]. У дзіцячай песеньцы «заінька-крэванька» скардзіцца, што ён ледзь уцёк з млына на бабін ток, і пры гэтым «лапкі папёк» [9, с. 295] (прыведзены вышэй апавед, як заяц выратаваў дзяцей ад перуна).

Заяц звязваецца са *злымі духамі*, надзяляецца дэманічнымі ўласцівасцямі, знаходзіцца пад апекай лесавіка. У дзіцячым фальклоры касы (як чорт) заяц нясе яйкі і выводзіць дзяцей – касых чарцей: «Касы заяц нанёс яец, / Вывеў дзяцей – касых чарцей» [9, с. 378]. Лічылі, што нячысцік можа абярнуцца чорным зайцам і перабегчы дарогу вясельнаму поезду, і гэта прадказвае няшчасце [11, с. 612]. У былічцы з Рэчыцкага Палесся чорт у выглядзе зайца бясследна знікае, калі ў яго страляюць. Ці заяц водзіць палляўніка па лесе, далёка яго заманьвае, а потым з шумам знікае ў віхры [1, с. 188]. Апавядалі, што «калдуны апякуюць зайцоў, а стральцы іх знішчаюць» [8, с. 435]. Аблічча зайца могуць набываць ведзьмы і чараўнікі, як у казках «Хітрая навука», «Пра хлопца, што ў ведзьмара вучыўся». У выглядзе чорнага зайца паказваецца дамавы [1, с. 189].

У дзіцячым фальклоры і некаторых вераваннях заяц звязаны з *месяцам* (луной), які таксама надзелены мужчынскай сімволікай і лучыцца міфапаэтычнай свядомасцю з засветамі, памерлымі, дэманамі. Так, на Гомельшчыне лічылі, што, калі свеціць маладзік, раскрываецца дэманічная прырода зайца: «На маладзіку і чорт зайцам стане» [1, с. 196]. У лічылках пытаюцца: «Заяц-месяц, ідзе быў?» («– Заяц-месяц, / Ідзе быў? / – У лесе. / – Што дзелаў? / – Лыкі драў. / – Куды клаў? / – Пад калоду. / – Выйдзі вон із карагоду!» [9, с. 408]). У іншай лічыльцы луна ідзе за зайцам: «Раз, два, тры, чатыры, пяць, / Выйшаў зайчык пагуляць. / А за зайчыкам луна, / Просіць выйсці калдуна» [9, с. 395]. Гэты тэкст цікавы і ўлучэннем «калдуна» ў сімвалічны комплекс зайца і месяца.

Рэканструюецца таксама ўяўленне пра *ўплыў зайца* (як і месяца) *на сон* чалавека. Гэтая жывёла можа выклікаць як сон, так і бяссонне. З аднаго боку, лічаць, што чалавеку, які пакутуе на бяссонне, нельга есць зайчаціну [1, с. 197]. З іншага – дзіця мылі ў заячай капусце, каб пазбавіць ад бяссоння і начнога крыку [1, с. 198]. Матывы «зайцавага сну» характэрны тэкстам розных жанраў і нават павер'ям. Так, лічылі, што варта толькі тройчы абысці вакол зайца, які спіць, з любой паднятай рэччу і потым зноў пакласці яе на ранейшае месца – заяц не выйдзе з акрэсленага кола тры дні [8, с. 103]. У калыханцы ў зайца трэба забраць пэўныя прадметы, каб дзіця спала: «А-а-а, люлі-люлінькі, / Да пабег зайчык у лясочак, / Да знайшоў зайчык паясочак. / Трэба зайчыка паймаці, / Да паясочак адабраці, / Стане хлопчык спаці. / Да пабег зайчык пад грушку, / Да знайшоў сабе падушку. / Трэба зайчыка паймаці, / Ды падушку адабраці, – / Стане хлопчык спаці» [9, с. 169]. «Зайка», у якога «забалела яйка», фігуруе ў замове на сон [13, с. 206] (у гэтай, замове, сярод іншага, ускосна выяўлена і характэрная зайцу фалічная сімволіка).

Гэты зааморфны персанаж прадстаўлены і ў іншых замовах. У замове супроць рожы заяц займае дамінантную пазіцыю пры мадэляванні пажаданага стану імярэк: «Ляцеў заяц праз мост, / Чатыры лапы, пяты хвост. / Калі рожа, то паможа» [13, с. 295]. Заяц можа выконваць функцыю сакральнага памочніка: выганяе з белых костачак боль, выгразае грыжу, загрызае звях, аддае свае зубы і г.д. У замовах з формуламі адсылкі, напрыклад «ад падзіву і ўроку», зайцы разам з іншымі звярамі і птушкамі павінны дэструктурызаваць, знішчыць немач, выгнаную з чалавечага свету «на сухі лес»: «Ідзі, падзіў, на сухі лес. Там сабакі разбрэшуць, ласі разграбуць, мядзведзі разарвуць, зайцы раскугочуць» [13, с. 206]. У іншых замовах заяц выступае ў шэрагу аб'ектаў нечалавечага свету, на якія адсылаюцца немачы. Так, «у лес на лісы, на зайцы» высылаюцца крыксы-плаксы [13, с. 61]. Каб пазбавіцца ад «валасяніцы, бяруць 9 раз па 9 каласкоў жыта, пшаніцы ці ячменю без зёран, мочаць у воду і кропяць балячку 9 раз. А думаюць, што льюць па звяры, і ўпамінаюць яго, называюць: воўк, ліса, заяц і г.д. (9 звяроў)» [13, с. 285]. Між тым заяц можа асацыявацца з адмоўным, хваробатворным пачаткам. Так, у замовах ад сполаху сярод розных відаў пуду ўзгадваюцца «пуд і нежыць» заячы [13, с. 67].

У *народнай медыцыне* шкуркай зайца абкручвалі хворае горла дзіцяці. Лічылі, што хваробу горла насылаюць «ліхія людзі». «Адрабіць» насланне намагаліся пры дапамозе шкуркі зайца, якога задрала сава. Ад ламаты хворае месца мазалі мядзведжым салам і накрывалі заячай шкуркаю [11, с. 189, 305].

Зайцы фігуруюць у *метэаралагічных прыкметах*. Так, калі ўвосень зайцы лягаюць паблізу пабудовы і ў глыбіні лесу, трэба чакаць вельмі халоднай і снежнай зімы. Калі яны робяць тое ж зімою і пры гэтым закопваюцца ў гурбы, то сцюжа абячае пратрымацца вельмі доўга. «Калі заяц увосень вельмі тлусты, то зіма будзе доўга і цяжка». «Калі заяц цяжка зімою ляжыць і не робіць паходаў, то падацьме снег» [8, с. 196].

У прыродна-ландшафтным кодзе заяц звязаны з трыма яго асноўнымі чыннікамі – *лесам, морам і полем*, напрыклад, у каляднай песні: «А ў заінькі тры думанькі, Коляда! / Перша дума – лесам бегчы, / Друга дума – морам плысці, / Трэця дума – полем бегчы. / Лесам бегчы – ваўкі з'ядуць, / Морам плысці – заліешся, / Полем бегчы – стральцы заб'юць» [15, с. 157]. У іншай каляднай песні локусам зайцаў выступае чыстае поле – каляднікі клічуць гаспадара: «Да й паедзем у чыста поле, / У чыста поле зайцаў страляць. / Настрэліў зайцаў сабе на шубу» [14, с. 168]. У восеньскай песні домам зайца называецца *Дунай* (магчыма, тут пэўную ролю адыграла і рыфма): «А як пачалі работнікі / Дамоўкі ўцякаць: / Мядзведзь на лес палез, / А зайчык – у Дунайчык» [16, с. 298]. Лакатыўная сувязь зайца з Дунаем выяўляецца і ў вясновых карагодных песнях («Заінька, ідзі к Дунаю»). Разам з тым, як адзначае А. Гура, «забарона называць імя зайца на водах тлумачыцца, верагодна, тым, што заяц, як лясны звер, знаходзіцца ў падпарадкаванні ў лесавіка і непадпарадкаваны водніку. Забароны згадваць зайца падчас рыбарства вядомы ў заходніх раёнах Віцебшчыны і Гродзеншчыны; рыбака тлумачаць яе тым, што “заяц хутка бегач, таму і рыбу не зловіш”» [1, с. 187]. Тыя ж уяўленні адлюстраваны ў тлумачэнні сну: калі прысніцца заяц, рыба будзе дрэнна лавіцца [1, с. 187]. Асацыяцыя зайца з лесам (і яго апекуном – лесавіком), плоднасцю, хтанічным светам, верагодна, матывавала сувязь гэтай жывёлы з *грыбамі*. Так, калі падчас збірання грыбоў з-пад ног выскачыць заяц, то раець ісці ў бок, куды ён пабег, таму што заяц звычайна бяжыць у грыбныя мясціны. Але перш чым ступіць на зайцоў след, неабходна падняць з зямлі першую рэч, якая трапіць пад руку, і перакінуць яе цераз зайцоў след

[8, с. 159]. Дарэчы, грыб, як і заяц, надзяляўся мужчынскай семантыкай – сімволікай плоднасці і эратызму.

Заяц у міфапаэтычнай мадэлі свету беларусаў звязаны з пэўнымі жывёламі. Заяцы могуць проціпастаўляцца мышам. Лічаць, што гэтыя грызуны разводзяцца на шкоду адно аднаму: калі шмат адных у нейкім месцы, тады амаль не відаць другіх, і наадварот [8, с. 103]. У павер'ях, казках, як адзначаюць Ю. Драздоў і С. Санько, заяц выступае тэрыяморфным адпаведнікам ворана. (У казцы «Бязногі багатыр» менавіта заяц здабывае з крыніцы жывой вады, каб ажывіць героя. Цікава, што ў гэтай казцы заяц дзейнічае ў пары з ваўком). Паводле ўзгаданага вышэй народнага павер'я, калі, выправіўшыся ў дарогу, сустрэнеш зайца, то лепей адразу ж вярнуцца дахаты, бо поспеху ў гэтай выправе не будзе. У гэтым павер'і заяц выразна семіятычна і аксіялагічна супрацьпастаўляецца ваўку, сустрэча з якім, наадварот, прадказвае удачу. Дадзенае ўяўленне Ю. Драздоў і С. Санько лічаць даволі архаічным, пра што можа сведчыць адзін фрагмент з летапісу Данііла Галіцкага 1252 г. пра хрышчэнне князя Міндоўга і яго язычніцкае мінулае: «Жрыше богом своим вьтайне: Ньнадееви и Телявели и Диверикъзу, заечьему богу... Егда выехалше на поле и выбегняше заяць на поле – в лес, (в) рощения не вохожаше вну и не смеяше ни розгы уломити». Названыя даследчыкі акцэнтуюць увагу і на цікавай згадцы нейкага «заечага бога» Дыверыкса, імя якога можа разумецца і як «божы бізун», і як «Сам Бог», «Гасподзь Бог» [2, с. 187].

Воўк і заяц выразна семіятычна супрацьпастаўляюцца і ў згаданым вышэй касмаганічным сюжэце: «воўк (чароўны памочнік героя) раздзірае зайца (які дзейнічае на баку антаганіста), і з таго вылятае качка, у якой схаванае яйка з Кашчавай смерцю» [2, с. 187]. У іншых чарадзейных казках, напрыклад «Пра Іванку і Алёнку» (СУС *313I + *314I + 315A + 554), заяц разам з ваўком ды мядзведзем выступаюць чароўнымі памочнікамі героя. Калі Іванка пайшоў на паляванне, убачыў зайчыху з зайчанятамі. «Ён думае: ну трэба зайчыху ўбіць. Толькі ён направиў на яе лук, зайчыха кажа: “Ох, Іванко! У мяне ж дзеткі маленькія! Пашкадуй, не ўбівай мяне! А я табе за это дам аднаго зайчыка – такі зайчык лоўкі, сыноч мой. І ён табе будзе служыць верай і праўдаю”» [7, кн. 2, с. 499].

Услед за Ю. Драздовым і С. Санько адзначым і казачны матыў, «як брат, папіўшы з заечага следу, ператвараецца ў зайца, але потым выратаўвае сваю сястру ад злой мачахі, дзе заяц нібы заступае месца, звычайна займае казлянем. У Тапароў бачыў у казках гэтага тыпу захаванне даволі архаічных уяўленняў, звязаных з рытуальнай пахавальнай практыкай індаеўрапейцаў. Субстытуцыя казляняці зайцам матывавана іх вельмі блізкай семантыкай: абодва ўвасабляюць мужчынскую гіперэксуальнасць і плоднасць. Аднак у казках тыпу «Пра брахлівага козліка» два тэрыяморфныя ўвасабленні ўрадлівасці і плоднасці – заяц і каза – апынаюцца ў жорсткай апазіцыі: каза выганяе зайца з яго хаткі; ні ліса, ні воўк, ні мядзведзь не змаглі даць рады; толькі певень з дапамогай пчалы выганяе казу з зайчыкавай хаткі (параўн. вядомы хецкі міф пра зніклага бога ўрадлівасці Тэлепіну)» [2, с. 188]. У дзіцячай песеньцы пра бабулінага казла яго канфлікт з зайцам завяршаецца тым, што ад казла засталіся «рогі да ногі»: «Быў у бабушкі казёл, / У Масееўны казёл... / Захацелася казлу, / Захацелась дураку / Ў чыстым полі пагуляць, / Серых зайкаў павідаць, / Па ельнічку, па бярэзнічку. / Ўстрэціў казёл / Зайчыка маленькага / Касалапенькага. / – Здарова, казёл! / Паборамся з табой, / Перакінемся з табой: / Я і той канавал, / Што жарэбчыкаў каваў, / Каваў, не каваў / І платы не браў. / Як узяў казла за рогі, / Як ударыў аб дарогу, – / Ў казла глазкі глядзяць, / Як свечкі гараць... / Сабрала баба рогі да ногі...» [9, с. 303–304].

У сувязі з разгляданымі ўзаемадачыненнямі і сімволікай зайца і казы характэрны сюжэт калядных песень, паводле якога ваўчаняты пахапалі казлянят, і менавіта заяц сварыцца на казу: «Выскачыў заяц, / Стаў казу лаяць: / – Ох ты, казліна, / Старая псіна, / Не ўмела гадаваць / Сваіх дзетачак» [14, с. 406]; «Выскачыў заяц, стаў казу лаяць: / Што ж ты, козанька, не гаспадыня, / Сваіх дзетак не пакарміла?» [7, кн. 2, с. 108]. (Дарэчы, у калядных народных харэаграфічна-тэатралізаваных відовішчах сярод розных персанажаў маецца і заяц. У яго масцы акцэнтуюцца зубы і шэра-белая афарбоўка. Так, у Давід-Гарадку Столінскага раёна ў гурт пераапанутых («конікі») уваходзіць «заяц», якому шылі шэра-белы касцюм, устаўлялі ў рот вялізныя зубы з бульбы, на галаву насаўвалі шапку [10, кн. 1, с. 49]). Трэба адзначыць, што звароты і да «казы», і да «зайца» (у зімовых і вясновых абрадах і гульнях) маюць той самы сэнс: іх як носьбітаў плоднасці заклікаюць устаць-паскакаць – ажыць-адрадіцца. Так, у Вялікі пост, перад Вялікаднем, у Лельчыцкім раёне гулялі ў «Зайчыка». Браліся за рукі і хадзілі карагодам вакол Зайчыка ды спявалі: «Зайчык, зайчык, / Што з табой? / Ты ляжыш / Саўсім бальной. / Зайчык, зайчык, / Паскачы, / На другога / Укажы» [7, кн. 2, с. 432].

Сімволіка плоднасці, прыпісаная зайцу, ускосна прадстаўлена ў гульнявых карагодах, якія выконваліся менавіта ўвесну, прымяркоўваліся да Вялікадня. Напрыклад, веснавы гульнявы карагод «Заінька» ў в. Валосавічы Акцябрскага раёна дзяўчаты суправаджалі песняй: «Заінька, заінька, гарнастаінька жа, / Некуды заіньку выпрыгнуць. / Ёсе варата ёсе нямецкія, / А замочки вісяць ёсе турэцкія. / Ну-ка, зайка, скокам-бокам / Перад нашым карагодам. / Ну-ка, зайка, павярніся, / Ёсім паніжай пакланіся» [7, кн. 2, с. 39–40]. Адносна рускіх гульнявых песень пра зайца, які трапіў у лавушку, А. Гура адзначае, што ў іх згадваюцца такія «вядомыя эратычныя сімвалы, як ключ і замок» [1, с. 182]. Падобная семантыка і функцыянальнасць вобраза зайца характэрна беларускім песням, што выконваліся падчас дзіцячых танцаў і гульняў. Так, удзельнікі гульні бяруцца за рукі і ўтвараюць кола. У сярэдзіне адзін водзіць, гэта значыць абазначае зайку. Усе спяваюць: «Заінька да шарусенькі, / Заінька да бялюсенькі! / Праскачы, зайка, ў дзірачку / Да выламі сабе да быліначку. / Праскачы, зайка, куды хош, / Выбірай былінку, каторую хош. / Заінька, павярніся, / Шэранькі, абраціся. / У нас гарадочки гарадзецкія, / Усе ў нас зачэпачкі нямецкія. / А пайдзі, наш зайка, ў скокі, ў бокі, / Запляшчы, наш зайка, да ў далоні». Увесь час зайчык стараецца выскачыць з кола. Пры заканчэнні песні ўсе павінны запляскаць у далоні. Гэтым момантам карыстаецца зайка: ён хапае каго-небудзь з круга і хутка становіцца на яго месца, а той, хто застаўся без месца, павінен вадзіць, гэта значыць абазначаць зайку [9, с. 444–445]. У гэтай песні «прыстыя сімволіка дзірачкі і быліначкі» [1, с. 182]. У сольным танцы «Зайчык» з элементамі гульні выбіраецца Зайчык, які танцуе, а дзеці суправаджаюць яго танец прыпеўкай: «На прыгорку сядзіць зайчык, / Вон вушамі перабірае, / Гэта зайчык, гэта зайчык» [7, кн. 2, с. 111].

Вобраз зайца фігуруе і ў малых жанрах: «Нэ гоныса за двума зайцамі, бо нэгодного нэ зловыш» (ФА; Пінскі р-н), «Обід – ны заец, у ліс ны побыжыць» (ФА; Рухча, Столінскі р-н), «Аб воўку памоўка, а зайцы кабылу з'елі» (калі падазраюць на аднаго, а вінаватым аказваецца іншы); «Ранні зайчык зубкі цярэбіць, а позні вочкі прадзірае» (працавіты чалавек ужо шмат работы зробіць, пакуль гультай толькі прачнецца) [17, с. 63, 88].

У загадках семіятызуюцца афарбоўка, даўжыня вушэй, хуткасць бегу зайца і інш.: «Сам белы, хвост шэры, паджарыя лыткі», «Летам жоўценькі, а зімой беленькі»,

«Улетку шэранькі, узімку беленькі, доўгія вушы мае, хутка ў лес уцякае» [9, с. 136], «На гору бэгом, а з горы кувырком. – Заяц» (ФА; Вялюнь, Брэсцкі р-н).

У дзіцячым фальклоры, акрамя ўзгаданых кантэкстаў, заяц фігуруе ў матывах ігры на музычных інструментах («Касы заяц, касы заяц / На прыпечку граець» [9, с. 243], земляробчых заняткаў («На ўдоучыным полі... зайчык барануіць» [16, с. 298]; «– Зайчык маленькі, / Чым ты жывенькі? / – Я і сам дзіўлюся, / Чым я жыўлюся. / Пасадзіў капусту / Ні рэдка, ні густа. / Пайду я рана, / Капуста парвана, / Пайду я позна, / У капустце росна» [9, с. 295]); ён бывае ў млыне («– Заінька, шэранькі, / Дзе ты бываў? / – У млыне, у млыне. / Што ты відаў? / – Мех мукі, мех мукі. / – Чаму ж не ўзяў? / – Хацеў я, хацеў я, / Млынар не даў: / Набеглі, набеглі / Млынарчыкі. / Пабілі, пабілі / Мне пальчыкі» [9, с. 293–294]); лётае па лесе («Ляцеў заяц / Па бару, / Ірваў лебяду, / Ірваў ў пучок, / Выйдзе ваўчок» [9, с. 4101]) і інш.

У лічылках абыгрываецца матыў незвычайнай вітальнасці, жывучасці зайца: «Раз, два, тры, чатыры, пяць, / Выйшаў зайчык пагуляць. / Трох ахотнічкаў напала, / Майго зайчыка злапала. / Піф-паф, о-ё-ёй, / Памірае зайчык мой. / Прыняслі яго дамой, / Паглядзелі – ён жывой» [9, с. 394]; «Раз, два, три, четыре, пять, / Вышел зайчик погулять. / Вдруг охотник выбегает, / Прямо в зайчика стреляет: / Пиф-паф, о-ё-ёй», / Умирает зайчик мой. / Повезли его в больницу – / Потерял он рукавицу, / Повезли его домой – / Прямо в печку головой, / Оказался он живой» (ФА; Брэст).

Заклучэнне

Як вынікае з разгледжанага матэрыялу, заяц у народных уяўленнях беларусаў, як і іншых славян, надзелены мужчынскай эратычнай сімволікай, звязаны з урадлівасцю, плоднасцю, вялікай жыццёвай сілай, рухам, адраджэннем, вясной, вадой, агнём, мясяцам, хлебам, грыбамі, яйкамі, а таксама з міжсветавай мяжой, душама нябожчыкаў, нячыстай сілай, чортам (яго характарыстыкі як «крывога»: «заінька-крэванька», «кося», «касы», «касалапенькі»). Яму прыпісаны ўласцівасці пярэваратніцтва і нярэдка варажае стаўленне да чалавека. У прыродна-ландшафтным кодзе заяц звязаны з морам (Дунаем), полем (чыстым) і лесам, а ў зааморфным – з кунай, лісой, мядзведзем, воўкам, варонай, казой, мышамі.

Разгледжаны вобраз частотны ў паэтычнай рэалізацыі любоўна-шлюбнай тэматыкі. Актыўна семіятызуюцца такія асаблівасці зайца, як «касыя» («дурныя»), адкрытыя падчас сну вочы, доўгія вушы, «заечая губа», кароценькі хвосцік, шпаркія лапы, маленькі памер, «шарусенькая» і «бялюченькая» афарбоўка, пушыстасць, слабасць і пахлахлівасць.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997. – 912 с.
2. Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – 607 с.
3. Беларускі фальклор: жанры, віды, паэтыка : у 6 кн. / навук. рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Беларус. навука, 2001–2006. – Кн. 6 : Малыя жанры. Дзіцячы фальклор. – 2004. – 439 с.
4. Алфёрава, А. Г. Усходнеславянскія і заходнеславянскія загадкі: вобразна-паэтычная сістэма / А. Г. Алфёрава. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 162 с.

5. Кабашнікаў, К. П. Малыя жанры беларускага фальклору ў славянскім кантэксте / К. П. Кабашнікаў. – Мінск : Беларус. навука, 1998. – 188 с.
6. Кухаронак, Т. І. Маскі ў каляндарнай абраднасці беларусаў / Т. І. Кухаронак. – Мінск : Ураджай, 2001. – 239 с.
7. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / пад агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай. – Мінск : Выш. шк., 2001–2013. – Т. 6 : Гомельскае Палессе і Падняпроўе : у 2 кн. – 2012–2013.
8. Зямля стаіць пасярод свету... Беларускія народныя прыкметы і павер'і : у 3 кн. / уклад. У. А. Васілевіч. – Мінск : Маст. літ., 1996–1999. – Кн. 1. – 1996. – 591 с.
9. Дзіцячы фальклор / склад. Г. А. Барташэвіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 734 с.
10. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / пад агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай. – Мінск : Выш. шк., 2001–2013. – Т. 4 : Брэсцкае Палессе : у 2 кн. – 2008–2009.
11. Жыцця адвечны лад. Беларускія народныя прыкметы і павер'і : у 3 кн. / уклад. У. А. Васілевіч. – Мінск : Маст. літ., 1996–1999. – Кн. 2. – 1998. – 607 с.
12. Купальскія і пяtroўскія песні / уклад. А. С. Ліса, С. Т. Асташэвіч, Г. В. Таўлай. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – 631 с.
13. Замовы / уклад. У. А. Васілевіч, Л. М. Салавей. – Мінск : Беларусь, 2009. – 519 с.
14. Зімовыя песні / рэд. М. Я. Грынблат. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – 736 с.
15. Паэзія беларускага земляробчага календара / уклад. А. С. Ліса, падрыхт. народ. календара У. А. Васілевіча. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 612 с.
16. Восеньскія і талочныя песні / склад. А. С. Ліс, С. Т. Асташэвіч, В. І. Ялатаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1981. – 678 с.
17. Аксамітаў, А. Прыказкі і прымаўкі : тлумач. слоўн. беларус. прыказак і прымавак з архіваў, кафедраў, збораў, рэд. выд. XIX і XX стст. / А. Аксамітаў. – Мінск : Беларус. навука, 2000. – 320 с.
18. Загадкі / склад. М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – 683 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.09.2018

Shved I.A. Mythosemantics and Functionality of a Hare Image in the Belarusian Folklore

The purpose of the article is to determine mythosemantics and functionality of a hare image as a factor of zoological code of the Belarusian folklore. Historic-genetic and functional-semantic research «hare text» in the Belarusian folklore has shown that it is dominated by male erotic symbolism, clearly defined semantics of fertility, rebirth, associative connection with the spring, water, fire, month, bread, mushrooms, eggs as well as border between the other world and this world, the souls of the dead, evil spirit. The hare is associated with the the sea (Danube), field (pure) and a forest (in the natural landscape code). In zoological code, the hare is associated with the kuhn, fox, bear, wolf, sheep, mouse and goat.

УДК 808.26 – 541.2

С.Ф. Бут-Гусаім

канд. філал. навук, дац., дац. каф. беларускай філалогіі
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
e-mail: svfbg@tut.by

**НАЦЫЯНАЛЬНАЯ І РЭГІЯНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
Ў ЛЮСТЭРКУ ІМЕНАСЛОВУ НАВУКОВА-ПАПУЛЯРНАЙ ЛІТАРАТУРЫ
СУЧАСНЫХ БЕРАСЦЕЙСКІХ ПІСЬМЕННІКАЎ**

Артыкул прысвечаны вывучэнню лінгвакультуралагічных асаблівасцей анамастыкону навукова-папулярнай літаратуры сучасных берасцейскіх пісьменнікаў М. Міцковіча, М. Пашкевіча, З. Дудзюк, В. Емяльянавіч. Апісаны адлюстраваныя ў семантыцы тапонімаў культурныя ўяўленні, якія складаюць аснову менталітэту славянскіх народаў: звесткі пра культ раслін і жывёл, старажытныя плямёны, рэлігійныя вераванні славян і іх продкаў-арыйцаў, гаспадарчую дзейнасць і інш. Даследавана этымалогія асабовых імёнаў. Выяўлены тэматычныя групы мянушак, семантыка якіх перадае асаблівасці ўспрымання і ацэнкі знешнасці, маральных якасцей, наводзін носбітаў найменняў. Разгледжана адлюстраванне ў структуры і семантыцы мянушак і прозвішчаў сацыяльнай іерархіі грамадства. Апісаны дыялектныя асаблівасці антрапонімаў. Асэнсавана прагматычная значнасць формаў асабовых імёнаў, прозвішчаў, мянушак, якія захоўваюць традыцыі іменавання, выражаюць тонкія адценні ацэнак, эмоцый, пачуццяў, зафіксаваныя ў моўнай свядомасці беларусаў.

Уводзіны

Імя – адзін з прадуктаў чалавечай культуры. Яно фарміруецца ў пэўным этнасе, які знаходзіцца на пэўнай ступені гістарычнага развіцця. У імёнах фіксуюцца нацыянальныя ідэалы прыгажосці (ці адхіленні ад іх), вераванні, сацыяльная іерархія грамадства і многае іншае. Даследаванне імёнаў навукова-папулярнага тэксту мае вялікае значэнне для раскрыцця гістарычнага і сацыяльна-культурнага зместу творчай спадчыны пісьменнікаў. Мэта прадстаўленага артыкула – выяўленне нацыянальна-культурнай спецыфікі анамастыкону навукова-папулярных твораў сучасных берасцейскіх аўтараў, якая заключаецца ў высвятленні прагматычнай значнасці паэтонімаў у тэксце, вызначэнні іх ролі ў стварэнні мастацкіх вобразаў і прасторава-часавых адносінаў твораў. Дасягненне пастаўленай мэты прадугледжвае вырашэнне наступных задач: выявіць масіў онімаў даследаваных твораў; разгледзець структуру і семантыку паэтонімаў у гісторыка-культурным аспекце; вызначыць ролю анамастычных адзінак у фарміраванні хранатопу твораў. Актуальнасць выбранай тэмы звязана з шырокім інтарэсам да анамастыкі як нацыянальна-культурнага феномену, а таксама з адсутнасцю вывучэння анамастычнай прасторы навукова-папулярных твораў М. Міцковіча, М. Пашкевіча, В. Емяльянавіч.

Прагматычная значнасць антрапонімаў у кантэксце навукова-папулярнай літаратуры брэсцкіх пісьменнікаў

Антрапонімы, выкарыстаныя ў навукова-папулярным тэксце, дазваляюць прасачыць змены ў сістэме мовы, вызначаныя культурнымі і палітычнымі падзеямі ў грамадстве. Антрапанімія навукова-папулярных твораў сучасных берасцейскіх аўтараў абпіраецца на агульнанародны беларускі іменаслоў.

Зборнік педагога, пісьменніка, навукоўца М. Пашкевіча «У родным слове адгукаецца душа» ўключае апавяданні, эсэ, мініяцюры, у якіх – шчымлівы і шчыры ўспамін пра маленькую радзіму пісьменніка – вёску Рубель, што на Століншчыне. Аўтар піша: «Гэта кніга пра гаворку жыхароў вёскі Рубель Столінскага раёна, пра тое, як слова дапамагае адчуць повязь са сваімі продкамі, убачыць непаўторнае характэрнае родных мясцінаў. Кніга адрасуецца ўсім, хто душою адгукаецца на роднае слова, каб пачуць го-

лас сваіх продкаў, каб падаць голас сваім нашчадкам» [1, с. 3]. Зборнік М. Міцковіча «Тапанімічная повязь часоў» – гэта аповед пра іменаслоў, што перайшоў ад продкаў да нашчадкаў як моўная спадчына, у якой «што ні назва – то схаваная загадкавая семантыка, незвычайны водгук укладу штодзённага жыцця прапродкаў – чарадзейнае акенца ў свет своеасаблівага этналігвістычнага феномену Берасцейшчыны, які захоўвае асаблівую прыцягальнасць і, разам з тым, чароўную таямнічасць сваіх імёнаў» [2, с. 5].

Героі твораў М. Пашкевіча – простыя вяскоўцы – з’яўляюцца носбітамі традыцыйных хрысціянскіх каляндарных імёнаў, што прыйшлі ў беларускі іменаслоў з грэчаскай (*Агаф’я (Гапа), Дзмітрый (Міцё), Еўдакія (Оўдзя), Мінай (Мінё), Паліна (Поля), Трахім (Трохім), Яўгенія (Ёўга)*), лацінскай (*Клім, Матруна, Разалія (Рузя), Усціннйя (Юста), Цім*), старажытнаўрэйскай (*Ева, Гаўрыло, Назар, Сара*) моў. Сярод традыцыйных онімаў вылучаюцца прапрыяльныя лексемы славянскага паходжання – *Браніслава (Броня) і Вацлаў (Вацік)*. Мікалай Пашкевіч называе такія імёны рэдкаўжывальнымі. Аўтар адзначае: «Сёння частку рэдкаўжывальных імёнаў можна ўзнавіць толькі на падставе сямейных мянушак. Статус мянушкі набыло рэдкаўжывальнае асабовае імя *Каленік (Каліна)*. Зараз нямногія рубельцы ведаюць, што мянушка *Хіма* паходзіць ад жаночага імя *Яўхімія*» [1, с. 155]. Брэсцкі пісьменнік фіксуе сямейна-родавыя мянушкі аднавяскоўцаў, асновай якіх сталі ўжывальныя ў папярэдніх пакаленнях рубельцаў асабовыя імёны: *Базыль (Васіль), Дзем’ян (Дзям’ян), Карп, Кірэй (Кір, Кір’ян), Купрыян, Вэр’ян (Авяр’ян), Сенья (Ксенія), Давід (Давыд)*.

На старонках твораў пісьменніка знаходзім шматлікія дыялектныя формы онімаў, якія перадаюць мясцовы каларыт: *Зоня, Зыня, Зонька; Ладзё, Ладзік; Пэлё, Пэлік; Сцелё, Сцелько*. М. Пашкевіч умела рэалізуе ацэнчна-характарыстычную ролю асабовых імёнаў, якія ў беларускай культуры ўжываюцца ў розных фармальных разнавіднасцях: поўнай (афіцыйнай, пашпартнай), гіпакарыстычнай і мностве эмацыйна афарбаваных формаў. Так, выкарыстанне складанай канструкцыі – спалучэння асабовага імені з іменем па бацьку (такія формы звароту, паводле меркавання даследчыкаў этыкету, прыйшлі ў беларускую мову з рускай) – сведчанне пашаны да чалавека, напр.: «*Нямала было і тых, хто назаўсёды звязаў свой прафесійны шлях з Рубельскай школай. Віктар Макаравіч Кез, Вера Андрэеўна Красуцкая-Кез (заслужаная настаўніца БССР), Васіль Мікітавіч Антоненка, Іван Васільевіч і Ніна Пятроўна Максімовічы*» [1, с. 30]. Паказчыкам прызнасці і ветлівасці, спаконвечнага родавага адчування блізкасці землякоў з’яўляюцца ўжывальныя ў вясковым асяроддзі формы звароту «дзядзька», «цётка», «дзед», «баба» + імя. «*Задаволены тым, што змог уважыць просьбу бездапаможнай жанчыны, Іван іранічна-паблажліва адказваў: “Дзякуй вам, цётка Ганна, што дапусцілі да работы”*» [1, с. 42].

Дзякуючы гнуткасці, пластычнасці, здольнасці перадаваць тонкія нюансы чалавечых адносін асабовае імя адыгрывае ў замалёўках вясковага жыцця важную ролю, з’яўляючыся носбітам сацыяльна і асобасна значнай інфармацыі аб герою (паважаны чалавек у соцыуме ці не, малады ці сталага ўзросту), перадаючы багатую гаму эмоцый, пачуццяў, ацэнак: «*Верэ, ты чуеш, Верочка, я цябэ прошу: накажыно там мойму Грышы, хай пэрэвэзэ мэнэ*» [1, с. 19]; «*А ты памятаеш Мішку? – ажывіўся мой даўні знаёмы. – Ён і так гаварун, а калі вып’е, то і ўвогуле, як кажучь, рот не закрываецца*» [1, с. 43]; «*Мая дзіцячая памяць зафіксавала тую трагедыю вяскоўцаў найперш таму, што загінула наша суседка Лексочка, яе дачка Каця і немаўля*» [1, с. 43]; «*Нязменным кантралёрам, які запускаў у залу глядачоў, быў дзядзька Косця, ці, як усе яго звалі, проста Косця*» [1, с. 26]; «*Дзякуй табе, Іваначка, за работу*» [1, с. 42].

Праз актуалізацыю прагматычнай значнасці шматлікіх формаў асабовых імёнаў Мікалай Пашкевіч стварыў яркія замалёўкі жыцця аднавяскоўцаў, перадаў традыцыі

іменавання, выразіў тонкія адценні ацэнак, эмоцый, пачуццяў, зафіксаваныя ў моўнай свядомасці беларусаў, адлюстраваным уласцівым роднай гаворцы моўныя асаблівасці.

Мянушка – адзін з самых старажытных і цікавых складнікаў антрапанімічнай лексікі. Характарыстычная функцыя мянушак у сённяшнім грамадстве выходзіць на першы план. Праўда, часам і зараз неафіцыйнае празванне можа быць важным сродкам ідэнтыфікацыі чалавека. М. Пашкевіч ва ўспамінах пра родную вёску адзначае: «*Частотнасць аднастайных прозвішчаў прыводзіць да таго, што некаторыя вяскоўцы з'яўляюцца поўнымі цэзкамі. Раней, калі ў пераважнай большасці рубельцаў сем'і былі вялікія, часам і ў адным класе вучыліся поўныя або амаль поўныя цэзкі. Па гэтай прычыне даводзілася нумараваць школьнікаў, напрыклад: Вабішчэвіч Іван Іванавіч (1), Вабішчэвіч Іван Іванавіч (2). Найбольш распаўсюджанымі ў Рублі з'яўляюцца прозвішчы Агіевіч, Вабішчэвіч, Ляшкевіч, Маішлякевіч, Паішкевіч. На бытавым узроўні звычайна мянушка дае магчымасць індывідуалізаваць асобу ці сям'ю: Верочын Васіль, Дзенісоў Сцепан, Міколчын Міша, Яковіна Маня, Мінчына Зоня і інш.*» [1, с. 159].

У асяроддзі вяскоўцаў вылучаюцца *калектыўна-тэрытарыяльныя мянушкі* – празванні жыхароў пэўнага населенага пункта. Ва ўспамінах М. Пашкевіча прыводзіцца найменне-характарыстыка аднавяскоўцаў пісьменніка і акрэсліваецца яго матывацыя. «*Згадваючы сваю вандроўку па Століншчыне, Уладзімір Караткевіч піша: “Рэдкія там вёскі, але, як кажуць, меткія. У вёсцы Рубель 1 800 двароў – “Гэта ж наш Кітай” (мясцовы жарт)”. Сапраўды, падчас майго дзяцінства і юнацтва нярэдка нас, рубельцаў, жыхары суседніх вёсак называлі кітайцамі*» [1, с. 11].

Значную частку неафіцыйных празванняў вяскоўцаў займаюць *сямейна-родавыя (генесіянімічныя)* мянушкі. У іх ліку пісьменнік вылучае *патронімы*, базай утварэння якіх становяцца імёны продкаў па мужчынскай лініі: «*Мянушка Пэтрыніныя ўтворана ад імя Пэтро, Косцючковыя – ад Костусь, Саўчыныя – ад Сава. Такіх мянушак у рубельскай гаворцы параўнальна нямнога. Звычайна імі абазначаны род, які належыць да былой шляхты*» [1, с. 186]. Словаўтваральнай базай *матранімічных мянушак* вяскоўцаў з'яўляюцца імёны продкаў па жаночай лініі, да якіх далучаюцца суфіксы *-к-, -очк-, -ечк-*: *Верочка, Манька, Мар'ечка, Марынка, Паўлінка* [1, с. 186]. М. Пашкевіч адзначае, што статус мянушкі атрымліваюць рэдкаўжывальныя імёны *Ёўга, Прося, Тэкля, Рузя, Хіма, Юстына* [1, с. 186].

Ацэначна-характарыстычную функцыю выконваюць *індывідуальныя мянушкі*, у якіх адлюстраваны ўяўленні вяскоўцаў аб нормах паводзінаў, ладзе жыцця, прыгажосці і інш. У першую тэматычную групу выдзелены мянушкі-замалёўкі знешнасці сялян: *Гурбочка, Кучко, Куцы, Лысы, Мэляўка, Покорнаны, Трубач, Стройны, Сыты, Цыган, Шнур, Бэзрукі, Глухі, Зубэль, Клішун, Кульпач, Носар, Почка, Сіпак, Слепцоў, Бусько, Ворончук, Вуташка, Драч, Пугач, Курка, Соловэй, Соўка, Вэчка, Кот, Кошка, Моркач, Осенчак, Воўк, Заец, Козлік, Лось* [1, с. 185–186]. На ўнутраныя якасці індывідаў паказваюць наступныя мянушкі: *Корнаец, Мазунец (ліслівец), Рэўкач, Срой (пра неўраўнаважанага чалавека), Сонда (санлівец), Стойковэц, Шпаркі*. На сацыяльны, маёмасны статус, нацыянальнасць, прафесію, становішча ў сям'і носьбіта празвання ці яго продкаў паказваюць мянушкі *Багатыроў, Босякоў, Дранец, Король, Покіданка, Прымачок, Касір, Коваль, Морак, Музыкант, Мэлэчко, Панамар, Партызан, Пісар, Поп, Прокурор, Сторожоў, Стрэлжэц, Шкуратнік*. Аўтарскі кантэкст раскрывае матывацыю гаваркіх антрапонімаў: «*Мянушка Воспан успрымаецца як напамін пра былую рубельскую шляхту. Вядома, што словы васпан і васпані служылі формай ветлівага звароту ў шляхецкім асяроддзі. Ці выкарыстоўвалася раней вяскоўцамі слова **васпан** як зваротак да асобы, цяпер цяжка сказаць. У гаворцы яно як акрамя мянушкі больш ніяк не выяўляецца*» [1, с. 187]. Характарыстыкай маўлення вясковай жанчыны

з'яўляецца мянушка *Майнэрыха*, аснова ўтварэння якой – часта ўжывальнае дыялектнае слова: «У рубельскай гаворцы ўжываецца слова *майна* са значэннем 'трава, якая расце на вадаёмах'. «Пойду нарву *майны* свінням» ці «Поўны кошэль *майны* прынэсла», – гаварыла вясковая жанчына. Пачутае некалькі разоў суседзямі рэдкаўжы-вальнае слова з вуснаў рублянкі прадвызначыла яе мянушку – *Майнэрыха*» [1, с. 188]. Ужыты ў творах М. Пашкевіча мянушкі-празванні паводле месца жыхарства вяскоўца. Так, у сялянскім асяроддзі прынята называць замужніх жанчын паводле вёскі, дзе яны жылі да замужства: «*Дуброўчанка* (ад назвы вёскі *Дуброва*), *Вэлемічанка* (ад – *Вялемічы*), *Ольпенка* (ад – *Альпень*), *Хотомлянка* (ад – *Хотамель*)» [1, с. 185].

З'яўляючыся найбольш старажытным разрадам антрапанімічнай лексікі, мянушкі працягваюць сваё жыццё ў асяроддзі сучасных вяскоўцаў, даючы ім магчымасць ярка абмаляваць найбольш кідкія рысы знешнасці чалавека, апісаць і ацаніць яго характар і маўленне, акрэсліць сваяцкія адносіны паміж людзьмі. А каштоўнасць сямейна-родавых (генесіянімічных) і калектыўна-тэрытарыяльных мянушак у тым, што яны захоўваюць інфармацыю аб гісторыі продкаў сям'і і жыхароў пэўнага населенага пункта.

Прозвішчы – гэта спадчыныя ўласныя назвы, якія ўказваюць на прыналежнасць чалавека да пэўнай сям'і, роду. У навукова-папулярных творах М. Пашкевіча можна выдзеліць, па-першае, прозвішчы, утвораныя ад кананічных і размоўных формаў хрысціянскіх імён (*Максімовіч, Пашкевіч, Агіевіч*), па-другое, прозвішчы, што ўзніклі ад язычніцкіх празванняў-мянушак апелятыўнага паходжання (*Красуцкая, Вабішчэвіч, Ляшкевіч, Маішлякевіч, Кажаноўскі, Жалянгоўскі*). Прозвішча – сацыяльна характарыстычная прапрыяльная адзінка, якая паказвае на становішча сям'і ў грамадскай іерархіі. Так, шляхецкія прозвішчы, як правіла, уключаюць суфіксы *-віч-, -іч-, -ск-*. У зборніку «У родным слове адгукаецца душа» М. Пашкевіч прыгадвае прадстаўнікоў шляхецкіх родаў, што жылі ў роднай вёсцы – *Пашкевічаў, Апановічаў, Вабішчэвічаў, Жалянгоўскіх, Кажаноўскіх, Ліпскіх, Ляшкевічаў, Разановічаў*. Письменнік разважае: «*Аўтарытэт шляхецкага роду напрацоўваўся з пакалення ў пакаленне і, як мне здаецца, у нейкай ступені прадвызначаў паводзіны кожнага, каму было наканавана нарадзіцца ў сям'і шляхціча. Ва ўсякім выпадку, у дзяцінстве мне не даводзілася чуць, каб нехта, напрыклад, з майго роду вызначаўся амаральнасцю, парушаў вякамі ўсталяваныя традыцыі, да непрыстойнасці прынізіў годнасць іншага чалавека, выйшаў за межы закона. Безумоўна, гэта не азначала, што ўсе бытавыя канфлікты вырашаліся на мажорна-добразычлівай ноце. Характар – справа складаная, супярэчлівая, нярэдка ўнікальная, якая не заўсёды прадвызначаецца сацыяльным статусам чалавека. У Рублі кажучь: "Натуру чловека не пэрэмэніш – якім вон родівса, такім і ўмрэ"*» [1, с. 23–24].

Прозвішчы палешукоў – паказчык міжэтнічных кантактаў. Мікалай Міцковіч прыгадвае прозвішчы нашчадкаў венграў-воінаў, якіх прывёў у Рэч Паспалітую для барацьбы з Масковіяй трансільванскі князь Стэфан Баторый: *Беняш, Бекеш, Барташук, Галаш, Мандра, Войнаш, Кендыш* і інш. [2, с. 36]. Прыгадвае письменнік і палавецка-цюркскія прозвішчы (*Баран, Канановіч, Кунашка*) і антрапонімы, якія ўзыходзяць да адной з найстаражытнейшых цюркскіх моў – караімскай: *Бама, Буза, Казей, Казыровіч* і інш. [2, с. 35].

Нацыянальна-культурная адметнасць тапанімікону навукова-папулярных твораў берасцейскіх аўтараў

Рэалізуючы асветніцкую функцыю навукова-папулярнай літаратуры, сучасныя берасцейскія аўтары ўмела раскрываюць у кантэксце твораў этымалагічную семантыку тапонімаў, актуалізуючы сканцэнтраваную ў старажытных прапрыяльных адзінках інфармацыю аб гістарычным мінулым славянскіх плямёнаў. У ліку тапонімаў, якія ўвахо-

дзяць у анамастычную прастору навукова-папулярнай літаратуры пісьменнікаў Берасцейшчыны, можна вылучыць прапрыяльны адзінкі, прагматычная зона семантыкі якіх захоўвае наступныя культурныя ўяўленні, якія складаюць аснову менталітэту славянскіх народаў. Кантэкст навукова-папулярнага твора актуалізуе нацыянальна-культурную інфармацыю тапонімаў. Гэта ўяўленні пра культ раслін і жывёл: «**Волковичи** – былы хутор в Ленинском сельсовете Жабинковского района. Возможно, название кельтско-балтского происхождения, ср. лит. *vilkas* – волк. На балтийский корень указывает территориальная близость названий урочищ **Волчий Брод** (*Viliskal Brasta*), **Волково**, **Волченисово**, **Волчин** и др. Предположительно, в этих названиях запечатлено имя одного из проживавших в древности на территории Беларуси кельтских племён **велетов** (кельтск. *Veltos*), признававших культ **волка**» [2, с. 45]; «Культ змеи был очень развит как у прибалтов, так и у белорусов. Носителями культа змеев выступали этнические группы, предками которых были индоевропейцы. Возможно, они относились к кельто-балтской языковой группе. Связанные с культом змеи-кобры, они оставили свои следы не только в археологических вещественных источниках, но и в типичных топонимах-этнонимах: от личного имени **Кобрунус** до реки **Кобринка** (бассейн реки Западный Буг), сёл **Кобравичи**, **Кобровцы**, г. **Кобрин**. Столкновение и языковая смешанность разных народов, перевод старых названий на язык нового народа обусловили появление таких названий, как с. **Змеевцы** (Дятловский район), с. **Змеевка** (Жлобинский район). И даже река **Горынь**, приток Припяти, имеет статус змеи подземельной (**горынской**), несущей живую воду» [2, с. 105]. Шэраг тапонімаў ўтвораны ад назваў плямёнаў: «**Пруска** – деревня в Яковчицком сельсовете Жабинковского района. Название этнонимического происхождения от западнобалтийского народа – **прусов** или **немцев**, насильственно германизовавших **прусов** и ставших носителями этого этнонима» [2, с. 68]; «Найменні славянскіх плямёнаў, якія згадваюцца ў вышэй-памянёных аналах, дзіўным чынам адгукаюцца ў назвах іматлікіх беларускіх паселішчаў: **лісічане** – вёска **Лісічы** (Бярозаўскі раён), **споры** – вёска **Спорава** (Бярозаўскі раён), возера **Споры** (Пастаўскі раён); **рачане** – назвы **Рэчыца**, такія частыя на Беларусі; **смаляне** – назвы вёсак **Смаляны** ў Пружанскім і Аршанскім раёнах, **Смалявічы** і, нарэшце, **Смаленск**; **драгавіты** – **Драгічын** (сярэдневяковая назва – **Драговічы**); **магіляне** – **Магілёў**; **селічы** – вёскі з назваю **Сялец** ёсць у Быхаўскім, Бярозаўскім, Горацкім, Мсціслаўскім, Чацініцкім раёнах, а яшчэ і **Сялецк** – у Касцюковіцкім раёне; **наровы** – горад **Нароўля**, рака **Нароў**, **жыцічы** – **Жыткавічы**, і гэты спіс можна доўжыць» [3, с. 45]. Выдзяляюцца тапонімы, утвораныя ад імёнаў князёў і валадароў населеных пунктаў, земляў, угоддзяў: «**Давыд-Гарадок** – горад у Столінскім раёне. Узнік на мяжы XI–XII стст. (1100–1112). Названы ў гонар заснавальніка – вальнскага князя **Давыда Ігаравіча**» [4, с. 109]; «Ёсць у лексіцы вёскі Рубель назвы ўрочышчаў, утвораныя ад асабовых імёнаў: **Іваночковэ**, **Косцючковэ**. Гэтыя мікратапонімы захоўваюць памяць пра гаспадароў, якія некалі мелі і па-сялянску дбайна апрацоўвалі ўласную зямлю» [1, с. 167]. Некаторыя тапонімы адлюстроўваюць рэлігійныя вераванні славян і іх продкаў-арыйцаў: «Назву раённага цэнтра **Карма** і вёскі з аднайменнаю назвай у Добрушскім раёне на Гомельшчыне нам прасцей звязваць са знаёмым словам, якое азначае заднюю частку чаўна. Дакладна такое ж слова “**карма**” (толькі з націскам на першым складзе) існуе ў ведычнай міфалогіі і азначае матэрыяльную дзейнасць дзеля асалоды. А таксама вынікі такой дзейнасці. Ці выпадковае такое супадзенне?» [3, с. 274]; «Мяне даўно цікавіла, адкуль паходзіць назва невялікай рэчкі **Рыта** ў Маларыцкім раёне, пакуль, нарэшце, не знайшла ў санскрыцкіх тэкстах, што слова “**рыта**” азначае “лад жыцця, шлях, кругазварот Сусвету”. Бог **Рыта** існуе на Захадзе, яму падпарадкоўваюцца людзі і багі. На берагах **Рыты** захаваўся курганны могільнік, які пакуль застаецца

недаследаваным, а, напэўна, ён мог бы нешта расказаць дапытліваму гісторыку пра людзей, які жылі тут тысячы гадоў таму» [3, с. 274]. Тапонімы могуць утрымліваць інфармацыю пра гаспадарчую дзейнасць людзей: «*Можно интерпретировать топоним “Мушкетно” на Жабинковщине как место, где татарами изготовлялись мушкетели – дубинки, оправленные железом. Название “Корды” выводится от тюркского корд ‘вид холодного оружия’*» [2, с. 34]; «*Назвай Воляня рубельцы абазначылі луг, дзе раней пасвілі валоў – непаваротлівых, але цягавітых жывёлаў: імі даводзілася араць зямлю, выконваць іншыя сельскагаспадарчыя работы*» [1, с. 167]. Унутраная форма тапонімаў можа ўказваць на сацыяльную структуру грамадства: «*У цэнтральнай частцы вёскі жыла шляхта; за царквою, бліжэй да Хатомеля, – мужыкі, што і адлюстравалася ў мікратапонімах сяла: Шляхта і Мужыкі*» [1, с. 24–25].

Берасцейскія аўтары пераканаўча паказалі: тапонімы – культураносныя знакі, што захоўваюць каштоўную інфармацыю аб гісторыі славян і іншых народаў, якія насялялі і насяляюць Берасцейшчыну, аб характары гаспадарчай дзейнасці, асваенні прыроды.

Заклучэнне

Анамастыкон навукова-папулярных твораў Мікалая Пашкевіча, Мікалая Міцковіча, Веры Емельяновіч, Зінаіды Дудзюк мае агульнабеларускі нацыянальны характар. Шырока прадстаўлены ў анамастычнай прасторы прааналізаваных зборнікаў рэгіянальны кампанент. Ядром сістэмы асабовых імёнаў, адлюстраванай у творах, з’яўляецца хрысціянскі іменаслоў, асвоены нацыянальнай мовай і мясцовай гаворкай. Інфармацыйная нагрузка мянушак і прозвішчаў перадае асаблівасці ўспрымання і ацэнкі вясцоўцамі знешнасці, маральных якасцей, паводзінаў асобы, сацыяльную структуру грамадства. Аўтары ўмела актуалізуюць прагматычную значнасць тапонімаў, адкрываючы чытачу каштоўныя звесткі аб матэрыяльнай і духоўнай культуры народаў, што жывуць на Палессі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Пашкевіч, М. І. У родным слове адгукаецца душа / М. І. Пашкевіч. – Брэст : Альтернатыва, 2012. – 196 с.
2. Мицкович, Н. С. Топонимическая связь времен / Н. С. Мицкович. – Мозырь : Белый ветер, 2002. – 131 с.
3. Дудзюк, З. І. Кола Сварога / З. І. Дудзюк. – Мінск : Беларусь, 2006. – 312 с.
4. Емельяновіч, В. М. З гісторыі некаторых назваў / В. М. Емельяновіч // Берасцейскія карані : гіст.-краязн. і літ. зб. – Брэст : Альтернатыва, 1993. – С. 108–112.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2018

But-Gusaim S.F. National and Regional Culture in the Mirror of Naming Words in Scientific and Popular Literature by Modern Brest Writers

The article is dedicated to the study of linguistic and cultural peculiarities of onomasticon in scientific and popular literature by modern Brest writers Nikolay Mitskovich, Nikolay Pashkevich, Zinaida Dudyuk, Vera Emelyanovich. The author describes cultural views, illustrated in the semantics of placenames, which are the basis of mentality of Slavic peoples: information about the cult of plants and animals, about ancient tribes, religious beliefs of Slavic people and their Aryan ancestors, about their household, etc. Etymology and pragmatic meaning of personal proper names are examined. The author gives thematic groups of nicknames, whose meaning illustrates the peculiarities of perception and evaluation of appearance, moral qualities and behavior of the person having this nickname. Social hierarchy of the society, illustrated in the structure and semantics of nicknames and surnames, is viewed in this article.

УДК 343.98

С.М. Храмов

канд. юрид. наук, доц., доц. каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: crimlaw_515@brsu.brest.by

АЛГОРИТМ УСТАНОВЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ И ПРИМЕРЫ РЕШАЕМЫХ С ЕГО ПОМОЩЬЮ ЗАДАЧ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматривается авторский алгоритм установления обстоятельств и приводятся примеры решаемых с его помощью задач. Для практического использования алгоритма автором предлагается неологизм «липоль», а также два вспомогательных оператора – «совершил тот, кто...» и «локализация, обнаружение, идентификация». Описываются основные ограничения по применению приемов установления обстоятельств исследуемого события. Систематизируются типовые ошибки, допускаемые при установлении искомых обстоятельств. Даются рекомендации по применению алгоритма установления обстоятельств.

Введение

При расследовании преступлений, совершенных в условиях неочевидности, на первоначальном этапе следователь сталкивается с ситуацией неопределенности. Она возникает, если неизвестен подозреваемый, отсутствует достаточный объем доказательственной базы, потерпевший не может или по каким-либо причинам боится сообщить все известные ему факты. Имеющиеся криминалистические методики лишь отчасти решают задачу. Акцентируя внимание на типовых программах расследования различного рода групп или видов преступлений, в них отсутствует методика генерирования новых версий в зависимости от складывающейся следственной ситуации по конкретному уголовному делу. Например, Н.П. Яблоков выделяет восемь типовых следственных ситуаций убийства. При этом в качестве ситуации № 1 указывается «убийство очевидное (открытое), убийца задержан, и личность его известна» [1, с. 590]. А в ситуации № 8 речь идет об обнаружении трупа новорожденного [1, с. 592]. Дается общая рекомендация, что «следователь использует знания о способах решения типовых задач, модернизируя их с учетом реальности» [1, с. 590]. Каким образом сформировать версии относительно фактических обстоятельств, не поясняется. На практике таких ситуаций намного больше. Для решения задач автором вводится новый термин «липоль». Этот термин является неологизмом. Он образован в результате слияния двух слов – «лицо» и «поле». В результате комбинации липолей образуются липольные системы.

Обозначение терминов. 1) Л1 – лицо, которое совершило преступление; неопределенное лицо (мужчина или женщина, подросток, взрослый, пенсионер и т.п.). Термин является общим, в него заложены все риски, связанные с возрастом, снижением адаптационных механизмов, ошибками и т.п. Если в схеме имеются соучастники, то они обозначаются Л1-2, Л1-3 и т.д. 2) Л2 – потерпевший; лицо, на которое совершено посягательство. Если в деле имеется несколько потерпевших, то они условно обозначаются как Л2-2, Л2-3 и т.д.

Все аспекты взаимодействия даже двух людей, в отличие от технических систем, схематично отобразить практически невозможно. Ведь люди обладают памятью, знаниями, между ними возникают отношения, нелинейные связи и т.д. Но построение липольных систем преследует другую цель – преодолеть инерцию мышления при выдвигании

жени версий произошедшего. Липоль является первоначальным кирпичиком, клеточкой такого взаимодействия.

Помимо эмпирических данных, материалов правоприменительной практики, собственного опыта работы и научных исследований при формулировании и систематизации приемов установления обстоятельств безусловную ценность представляют источники [2–5]. Впоследствии работа [3] многократно переиздавалась. Первое название – «Руководство для судебных следователей, чинов жандармерии и полиции» (1893). До сих пор аналоги такого уровня отсутствуют.

Типовые ошибки, допускаемые при установлении искомых обстоятельств

При работе над основными приемами установления обстоятельств автор зафиксировал ряд типовых ошибок, допускаемых исследователями и практическими работниками. К числу таких ошибок относятся:

- 1) спонтанное выдумывание из головы приемов установления обстоятельств в каждой новой нестандартной ситуации;
- 2) использование одного и того же «успешного» приема установления обстоятельств в качестве универсального, незнание или игнорирование других;
- 3) непринятие альтернативных точек зрения на решение конкретной практической задачи, болезненное реагирование на критику, принятие критики за поучение;
- 4) описательный, а не инструментальный подход;
- 5) рассуждения на тему «как должно быть», а не «как этого достичь»;
- 6) декларации, а не реальные приемы (декларативный подход);
- 7) замалчивание о нерешенности проблемы, об отсутствии классификации приемов установления обстоятельств;
- 8) описание проблемы как решенной, построенной на определенных принципах.
- 9) принятие позиции участника процесса (спора и т.п.) как истинной без проверки, исключая ошибку, заблуждение, самооговор и др.

Перечисленные ошибки можно было бы исключить при наличии методики. В связи с этим выдвигается *гипотеза*: существует множество приемов установления обстоятельств, которые до сих пор в явном виде не сформулированы и не систематизированы. Они являются составной частью алгоритма, создание которого позволило бы на аналитическом уровне решать множество задач, связанных с необходимостью установления фактических обстоятельств произошедшего.

Алгоритм действий по установлению обстоятельств преступления

Если потерпевшее лицо после совершения преступления обратилось в правоохранительные органы, оно будет ожидать скорейшего раскрытия преступления. От того, насколько быстро и профессионально сработают уполномоченные сотрудники, зависит конечный результат расследования преступления, восстановления нарушенных прав потерпевшего и скорейшего возмещения ему причиненного ущерба. В процессе многолетней исследовательской и практической деятельности автором сформулирован и построен семиуровневый алгоритм установления обстоятельств. При его разработке акцент делался не на статистические, а на эмпирические данные о преступности (таблица).

1	Факты без эмоций о событии	2	Гипотеза / Анти-гипотеза
3	Чек-лист Ганса Гросса	4	Сухой остаток
5	19 приемов	6	Версии
7	РЕШЕНИЕ = СОБЫТИЕ		

Рекомендации по применению алгоритма установления обстоятельств

Общими рекомендациями по применению рассмотренного алгоритма являются следующие восемь пунктов:

- 1) На шаге № 1 сформулировать ситуацию.
- 2) Ситуацию перевести в задачу.
- 3) Сформулировать идеальный конечный результат (термин Г.С. Альтшуллера).
- 4) Изобразить задачу схематично с указанием всех действующих лиц и их взаимодействия.
- 5) На основании анализа схемы выдвинуть все возможные версии.
- 6) На этапе проверки версий достроить недостающие элементы и связи.
- 7) Применить основные приемы установления обстоятельств произошедшего события для решения поставленной задачи.
- 8) Для помощи в решении задач автором вводится два новых вспомогательных оператора – СТК («совершил тот, кто...») и ЛОИ («локализация, обнаружение, идентификация»).

Рассмотрим более подробно перечисленные семь шагов, составляющие в своей совокупности алгоритм действий по установлению обстоятельств любого социального явления, в том числе преступления.

Шаг № 1. Факты без эмоций о событии.

Первый шаг – безэмоционально сформулировать достоверно известные факты об исследуемом событии (в криминалистике речь идет о преступлении; в социальной сфере – о любом событии).

Количество фактов, которые можно указать в качестве установленных, зависят от конкретной ситуации. Однако взаимосвязь между количеством фактов и точностью (быстротой) решения стоящей задачи не является прямо пропорциональной. Это связано с тем, что задача может быть решена на любом из семи уровней, даже на первом.

Только одно перечисление достоверно установленных фактов может вывести на правильное решение.

Пример № 1.

Проверяется заявление об обнаружении в своей квартире трупа пенсионера. На первоначальном этапе сразу выявлены три очевидных факта.

Факт 1. На месте происшествия со следами побоев обнаружен труп пенсионера.

Факт 2. В квартире вместе с пенсионером проживает его сын.

Факт 3. Сын потерпевшего в квартире отсутствует.

Из изложения этих трех фактов сразу же может быть выдвинута очевидная версия: произошло убийство, которое совершил сын пенсионера.

Пример № 2.

Проверяется заявление о проникновении в магазин неизвестных лиц и хищении оттуда товарно-материальных ценностей. Прибывшая на место происшествия следственно-оперативная группа зафиксировала следующие очевидные факты.

Факт 1. Витрина магазина разбита.

Факт 2. В торговом зале беспорядок, товары и продукты питания разбросаны. Рядом с ценниками отсутствуют дорогие спиртные напитки.

Факт 3. В торговом зале недалеко от витрины на полу обнаружен камень, на котором имеются микрочастицы стекла.

Факт 4. Форма отверстия, трещины на витрине, расположение осколков свидетельствуют о том, что стекло разбито изнутри.

Задача, следующая из примера № 2, может быть решена уже на первом этапе посредством анализа приведенных фактов. Экспресс-анализ четырех перечисленных фактов свидетельствует о том, что проникновения в магазин не было. Налицо инсценировка проникновения и последующего хищения.

Шаг № 2. Гипотеза/Антигипотеза.

На втором шаге необходимо сформулировать гипотезу произошедшего. После этого сразу же формулируется и проверяется антигипотеза.

Предлагаемый дихотомический подход позволяет избежать ошибок, связанных с инерцией мышления и однобоким рассмотрением исследуемого события. Этот подход обеспечивает вероятность рассмотрения 100 % возможных вариантов. На шаге № 2 может быть решено большое количество задач.

Примеры гипотез и связанных с ними антигипотез: убийство – самоубийство, кража – инсценировка кражи, добровольная передача имущества – передача имущества в результате вымогательства. Еще более общие примеры гипотез и антигипотез: определенное событие было – события не было; к событию причастен определенный человек – этот человек не причастен к событию.

Пример № 1 (продолжение).

На шаге № 2 в качестве антигипотезы предполагаем, что убийство совершил не сын, а кто-то другой.

Также могут быть сформулированы следующие версии:

- а) пенсионер получил телесные повреждения в результате падения (несчастный случай);
- б) смерть наступила по естественным причинам, не связанным с телесными повреждениями;
- в) совершено самоубийство после ссоры.

В первую очередь необходимо отработать ту версию, которая наиболее очевидна и на проверку которой необходимо минимальное количество ресурсов.

В рассматриваемом случае предварительно было установлено, что пенсионера в ссоре избил совместно проживающий сын, 1987 г.р., неработающий, который задержан. В результате причиненных побоев наступила смерть потерпевшего. Труп пенсионера был обнаружен 15.09.2018 г. в 22.10 в своей квартире в Гродно [6]. Первоначальная версия о причастности сына пенсионера к совершенному преступлению подтвердилась.

Шаг № 3. Чек-лист Ганса Гросса.

Чек-лист Ганса Гросса – условное название. Перечень вопросов, о котором пойдет речь, были приведены в систему еще в I в. н.э.

Основатель криминалистики Ганс Гросс в своей книге «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» писал: «С. (Следователь. – С. Х.) при первом обнаружении серьезности или сложности работы составляет для себя такой листок, причем выполнение его пунктов должно идти шаг за шагом, для важнейших же моментов следствия должны иметься отдельные графы. Эти графы для каждого дела должны заключать следующие вопросы: кто, что, где, какими средствами, каким образом и когда» [3, с. 71–72].

Также полезно задать вопрос «Почему?». Ответ на данный вопрос может помочь установить побуждающие действия правонарушителя, его мотив, возможные виктимные составляющие исследуемого события.

Более ранний аналог: вопросы Марка Фабия Квинтилиана (I век н.э., 96 год). Он рекомендовал своим ученикам отвечать на следующие вопросы: «Кто?», «Что?» «Где?»

«Когда?», «Чем?», «Как?», «Почему?». Сейчас этот и подобные списки используются криминалистами, журналистами, бизнес-консультантами и т.п.» [7].

Как видно, Квинтилиан выделял вопрос «Чем?» вместо «Какими средствами?».

Итак, Ганс Гросс рекомендовал последовательно ответить на шесть вопросов:

1) Кто? 2) Что? 3) Где? 4) Какими средствами? 5) Как? 6) Когда?

В исследовательской практике использовался вопрос из перечня Квинтилиана «Почему?». Упоминает о нем Д. Пойа, который в своем бестселлере «Как решать задачу» писал: «Ваши лучшие пять друзей: Что, Почему, Где, Когда и Как. Если вам нужен совет, обратитесь к Что, обратитесь к Почему. Обратитесь к Где, Когда и Как – и больше ни к кому не обращайтесь» [5, с. 103].

Полезным будет задать дополнительные вопросы: «Кого/У кого?» и «С какой целью?». Поэтому чек-лист целесообразно дополнить вопросами № 7 – «Почему?», № 8 «Кого/У кого?» и № 9 – «С какой целью?»

Задача № 1 (для постановки навыка использования шага № 3)

Факт. 1. Потерпевшая женщина неоднократно обращалась к участковому с заявлениями об угрозах со стороны бывшего мужа.

Факт 2. Полицейский ее заявления игнорировал.

Факт 3. Через некоторое время произошло убийство нового мужа потерпевшей.

Задание: последовательно ответьте на все вопросы по чек-листу Ганса Гросса применительно к ситуации задачи. Дополнительно ответьте на вопросы №№ 8 и 9. Сгенерируйте версии произошедшего.

Шаг № 4. «Сухой остаток».

В алгоритме указан ассоциативный термин «Сухой остаток», который часто используется при общении специалистов. «Сухой остаток» обозначает концентрированный результат цепочки предыдущих действий. От «сухого остатка» цепочку можно условно «размотать» обратно. Приведенное определение сформулировано автором. В словарях термин отсутствует.

Пример № 3.

Зимой 2002 г. в 50 км от польско-немецкой границы были найдены трупы двух мужчин с огнестрельными ранениями. Было установлено, что они ехали из Беларуси через Польшу в Германию на автомашине с крупной суммой денег. С ними был третий попутчик – их знакомый. Деньги и автомашина пропали. Пропажа денег и автомашины является условным «сухим остатком», который дает ключ к раскрытию этого преступления [8]. Следует отметить, что расследованием данного преступления занимались правоохранительные органы четырех стран – Польши, Германии, России и Беларуси.

Шаг № 5. 19 приемов установления обстоятельств произошедшего события.

Сразу необходимо оговориться, что предлагаемые приемы могут использоваться не только для раскрытия преступления, но и в более широкой социальной практике.

Существуют некоторые ограничения по применению приемов установления обстоятельств произошедшего события. Основных ограничения два.

1) Приемы не решают класс технических задач, связанных с исследованием предметов, веществ. Не подменяют то, что на практике решается с помощью проведения различного рода экспертных исследований и экспертиз.

2) Приемы не решают процессуальных задач по исследованию и надлежащему закреплению фактических данных, хотя предлагает наиболее оптимальный вариант действий исследователя.

Основные приемы установления обстоятельств произошедшего события не подменяют экспертную, процессуальную деятельность, а являются структурированным, основанным на большой статистике и закономерностях вспомогательным инструментом.

В данной работе для примера будут приведены только несколько из 19 приемов (№№ 1, 4, 5 и 16), т.к. изложение всех 19 приемов заняло бы значительное место.

Часть приема № 1. «Принцип дробления»:

а) Разделить установленные по делу обстоятельства на незначительные части и проанализировать их по схеме «До – Во время – После».

б) Усилить степень дробления установленных по делу обстоятельств по этой же схеме.

в) Установить пару «действие-следствие». «Следствие» должно быть сконцентрировано в «сухом остатке».

д) Предположить мотив действия.

е) Выдвинуть и проверить версию о лице, совершившем преступление.

Задача № 2 (для постановки навыка использования приема № 1 «Принципа дробления»).

Факт 1. В аэропорт поступает звонок от мужчины о том, что на борту самолета, готовящегося к взлету, находится взрывное устройство.

Факт 2. По горячим следам установить личность звонившего не удалось.

Факт 3. Взлет отложен на несколько часов, пассажиры эвакуированы, на место происшествия выехала следственно-оперативная группа.

Факт 4. Взрывное устройство на борту воздушного судна не обнаружено.

Вопрос: кто совершил заведомо ложное сообщение о готовящемся взрыве?

Подсказка 1: для решения задачи 2 можно использовать дополнительный прием: «Сопоставить списки... зарегистрированных и реально прибывших».

Подсказка 2: построить схему события. Выявить «сухой остаток» и предполагаемый мотив, повлиявший на действие лица.

При этом «сухой остаток» должен быть связан с мотивом.

Зная «сухой остаток», выходим на мотив.

Мотивированное действие звонившего выводит на решение задачи.

Прием № 4 «Принцип естественного хода событий»:

а) Предположить естественный ход событий.

б) Отделить от установленных обстоятельств нерациональное поведение – «одну большую глупость».

в) На основании анализа «установленных обстоятельств» и «одной большой глупости» выдвинуть и проверить версии.

Задача № 3 (для постановки навыка использования приема № 4 «Принцип естественного хода событий»).

Факт 1. На банк напал вооруженный мужчина.

Факт 2. Налетчик вручил кассиру записку, где потребовал передать ему деньги.

Факт 3. Деньги были переданы.

Факт 4. Мужчина скрылся.

Вопрос: в каком источнике может быть информация о нападении (кроме камер видеонаблюдения и показаний кассира, свидетелей)?

Подсказка 1: для решения задачи № 3 можно использовать дополнительный прием: «Проверить обратную сторону листа».

Подсказка 2: построить схему события. Отметить на схеме гипотетическую «Одну большую глупость» (не бывает идеальных преступлений).

Находка в действиях лица «Одной большой глупости» – всегда ключ к решению задачи, т.к. она изобличает злоумышленника.

Прием № 5. Принцип «Cherchez la femme».

Предположить о закулисной влиянии женщины на поступки лица.

Прием впервые в явном виде описан в романе 1864 г. Александра Дюма-отца «Могикане Парижа». Выражение «Cherchez la femme» в романе является «возлюбленной поговоркой парижского полицейского чиновника. Выражение употребляется... когда хотят сказать, что виновницей какого-либо события, бедствия, преступления называется женщина» [9, с. 130–131].

Прием № 16. Принцип «другого взгляда на дело».

а) Перейти от рабочей версии по делу к иной.

б) Усилить иную версию до противоположной.

в) Сопоставить данные, обнаруженные при отработке рабочей и иной версий.

г) Установить фактические обстоятельства происшедшего.

Задача № 4 для постановки навыка использования принципа «другого взгляда на дело».

Факт 1. По делу о грабеже в качестве подозреваемого задержан А.

Факт 2. Грабеж произошел в темное время суток.

Факт 3. Гр-на А. опознал потерпевший.

Факт 4. А. отрицал свою причастность к преступлению, заявляя, что в момент грабежа находился в другом месте (в гостях).

Факт 5. Похищенные вещи у А. обнаружены не были.

Вопрос: выдвиньте версию произошедшего.

Примечание: прием № 16 детализирует шаг № 2 (гипотеза/антигипотеза).

Шаг № 6. Версии.

Речь идет уже о наиболее вероятных, приоритетных версиях. К шагу шесть в идеале все ошибочные версии и альтернативные должны быть отработаны и исключены. Как отмечает в академическом курсе по криминалистике И.В. Александров, «подтвердившаяся типовая версия детализируется и конкретизируется, преобразуясь в специфическую» [10, с. 100].

Шаг № 7. РЕШЕНИЕ = СОБЫТИЕ.

Окончательное решение стоящей поисковой задачи происходит при прохождении на седьмом шаге. Его начало совпадает с завершением проверки окончательной версии (шаг № 6). На заключительном этапе, на основании всесторонней проверки приоритетной версии, делается достоверный вывод, ведущий к решению. Это сформулированное решение позволяет выявить все искомые обстоятельства либо их отсутствие.

Заключение

Таким образом, алгоритм установления обстоятельств увеличивает вероятность успешного решения класса задач, связанного с раскрытием неочевидных преступлений. По мере нарастания фактов (шаг № 1 алгоритма) и выведения «сухого остатка» (шаг № 4), схема уточняется, развивается. От сухого остатка цепочку действий «размотать» обратно до установления «мотива». Например, если в качестве «сухого остатка» выявлена задержка самолета, то в качестве мотива звонившего можно будет предположить

именно задержку с определенной целью. В результате алгоритм выводит на решение, равное исследуемому событию (шаг № 7).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2005. – 781 с.
2. Раткевич, П. Зерцало правосудия, показывающее, каким образом во всяких случающихся, а наипаче сомнительных судных делах производить следствии, делать по оным определении, приговоры и заключения / П. Раткевич. – СПб. : Тип. Шнора, 1805. – 28 с.
3. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. – М. : ЛексЭст, 2002. – 1088 с.
4. Кошко, А. Ф. Среди убийц и грабителей. Воспоминания бывшего начальника Московской сыскной полиции / А. Ф. Кошко. – М. : ТЕРРА : Книж. лавка – РТР, 1997. – 400 с.
5. Пойа, Д. Как решать задачу / Д. Пойа. – М., 1959. – 208 с.
6. Сводка преступлений и происшествий за 17.09.2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=48653>. – Дата доступа: 17.10.2018.
7. Вопросы Марка Фабия Квинтилиана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vikent.ru/enc/3073/>. – Дата доступа: 26.10.2018.
8. Гладкая, Л. Задача с двумя неизвестными [Электронный ресурс] / Л. Гладкая. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/zadacha-s-dvumya-neizvestnymi-ubijstvo.html>. – Дата доступа: 19.10.2018.
9. Крылатые слова. – Харьков : Фолио, 2008. – 350 с.
10. Криминалистика / под ред. И. В. Александрова. – М. : Юрайт, 2018. – 376 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.10.2018

Chramov S.M. The Algorithm for Establishing Circumstances and Examples of Problems Solved with its Help: Forensic Aspect of the Study

The article discusses the author's Algorithm for Establishing Circumstances and provides examples of the problem solved with its help. For practical use of the Algorithm, the author proposes the neologism «Llipol», as well as two auxiliary operators «Made by the one who ...» and «Localization, detection, identification». The main restrictions on the application of methods for establishing the circumstances of the event under investigation are described. Systematic errors are made when establishing the desired circumstances. Recommendations are given on the application of the Algorithm for Establishing Circumstances.

УДК 349.6(476)(075.8)

Г.И. Зайчук*канд. юрид. наук, доц., доц. каф. гражданско-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина**e-mail: g.zaichuk@mail.ru***ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ
ДИКИХ ЖИВОТНЫХ, В ТОМ ЧИСЛЕ ПОГИБШИХ,
ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Рассматриваются вопросы уголовно-правовой квалификации незаконной охоты (ст. 282 Уголовного кодекса Республики Беларусь) и незаконного перемещения (транспортировки) или разделки диких животных (ст. 282-1 УК). Показывается, что применение ст. 282 УК имеет давние традиции, а ст. 282-1 УК, которой был дополнен уголовный кодифицированный закон, не имеет исторических традиций и аналогов в странах ближнего зарубежья. Проводится сравнительно-правовой анализ белорусского и российского уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за незаконную охоту. Даются рекомендации по внесению изменений и дополнений в действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь и Правила ведения охотничьего хозяйства и охоты.

Введение

Охота является древнейшим занятием славян. С момента ее появления возникли правила проведения охоты и ответственность за их нарушение. Однако появившиеся в действующих Правилах охоты и ведения охотничьего хозяйства новации ограничительного толкования охоты и расширительного толкования незаконной охоты повлекли внесение в Уголовный кодекс Республики Беларусь, в дополнение к уже существующей ст. 282. Незаконная охота, неоднозначной в теоретико-правовом отношении ст. 282-1 устанавливающей ответственность за незаконное перемещение (транспортировку) или разделку диких животных, что требует дополнительного исследования.

Издrevле дреговичи, кривичи и радимичи занимались полеванием и лесованием, т.е. добычей либо отловом полевой и лесной дичи. В последствии, были разработаны правила ведения охоты (бел. *паляванне* – ‘охота’) [1, с. 427] и меры юридической ответственности за их нарушение.

Лаконичное, юридически выверенное определение незаконной охоты, сформулированное в артикулах 1 и 3 раздела 10 «О пуцах, о ловах, о бортном дереве, об озерах и лугах» Статута Великого княжества Литовского 1588 г. [2, с. 424], согласно которому незаконной считалась охота, не только осуществляемая без разрешения собственника в чужих охотничьих угодьях, но и нахождение в чужой пуще (государевой, княжеской, панской и землянской) с орудиями охоты: «а собаки ему не братии, а ни рогатины, ани жадное стрельбы, чым бы мел в зверу шкоду учынити» [2, с. 270], было заимствовано вначале законодательством Российской империи, затем СССР и БССР, а в последствии Республикой Беларусь и другими страна СНГ.

Первоначально действующим Уголовным кодексом Республики Беларусь [3] за нарушение порядка добычи наземных диких животных была установлена традиционная ответственность за незаконную охоту (ст. 282 УК). Затем он был дополнен спорной ст. 282-1 «Незаконное перемещение (транспортировка) или разделка диких животных» [4]. Указанные статьи расположены в гл. 26 УК, посвященной преступлениям против экологической безопасности и природной среды. В примечании к ней установлено,

что преступлениями против природной среды признаются совершенные умышленно или по неосторожности общественно опасные деяния, причинившие или могущие причинить вред земле, водам, недрам, лесам, животному и растительному миру, атмосферному воздуху и другим природным объектам, отнесенным к таковым законодательством об охране окружающей среды, независимо от форм собственности. Незаконной признается охота, которая осуществляется без надлежащего на то разрешения, либо в запрещенных местах, либо в запретное время, либо запрещенными орудиями, либо запрещенными способами, совершенная в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение (ч. 1 ст. 282 УК).

Согласно примечанию к ст. 282 УК, крупным признается размер ущерба на сумму в 100 и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, особо крупным – в 250 и более раз превышающую размер такой базовой величины.

В соответствии с ч. 1 ст. 282-1, противоправным являются незаконные перемещение (транспортировка) или разделка диких животных, относящихся в соответствии с законодательными актами к объектам охоты, в том числе погибших, или их частей, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения. Рассматриваемая статья содержит два примечания, согласно которым, под незаконным перемещением (транспортировкой) или разделкой диких животных, в том числе погибших, или их частей понимаются их перемещение или разделка в случаях, запрещенных законодательными актами об охране и использовании животного мира; незаконные транспортировка или разделка признаются совершенными в крупном размере, если стоимость дикого животного в 100, а в особо крупном – в 250 и более раз превышают размер базовой величины, установленной на день совершения преступления, которые определяются в порядке, установленном для определения размера возмещения вреда, причиненного в результате их незаконного изъятия.

Из общего смысла п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 декабря 2003 г. № 13 «О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности и природной среды» [5] (далее – Постановление Пленума Верховного Суда № 13) следует, что особенностью правовых норм, устанавливающих ответственность за нарушение законодательства об охране окружающей природной среды, является их отсылочный и бланкетный характер. Поэтому при их применении необходимо обращаться к нормативным правовым актам и международным договорам Республики Беларусь, регулирующим отношения в области охраны и рационального использования природных ресурсов и порядок возмещения причиненного вреда.

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» [6] (далее – Закон ООС), посвященной основным понятиям и определениям экологического (природоресурсного и природоохранного) законодательства применительно к диким животным, объектам охоты сформулированы дефиниции вреда и способа его причинения окружающей среде и ее компонентам. В самых общих чертах таким вредом является имеющее денежную оценку отрицательное изменение окружающей среды или отдельных компонентов природной среды, выразившееся в незаконном изъятии диких животных. При этом в соответствии со ст. 101-1 Закона ООС, размер возмещения вреда, причиненного окружающей среде, определяется в соответствии с таксами, установленными Президентом Республики Беларусь, где под таксой понимается условная единица денежной оценки размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде.

Отношения в области использования и охраны животного мира урегулированы Законом Республики Беларусь «О животном мире» [7] (далее – Закон «О животном мире»), указом Президента Республики Беларусь [8] (далее – Указ № 580), которыми утверждены: Таксы для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде физическими и юридическими лицами в результате незаконного изъятия или уничтожения диких животных и вредного воздействия на среду их обитания (далее – Таксы); Правила ведения охотничьего хозяйства и охоты, другими национальными и международно-правовыми актами.

В ст. 1 Закона «О животном мире» сформулированы весьма противоречивые, без указания юридических признаков, определения животного мира и диких животных. В частности, *животный мир* охарактеризован как охраняемый компонент природной среды, возобновляемый природный ресурс, представляющий собой совокупность всех диких животных, постоянно обитающих на территории Республики Беларусь или временно ее населяющих, в том числе диких животных в неволе. К *диким животным* отнесены млекопитающие, птицы, пресмыкающиеся, земноводные, рыбы, насекомые и другие животные, обитающие на земле (на поверхности, в почве в подземных пустотах), в поверхностных водах и атмосфере в условиях естественной свободы, а также дикие животные в неволе.

Однако на доктринальном уровне сложилось иное представление о животном мире – объекте природоресурсного права. О.С. Колбасов писал, что среди правовых признаков, позволяющих идентифицировать животный мир в качестве самостоятельного объекта правоотношений, является нахождение организмов в живом состоянии и свободно обитающих в пространственных пределах СССР [9, с. 58–62]. Для того чтобы считаться дикими, животные должны обладать двумя качествами: быть живыми и обитать в состоянии естественной свободы. Поэтому оправданно дать следующие определение: *животный мир* – это компонент природной среды, охраняемый природный объект, потребляемый и возобновляемый природный ресурс, представляющий собой совокупность всех диких животных (млекопитающие, птицы, пресмыкающиеся, земноводные, рыбы, насекомые и другие животные), постоянно либо временно в состоянии естественной свободы обитающих на территории Республики Беларусь, в отношении которых законодательством о животном мире установлен режим охраны и использования.

Не относятся к животному миру сельскохозяйственные животные, животные-компаньоны, животные, используемые в культурных мероприятиях, зоопарках, цирках, зверинцах, в спорте, служебные и лабораторные животные, изъятые (отловленные, добытые) из среды обитания либо разводимые в неволе или полувольных условиях, дикие животные, их части и продукты жизнедеятельности, дериваты, умершие и погибшие дикие животные. К ним может применяться законодательство по охране и воспроизводству животного мира.

Кроме того, п. 25, 17 и 39 ст. 1 Закона «О животном мире» установлено, что изъятием является добыча или отлов диких животных из среды их обитания, где под добычей понимается изъятие диких животных из среды их обитания без сохранения их жизни, а под отловом – изъятие диких животных из среды их обитания с сохранением их жизни для содержания и (или) разведения в неволе, вселения, интродукции и иных подобных целей. Согласно п.п. 1.1 п. 1 ст. 24 Закона «О животном мире», одним из основных видов пользования дикими животными является охота. В соответствии со ст. 27 рассматриваемого Закона, охота осуществляется в порядке и на условиях, определенных Правилами ведения охотничьего хозяйства и охоты.

Пунктом 2 Правил ведения охотничьего хозяйства и охоты (далее – Правила) установлены следующие основные понятия и их определения: охота – поиск, выслеживание, преследование, попытка добычи или добыча охотничьи животных, обитающих в условиях естественной свободы, а также нахождение в охотничьих угодьях и иных местах обитания охотничьих животных с орудиями охоты либо добыча диких зверей и (или) птиц, не являющихся охотничьими, с использованием орудий и способов охоты; охотничьи животные – дикие животные, указанные в приложении к Правилам, ими, в частности, являются нормируемые виды охотничьих животных: зубр, кабан, косуля, лань, лось, муфлон, олень благородный, олень пятнистый, бобр, выдра, глухарь, тетерев и ненормируемые виды охотничьих животных: белка, волк, заяц беляк, заяц русак, куница, лиса, норка, ондатра, енотовидная собака, хорек, вальдшнеп, вяхирь, рябчик и другие; добыча охотничьих животных – изъятие охотничьих животных из среды их обитания без сохранения их жизни; продукция охоты – добытые в результате охоты дикие животные, их части и (или) дериваты, а также погибшие дикие животные, их части и (или) дериваты, разделка, перемещение и (или) использование которых производятся в охотничьих угодьях, в иных местах обитания указанных животных, на дорогах; разделка продукции охоты – нутровка (удаление внутренних органов), снятие шкуры, разделка на части или отделение частей туши добытого животного.

Таксы за один экземпляр незаконно изъятого дикого животного вне зависимости от его веса и размера установлены в базовых величинах: зубр – 400, кабан – 120, косуля – 120, лань – 120, лось – 300, муфлон – 120, олень благородный – 300, олень пятнистый – 120, бобр – 70, выдра – 100, глухарь – 200, тетерев – 60, заяц – 20, куница – 35, лиса – 35, норка – 35, ондатра – 30, енотовидная собака – 35, хорек – 35.

Согласно п. 148 Правил, при обнаружении в охотничьих угодьях и (или) на территориях, не включенных в фонд охотничьих угодий, в том числе на дорогах, раненых, травмированных, больных или погибших диких животных запрещается самовольно добывать их, разделять или перемещать (транспортировать) их туши или части туш, использовать продукцию (мясо, шкуру, рога и др.). Продукция, полученная от добычи раненого, травмированного, больного или погибшего охотничьего животного, является собственностью пользователя охотничьих угодий, и может быть использована им после оформления соответствующего акта, а в фонде запаса охотничьих угодий либо на территориях, не включенных в фонд охотничьих угодий, может быть использована местным исполнительным и распорядительным органом в установленном им порядке.

Это обусловлено тем, что погибшие животные утрачивают признаки компонента природной среды, природного объекта и ресурса, к которым общепризнано относить естественное происхождение, нахождение в экологической взаимосвязи с другими объектами природы путем обмена веществом и энергией и выполнение функций жизнеобеспечения экономической, экологической, культурной и иных, определяющие его социально-экологическую ценность для общества и человека [10, с. 18, 24], из-за того, что они не могут выполнять функций компонента природной среды природного объекта и ресурса, однако являются товарно-материальной ценностью, переходят в разряд имущества и становятся объектом гражданского права. Объекты животного мира, обитающие в состоянии естественной свободы на территории Республики Беларусь, находятся в собственности государства (ч. 1 ст. 6 Закона «О животном мире»).

В этом плане заслуживает внимания опыт определения правового положения другого живого компонента природной среды – лесов. В соответствии с п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 13, не являются предметом

незаконной порубки ветровальные и буреломные деревья, т.е. погибшие древостои. Они законодателем отнесены к имуществу. Поэтому незаконное завладение ими рассматривается не как браконьерство, а как хищение.

Тем не менее случаи привлечения к уголовной ответственности за транспортировку погибших животных не редки. Например, житель Пуховичского района Минской области был осужден по ч. 2 ст. 282-1 за перевозку на мотоблоке подобранной им и погибшей в результате ДТП не по его вине туши косули европейской [11]. Следует обратить внимание, что умысел правонарушителя в таких случаях направлен на незаконную охоту, а на завладение чужим имуществом, т.к. сам он животное не убивает.

Выделение в отдельный состав преступления деяния, предусмотренного ст. 282-1 УК и формулирование его квалифицирующих признаков в зависимости от таксовой стоимости погибшего дикого животного, не в полной мере выполняет функции, присущие юридической ответственности за экологические правонарушения (преступления), к которым М.М. Бринчук относит «стимулирующую к соблюдению норм экологического права; превентивную, обеспечивающую предупреждение новых правонарушений; компенсационную, направленную на возмещение потерь в природной среде; карательную, заключающуюся в наказании лица, виновного в совершении экологического правонарушения» [12, с. 354], а носит фискальный характер.

В юридической литературе довольно подробно охарактеризован вред, причиняемый природной среде в результате противоправных действий, который в зависимости от объекта причинения, подразделен на экономический и экологический. Экономический вред посягает на материальные интересы природопользователя. Его непосредственный объект причинения – право собственности государства, кооперативных, общественных организаций, граждан на товарно-материальные блага и доходы, получаемые от использования природных ресурсов. Возмещение указанного ущерба производится в соответствии с требованиями гражданского законодательства. Экологический вред непосредственным объектом своего посягательства имеет природную среду и экологические интересы общества в чистой, здоровой, полноценной и продуктивной окружающей естественной среде обитания человека. Данный вид вреда проявляется в разнообразных и специфических формах – нарушении, разрушении экологических связей в природе. Основная особенность экологического вреда состоит в невозможности потерь качества окружающей природной среды и отсутствие денежного эквивалента причиненного ущерба. Поэтому способы возмещения такого вреда не подпадают под условия гражданского законодательства, в соответствии с которым, взыскивается экономический вред [13, с. 96–97].

Способы причинения вреда окружающей природной среде и размер его возмещения установлены экологическим законодательством. Согласно ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды», причинение вреда окружающей среде – вредное воздействие на окружающую среду, связанное с нарушением требований в области охраны окружающей среды, иным нарушением законодательства Республики Беларусь, в том числе путем выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, сбросов сточных вод в водные объекты с превышением установленных, в соответствии с законодательством Республики Беларусь, нормативов допустимых выбросов и сбросов химических и иных веществ по одному или более загрязняющему веществу или в отсутствие таких нормативов, если их установление требуется законодательством Республики Беларусь, незаконного изъятия дикорастущих растений и (или) их частей, диких животных, других природных ресурсов.

В соответствии со ст. 101-1 рассматриваемого Закона, размер возмещения вреда, причиненного окружающей среде, определяется в соответствии с таксами для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, установленными Президентом Республики Беларусь, а при их отсутствии либо невозможности применения – по фактическим затратам на восстановление нарушенного состояния окружающей среды с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды.

Таксы для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде физическими и юридическими лицами в результате незаконного изъятия или уничтожения диких животных и вредного воздействия на среду их обитания определены Приложением к указу Президента Республики Беларусь № 580.

Следует обратить внимание на то, что в указанном приложении использован термин *изъятие*, под которым в соответствии со ст. 1 Закона «О животном мире» понимается добыча или отлов диких животных из среды обитания. Где добыча означает изъятие диких животных из среды их обитания без сохранения жизни, а отлов – изъятие диких животных из среды их обитания с сохранением их жизни.

Незаконная охота может совершаться как с умерщвлением диких животных, например, с применением огнестрельного охотничьего оружия, так и без умерщвления, при использовании охотничьих собак, ловчих птиц, капканов, других ловушек. Поэтому подбор, разделка и транспортировка незаконно изъятых диких животных является незаконной охотой, а такие же действия в отношении погибших животных – хищением имущества. Так как погибшие животные не относятся к объектам животного мира в силу того, что утратили признаки природного объекта. Таким образом, за завладение погибшими дикими животными применять таксовую ответственность к правонарушителю неоправданно, из-за того, что он не причиняет вреда окружающей среде, а причиняет вред собственнику.

Как отмечается в юридической литературе, в экологическом праве специфическим способом возмещения вреда служит *таксовый метод*, обусловленный простотой подсчета и предъявления иска, возможностью его широкого использования применительно к древесине и иной подобной продукции. Проблемой в условиях формирования рынка становится *справедливое* установление и повсеместное использование такс, утвержденных полномочными органами публичной власти [14, с. 380].

Обращает на себя внимание положительный опыт Российской Федерации. Статьями 258 и 258.1 УК Российской Федерации [15] установлена уголовная ответственность за незаконную охоту и за незаконные добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации. В соответствии с ч. 1 ст. 258 УК РФ, незаконной признается охота совершенная: а) с причинением крупного ущерба; б) с применением механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей; в) в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена; г) на особо охраняемой природной территории либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации. При этом в пунктах 5, 1 и 4 ст. 1 Федерального закона «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [16] сформулированы следующие понятия и их определения: охота – поиск, отслеживание, преследование охотничьих ресурсов, их добыча, первичная переработка и транспортировка; охотничьи ресурсы – объекты животного мира, которые в со-

ответствии с настоящим Федеральным законом и (или) законами субъектов Российской Федерации используются или могут быть использованы в целях охоты; добыча охотничьих ресурсов – отлов или отстрел охотничьих ресурсов. Из указанных определений видно, что речь идет о незаконной добыче либо первичной переработке и транспортировке незаконно добытых охотничьих ресурсов, а не о перемещении погибших диких животных (их частей) в результате ДТП или проявлений стихийных сил природы, ураганов, наводнений, схода снежных лавин с гор и т.п.

Согласно п. 1 ст. 258-1 УК РФ, ответственность наступает за незаконные добычу, содержание, приобретение, хранение, перевозку, пересылку и продажу особо ценных диких животных, их частей и производных, которые относятся к редким либо исчезающим видам, поэтому занесены в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняются международными договорами Российской Федерации, например «Конвенцией о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящейся под угрозой исчезновения (СИТЕС)»[17], подлежат особой охране, в том числе уголовно-правовой.

Заключение

Таким образом, погибшие дикие животные не являются компонентами природной среды, т.к. утратили признаки природного объекта и ресурса и перешли в разряд имущества, т.е. перестали быть объектами природоресурсного и экологического права, а стали объектами гражданского права. Поэтому размещать норму, предусматривающую ответственность за незаконные перемещение или разделку погибших диких животных (гл. 26 УК посвященна преступлениям против экологической безопасности и природной среды) и применять таксовую ответственность за указанные деяния, не оправданно.

Транспортировку отловленных, в том числе раненых, травмированных и больных диких животных оправданно приравнять к незаконной охоте, а погибших животных – к хищению, которое регламентируется гл. 24 УК – преступления против собственности. Поэтому для упорядочения уголовной ответственности за незаконную охоту оправданно следующее.

В ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды», посвященной основным понятиям и их определениям, используемым в экологическом и природоресурсном законодательстве, дополнить общепризнанным определением природного объекта.

Природный объект – это компонент природной среды, который должен обладать следующими признаками: иметь естественное либо искусственное происхождение, но при этом выполнять функции природного объекта; находится в экологической взаимосвязи с иными природными объектами путем обмена веществом и энергией и выполнять функции жизнеобеспечения – экологическую, экономическую, социальную, научную, культурную, рекреационную, туристическую, физкультурно-спортивную и иные. Это позволяет отграничивать их от имущества – объекта гражданского права, на которое требования экологического законодательства по охране и защите окружающей природной среды и обеспечению экологической безопасности не распространяются.

В ст. 1 Закона «О животном мире» сформулировать следующее юридически значимое определение животного мира.

Животный мир – это компонент природной среды, охраняемый природный объект, потребляемый и возобновляемый природный ресурс, представляющий собой совокупность всех диких животных (млекопитающие, птицы, пресмыкающиеся, земноводные, рыбы, насекомые и другие животные), постоянно либо временно в состоянии есте-

ственной свободы обитающих на территории Республики Беларусь, в отношении которых законодательством о животном мире установлен режим охраны и использования.

Не относятся к животному миру сельскохозяйственные животные, животные-компаньоны, животные, используемые в культурных мероприятиях, зоопарках, цирках, зверинцах, в спорте, служебные и лабораторные животные, изъятые (отловленные, добытые) из среды обитания либо разводимые в неволе или полувольных условиях дикие животные, их части и продукты их жизнедеятельности, дериваты, умершие и погибшие дикие животные. К ним может применяться законодательство по охране и воспроизводству животного мира.

Пункт 11. Правил ведения охоты и охотничьего хозяйства изложить в следующей редакции:

Незаконной охотой признается поиск, отслеживание и преследование с целью добычи (отлова) или добыча (отлов) диких зверей и птиц, обитающих в состоянии естественной свободы, без надлежащего на то разрешения, в запрещенных для этого местах, или в запретное время, либо запрещенными орудиями и способами.

Нахождение в охотничьих угодьях лиц с охотничьим оружием и другими орудиями охоты или добытой (отловленной) продукцией охоты, с охотничьими собаками, спущенными с поводка, а также нахождение на дорогах общего пользования лиц с расчехленным охотничьим оружием или добытой продукцией охоты приравнивается к охоте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русско-белорусский словарь : в 3 т. – 5-е изд., испр. – Минск : Беларус. Энцыкл., 1994. – Т. 2 : Л – П. – 784 с.

2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : тэксты, давед. камент. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Савец. Энцыкл., 1989. – 573 с.

3. Уголовный кодекс Респ. Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 (с изм. и доп.) // Нац. Интернет-портал Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.09.2018.

4. О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 5 января 2015 г., № 241-3 // Нац. Интернет-портал Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 22.09.2018.

5. О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности и природной среды [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 18 декабря 2003 г., № 13 (с изм. и доп.) // Нац. Интернет-портал Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.09.2018.

6. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 ноября 1992 г., № 1982-ХІІ (с изм. и доп.) // Нац. Интернет-портал Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.09.2018.

7. О животном мире [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2007 г., № 257-3 (с изм. и доп.) // Нац. Интернет-портал Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.09.2018.
8. О некоторых мерах по повышению эффективности ведения охотничьего хозяйства и рыбохозяйственной деятельности, совершенствованию государственного управления ими [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 8 декабря 2005 г., № 580 (с изм. и доп.) // Нац. Интернет-портал Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.01.2018.
9. Колбасов, О. С. Право собственности на животный мир / О. С. Колбасов // Развитие аграрно-правовых наук. – М. : Ин-т гос. и права АН СССР, 1980. – 174 с.
10. Петров, В. В. Экология и право / В. В. Петров. – М. : Юрид. лит., 1981. – 224 с.
11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/incident/273007-82/?frommail=1>. – Дата доступа: 30.09.2016.
12. Бринчук, М. М. Экологическое право : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / М. М. Бринчук. – М. : Юристъ, 2005. – 670 с.
13. Правовая охрана природы / под ред. В. В. Петрова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 312 с.
14. Боголюбов, С. А. Актуальные проблемы экологического права : учебник / С. А. Боголюбов. – М. : Юрайт, 2011. – 607 с.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ (с изм. и доп.) / КонсультантПлюс. – Режим доступа: www.consultant.ru. – Дата доступа: 15.09.2018.
16. Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 24 июля 2009 г., № 209-ФЗ / КонсультантПлюс. – Режим доступа: www.consultant.ru. – Дата доступа: 15.09.2018.
17. Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения [Электронный ресурс] : [заключена в г. Вашингтоне 3 марта 1973 г.] // Национальный Интернет-портал Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.09.2018.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2018

Zaychuk G.I. Issues of Qualification of Illegal Transportation of Wild Animals under the Criminal Law of the Republic of Belarus

The paper examines the issues of criminal-legal qualification of illegal hunting (article 282 of the criminal code) and illegal movement (transportation) or butchering of wild animals (article 282-1 of the criminal code). It is shown that the application of article 282 of the criminal code has a long tradition, and art. 282-1 of the criminal code, which was complemented by criminal codified law, has no historical tradition and counterparts in the countries of near and far abroad. Conducted comparative legal analysis of the Belarusian and Russian criminal legislation on responsibility for illegal hunting. Recommendations for changes and additions to the criminal code of the Republic of Belarus.

УДК [349.6:502.52](476)(043.3)

Е.В. Речиц

*канд. юрид. наук, доц. каф. гражданско-правовых дисциплин,
нач. отдела правовой и коммерческой работы
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: rechic-katya@rambler.ru*

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОХРАНЫ ВОДНО-БОЛОТНЫХ ТЕРРИТОРИЙ: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические и практические рекомендации, основанные на экосистемном подходе к правовому механизму охраны водно-болотных территорий, позволяют закрепить в праве природную сущность водно-болотных территорий как самостоятельных целостных экологических систем, которые находятся в постоянной связи с другими экологическими системами и окружающей средой в целом, рассматривать совокупность правовых норм, обеспечивающих охрану водно-болотных территорий, в качестве интегрированного правового института экологического права.

Введение

Существенное значение для обеспечения охраны водно-болотных территорий и экологической безопасности в их пределах имеет наличие закрепленных в законодательстве Республики Беларусь об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов и ином средств, способствующих достижению эффективного воздействия на общественные отношения, возникающие при охране водно-болотных территорий. Становится возможным для характеристики правовой охраны водно-болотных территорий применять понятие «механизм», указывающее на сложность его структуры, системность и согласованность организации элементов, способности к динамике, к определенной целенаправленной деятельности, подверженность самоуправлению либо внешнему управлению [1, с. 50].

Концептуальные подходы к рассмотрению правового механизма охраны водно-болотных территорий как самостоятельных целостных экологических систем формируются нами на основе современных представлений о категории экологического права Республики Беларусь «правовой механизм охраны окружающей среды», под которой понимается комплекс различных мер (средств), имеющих организационное, экономическое, идеологическое содержание, предусмотренных законодательством, и в совокупности направленных на достижение целей охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности и рационального использования природных ресурсов. При характеристике содержания правового механизма охраны водно-болотных территорий исходим из того, что он определяется через систему правовых отношений, возникающих при охране водно-болотных территорий, и правовых норм, направленных на охрану водно-болотных территорий.

При выявлении закономерных свойств правового механизма охраны водно-болотных территорий мы опираемся на научные изыскания М.М. Бринчука [2–4], В.Е. Лизгаро [1], Т.И. Макаровой [5; 6]. В соответствии с ними закономерным свойством правового механизма охраны водно-болотных территорий как составляющей правового механизма охраны окружающей среды признаем то, что он сконструирован для практического использования и направлен на достижение конкретной цели. Правовой механизм охраны водно-болотных территорий представляет собой комплексное юридическое средство достижения цели сохранения и восстановления водно-болотных территорий,

рационального (устойчивого) использования природных ресурсов водно-болотных территорий и их воспроизводство, предотвращение загрязнения, деградации, повреждения, истощения, разрушения, уничтожения и иного вредного воздействия на водно-болотные территории хозяйственной и иной деятельности и ликвидации ее последствий. Достижение конечной цели правового механизма охраны водно-болотных территорий осуществляется посредством освоения более конкретных и предметных целей, входящих в его состав правовых механизмов охраны компонентов природной среды и природных объектов, для каждого из которых характерна определенная специфика процессов саморазвития, саморегуляции и поддержания экологического равновесия.

Достижение цели правового механизма охраны водно-болотных территорий обуславливает необходимость комплексного решения множества однородных и неоднородных задач. В наиболее общем виде задачи правового механизма охраны водно-болотных территорий могут быть представлены в виде трех групп, которые выделяются в зависимости от уровня сложности объекта правового воздействия:

1) задачи, решение которых направлено на охрану и рациональное (устойчивое) использование компонентов природной среды и природных объектов, составляющих водно-болотные территории;

2) задачи, решение которых направлено на установление и (или) поддержание экологического рационального развития, равноправия и устойчивости взаимосвязанных внутри водно-болотных территорий компонентов природной среды и природных объектов;

3) задачи, решение которых направлено на обеспечение безопасного взаимодействия водно-болотных территорий с другими экологическими системами и окружающей средой в целом.

Применяемая в ходе исследования концепция базируется на сформулированной Людвигом фон Бергаланфи общей теории экологических систем [7], нашедшей логическое продолжение в идее о признании «целостности глобальной системы окружающей среды» и «комплексного и взаимозависимого характера Земли, нашего дома», которая была провозглашена Декларацией по окружающей среде и развитию, принятой Конференцией Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию 14 июня 1992 г. в г. Рио-де-Жанейро. Убеждены, что сущность правового механизма охраны водно-болотных территорий должна раскрываться посредством экосистемного подхода, который носит объективный характер, обусловленный функционированием живых и неживых элементов внутри водно-болотных территорий как самостоятельных целостных экологических систем, и определяется с учетом классификации водно-болотных территорий, общих системных характеристик, природы и видов их поведения, а также системы видения мира и системного мышления. В наиболее концентрированном смысле сущность экосистемного подхода как концептуальной основы правового механизма охраны водно-болотных территорий может быть сведена к следующим фундаментальным идеям.

Идея первая. Человек и осуществляемая им деятельность неотъемлемо связаны с водно-болотными территориями. Деградация и уничтожение водно-болотных угодий выступают одной из наиважнейших причин вступления планеты в фазу глубокого экологического кризиса. В связи с этим сущность правового механизма охраны водно-болотных угодий следует рассматривать с точки зрения потребностей охраны среды жизнедеятельности человека и общества.

Идея вторая. Охрана водно-болотных территорий осуществляется как вклад в достижение устойчивого развития во всем мире. Правовой механизм охраны водно-болотных территорий должен гармонично вписываться в концепцию устойчивого развития и с содержательной стороны быть достаточным для того, чтобы использование природных ресурсов водно-болотных территорий приносило постоянно максимальную пользу и в то же время позволяло сохранять их природно-ресурсный потенциал для удовлетворения потребностей и стремлений будущих поколений.

Идея третья. Компонент воды является определяющим условием существования дикорастущих растений и диких животных и выполняет системообразующую функцию. Поскольку ключевой подход правового механизма охраны водно-болотных территорий состоит в поддержании качественных и количественных характеристик гидрологических режимов, от которых они зависят, то правовой механизм охраны компонента воды как составляющая правового механизма охраны водно-болотных территорий должен иметь приоритетное значение в системе правовых механизмов охраны компонентов природной среды и природных объектов, входящих в состав водно-болотных территорий.

Идея четвертая. Минимально допустимый уровень управления водно-болотными территориями соответствует водосборному бассейну. Система органов управления в области охраны водно-болотных территорий, состоящая из государственных органов, полномочия между которыми распределены исключительно по критерию административно-территориального деления государства, заведомо не может провозглашаться эффективной. Юридически значимые решения, касающиеся охраны водно-болотных территорий, должны приниматься системой организаций, учреждений, органов, наделенных межотраслевой компетенцией.

Идея пятая. Успешность охраны водно-болотных территорий зависит от полноты сформированного на нормативном правовом уровне комплекса мер охраны водно-болотных территорий, а также от действительности его осуществления на практике. Комплекс мер, входящих в правовой механизм охраны водно-болотных территорий, предполагает включение в него правовых мер двух уровней, первый из которых будет направлен на интегрированное обеспечение охраны водно-болотных территорий как природных комплексов, а в их составе – отдельных компонентов природной среды и природных объектов; второй – на охрану компонента воды как системообразующего фактора существования водно-болотных территорий. По своей сути правовой механизм охраны водно-болотных территорий ни в коем случае не может сводиться к механической сумме содержательных аспектов автономных правовых механизмов охраны компонентов природной среды и природных объектов, составляющих водно-болотные территории.

Идея шестая. Приоритетным направлением охраны водно-болотных территорий признается их сохранение. Правовые меры охраны водно-болотных территорий, предполагающие превентивный и адаптивный подход к управлению водно-болотными территориями, в целом имеют больше преимуществ в плане сохранения водно-болотных территорий и особенно выгодны в новых или изменяющихся политических, социально-экономических, культурных, экологических условиях. Кроме того, комплекс мероприятий по восстановлению водно-болотных территорий или их экосистемных услуг является более длительным и затратным, чем комплекс мероприятий, направленных на предупреждение деградации водно-болотных территорий.

Идея седьмая. Достижение цели охраны водно-болотных территорий возможно лишь путем реализации согласованной политики на национальном, региональном

и международном уровнях. Охрана водно-болотных территорий требует соблюдения принципа комплексности природоохранной политики в данной сфере с тем, чтобы обеспечить возможность осуществления соответствующих действий внутри страны, а также создать правовой механизм для международного и трансграничного сотрудничества в этом направлении.

На основании изложенных представлений о цели, концептуальных подходах к установлению сущности правового механизма охраны водно-болотных территорий, считаем возможным определить содержание правового механизма охраны водно-болотных территорий. В рамках освещения концептуальных основ правового механизма охраны водно-болотных территорий были заявлены несколько важных критериев, позволяющих установить содержание правового механизма охраны водно-болотных территорий: в содержание следует включать не отдельные правовые меры и требования в области охраны водно-болотных территорий, а целый комплекс таких элементов, который будет достаточен для достижения цели правового механизма охраны водно-болотных территорий; правовые меры и требования в области охраны водно-болотных территорий должны быть взаимосвязаны, упорядочены и согласованы; предлагаемая система элементов правового механизма охраны водно-болотных территорий предполагает их деление на два уровня в зависимости от решаемых с их помощью задач правового механизма охраны водно-болотных территорий; объединение правовых мер и требований в области охраны водно-болотных территорий в систему обусловлено необходимостью достижения общей цели правового механизма охраны водно-болотных территорий; выполнение правовых мер и требований в области охраны водно-болотных территорий и получение ожидаемых результатов от их выполнения требует создания соответствующей институциональной модели межотраслевого характера.

Следовательно, применение экосистемного подхода к охране водно-болотных территорий обуславливает выделение в содержании правового механизма охраны водно-болотных территорий двух подсистем предусмотренных нормами экологического права Республики Беларусь «охрана водно-болотных территорий» или в соответствии с ними мер и требований, осуществляемых в порядке реализации этих правовых норм.

1. Правовой механизм охраны водно-болотных территорий включает комплекс общих эколого-правовых мер и требований, предназначенных для интегрированного обеспечения правовой охраны водно-болотных территорий как природных комплексов, а в их составе – отдельных компонентов природной среды и природных объектов и закрепленных в законодательстве Республики Беларусь об охране окружающей среды. К основным общим мерам охраны водно-болотных территорий относятся: планирование в области охраны окружающей среды и природопользования, нормирование и стандартизация в области охраны окружающей среды, лицензирование в области охраны окружающей среды, экологический мониторинг, учет в области окружающей среды и использования природных ресурсов, оценка воздействия на окружающую среду, экологическая экспертиза, экологическая сертификация, контроль в области охраны окружающей среды и природопользования, экологический аудит, стратегическая экологическая оценка, экологическое маркирование продукции, экологическое страхование, экологическая сертификация, экологическое налогообложение, проведение экономической оценки природных объектов, компенсационные выплаты за вредное воздействие на окружающую среду, экономические меры регулирования воздействия на климат, меры экономического стимулирования, экологическое образование, воспитание и просвеще-

ние, информирование общественности, а также ее участие в принятии экологически значимых решений [6; 8, с. 52–102, 190–194].

2. Правовой механизм охраны водно-болотных территорий включает комплекс специальных правовых мер и требований, предназначенных для дифференцированного обеспечения охраны компонента воды как системообразующего фактора существования водно-болотных территорий и предлагаемых к закреплению в законодательстве Республики Беларусь об охране и использовании вод. К специальным правовым мерам охраны водно-болотных территорий следует причислить такие меры, как планирование в области охраны водно-болотных территорий, нормирование в области охраны водно-болотных территорий, мониторинг водно-болотных территорий, учет водно-болотных территорий, экономическая оценка водно-болотных территорий, оценка вредного воздействия на водно-болотные территории и прилегающие к ним природные территории хозяйственной или иной деятельности, экспертиза в области охраны водно-болотных территорий, контроль в области охраны водно-болотных территорий, аудит в области охраны водно-болотных территорий, сертификация в области охраны водно-болотных территорий, информирование, образование, воспитание и просвещение по вопросам охраны водно-болотных территорий и др.

Заклучение

При формулировании понятия «правовой механизм охраны водно-болотных территорий» как правового ресурса, с помощью которого обеспечивается результативность института экологического права Республики Беларусь «охрана водно-болотных территорий», считаем важным в его определении обозначить цели и задачи правового механизма охраны водно-болотных территорий и отразить сущность экосистемного подхода как концептуальной основы правового механизма охраны водно-болотных территорий. Таким образом, правовой механизм охраны водно-болотных территорий – это согласованная система предусмотренных нормами экологического права «охрана водно-болотных территорий» или в соответствии с ними имеющих организационное, экономическое, идеологическое содержание мер и требований, осуществляемых в порядке реализации этих норм, предназначенных для интегрированного обеспечения правовой охраны водно-болотных территорий как природных комплексов, а в их составе – отдельных компонентов природной среды и природных объектов, а также дифференцированного обеспечения охраны компонента воды как системообразующего фактора существования водно-болотных территорий.

Теоретическое и практическое значение применения экосистемного подхода к охране водно-болотных территорий видится в качественном сочетании в правовом механизме охраны водно-болотных территорий интегрированного подхода к охране водно-болотных территорий как природных комплексов, а в их составе – отдельных компонентов природной среды и природных объектов, а также дифференцированного подхода к охране компонента воды, определяющего условия существования дикорастущих растений и диких животных и выполняющего функцию системообразующего фактора водно-болотных территорий. Представляется, что в целях повышения эффективности правового механизма охраны водно-болотных территорий в системе правовых мер их охраны приоритет необходимо отдавать именно мерам, направленным на предотвращение или ликвидацию загрязнения, засорения вод, а также на их сохранение и восстановление.

Экосистемному подходу к охране водно-болотных территорий следует придать принципиальное значение путем закрепления в числе предусмотренных ст. 3 Водного кодекса Республики Беларусь от 30 апреля 2014 г. № 149-З (с изм. и доп.) основных принципов охраны и использования вод как идейной основы для систематизации специальных правовых мер охраны водно-болотных территорий. Включить специальные правовые меры охраны водно-болотных территорий в правовой механизм охраны вод возможно путем указания водно-болотных территорий в перечне объектов общественных отношений в области охраны и использования вод. В связи с этим в ст. 4 названного кодекса необходимо предусмотреть норму, в силу которой объектами отношений в области охраны и использования вод будут признаваться воды, водные объекты (их части), водно-болотные территории, право водопользования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лизгаро, В. Е. Особенности эколого-правового механизма на современном этапе / В. Е. Лизгаро // Информационно-правовая поддержка охраны окружающей среды и устойчивого развития / редкол.: С. А. Балашенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 2014. – С. 50–52.
2. Бринчук, М. М. Правовой механизм сохранения (восстановления) экологических систем / М. М. Бринчук // Экол. право. – 2008. – № 2. – С. 2–9.
3. Бринчук, М. М. Эколого-правовой механизм: понятие и сущность / М. М. Бринчук // Экол. право. – 2013. – № 3. – С. 12–19.
4. Бринчук, М. М. Системный подход к устойчивому развитию мирового сообщества / М. М. Бринчук // Астрахан. вестн. экол. образования. – 2015. – № 2. – С. 5–14.
5. Макарова, Т. И. К вопросу о правовом механизме охраны окружающей среды / Т. И. Макарова // Сучасні науково-практичні проблеми екологічного, земельного та аграрного права : матеріали круглого столу, Харків, 6 груд. 2013 р. / за заг. ред. А. П. Гетьмана. – Харків, 2013. – С. 39–42.
6. Макарова, Т. И. Экономический механизм охраны окружающей среды в доктрине экологического права / Т. И. Макарова // Сучасні тенденції та перспективи розвитку аграрного, земельного та екологічного права : матеріали Всеукр. наук.-практ. конф., присвяч. 90-річчю народження академіка В. З. Янчука, Київ, 23–25 травня 2015 р. / НУБіП України ; за ред. В. М. Еромленка. – Київ, 2015. – С. 54–58.
7. Бергаланфи, Л. Общая теория систем – критический обзор / Л. Бергаланфи // Исследования по общей теории систем / под общ. ред. В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина. – М. : Прогресс, 1969. – С. 23–82.
8. Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности / Т. И. Макарова [и др.] ; под науч. ред. Т. И. Макаровой. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 2016. – 190 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2018

Rechts E.V. The Essence and Content of the Legal Mechanism for Protection of Wetlands

Based on the proposed ecosystem approach, the conclusion about the unification and differentiation in the legal mechanism for protection of wetlands of all categories of general environmental and special legal measures is substantiated. The aim of general environmental and legal measures is to ensure integrated protection of wetlands as natural complexes, and its constituents – the individual components of the nature and natural objects. Special legal measures ensure the priority protection of the water component as a system-forming factor in the existence of wetlands.

УДК 376.1.018-056.3

И.Е. Валитова

канд. психол. наук, доц., проф. каф. психологии развития
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: irvalitova@yandex.ru

**ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЬИ,
ВОСПИТЫВАЮЩЕЙ РЕБЕНКА
С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

Обоснована модель деятельности специалистов психологического профиля по оказанию помощи семье, воспитывающей ребенка с особенностями психофизического развития. Предлагается рассмотреть модель поддержки семьи как форму, наиболее адекватную для реализации идей гуманизма, сотрудничества, диалогичности взаимодействия профессионалов и родителей. В модели выделяются методологический, целевой и содержательный блоки. Содержательный блок 1 описывает обобщенные характеристики деятельности по психолого-педагогической поддержке семьи, содержательный блок 2 – варианты организации деятельности по психолого-педагогической поддержке семьи в условиях разных видов учреждений и форм оказания помощи детям с особенностями психофизического развития. Описаны виды деятельности психолога с описанием специфичных для них целей и задач, форм и методов реализации.

Введение

В настоящее время в системе работы с детьми с особенностями психофизического развития все большую значимость приобретает работа с их родителями. Общеизвестными становятся идеи о необходимости оказания помощи не только ребенку, но и его родителям, а также семье как целостной единице. Оказание квалифицированной помощи такой семье имеет большую социальную значимость, поскольку обеспечивает более продуктивную жизнедеятельность не только особого ребенка, но и его ближайшего окружения. В клинической, психологической и педагогической литературе появляется все больше работ, в которых рассматриваются особенности переживания родителями кризиса рождения особого ребенка, различные аспекты семейных отношений, родительской позиции, реабилитационной компетентности родителей. Обоснованы и разработаны различные программы оказания помощи семье, воспитывающей особого ребенка. Однако анализ существующей практики и ее научно-методического обеспечения свидетельствует об определенной односторонности оказания помощи таким семьям. В частности, рассматриваются различные аспекты оказания психологической помощи, педагогической поддержки, сопровождения семьи, а также определяются содержание и методы работы с семьями в конкретных условиях учреждений разной подчиненности.

В современных условиях актуализируется проблема подготовки специалистов для работы с семьей, воспитывающей ребенка с особенностями психофизического развития. Учитывая неопределенность будущей профессиональной деятельности студентов, важной задачей становится формирование у них обобщенных компетенций, обладая которыми специалист сможет работать с семьей в самых разных условиях.

В семье, воспитывающей особого ребенка, происходят сложные процессы адаптации к появлению такого ребенка, переживания кризиса родительской идентичности, обеспечения воспитательной деятельности, организация лечения и реабилитации ребенка, построения внутрисемейных отношений в сложившихся условиях. В свою очередь, это делает понятной многоаспектность и многовекторность работы с семьей. Комплексность работы с семьей как в аспекте сложности самой семьи и происходящих в ней

процессов, так и в аспекте дифференциации деятельности специалистов в разных условиях еще не нашла отражения в теории и практике.

Цель статьи – обоснование и построение модели психолого-педагогической поддержки семьи, воспитывающей ребенка с особенностями психофизического развития.

Модель (от лат. *modulus* – ‘мера, образец, норма’) определяется как упрощенный объект, сохраняющий лишь важнейшие свойства настоящего существующего объекта или системы и предназначенный для их изучения; упрощенное представление действительного объекта и/или протекающих в нем процессов. Любая модель – это отражение реальности, в большей или меньшей степени соответствующее этой реальности. Модель может также быть средством отображения идеальной реальности, при том что сама реальность получает перспективу улучшения, которая задается ее идеальным состоянием. Моделью в самом широком смысле является любой мысленный или знаковый образ, аналог моделируемого объекта (оригинала), в том числе специально создаваемый или специально подбираемый объект, воспроизводящий характеристики изучаемого объекта, используемый в качестве его заместителя [1].

В клинической и специальной психологии, в коррекционной педагогике используются различные понятия, описывающие деятельность специалистов, направленную на детей с особенностями психофизического развития и их семьям. Данные понятия относятся к одному семантическому кругу и обозначают сходные по значению и содержанию виды профессиональной деятельности. Содержание деятельности специалистов, обозначаемой данными терминами, во многом сходно, и имеются лишь акценты в преимущественной направленности, в целевом компоненте, в распределении психологического и педагогического компонентов содержания: психологическое сопровождение, психологическая помощь, педагогическая поддержка, (ре)абилитация, психолого-педагогическая коррекция и др.

«Сопровождать» в Толковом словаре современного русского языка [2] обозначает «следовать вместе с кем-нибудь, находясь рядом, ведя куда-нибудь, или идя за кем-нибудь, идти, ехать вместе с кем-либо в качестве спутника или провожатого». Сопровождать ребенка в его развитии означает идти рядом с ним, содействовать развитию, устранять препятствия на этом пути. Психологическое сопровождение детей с особенностями психофизического развития – целостная деятельность психолога, направленная на создание системы клиничко-психологических, психолого-педагогических и психотерапевтических условий, способствующих успешной адаптации, реабилитации и личностному росту детей в социуме. Конечной целью психологического сопровождения является создание условий для успешного психического и личностного развития ребенка в данной ему социальной ситуации развития.

Психологическое сопровождение может рассматриваться и как составная часть комплексного процесса реабилитации ребенка с ОПФР. В буквальном переводе термин «реабилитация» обозначает «восстановление (возврат) способностей», но более точным термином применительно к практике работы с детьми является термин «абилитация» – приобретение ребенком отсутствующих у него способностей в процессе его роста и развития, а также в специально организованных условиях [3]. Абилитация и реабилитация, или (ре)абилитация, – это термины, которые чаще используются в медицинской практике, поэтому данные виды профессиональной деятельности в обязательном порядке включают клинические методы и методики работы с детьми. В процессе реабилитации участвуют специалисты разного профиля, а также решаются комплексные за-

дачи восстановления различных функций – от двигательных до личностных и социальных. Конечной (идеальной) целью (ре)абилитации является полное восстановление функциональных и социальных возможностей человека, обеспечение его самостоятельного полноценного функционирования в обществе.

Термин «помощь» в Толковом словаре современного русского языка определяется как «содействие кому-нибудь в чем-нибудь, участие в чем-нибудь, приносящее облегчение кому-нибудь» [2]. Психологическая помощь семье понимается как составная часть психологического сопровождения, являясь важным направлением и задачей в системе медико-социального и психолого-педагогического сопровождения детей с особенностями психофизического развития. Решению проблемы дифференциальной и адресной помощи особому ребенку способствует оптимизация внутрисемейной атмосферы посредством ее трансформации в коррекционную, гармонизация межличностных, супружеских, детско-родительских отношений (И.Ю. Левченко, В.В. Ткачева [4]).

Термин «поддержка» в Толковом словаре современного русского языка [2] определяется в значении «служить опорой для чего-нибудь, оказывать помощь, содействие; выступить в защиту кого-нибудь или чего-нибудь; не дать прекратиться или нарушиться». Понятие поддержки используется преимущественно в педагогике. Под педагогической поддержкой О.С. Газман [5] понимал превентивную и оперативную помощь детям в решении их индивидуальных проблем, связанных с физическим и психическим здоровьем, социальным и экономическим положением, успешным продвижением в обучении, в принятии школьных правил; с эффективной деловой и межличностной коммуникацией; с жизненным, профессиональным, этическим выбором (самоопределением).

Педагогика поддержки рассматривается как реальная понимающая педагогика, которая в отличие от педагогики воздействия может эффективно решать задачи изменения личностных качеств ребенка и взрослого, поскольку они оба гибко меняют свое поведение и сообща строят пространство сотрудничества. Условиями обеспечения педагогической поддержки являются: согласие ребенка на помощь и поддержку; опора на наличные силы и потенциальные возможности личности и вера в них; ориентация на способность ребенка самостоятельно преодолевать препятствия; совместность, сотрудничество, содействие; конфиденциальность (анонимность); доброжелательность и безоценочность; безопасность, защита здоровья, прав, человеческого достоинства; реализация принципа «не навреди»; рефлексивно-аналитический подход к процессу и результату.

Нормы педагогической поддержки заложены и в сфере деятельности специалистов с семьей, воспитывающей ребенка с особенностями психофизического развития, поэтому в профессиональной позиции психолога и педагога должны быть заложены следующие нормы поддержки: а) безусловное принятие ребенка и его семьи, душевная теплота, отзывчивость, умение видеть и слышать, сопереживать, милосердие, терпимость и терпение, умение прощать; б) приверженность специалистов к диалоговым формам общения с детьми взрослыми, умение слушать, слышать и услышать; в) уважение достоинства и доверие, вера в миссию каждого ребенка и каждой семьи, понимание их специфических интересов, ожиданий и устремлений; г) ожидание успеха в решении проблем ребенка с ОПФР и его семьи, готовность оказать содействие и прямую помощь при решении проблемы, отказ от субъективных оценок и выводов; д) признание права семьи на свободу выбора, самовыражения и воли; е) поощрение и одобрение самостоятельности, независимости и уверенности в сильных сторонах, стимулирование самоанализа; признание равноправия семьи и профессионалов в диалоге и решении собственной проблемы; ж) умение, готовность и способность быть на стороне семьи,

выступая в качестве защитника и адвоката, готовность ничего не требовать взамен; 3) собственный самоанализ, постоянный самоконтроль и способность изменить позицию и оценку/самооценку.

Независимо от названия поддержка семьи и родителей осуществляется в соответствии со специально составленной программой. При составлении программы работы с родителями необходимо ориентироваться на три группы целей: информационная поддержка; обучение методике работы с ребенком; психологическая помощь. Главным результатом реализации программы работы с родителями становится формирование у родителей ребенка с особенностями психофизического развития целостной позиции по отношению к ребенку, которая включает компетентность родителя как воспитателя своего ребенка и как «параспециалиста» в отношении имеющихся у ребенка проблем. Это означает, что родитель становится способным не только реализовывать цели воспитания и создания условий для обеспечения развития своего ребенка в семье, но и грамотно осуществлять уход за особым ребенком, выполнять медицинские процедуры, организовывать и проводить занятия по лечебной физкультуре, коррекционно-развивающие занятия и т.п.

Психолого-педагогическая коррекция понимается И.Ю. Левченко и В.В. Ткачевой [4] и О.В. Красновой [6] широко, так как авторы включают в ее содержание и ряд целей и задач работы по психологической помощи семье. Психолого-педагогическая коррекция направлена на достижение целей, которые реализуются на занятиях психолога с ребенком и родителями (чаще матерью): создание оптимальных условий для гармоничного развития ребенка с отклонениями в развитии в семье; переструктурирование иерархии жизненных ценностей родителей ребенка с отклонениями в развитии, оптимизация их самосознания; гармонизация психологического климата в семье; коррекция межличностных взаимоотношений в семье (детско-родительских, супружеских, детско-родительских, сиблинговых); формирование психолого-педагогических знаний и умений, повышение воспитательской компетентности родителей (лиц, их замещающих).

В работе по психолого-педагогической поддержке семьи роль самих родителей рассматривается как особенно значимая [4; 7; 8]. Родители – наиболее важное звено в лечебно-педагогических мероприятиях с ребенком с ОПФР, и залогом эффективности коррекционно-развивающего воздействия рассматривается тесное взаимодействие специалистов с родителями и всем окружением ребенка. В сотрудничестве с родителями возможна такая организация среды (быта, воспитания), которая могла бы максимальным образом стимулировать развитие ребенка, сглаживать негативное влияние заболевания на его психическое состояние. Роль семьи состоит в организации продолжения реабилитационного процесса в домашних условиях, закрепления у ребенка тех навыков, которых добились в процессе коррекционной работы с ним инструктор ЛФК, логопед, дефектолог. В качестве условия называется наличие у матери и других членов семьи стремления овладеть теми знаниями и простейшими навыками коррекционно-развивающей работы, которые помогут их ребенку добиться максимальных успехов в своем развитии.

Среди терминов, наиболее полно отражающих деятельность специалистов, направленную на семью, воспитывающую ребенка с особенностями психофизического развития, мы выбираем термин «психолого-педагогическая поддержка», который в наибольшей степени адекватен целям и содержанию этой деятельности.

1. Понятие поддержки охватывает широкий круг аспектов, в том числе обозначаемых понятиями помощи и сопровождения: участие, содействие, опора, защита, и др.

2. Концепция поддержки реализует гуманистический и диалогический подходы к взаимодействию специалистов и родителей, которое осуществляется в пространстве их сотрудничества; концепция поддержки признает право семьи на свободу выбора и самовыражения, то есть она ориентирована на потребности семьи и ребенка и основана на понимании их специфических интересов, ожиданий и устремлений, ориентации на позитивные стороны и возможности семьи и ребенка, на достижение успеха без концентрации внимания на недостаточности ребенка.

3. Поддержка семьи особого ребенка имеет ярко выраженную двойственную направленность: на ребенка как предмет воспитания и обучения (педагогическая направленность) и на родителей как воспитателей ребенка и субъектов переживания кризисной жизненной ситуации; поэтому поддержка семьи должна иметь психолого-педагогическое содержание.

В теории и практике психолого-педагогической поддержки семьи накоплены разнообразные научные и практические данные, использование которых призвано обеспечить эффективную работу с семьей. Обобщение имеющихся подходов, концепций и методов позволило нам разработать модель деятельности специалистов по психолого-педагогической поддержке семьи, воспитывающей ребенка с особенностями психофизического развития. Предлагаемая нами модель психолого-педагогической поддержки семьи (рисунок) состоит из нескольких блоков.

Методологический блок включает методологические и теоретические подходы и концепции, на базе которых она построена. Используемые при построении модели подходы и концепции разноплановы, и может даже сложиться представление об их несовместимости в рамках одной модели. Однако разноплановость методологических оснований отражает реально существующую разноплановость объекта моделирования – деятельности специалистов по психолого-педагогической поддержке семьи, которая обусловлена разноплановостью семьи, воспитывающей ребенка с нарушениями развития, и происходящих в ней социально-психологических, клинико-психологических и педагогических процессов.

Биопсихосоциальный подход к расстройствам и нарушениям в клинической психологии определяет этиологию и терапию психических расстройств, которые обусловлены рядом причин и факторов биологического, психологического и социального характера, поэтому их терапия также требует междисциплинарного подхода [7].

Культурно-историческая теория развития ребенка на первый план выдвигает идею о социальной обусловленности психического развития ребенка, которое понимается как форма присвоения ребенком социально-исторического опыта [10]. Для каждого ребенка в каждом возрастном периоде складывается определенная социальная ситуация развития, которая характеризует его место в системе общественных отношений. Социальная ситуация развития реализуется через взаимодействие ребенка со взрослым, происходящее в первую очередь в условиях семьи. Семья выступает как составляющая социальной среды ребенка, которая рассматривается как источник психофизического развития ребенка. Семья выступает также и как основной институт социализации. Условия семейного воспитания для ребенка – важнейший фактор его нормального роста и развития. Семья является наиболее значимой частью мира ребенка. Поэтому она рассматривается как первичный и уникальный институт социализации, играющий ключевую роль в формировании направленности и личностных черт, социального поведения, в передаче ценностей и норм, свойственных данной культуре.

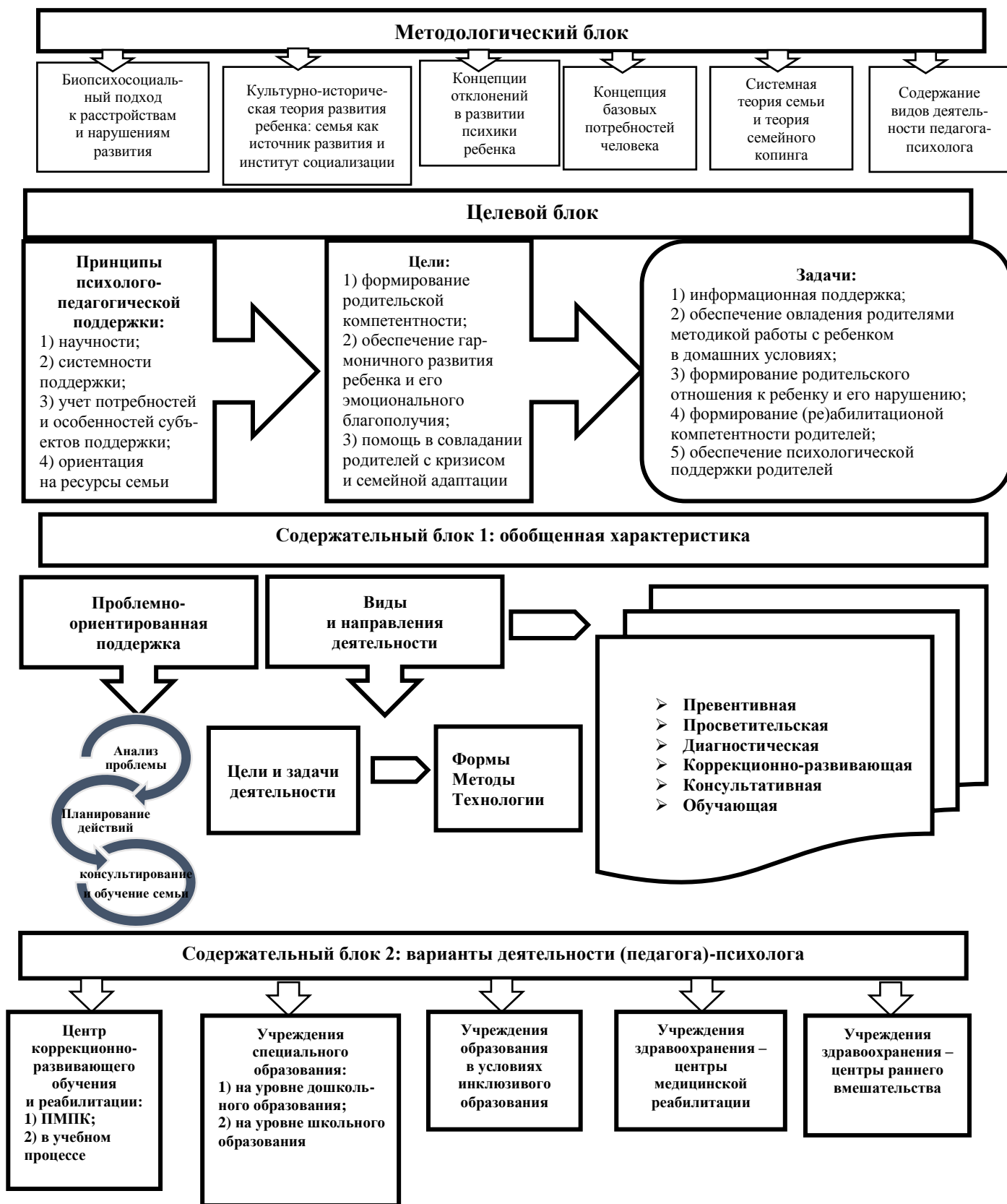

Рисунок. – Модель психолого-педагогической поддержки семьи

Концепции отклонений в развитии психики ребенка определяют закономерности психического развития при нормативном и отклоняющемся развитии ребенка с ОПФР: положение о системности строения психики человека, в силу которой нарушение одного из звеньев изменяет функционирование психики в целом; выделение уровней актуального и ближайшего развития ребенка и определение зоны ближайшего развития; утверждение об идентичности факторов, обуславливающих нормальное и аномальное (отклоняющееся) развитие; определение структуры дефекта, выделение первичного, вторичного и третичного дефектов, что является основой построения коррекционно-развивающей работы с ребенком.

Идеи о структуре и компенсации дефекта, озвученные впервые Л.С. Выготским [11] и развитые далее в работах В.В. Лебединского [12], являются ключом к качественной и квалифицированной психолого-педагогической поддержке детей с ОПФР: компенсация рассматривается как естественный либо специально организованный процесс возмещения нарушенных функций путем их перестройки или использования сохранных.

Психическое развитие в условиях дизонтогенеза требует создания специальной коррекционно-развивающей среды, в том числе в условиях семьи, под которой понимается специально созданные внутрисемейные условия и которые обеспечивают оптимальное психофизическое развитие ребенка с ОПФР.

Концепция базовых потребностей человека (в основе – идеи А. Маслоу [13]). Эмоциональное благополучие человека является результатом удовлетворения его базовых психологических потребностей, к которым у детей с нарушениями развития относятся: потребность в оптимальном режиме дня; потребность в соразмерности физических нагрузок; потребность в свободном (безбарьерном) перемещении; потребность в непредвзятом, безоценочном отношении и уважении со стороны сверстников и педагогов; потребность в гармоничном и продуктивном взаимодействии со сверстниками и педагогами; возрастные потребности.

К потребностям родителей детей с ОПФР относятся: потребность в сохранении и поддержании физического здоровья их ребенка; потребность в свободном (безбарьерном) перемещении их ребенка; потребность в непредвзятом, безоценочном отношении и уважении их ребенка со стороны сверстников и педагогов; потребность в организации условий для социализации их ребенка; потребность в обеспечении их ребенка качественным и востребованным на рынке труда образованием; потребность в личностном самоуважении и уважении другими через реализацию успешного родительства.

Системная теория семьи. Семья рассматривается как целостная система, реализующая совокупность функций, обеспечивающих полное удовлетворение потребностей членов семьи, характеризующаяся внешними и внутренними границами и иерархической ролевой структурой отношений.

Изменения, затрагивающие семью в целом, оказывают влияние на каждый отдельный элемент семейной системы, а изменения каждого элемента семейной системы оказывают влияние на всю семью в целом [14].

Теория управления семейным стрессом: семейный стресс определяется как макрособытие, нарушающее гомеостаз семьи [15].

Появление ребенка с особенностями психофизического развития сопровождается не только естественными, «нормативными» трудностями, но и рядом серьезных негативных жизненных изменений.

Семейная копинг-компетентность определяется как относительная вероятность адекватного реагирования членов семьи на стрессовые события.

Содержание видов деятельности педагога-психолога определяется нами в соответствии с установленными нормативными требованиями [16].

Целевой блок содержит описание принципов, общих целей и задач психолого-педагогической поддержки семьи.

Содержательный блок 1 описывает обобщенные характеристики деятельности по психолого-педагогической поддержке семьи, воспитывающей ребенка с ОПФР: 1) виды и направления деятельности, включающие цели и задачи каждого вида деятельности и вытекающие из них формы и методы работы; 2) проблемно ориентированная поддержка семьи (таблица 1).

Таблица 1. – Виды деятельности по психолого-педагогической поддержке семьи, воспитывающей ребенка с особенностями психофизического развития

Диагностическая деятельность		
На кого направлена деятельность	Цели и задачи	Формы и методы
1) ребенок; 2) система отношений в семье; 3) внесемейное окружение	Цель психологического изучения семьи – выявление причин, препятствующих гармоничному развитию ребенка с ОПФР и нарушающих гармоничную внутрисемейную жизнедеятельность. Задачи: 1) выявление особенностей детско-родительских отношений; 2) выявление особенностей отношений в sibлинговой подсистеме; 3) выявление проблем семейного функционирования; 4) оценка возможностей (ресурсов) семьи; 5) оценка воспитательной и реабилитационной компетентности родителей.	1) наблюдение; 2) беседа; 3) опросники; 4) анкетирование; 5) проективные методы
Просветительская и превентивная деятельность		
1) родители; 2) внесемейное окружение	Формирование у родителей психолого-педагогической культуры: 1) информирование родителей о заболевании их ребенка, о способах его лечения и реабилитации, о реабилитационных и образовательных учреждениях; 2) информирование родителей об особенностях психофизического развития детей; 3) информирование родителей о возможных образовательных маршрутах их детей; 4) информирование родителей об особенностях обучения и воспитания детей; 5) профилактика эмоционального неблагополучия ребенка в семье; 6) предупреждение дискриминации детей с ОПФР в семье и вне семьи.	1) лекции, беседы, семинары, дискуссии, практикумы; 2) информационные буклеты, памятки; 3) индивидуальные консультации и беседы; 4) родительские собрания; 5) родительские группы; 6) родительские клубы.

Окончание

Коррекционно-развивающая и обучающая деятельность		
1) ребенок; 2) родители.	1) формирование успешного родительства; 2) формирование (ре)абилитационной компетентности родителей; 3) обучение методике работы с ребенком в домашних условиях; 4) обучение родителей способам оптимального взаимодействия с ребенком с ОПФР с учетом его нарушенных и сохранных возможностей.	1) семинары; 2) семинары-практикумы; 3) метод игрового моделирования; 4) психологические игры и упражнения; 5) психологический тренинг; 6) наблюдение и конспектирование родителем занятий специалистов; 7) домашние задания родителю; 8) эссе и сочинения родителей.
Консультативная деятельность		
родители	1) индивидуальное развитие ребенка с ОПФР, прогнозирование; 2) лично ориентированное консультирование родителей; 3) проблемно ориентированное консультирование; 4) профориентационное консультирование.	1) индивидуальное консультирование; 2) консультативная беседа.

Модель с необходимостью должна быть конкретизирована к работе в разных условиях, поэтому в ней выделен блок вариативного содержания деятельности педагога-психолога.

Содержательный блок 2 описывает варианты организации деятельности по психолого-педагогической поддержке семьи в условиях разных видов учреждений и форм оказания помощи детям с ОПФР.

В модели определены специфические задачи деятельности в рамках данных вариантов (таблица 2).

Таблица 2. – Задачи деятельности специалистов в условиях разных видов учреждений и форм оказания помощи детям с ОПФР

Учреждений и формы оказания помощи детям с ОПФР	Задачи деятельности специалистов
Центр коррекционно-развивающего обучения и реабилитации – медико-психолого-педагогическая комиссия	Разъяснение диагноза ребенка, поддержка в принятии диагноза, определение образовательного маршрута ребенка
Центр коррекционно-развивающего обучения и реабилитации: образовательный и реабилитационный процесс	Формирование родительской компетентности, психологическая поддержка родителей детей с тяжелыми нарушениями развития
Учреждения специального образования: 1) на уровне дошкольного образования; 2) на уровне школьного образования	Формирование родительской компетентности, психологическая поддержка родителей

Окончание

Учреждения образования в условиях инклюзии: 1) на уровне дошкольного образования; 2) на уровне школьного образования	Психологическое обеспечение внедрения инклюзивного образования: работа с педагогическим коллективом, родителями, обучающимися. Консультирование родителей детей с ОПФР по вопросам индивидуального развития ребенка и адаптации в учреждении образования. Консультации по запросам родителей (проблемы обучения ребенка, взаимодействие с педагогами).
Учреждения здравоохранения – центры медицинской реабилитации	Формирование реабилитационной компетентности родителей. Психологическая поддержка родителей.
Учреждения здравоохранения – центры раннего вмешательства.	Обеспечение реализации семейно ориентированной модели раннего вмешательства.

Предлагаемая нами модель психолого-педагогической поддержки семьи охватывает в максимально возможном объеме систему элементов и аспектов объективной реальности поддержки семьи, поэтому в ней представлена обобщенная характеристика деятельности психолога. Эта модель может использоваться как схема (маршрут) построения деятельности специалистов по психолого-педагогической поддержке семьи, имеющей ребенка с особенностями психофизического развития.

Заключение

Научная новизна представленного в статье исследования заключается в том, что на основе систематизации теоретических исследований и практического опыта была обоснована модель психолого-педагогической поддержки семьи, воспитывающей ребенка с особенностями психофизического развития. Реализация комплексного подхода к осуществлению психолого-педагогической поддержки семьи, воспитывающей ребенка с особенностями психофизического развития, позволяет решать проблемы адресной помощи и самому ребенку с ОПФР посредством улучшения внутрисемейной атмосферы, улучшения эмоционального состояния родителей, гармонизацию межличностных, супружеских, детско-родительских отношений. Использование данной модели позволит оптимизировать практическую деятельность специалистов, а также обеспечить формирование обобщенных компетенций у студентов, позволяющих работать с такими типами семей при вступлении их в профессиональную деятельность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://terme.ru/termin/model.html>. – Дата доступа: 19.09.2018.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://enc.biblioclub.ru/encyclopedia/-241944_Tolkovyy_slovar_sovremennogo_russkogo_yazyka/. – Дата доступа: 19.09.2018.
3. Стандартные требования к организации деятельности службы раннего вмешательства / О. Ж. Аксенова [и др.]. – СПб., 2012. – 56 с.

4. Левченко, И. Ю. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии : метод. пособие / И. Ю. Левченко, В. В. Ткачева. – М. : Просвещение, 2008. – 240 с.
5. Газман, О. С. Воспитание и педагогическая поддержка детей / О. С. Газман // Нар. образование. – 1998. – № 6. – С. 108–111.
6. Краснова, О. В. Психология социальной работы: учебное пособие / О. В. Краснова. – М. : Академия, 2003. – 288 с.
7. Приходько, О. Г. Современные подходы к психолого-педагогической помощи семье ребенка с отклонениями в развитии / О. Г. Приходько, О. В. Югова // Вестн. МГПУ. Сер. «Педагогика и психология». – 2013. – № 3 (25). – С. 107–119.
8. Солнцева, Л. И. Советы родителям по воспитанию слепых детей раннего возраста / Л. И. Солнцева, С. М. Хорош. – М. : ИКП РАО, 2004. – 68 с.
9. Клиническая психология : в 4 т. / под ред. А. Б. Холмогоровой. – М. : Академия, 2013. – Т. 1 : Общая патопсихология. – 464 с.
10. Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1982–1984. – Т. 4 : Детская психология. – 1984. – 432 с.
11. Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1982–1984. – Т. 5 : Основы дефектологии. – 1983. – 368 с.
12. Лебединский, В. В. Нарушения психического развития у детей : учеб. пособие / В. В. Лебединский. – М. : Изд-во МГУ, 1985. – 168 с.
13. Maslow, A. H. Motivation and personality / A. H. Maslow. – New York : Harper & Row, 1987. – 369 p.
14. Боуэн, М. Теория семейных систем / М. Боуэн. – М., 2005. – 494 с.
15. Михайлова, Н. Ф. Концепция семейного стресса и копинг-парадигма в изучении семей «особых» детей (обзор литературы) / Н. Ф. Михайлова // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер. «Психология». – 2014. – Т. 7, № 3. – С. 32–46.
16. Об утверждении Положения о социально-педагогической и психологической службе учреждения образования (иной организации, индивидуального предпринимателя, которым в соответствии с законодательством предоставлено право осуществлять образовательную деятельность) и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства образования Республики Беларусь : постановление М-ва образования Респ. Беларусь , 25 июля 2011 г., № 116. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 96.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.10.2018

Valitova I.E. Psychological-Pedagogical Support of a Family Having a Child with Disability

The article substantiates the model of the activities of psychological professionals in assisting a family with a child with disability. It is proposed to consider the model of family support as the form most appropriate for the implementation of the ideas of humanism, cooperation, dialogue between professionals and parents. Methodological, purpose-oriented, and informative units are distinguished in the model. The content block 1 describes the generalized characteristics of the activity on psychological and pedagogical support of the family, and the substantive block 2 describes the options for organizing the activity on the psychological and pedagogical support of the family in the conditions of different types of institutions and forms of assistance to children with disability. The model describes the activities of the psychologist with a description of specific goals and objectives, forms and methods of implementation.

УДК 159.95

Е.И. Медведская

канд. психол. наук, доц., доц. каф. психологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: psihkaf@brsu.brest.by

ПАРАМЕТРЫ ВЕРБАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СУБКУЛЬТУР

В статье обсуждается проблема выраженности креативности у представителей разных информационных субкультур. Основным критерием эмпирической дифференциации выступил собственный выбор субъектом предпочитаемой им знаковой системы информации (печатной или мультимедийной). На данном основании выделены два полярных типа информационных субкультур (культура слова и культура образа) и, соответственно, два типа их представителей («человек читающий» и «человек просматривающий»). Представлены результаты измерения у взрослых параметров вербальной креативности (уникальность, оригинальность, количество ассоциаций), большинство из которых достоверно более выражено у респондентов типа «человек читающий».

Введение

Современный этап развития человечества обозначается как общество высоких технологий или информационное общество, одним из атрибутов которого выступает повсеместное распространение различных электронных информационных устройств. Их принципиальными отличиями от традиционных печатных источников информации выступают: использование медиаобраза как основного способа кодировки информации; высокие плотность и скорость передачи информации и технический способ производства информационного потока. Названные особенности дают основание ученым характеризовать современное общество как «оптическую цивилизацию» (А. Бергер, 2005; Р. Пацлаф, 2003), культурологам и социологам обозначать его медиакультурой или экранной культурой (М. Маклюэн, 2003; Ж. Бодрийяр, 2007; П. Верильо, 2002; Г. Маркузе, 2002), «киберкультурой» (Т. Лири, 1994), «мозаичной культурой» (А. Моль, 2008), «клип-культурой» (М. Кастельс, 2000), описывать современный период развития постсоветских стран как медиабум (Н.Б. Кириллова, 2011), а психологам позволяют характеризовать существующую социальную ситуацию развития ребенка как «экранную социализацию» (В.И. Абраменкова, 2012; В.И. Слободчиков, 2008) и считать детей «цифровыми аборигенами», а взрослых «цифровыми эмигрантами» (М. Пренски, 2001; Г. Смол, Г. Ворган, 2011).

Медиа быстро совершенствуются. Несколько десятилетий назад появление Интернета существенно изменило различные социальные практики. В настоящее время речь уже идет о «новых медиа», для обозначения которых используются также термины «веб нового поколения», «Web 2», «онлайн-медиа», «сетевые медиа». В эту группу объединяются все медиа, содержание которых может быть оцифровано и размещено в сети Интернет. Существенные изменения современной культуры, прежде всего в аспекте ее нарастающей технологизации, позволяют также осмысливать происходящую смену постмодернизма как дигимодернизм (А. Кирби, 2009) или цифровую повседневность (М.С. Гусельцева, 2018).

Идейный вдохновитель «новых медиа», американский издатель Т. О'Рейли наряду с техническими их возможностями (оцифровка любого содержания и мгновенность его передачи на любые расстояния) отмечает также и собственно психологический мо-

мент усилення веб-тэхналогіі пасредствам «калектыўнай актывнасці» і «калектыўнага разума» іх пользавацеляў [1]. Это возможно благодаря таким ведущим характеристикам Web-2 как гипертекстовость, интерактивность (диалоговый характер потребления информации), децентрализация источников информации и, как следствие, демократизация.

Возможности новых медиа, безусловно, изменяют и их пользователей. Оценки этих изменений разными специалистами неоднозначны. В качестве позитивного аспекта, отмечается, в частности, создание условий для проявления пользователями собственной активности, например: «Гипертекстовость и интерактивность онлайн-медиа... создает совершенно иной формат потребления информационного контента медиа – это своеобразное «путешествие» по контенту, где каждый обладает не только возможностью продолжать его до бесконечности, но и правом мгновенно, прямо по ходу «путешествия» создавать, изменять или публично обсуждать его» [2, с. 117]. Относительно последствий этой активности высказываются также и негативные мнения.

Российский философ В.В. Миронов, анализируя использование потенциала интерактивности Web-2, отмечает: «Коммуникационные средства диалога превращаются в его сущность, которая очень хорошо выражается принципом “не важно, о чем говорить, главное говорить”... Низовая культура становится массовой. Например, в средние века, как пишет Бахтин, низовая культура господствовала во время карнавала, но не постоянно, как в наши дни. То есть сегодня карнавал становится постоянным действием, которое позволяют осуществлять современные технологии. Это приводит к тому, что главным становится не качество продукта творчества, а систематичность и способы его распространения. В этих условиях возникает феномен поп-культуры – доминирование низовой культуры в глобальном масштабе» [3, с. 34–35].

Таким образом, новые медиа по своей сути обеспечивают их пользователям свободу выбора, свободу мысли и творчества: «В наши дни интернет-пространство открывает новые возможности для перехода от репродуктивного мышления (“мыслить значит вспоминать”) к продуктивному (порождать самостоятельные критические суждения) [4, с. 136]. Благодаря этим новым возможностям «Возникает новая среда, в которой мы сейчас живем и незаметно меняемся. С одной стороны, жить становится лучше. Например, Интернет появился, теперь можно как бы преодолевать пространство и время, получить доступ к самым разным информационным ресурсам. Но, с другой стороны, легкая возможность получать готовую информацию отрицательно влияет на культивирование творческих способностей» [5, с. 144]. Представленные мнения авторитетных ученых в характеристике позитивных и негативных последствий новых медиа существенно отличаются. Однако эмпирических исследований, результаты которых позволяли бы оценить психические изменения пользователей новых медиа, в соответствующей литературе не обнаружено.

Чтобы в некоторой степени восполнить этот дефицит научных знаний, осуществлено настоящее исследование, предметом которого выступает креативность, в обобщенном виде понимаемая как способность находить оригинальные решения и нестандартные способы деятельности нерегламентированных, неопределенных условиях. Выбор данного предмета объясняется рядом причин. Во-первых, творческие способности выступают одной из сущностных характеристик человека. Во-вторых, они всегда имели особую социальную ценность, так как именно такие люди обеспечивают прогресс в различных областях. И эта ценность только возрастает в современном, динамичном мире. В-третьих, именно для становления и проявления данного типа способностей обеспечивают благоприятные условия новые медиа.

Организация исследования

В исследовании принимало участие 170 респондентов в возрасте от 35 до 58 лет, среди которых 198 женщин и 72 мужчин. Все участники исследования имеют высшее образование и являются работниками умственного труда (педагоги, медики, экономисты, юристы).

Для дифференциации выборки на представителей различных информационных субкультур респондентам предлагалась комбинированная анкета, направленная на определение их выбора предпочитаемой знаковой системы информации. Критериями для отнесения субъекта к определенному типу выступали: 1) выбор вида деятельности в свободное время (чтение или просмотр); 2) повседневная практика обращения с разными информационными носителями (на какой из данных видов деятельности больше тратится времени). Теоретическим основанием указанной дифференциации выступала одна из базовых идей культурно-исторической психологии (Л.С. Выготский) о проявлении ненормированной социумом собственной активности личности в выборе предоставляемых культурой орудий для овладения собственной психикой. В контексте настоящего исследования указанная идея конкретизирована как выбор субъектом знаковой системы (вербальной или образной) для удовлетворения существующих у него информационных потребностей. На основании данного выбора и его реализации в практике собственной жизнедеятельности можно выделить два полярных типа информационных субкультур (культура слова и культура образа) и, соответственно, их представителей («человек читающий» и «человек просматривающий»).

Для измерения параметров вербальной креативности был использован одноименный тест С. Медника (RAT), адаптированный А.А. Ворониным [6, с. 330–331]. Автор теста понимает под вербальной креативностью способность к перекомбинированию элементов ситуации. Испытуемому предлагаются триады слов (20), представляющих отдаленные друг от друга ассоциативные области. Задача заключается в установлении между ними ассоциативной связи, т.е. поиске слова, объединяющем заданные таким образом, чтобы с каждым из них оно образовало некие осмысленные словосочетания. Время выполнения теста не ограничено (занимая в среднем порядка 20–30 минут). Тест позволяет измерить три параметра вербальной креативности: уникальность (способность человека к созданию нового); оригинальность (нестандартность ответов, рассчитываемая для каждого испытуемого отдельно по специальной формуле) и количество ответов (степень продуктивности и работоспособности).

Результаты и их обсуждение

Обработка данных анкетирования показала, что в исследованной выборке 15 % респондентов (25 человек) можно отнести к типу «человек читающий». Представители данной группы выбирают чтение по разным причинам (развивает мышление и память, обогащает словарный запас, увлекает и др.), указывая не только на физический дискомфорт у экрана (устают глаза, укачивает), но и на худшее усвоение информации. 21 % (36 опрошенных) возможно охарактеризовать как принадлежащих к типу «человек просматривающий». Они аргументируют свой выбор цифровых источников доступностью, краткостью информации и отмечают при обращении к традиционной книге необходимость сосредоточения, сложности поиска, переживания скуки или тревоги. Большую часть выборки, как и следовало ожидать, представляет смешанный тип, не имеющий каких-либо однозначных приоритетов в выборе источников информации. Это люди, которые с легкостью и удовольствием как читают книги, так и пользуются

цифровыми носителями. Однако следует отметить, что в среднем в день этим видам деятельности уделяется различное время: на чтение – от 15 до 40 минут, на просмотр – от двух часов и более (в основном это новости, в том числе и в социальных сетях, поиск профессиональной информации, развлечение). Полученные данные еще раз подтверждают прогнозы специалистов о скором проигрыше книги в конкурентной борьбе за потребителя с мультимедийными технологиями (Л.Д. Гудков, 2003; Б.В. Дубин, 2008; Р. Пацлаф, 2003; Д. Рашкофф, 2003).

Результаты измерения вербальной креативности у представителей разных информационных субкультур отражены в таблице (исследованные группы в случайном порядке ограничены объемом в 20 человек в связи с ограничениями математико-статистических критериев для оценки выявленных между ними различий).

Таблица. – Показатели теста вербальной креативности С. Медника (RAT)

№	Респонденты типа «человек читающий»			Респонденты типа «человек просматривающий»		
	У	О	К	У	О	К
1	3	0,21	20	0	0	3
2	3	0,33	20	1	0,37	20
3	4	0,44	19	1	0,39	20
4	5	0,34	20	2	0,25	15
5	5	0,44	20	2	0,5	20
6	5	0,44	23	2	0,38	17
7	5	0,69	34	3	0,34	20
8	8	0,56	20	3	0,49	20
9	8	0,68	20	3	0,51	20
10	8	0,7	20	3	0,61	16
11	10	0,7	25	3	0,78	5
12	10	0,72	19	4	0,45	20
13	11	0,66	23	4	0,46	21
14	12	0,69	24	4	0,49	12
15	14	0,83	20	5	0,62	20
16	14	0,93	40	6	0,49	20
17	15	0,79	29	8	0,62	20
18	16	0,69	24	10	0,69	20
19	17	0,86	24	11	0,84	20
20	22	0,77	36	14	0,67	28
М	9,75	0,62	24	4,45	0,48	17,85

Примечание – заглавными буквами обозначены измеряемые в тесте параметры креативности: У – уникальность; О – оригинальность; К – количество ответов.

Представленные в таблице данные свидетельствуют, что параметры креативности (уникальность, оригинальность и количество ответов) выше у представителей типа «человек читающий». Качественный анализ ответов показал, что у представителей этой группы присутствует умение не только подбирать ассоциации, но и стремление выйти за рамки инструкции и соединить тестовые триады в более сложные, чем слово-ассоциация вербальные конструкции. Например, на триаду «воздух – быстрая – свежая» респонденты отвечают словосочетаниями «свежее утро», «струя воды», на триаду «народная – страх – мировая» следует ответ «трагические события» или еще более сложная ассоциация «вставай, страна огромная» (вместо ответа «война», который как самый популярный имеет нулевой коэффициент оригинальности); на триаду «садовая – мозг –

пустая» следует целое умозаключение «и в пустом мозгу может расти сад из цветущих деревьев», а на триаду «поезд – купить – бумажный» ответ представляет воспоминание-фантазию: «В детстве я могла купить билет на бумажный поезд и уехать на нем далеко-далеко». Подобные тенденции к самостоятельному усложнению инструкции не зафиксированы в группе представителей типа «человек просматривающий».

Применение критерия Розенбаума доказало достоверность выявленных различий по двум параметрам вербальной креативности – уникальности ($Q = 10$ при $Q_{\text{крит}} = 9$ для $p < 0,01$) и количеству ответов ($Q = 8$ при $Q_{\text{крит}} = 7$ для $p < 0,05$). По параметру оригинальности значимые отличия между респондентами разных групп отсутствуют ($Q = 3$), что может быть обусловлено спецификой выборки, на которой А.А. Воронин осуществлял психометрические расчеты (молодые менеджеры). Кроме того, сам автор теста считает более значимым показателем вербальной креативности именно уникальность ответов [6, с. 331].

С позиций культурно-исторической психологии ведущую роль в формировании высших психических функций принадлежит знаковым системам. По мнению американского педагога и медиаэколога Н. Постмана, когнитивный уровень развития человека как продукта культуры определяются ведущими чертами культурной коммуникации [7]. Он выделяет следующие черты «печатного интеллекта»: 1) контроль за состоянием своего тела (минимальное условие); 2) умение за эстетикой букв расшифровывать собственно значение слов, что формирует у читателя качества отстраненности и объективности; 3) способность различать «очарование» слов и выстроенных с их помощью аргументов; 4) умение запоминать вопросы, чтобы в процессе чтения найти на них ответы (терпимость к отложенному ответу); 5) определенная изоляция, т.е. опора только на свои собственные интеллектуальные возможности при понимании читаемого.

Таким образом, благодаря чтению у субъекта формируются способности к концентрации внимания и самоуправлению, самостоятельность и критичность мышления, диалогичность сознания. Именно эти качества и продемонстрированы в результатах анкетирования представителей типа «человек читающий», в первую очередь отмечающих развивающие эффекты от чтения. Вопрос «Какие способности формируются в результате активного взаимодействия с цифровыми технологиями?» пока остается открытым в силу недостаточности исследований в обозначенной проблемной области. Однако некоторые данные позволяют наметить определенные направления трансформации субъекта познания. По мнению нейрофизиологов [8], погружение в мир сети вызывает особое состояние переутомления, которое уже получило свое обозначение как «цифровой туман». Уже через несколько часов нахождения в Интернете у человека снижаются способности к адекватному восприятию окружающего мира и себя самого, он начинает чаще ошибаться. Американский ученый Г. Смолл эту новую форму стресса считает техногенным истощением мозга, что способствует его противоестественно быстрому старению вследствие колоссальных перегрузок на физиологическом и психологическом уровнях.

Заключение

Сравнительный анализ выраженности параметров вербальной креативности показал, что представители типа «человек читающий» являются статистически более креативными и более работоспособными, чем представители типа «человек просматривающий». Полученные данные, на первый взгляд, могут показаться очевидными (без учета возраста респондентов). Все они нормативно завершили основные циклы психического и личностного развития еще в доцифровом обществе. Это позволяет говорить

о том, что новые медиа обеспечивают благоприятные возможности (свобода выбора контента, диалогичность и др.) для развития творчества как одного из высших видов активности человека, но реализует эти возможности конкретный человек. Как демонстрируют эмпирические данные, стихийное взаимодействие с цифровыми технологиями (несмотря на наличие у них развивающего потенциала) не обеспечивает спонтанного развития креативности. Вероятно, для этого требуют некие сознательные, специально организованные усилия.

Формат проведенного исследования не позволяет говорить о причинно-следственных связях между повседневной практикой обращения с различными информационными источниками и уровнем развития их пользователей. Однако полученные данные доказывают перспективность исследований психической организации представителей различных информационных субкультур.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. О'Рейли, Т. Что такое Веб 2.0? [Электронный ресурс] / Т. О'Рейли. – Режим доступа: <http://www.computerra.ru/think/234100/>. Дата доступа: 20.05.2018.
2. Киреев, П. С. Новые медиа в современном информационно-коммуникационном пространстве / П. С. Киреев // Социология. – 2010. – № 2. – С. 115–127.
3. Миронов, В. В. Трансформация культур: от классической к электронной / В. В. Миронов // Философия искусственного интеллекта : науч. тр. Всерос. междисциплинар. конф., Москва, 17 – 18 марта 2016 г. ; под ред. В. А. Лекторского [и др.]. – М. : ИИнтелл, 2017. – С. 28–36.
4. Гусельцева, М. С. Информационная социализация в транзитивном обществе: контексты дигимодернизма / М. С. Гусельцева // Цифровое общество как культурный контекст развития человека : сб. науч. статей и материалов Междунар. конф., Коломна, 14–17 февраля 2018 г. / под общ. ред. Р. В. Ершовой. – Коломна, 2018. – С. 135–141.
5. Лекторский, В. А. Философия, искусственный интеллект, когнитивные исследования / В. А. Лекторский // Философия искусственного интеллекта : науч. тр. Всерос. междисциплинар. конф., Москва, 17–18 марта 2016 г. ; под ред. В.А. Лекторского и др. – М. : ИИнтелл, 2017. – С. 37–44.
6. Ильин, Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2012. – 484 с.
7. Постман, Н. А теперь... о другом... [Электронный ресурс] / Н. Постман. – Режим доступа: http://media-ecology.blogspot.com.by/2011/02/blog-post_17.html. Дата доступа: 18.11.2015.
8. Смолл, Г. Мозг онлайн. Человек в эпоху Интернета : пер. с англ. / Г. Смолл, Г. Ворган. – М. : КоЛибри, 2011. – 352 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.10.2018

Medvedskaya E.I. Parameters of Verbal Creativity in Representatives of Various Information Subcultures

The article deals with the problem of developing creativity in representatives of different information subcultures. The main criterion for the empirical differentiation is the subject's choice of the preferred sign system, which serves for the transmission of information (printed or multimedia). On this basis, two polar types of information subcultures (the word culture and the image culture) have been singled out, and, accordingly, two types of their representatives («the reading person» and «the person looking through») have been distinguished. The article presents the measurement results of the verbal creativity parameters (uniqueness, originality, number of associations) among adult; the leading parameters are expressed significantly more in the respondents of «the reading person» type.

УДК 159.9

Н.В. Былинская

канд. психол. наук, доц., зав. каф. психологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: soloves@mail.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ О ПРОФЕССИИ И ЛИЧНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛА

Рассматриваются результаты исследования структуры и содержания представлений студентов-психологов о будущей профессии. Опыт работы в системе высшего образования показал, что, выбирая профессию психолога, абитуриенты часто недостаточно представляют себе содержание практической деятельности специалиста в области психологической практики. Будущим студентам психолог представляется человеком, способным проникать в мысли и чувства других людей, управлять их поведением. Результаты эмпирического исследования показали, что представления о профессии психолога, существовавшие до периода обучения, у студентов изменяются, становятся научными, профессиональными и концу четвертого курса более сложными по структуре и полными по содержанию.

Введение

В современном обществе высокие темпы развития различных отраслей экономики Республики Беларусь ставят перед системой образования запрос на подготовку специалистов с высоким уровнем знаний и умений, а проблема высококвалифицированных кадров приобретает все большее значение. В настоящее время к выпускнику университета предъявляются высокие требования, среди которых важное место занимают профессионализм, самоорганизация, социальная активность, ответственность и творческий подход к решению поставленных профессией задач [1]. Процесс совершенствования подготовки специалистов в области психологии в условиях современного образования достаточно трудоемкий, сложный и обусловлен множеством факторов. Кроме формирования профессиональных знаний, умений и навыков, подготовка будущих практикующих психологов подразумевает сформированность профессиональной позиции к пониманию социальной значимости профессии психолога, готовность к возможному изменению характера профессиональной деятельности в соответствии со спецификой развития профессиональной карьеры [2–4].

Необходимо отметить, что выбирая профессию психолога, абитуриенты часто недостаточно полно представляют себе содержание практической деятельности специалиста в области психологической практики. Будущим студентам психолог представляется человеком, способным проникать в мысли и чувства других людей, гипнотизировать, управлять их поведением. Опыт работы в системе высшего образования показал, что поступление многих абитуриентов в университет обусловлено внешними мотивами (за компанию с другом, «легкие» вступительные испытания, желание родителей, материальное положение семьи, географическая близость университета и т.п.). В конечном итоге после окончания высшего учебного заведения только часть студентов идет работать по специальности. Однако и в этом случае не все молодые специалисты, отработав срок по распределению, остаются на рабочих местах. Возможно, такая ситуация обусловлена тем, что, поступая в университет, абитуриенты далеко не всегда имеют объективную информацию и представление о будущей профессиональной деятельности. Несоответствие представлений о профессии и о личности профессионала реальным требованиям к профессии опосредует специфику мотивационной сферы обуча-

ющихся и формирование профессиональной позиции и ментальности, являющихся основой для дальнейшей успешной реализации в выбранной профессии.

Организация исследования, обсуждение результатов

Целью настоящего исследования являлось изучение представлений студентов специальности «Психология», о профессии и о личности профессионала. В исследовании, которое проводилось в 2014–2018 гг., принимали участие 409 респондентов, обучающихся в это время на дневной форме получения образования в БрГУ имени А.С. Пушкина (г. Брест) и БГПУ имени М. Танка (г. Минск). В зависимости от курса обучения были образованы следующие группы участников исследования: студенты I курса ($n = 103$), студенты II курса ($n = 98$), студенты III курса ($n = 106$), студенты IV курса ($n = 102$). Респондентам в свободной форме предлагалось описать профессию психолога. Данные свободного описания обрабатывались посредством контент-анализа, для вторичной обработки которого использовался факторный анализ. Для этого на основе индивидуальных протоколов строились обобщенные матрицы данных – слова-ассоциации респондентов. Из матриц были исключены единичные ответы, которые принято рассматривать как результат индивидуальной вариации.

Представления о профессии и личности профессионала у студентов I курса специальности «Психология».

Первый фактор (общая дисперсия 9,5 %) образован шкалами: «воспитанный» (0,998); «умеет подобрать слова» (0,998); «авторитетный» (0,998); «интересный» (0,998); «интеллигентный» (0,998); «ненавязчивый» (0,998); «культурный» (0,998). В содержание данного фактора включены характеристики, описывающие профессионала как интеллигентного и авторитетного человека. Данный фактор можно обозначить как «Авторитетный».

Второй фактор (общая дисперсия 7,7 %) образован шкалами: «умеет выкрутиться» (0,997); «смелый» (0,997); «никогда не сдаётся» (0,997); «с характером» (0,997); «доводит дело до конца» (0,997); «уверенный в себе» (0,997); «понимает что делает» (0,997). Здесь мы можем наблюдать очень активные характеристики профессионала как предприимчивого, целеустремленного и уверенного человека, доводящего до конца любое дело, за которое берется. Данный фактор можно назвать «Предприимчивый».

Третий фактор (общая дисперсия 7,1 %) включает шкалы: «успешный» (0,997); «не перебарщивает» (0,997); «заинтересован в общественной деятельности» (0,997); «не выскочка» (0,997); «умеет ставить цели для себя» (0,997); «помогает ставить цели другим» (0,997). Данный конструкт характеризуется профессионала как целеустремленного и успешного человека, который стремится помогать другим и быть полезным обществу. И его можно обозначить как «Успешный человек».

Четвертый фактор (общая дисперсия 6,8 %) образован шкалами: «радуется простым вещам» (0,997); «добрый» (0,997); «красиво говорит» (0,997); «не страшный» (0,997); «улыбчивый» (0,997). Профессионал, по мнению респондентов, очень приятный, добрый человек, радующийся простым вещам и не вызывающий опасений. Данный фактор можно назвать «Оптимист».

Пятый фактор (общая дисперсия 6,0 %) образован шкалами: «не злой» (0,996); «всегда располагает к себе» (0,996); «честен с собой и клиентом» (0,996); «не оставит без помощи» (0,996). Содержание этого фактора говорит о том, что профессиональный психолог располагает к себе и не оставит без помощи того, кто оказался в беде,

при этом он честен с собой и клиентом. Поэтому данный конструкт можно обозначить как «Эмпатия».

Шестой фактор (общая дисперсия 5,8 %) образован шкалами: «способность успокоить» (0,995); «любит свою профессию» (0,995); «заинтересован помогать другим» (0,995); «навыки гипноза» (0,995). По мнению первокурсников, профессионал – это тот, кто умеет ввести в состояние гипноза, успокоить и делает это профессионально. Данный фактор можно обозначить как «Доверие».

Представления о профессии и личности профессионала у студентов II курса специальности «Психология».

Первый фактор (общая дисперсия 13,3 %) образован шкалами: «проводит интересные мастер-классы, тренинги» (0,984); «дает советы» (0,984); «начитанный» (0,743); «целеустремленный» (0,699); «умный» (0,576). Данный конструкт содержит характеристики профессионального специалиста. Его можно обозначить как «Квалифицированный психолог».

Второй фактор (общая дисперсия 13,1 %) образован шкалами: «не боится нового» (0,977); «умеет вести дискуссию» (0,726); «любит свою работу» (0,603); «заинтересовывающий» (0,584). В данном факторе профессионал описывается как человек, который готов к диалогу, открыт новому, умеет заинтересовать и при этом любит то, что делает. Данный фактор можно обозначить как «Приятный собеседник».

Третий фактор (общая дисперсия 9,9 %) включает шкалы: «имеет связи» (0,879); «знает, как вести себя в различных ситуациях» (0,856); «вежливый» (0,692); «толерантный» (0,594); «коммуникабельный» (0,502). Если в выборке I курса фактор «Предприимчивый» описывает профессионала как человека, нацеленного на результат, то здесь этот фактор больше указывает на предприимчивость во взаимодействии и коммуникативные навыки. Данный фактор можно обозначить как «Коммуникабельность».

Четвертый фактор (общая дисперсия 9,4 %) образован шкалами: «женщина» (0,933); «уважаемый» (0,933); «авторитетный» (0,624). Данный конструкт был описан ранее в структуре представлений студентов I курса специальности «Психология» и был обозначен как «Авторитетный».

Пятый фактор (общая дисперсия 8,8 %) образован шкалами: «мужчина» (0,932); «публикуется» (0,932); «умеет красиво и грамотно говорить» (0,588); «умеет работать с людьми» (0,469). Согласно данному фактору, профессионал – это обаятельный мужчина, работающий с людьми, осуществляющий исследовательскую деятельность. Данный фактор можно обозначить как «Исследователь».

Шестой фактор (общая дисперсия 7,3 %) образован шкалами: «внимательный» (0,937); «понимающий» (0,884). Данный фактор отражает такие качества профессионала, как внимательность к клиенту и, следовательно, понимание его проблем и запросов. Данный конструкт можно обозначить как «Эмпатия».

Седьмой фактор (общая дисперсия 6,0 %) образован шкалами: «индивидуальный подход к клиентам» (0,946); «разносторонний» (0,671); «опытный» (0,587). Согласно данному конструкту, профессионал должен уметь найти индивидуальный подход к клиенту, а для этого он должен быть опытным и разносторонне развитым. Данный конструкт можно обозначить как «Клиентоориентированный».

Восьмой фактор (общая дисперсия 5,1 %) образован шкалами: «деловой стиль в одежде» (0,779); «оптимист» (0,765); «разобрался в самом себе» (0,603); «знает свою работу» (0,555). В данном факторе профессионал описан как внешне презентабельный

оптимистичный человек, разобравшийся в самом себе, однако не знающий свою работу. Данный фактор можно обозначить как «Внешний облик».

Представления о профессии и личности профессионала у студентов III курса специальности «Психология».

Первый фактор (общая дисперсия 13,4 %) образован шкалами: «перфекционист» (0,997); «красивый внешний вид» (0,997); «собранный» (0,997); «психически здоровый» (0,997); «имеет счастливую семью» (0,997); «трудолюбивый» (0,997); «честный» (0,997); «критичный» (0,997). Данный фактор описывает профессионала как человека собранного, в любой жизненной сфере отличающегося перфекционизмом. Данный фактор можно обозначить как «Перфекционист».

Второй фактор (общая дисперсия 12,3 %) образован шкалами: «рациональный» (0,997); «умеет выслушать» (0,997); «решительный» (0,997); «терпеливый» (0,997); «ответственный» (0,997); «внимательный» (0,997); «беспристрастный» (0,997); «аккуратный» (0,997); «сильный духом» (0,703); «умеет находить подход к разным людям» (0,692). Конструкт со схожим содержанием ранее встречался в структуре представлений студентов II курса специальности «Психология» и был обозначен как «Квалифицированный психолог».

Третий фактор (общая дисперсия 11,7 %) включает шкалы: «альтруистичен не до крайности» (0,996); «общественные цели выше собственных» (0,996); «несчастлив в личной жизни» (0,996); «твердая жизненная позиция» (0,996); «уверен в своей позиции» (0,996); «самостоятельный» (0,996); «посвящает себя работе» (0,996); «не отвергает новые веяния» (0,996); «ничего не доказывает» (0,996). Содержание данной категории указывает на то, что профессионал – это человек, который посвящает всего себя работе. Ему присущи самостоятельность, отсутствие стремления кому-то что-то доказать, твердые жизненные позиции. Данный фактор можно обозначить как «Альтруист».

Четвертый фактор (общая дисперсия 8,9 %) образован шкалами: «приятный голос» (0,995); «много зарабатывает» (0,995); «эрудированный» (0,995); «успешный» (0,995); «лидер» (0,995); «тактичен» (0,995); «хороший оратор» (0,707). Данный фактор встречался ранее в структуре представлений студентов I курса специальности «Психология» и был обозначен как «Успешный человек».

Пятый фактор (общая дисперсия 8,1 %) образован шкалами: «трезвомыслящий» (0,995); «вызывает восхищение» (0,995); «авторитетный» (0,995); «на него можно положиться» (0,995); «не критикующий» (0,995); «дружелюбный» (0,685). Фактор с подобным содержанием ранее был обнаружен в структуре представлений студентов I курса специальности «Психология» и был обозначен как «Авторитетный».

Шестой фактор (общая дисперсия 7,4 %) образован шкалами: «серьезный» (0,993); «адаптирующийся» (0,993); «целеустремленный» (0,993); «талантливый» (0,993); «прямолинейный» (0,710); «отзывчивый» (0,582). По мнению респондентов, профессиональный психолог – талантливый, целеустремленный, серьезный, отзывчивый и гибкий человек. Данный фактор можно обозначить как «Целеустремленность».

Седьмой фактор (общая дисперсия 6,2 %) образован шкалами: «активный» (0,990); «раскрепощенный» (0,990); «справедливый» (0,990); «компетентный» (0,707); «доброжелательный» (0,706); «креативный» (0,705); «любит свое дело» (0,439). Данный конструкт описывает психолога как специалиста с активной позицией, компетентного и креативного в профессиональной деятельности. Данный фактор можно обозначить как «Активность».

Восьмой фактор (общая дисперсия 5,5 %) образован шкалами: «приятный человек» (0,989); «заинтересованный в своей работе» (0,989); «соблюдающий конфиденциальность» (0,989); «интересный» (0,581). Данный фактор был описан ранее в структуре представлений студентов I курса специальности «Психология» и был обозначен как «Доверие».

Представления о профессии и личности профессионала у студентов IV курса специальности «Психология».

Первый фактор (общая дисперсия 12,5 %) образован шкалами: «жизнелюбивый» (0,996); «статный» (0,996); «требовательный» (0,996); «остроумный» (0,996); «незаурядный» (0,996); «имеет силу воли» (0,996); «уверен в себе» (0,996); «с чувством юмора» (0,511). Конструкт со схожим содержанием зафиксирован в структуре представлений студентов I курса специальности «Психология» и обозначен как «Оптимист».

Второй фактор (общая дисперсия 11,9 %) образован шкалами: «уравновешенный» (0,994); «образованный» (0,994); «толерантный» (0,994); «обладает ЗУНами в своей деятельности» (0,994). Данный фактор уже был обозначен как «Квалифицированный психолог».

Третий фактор (общая дисперсия 10,1 %) включает шкалы: «доброжелательный» (0,994); «оптимистичный» (0,994); «не боится нового» (0,994); «внимательный» (0,994); «готов постоянно учиться» (0,700); «хочет помочь человеку» (0,640). Характеристики, образующие данный фактор, опосредуют профессиональное кредо психолога и указывают на его готовность к познанию и принятию нового в профессиональной деятельности. Эту категорию можно назвать «Профессиональная позиция».

Четвертый фактор (общая дисперсия 9,2 %) образован шкалами: «привлекательный» (0,992); «честный» (0,992); «эрудированный» (0,702); «ухаженный» (0,702). Данный конструкт уже встречался в структуре представлений студентов II курса специальности «Психология» и был обозначен как «Внешний облик».

Пятый фактор (общая дисперсия 7,6 %) образован шкалами: «безоценочный» (0,991); «старается понять» (0,991); «умеет говорить» (0,991); «объективный» (0,991); «чуткий» (0,701). Данный фактор содержит характеристики, значимые для профессионального взаимодействия с клиентом. Этот конструкт обозначим «Эмпатия».

Шестой фактор (общая дисперсия 7,2 %) образован шкалами: «рефлексирующий» (0,992); «разбирается в людях» (0,992); «разобрался с личными проблемами» (0,992); «умеет найти адекватное решение проблемы» (0,638); «саморазвивающийся» (0,485). Данный фактор описывает профессионала как человека, способного к рефлексии, познающего себя и других, умеющего найти адекватное решение проблем. Данный фактор можно обозначить как «Рефлексия».

Седьмой фактор (общая дисперсия 6,6 %) образован шкалами: «самообразовывающийся» (0,984); «самосовершенствующийся» (0,984); «имеет практический опыт» (0,695); «умеет найти общий язык» (0,577). В содержание выделенного конструкта включены дескрипторы, свидетельствующие о том, что хороший специалист должен непрерывно развиваться и совершенствоваться в профессии. Данный фактор назовем «Саморазвитие».

Восьмой фактор (общая дисперсия 6,0 %) образован шкалами: «работает качественно» (0,986); «придерживается одного направления» (0,986); «знает различные отрасли/подходы» (0,687). Содержание этого конструкта говорит о том, что профессиональный психолог должен знать существующие в психологии подходы, направления и осо-

знавать границы собственной компетентности. Данный фактор можно обозначить «Компетентность».

Девятый фактор (общая дисперсия 5,4 %) включает в себя: «общительный» (0,983); «приятная внешность» (0,983); «приятный в разговоре» (0,983). Данный фактор ранее был описан в структуре представлений студентов II курса специальности «Психология» и обозначен как «Приятный собеседник».

Результаты факторизации данных показали, что структура представлений о профессии и личности профессионала у студентов-психологов к четвертому году обучения усложняется, о чем свидетельствует количество факторов-категорий. Так, у студентов I курса структура представлений о образована шестью независимыми категориями, у студентов II и III курсов – восемью, у студентов IV курса – девятью факторами. Это связано с тем, что в процессе обучения у студентов увеличивается объем знаний в области психологии и психологической практики, обыденные представления о профессии психолога, существовавшие до периода обучения, становятся научными, профессиональными и концу IV курса более полными по содержанию.

Среди факторов, образующих структуру представлений, были зафиксированы общие и специфические по содержанию конструкты для студентов разных курсов одной специальности. Общим на I, II и III курсах является конструкт «Авторитетный», однако его расположение в иерархической структуре представлений меняется с переходом студентов с одного курса на другой. В структуре представлений первокурсников этот фактор зафиксирован как ведущий, однако к III третьему курсу он значительно теряет позиции. Со II курса на первые позиции выходит конструкт «Квалифицированный психолог», содержание которого наполнено характеристиками, соответствующими требованиям, предъявляемым к профессии психолога. Общая категория «Эмпатия», встречающаяся в представлениях студентов-психологов, демонстрирует важность принятия практикующим специалистом клиента, безоценочное отношение к нему, готовность оказать квалифицированную помощь.

Своеобразие представлений о профессии психолога отражают специфические категории, присутствующие в сознании респондентов. Такими конструктами у студентов разных курсов выступили «Успешный человек», «Приятный собеседник», «Перфекционист», «Коммуникабельность», «Саморазвитие», «Доверие» и др. Интересно, что, по мнению первокурсников, психолог должен быть предприимчивым, успешным, авторитетным специалистом, которому можно доверять. На II и III курсах студенты считают, что психолог должен быть альтруистом, приятным собеседником, ориентированным на клиента, коммуникабельным, активным и целеустремленным. Представления обучающихся IV курса отличаются от представлений студентов II–III курсов содержательно. Они включают конструкты и характеристики, которые относятся к личности квалифицированного специалиста, постоянно развивающегося в профессии («эрудированный», «готов постоянно учиться», «самообразовывающийся», «саморазвивающийся», «объективный», «безоценочный», «компетентный», «способный к рефлексии», «приятный в общении» и пр.) и имеющего собственную профессиональную позицию.

Заключение

Результаты проведенного эмпирического исследования показали, что в процессе обучения представления студентов-психологов о профессии и личности профессионала изменяются. В начале обучения, как и ожидалось, представления носят обыденный характер и мало соответствуют требованиям, предъявляемым к данной профессии.

В дальнейшем, представления обучающихся становятся более сложными по структуре и содержанию, о чем свидетельствует рост числа конструкторов (от шести на I и до девяти на IV курсе обучения) и их наполненность дескрипторами, которые являются характеристиками личности практикующего в области психологии специалиста.

Перспектива исследований в данном направлении видится в выявлении взаимосвязи существующих в сознании студентов-психологов представлений о будущей профессии и их мотивации профессиональной деятельности, опосредующей формирование профессиональной позиции и ментальности в ходе образовательного процесса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : 13 января 2011 г., № 243-З : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобрен Советом Респ. 22 дек. 2010 г. – Режим доступа: <http://www.tamby.info/kodeks/edu.htm>. – Дата доступа: 05.09.2018.
2. Кикоть, В. Я. Педагогика и психология высшего образования : учебник / В. Я. Кикоть, В. А. Якунин. – СПб., 1996. – 320 с.
3. Климов, Е. А. Профессиональный менталитет и психологическая гипотеза / Е. А. Климов // Обществ. науки и современность. – 1995. – № 6. – С. 140–149.
4. Оборина, Д. В. Становление профессиональной ментальности педагогов и психологов : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Д. В. Оборина. – М., 1992. – 196 л.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.10.2018

Bylinskaya N.V. Representanion of the Profession and Personality of the Professional of Future Psychologists

The article discusses the results of a study of the structure and content of the ideas of psychology students about their future profession. Experience in the system of higher education has shown that when choosing the profession of «Psychologist», applicants often do not sufficiently understand the content of practical work of a specialist in the field of psychological practice. Future students are considered a psychologist as a person who is able to penetrate the thoughts and feelings of other people and control their behavior. The results of the empirical research showed that the ideas about the profession «Psychologist» that existed before the training period change with students, become scientific, professional, and at the end of the fourth year they are more complex in structure and complete in content.

УДК 159.9.07

М.С. Ковалевич

канд. пед. наук, доц., доц. каф. педагогікі

Брэстскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

e-mail: maria_brest@tut.by

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ СОЦИОНОМИЧЕСКОГО ТИПА

Представлены результаты комплексного исследования значимости профессиональных компетенций для будущих специалистов помогающих профессий Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина. Определены психолого-педагогические условия формирования компетентности будущих специалистов помогающих профессий социономического типа.

Введение

Постоянные и быстро протекающие социально-экономические, политические, социокультурные и демографические изменения, происходящие в нашей стране за последние десятилетия, привели к тому, что резко возросли необходимость и значимость помогающих профессий социономического типа, представителями которых являются психологи, специалисты по социальной работе, воспитатели. Поскольку в этих сферах социальной практики средством профессиональной деятельности выступает сама личность специалиста, требуется пристальное внимание к особенностям ее развития в процессе профессиональной подготовки в системе высшего образования.

В последние годы активно формируется такая образовательная парадигма, в рамках которой качество современного образования определяется тем, насколько у выпускника вуза развиты компетенции. *Компетентностный подход* дает возможность согласовать ожидания выпускников и работодателей. Решение этой проблемы предполагает ориентацию системы подготовки будущего специалиста на гуманистическую парадигму и личностно ориентированное образование, на достижение студентом профессионализма в своей деятельности. Будущие специалисты должны быть настроены на постоянное обновление своих знаний, профессиональных умений и навыков, обогащение опыта познавательной и практической деятельности, что подкрепляется соответствующими ценностными ориентациями.

Профессиональная компетентность является мерилем и главным критерием профессиональной подготовленности и способности субъекта труда выполнять стоящие перед ним задачи и обязанности.

Сущность, особенности и специфика компетентностного подхода охарактеризованы в трудах В.И. Байденко, В.А. Болотова, В.Н. Введенского, А.А. Вербицкого, Н.А. Гришановой, Э.Ф. Зеера, И.А. Зимней, Г.М. Коджаспировой, В.В. Краевского, Н.В. Кузьминой, А.К. Марковой, А.М. Новикова, В.В. Серикова, А.В. Хуторского, Г.П. Щедровицкого и др.

Проблема профессиональной компетентности специалистов помогающих профессий социономического типа рассматривалась в исследованиях А.В. Арнаутова, П.А. Бабенко, Н.А. Зиминой, Е.В. Мельник, В.И. Стеньковой, В.Н. Турчаниновой, Т.П. Тычинкиной, С.В. Чеботаревой, В.Ю. Ярецкого и др.

Под компетентностью мы понимаем интегральную характеристику личности, определяющую ее способность решать разнообразные проблемы и ситуации, возника-

ющие в реальных жизненных ситуациях, и характеризующуюся прежде всего целостностью и осознанностью всех ее компонентов. Профессиональная компетентность специалистов помогающих профессий социономического типа определяется спецификой их деятельности и представляет собой интегральное профессионально-личностное свойство, характеризующееся просоциальной активностью специалиста и определяемое его готовностью и способностью выполнять свои профессиональные обязанности и базирующееся на профессиональных компетенциях (ценностно-мотивационных, когнитивных, социально-психологических, деятельностных). Выделяют разнообразные подвиды профессиональной компетентности будущих специалистов помогающих профессий социономического типа, среди которых коммуникативная, социально-психологическая, информационная, математическая, компетентность здоровьесбережения, педагогическая, социальная, социокультурная и аутопсихологическая.

Наиболее полно и системно становление компетентностной парадигмы (начиная с Н. Хомского и Дж. Равена и заканчивая проектом Tuning) представлено в работах И.А. Зимней [1; 2]. Общеевропейский подход к проектированию компетенций, который получил название Tuning Education Structures in Europe, был разработан по инициативе университетов Гронингена (Нидерланды) и Деусто (Бильбао, Испания). Авторы проекта первоначально предложили перечень из 85 компетенций и навыков, который после опроса выпускников, преподавателей и работодателей был сокращен до 30. Согласно проекту Tuning принято выделять три группы компетенций: *инструментальные, межличностные и системные*. Инструментальные компетенции включают когнитивные способности, методологические способности, технологические умения, коммуникативные компетенции.

Конкретизированный список *инструментальных компетенций* содержит: 1) способность к анализу и синтезу; 2) способность к организации и планированию; 3) базовые знания в различных областях; 4) тщательная подготовка по основам профессиональных знаний; 5) письменная и устная коммуникация на родном языке; 6) знание второго языка; 7) элементарные навыки работы с компьютером; 8) навыки управления информацией (умение находить и анализировать информацию из различных источников); 9) решение проблем; 10) принятие решений.

Межличностные компетенции (индивидуальные способности и социальные навыки): 1) способность к критике и самокритике; 2) работа в команде; 3) навыки межличностных отношений; 4) способность работать в междисциплинарной команде; 5) способность общаться со специалистами из других областей; 6) способность воспринимать разнообразие и межкультурные различия; 7) способность работать в международной среде; 8) приверженность этическим ценностям.

Системные компетенции: сочетание понимания, отношения и знания, способность планировать изменения с целью совершенствования системы и конструировать новые системы. К ним относятся: 1) способность применять знания на практике; 2) исследовательские навыки; 3) способность учиться; 4) способность адаптироваться к новым ситуациям; 5) способность порождать новые идеи (креативность); 6) лидерство; 7) понимание культур и обычаев других стран; 8) способность работать самостоятельно; 9) разработка и управление проектами; 10) инициативность и предпринимательский дух; 11) забота о качестве; 12) стремление к успеху [3].

Актуальность проблемы не вызывают сомнения. Тем не менее некоторые аспекты формирования профессиональных компетенций будущих специалистов помогающих профессий пока не нашли должного отражения в исследованиях ученых. В числе

исследованных проблем мало теоретических работ, посвященных концептуальным основаниям и способам формирования профессиональных компетенций будущих специалистов помогающих профессий. Таким образом, явно обозначились следующие противоречия между:

1) возросшими современными требованиями к качеству профессионального образования специалистов помогающих профессий социономического типа и существующими традиционными подходами к их профессиональной подготовке, не формирующие в должной мере профессиональную компетентность и ее компоненты;

2) потребностью современного общества в специалистах с высоким уровнем сформированности профессиональной компетентности и недостаточной теоретической разработанностью и методической обеспеченностью процесса формирования данной компетентности в рамках программ профессиональной подготовки будущих специалистов помогающих профессий социономического типа.

Все это определило проблему исследования: каковы направления деятельности вуза, решающие задачу профессиональных компетенций будущих специалистов помогающих профессий? Каковы психолого-педагогические условия формирования компетентности будущих специалистов помогающих профессий социономического типа?

Цель исследования – теоретически обосновать и определить психолого-педагогические условия формирования компетентности будущих специалистов помогающих профессий социономического типа.

Задачи исследования:

1. Выявить наиболее значимые профессиональные компетенции для будущих специалистов помогающих профессий.

2. Определить психолого-педагогические условия формирования компетентности будущих специалистов помогающих профессий социономического типа.

Результаты исследования

С целью изучения значимости профессиональной компетентности в профессиональной подготовке будущих специалистов нами было проведено исследование, в котором приняло участие 34 студента, обучающиеся по специальности «Дошкольное образование», и 20 студентов специальности «Социальная работа» Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина. Испытуемым для анализа было предложено 30 универсальных компетенций (из них 10 инструментальных, 8 межличностных и 12 системных), которые необходимо было проранжировать в порядке их приоритетности для работы по избранной профессии, присвоив самый низкий балл наиболее приоритетной компетенции (таблица 1).

Таблица 1. – Ранжирование инструментальных компетенций будущих специалистов помогающих профессий

Компетенции	Воспитатели УДО		Специалисты по социальной работе	
	Общий ранг	Ранг абсолютных чисел	Общий ранг	Ранг абсолютных чисел
способность к анализу и синтезу	4	4,64	10	8,1
способность к организации и планированию	2	4,11	6	5,5
базовые знания в различных областях	1	4,0	3	4,9

Продолжение

тщательная подготовка по основам профессиональных знаний	3	4,17	4	5,0
письменная и устная коммуникация на родном языке	8	5,94	5	5,2
знание второго языка	9	6,35	7	6,2
элементарные навыки работы с компьютером	10	7,29	8	6,5
навыки управления информацией (умение находить и анализировать информацию из различных источников)	6	5,70	9	6,9
решение проблем	7	5,23	1	3,0
принятие решений	5	4,88	2	4,4

Как следует из таблицы 1, наиболее значимыми инструментальными компетенциями для будущих специалистов в области дошкольного образования являются: базовые знания в различных областях, способность к организации и планированию, тщательная подготовка по основам профессиональных знаний.

Способность к анализу и синтезу, принятие решений и навыки управления информацией заняли достойные четвертую, пятую и шестую позиции среди десяти заявленных. Наиболее значимые инструментальные компетенции для будущих специалистов по социальной работе – это базовые знания в различных областях, умение на их основе решать проблемы и принимать правильные решения.

Знание второго языка, способность к организации и планированию, письменная и устная коммуникация на родном языке заняли достойные четвертую, пятую и шестую позиции среди десяти заявленных. Результаты ранжирования межличностных компетенций представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Ранжирование межличностных компетенций будущих специалистов в области помогающих профессий

Компетенции	Воспитатели УДО		Специалисты по социальной работе	
	Общий ранг	Ранг абсолютных чисел	Общий ранг	Ранг абсолютных чисел
способность к критике и самокритике	1	2,93	1	2,4
работа в команде	3	3,31	2	3,0
навыки межличностных отношений	2	3	3	5,5
способность работать в междисциплинарной команде	5	4,81	5	6,1
способность общаться со специалистами из других областей	7	5,5	4	5,6
способность воспринимать разнообразие и межкультурные различия	8	5,93	7	7,0
способность работать в международной среде	6	5,31	8	7,1
приверженность этическим ценностям	4	4,25	6	6,4

В группе *межличностных компетенций* самый высокий – первый – ранг имеет способность к критике и самокритике. Навыки межличностных отношений и работа в команде по праву заняли достойные вторую и третью позиции.

Будущие специалисты в области дошкольного образования привержены к этическим ценностям и способны работать в междисциплинарной команде и международной среде.

Будущие специалисты по социальной работе высоко ценят способность к критике и самокритике, умение работать в команде, наличие навыков межличностных отношений.

Способность общаться со специалистами из других областей, способность работать в междисциплинарной команде, приверженность этическим ценностям заняли достойные четвертую, пятую и шестую позиции среди десяти заявленных.

Результаты ранжирования системных компетенций представлены в таблице 3.

Таблица 3. – Ранжирование системных компетенций будущих специалистов в области помогающих профессий

Компетенции	Воспитатели УДО		Специалисты по социальной работе	
	Общий ранг	Ранг абсолютных чисел	Общий ранг	Ранг абсолютных чисел
способность применять знания на практике	1	2,94	1	2,2
исследовательские навыки	4	5,58	10	6,4
способность учиться	2	3	2	2,6
способность адаптироваться к новым ситуациям	7	6,47	3	4,2
способность порождать новые идеи (креативность)	6	6,05	4	4,4
лидерство	11	8,11	5	4,5
понимание культур и обычаев других стран	12	7,82	6	4,9
способность работать самостоятельно	5	5,7	8	5,4
разработка и управление проектами	9	7,23	12	8,8
инициативность и предпринимательский дух	10	7,94	11	7,0
забота о качестве	3	4,70	7	5,3
стремление к успеху	8	6,52	9	6,0

Способность применять знания на практике, способность учиться, забота о качестве и исследовательские навыки заняли четыре первые позиции у будущих дошкольных работников. Достаточно актуальными являются также способность работать самостоятельно, креативность, способность адаптироваться к новым ситуациям.

Будущие специалисты по социальной работе высоко ценят способность применять знания на практике, способность учиться, способность адаптироваться к новым ситуациям, способность порождать новые идеи (креативность).

Общими значимыми компетенциями для будущих специалистов в области помогающих профессий являются базовые знания в различных областях, способность к критике и самокритике, навыки межличностных отношений и работа в команде, способ-

ность применять знания на практике, способность учиться, способность адаптироваться к новым ситуациям, способность порождать новые идеи (креативность).

Таким образом, компетенции, выделенные в рамках общеевропейского подхода, относятся к наиболее значимым компетенциям, по мнению студентов-дошкольников и будущих специалистов по социальной работе. Эти данные подтверждают значение профессиональной компетентности для профессиональной деятельности будущих специалистов в области помогающих профессий.

К *неприоритетным инструментальным компетенциям* в работе по специальности студенты, к сожалению, отнесли знание второго языка и элементарные навыки работы с компьютером, которые, по-видимому, пока не очень актуальны в системе дошкольного образования. Однако в ближайшей перспективе они будут востребованы и их придется приобретать самостоятельно.

Знание иностранного языка сегодня необходимо любому образованному человеку. «Не знающий иностранного языка, – говорил великий Гете, – ничего не понимает и в родном языке». Поэтому, чтобы быть уверенным в завтрашнем дне, необходимо знание второго языка.

Бурное развитие информационных компьютерных технологий и внедрение их в образовательный процесс УДО наложили определенный отпечаток на деятельность современного педагога. Сама жизнь поставила воспитателей перед необходимостью использования компьютерных технологий в образовательном процессе детского сада. Применение информационно-коммуникационных технологий в дошкольном образовании становится все более актуальным, так как позволяет средствами мультимедиа в доступной и привлекательной игровой форме достигнуть высокого качества знаний, развивает логическое мышление детей, усиливает творческую составляющую учения, максимально способствуя повышению мотивации познания нового у дошкольников. Использование электронных образовательных ресурсов в работе с детьми служит повышению познавательной мотивации воспитанников, соответственно наблюдается рост их достижений, ключевых компетентностей.

К *неприоритетным межличностным компетенциям* будущие специалисты в области дошкольного образования относят способность общаться со специалистами из других областей, способность воспринимать разнообразие и межкультурные различия.

Среди *системных компетенций* у будущих специалистов в области дошкольного образования *неприоритетными* являются стремление к успеху, разработка и управление проектами, инициативность и предпринимательский дух, лидерство и понимание культур и обычаев других стран. А ведь стремление к успеху – это увлеченность работой, потребность профессионального самосовершенствования, получение удовлетворения от работы и своего уровня достижений, реализация собственных целей, способность идти на риск, уверенность в себе, стратегическое мышление, способность никогда не сдаваться, инициативность, предприимчивость, лидерство.

Работодатели при отборе кандидатов на вакантные должности отдают предпочтение именно тем выпускникам, которые стремятся к росту и развитию. Работодателю интересны люди, которые задумываются о профессиональном и личностном росте и предпринимают для этого конкретные действия – изучают специальную литературу, посещают семинары, тренинги. Сегодня работодатель желает видеть молодого специалиста не только вооруженного набором знаний и умений, но и способного применять их в различных нестандартных ситуациях, ставить задачи, находить их оптимальное решение, нести ответственность за последствия принятых решений.

В условиях реальной деятельности специалистов в области помогающих профессий возникает потребность в решении задач, связанных с интеллектуальными трудностями и интеллектуальной инициативой, с поиском новых способов решений, мгновенной реакции на непредсказуемые, внештатные ситуации и т.д. Именно в ходе решения таких задач и формируется творческое мышление будущего специалиста. Следовательно, будущий специалист должен сформироваться как творческая личность еще во время обучения в вузе.

К *неприоритетным инструментальным компетенциям* будущие специалисты по социальной работе, к сожалению, отнесли способность к анализу и синтезу, навыки управления информацией, элементарные навыки работы с компьютером.

К *неприоритетным межличностным компетенциям* будущие специалисты в области социальной работы как их коллеги в области дошкольного образования относят такие, как способность воспринимать разнообразие и межкультурные различия и способность работать в международной среде. Поскольку многие выпускники распределяются в образовательные учреждения, где не столь выражено культурное разнообразие, то можно предположить, что компетенции «понимание культур и обычаев других стран» и «способность воспринимать разнообразие и межкультурные различия» не являются актуальными и поэтому низко оцениваются студентами.

К *неприоритетным системным компетенциям* будущие специалисты по социальной работе, к сожалению, отнесли разработку и управление проектами, исследовательские навыки, инициативность и предпринимательский дух.

Но без этих компетенций невозможно проектирование и прогнозирование процессов в социальной сфере: проведение исследований, выполнение комплекса социомедицинско-психологических задач, решаемых в учреждениях социальной сферы, образования, здравоохранения, МВД, культуры, предусмотренных Государственным образовательным стандартом Республики Беларусь по специальности «Социальная работа».

При разработке «компетентностных моделей» выпускников целесообразно принять во внимание рекомендацию Еврокомиссии относительно восьми ключевых компетенций, которыми должен овладеть каждый европеец. К ним относятся компетенции:

- 1) в области родного языка;
- 2) в сфере иностранных языков;
- 3) математическая и фундаментальная естественнонаучная и техническая;
- 4) компьютерная;
- 5) учебная;
- 6) межличностная, межкультурная, социальная, гражданская;
- 7) предпринимательская;
- 8) культурная.

Эти компетенции поддерживаются определенными способностями, к которым причисляются во всех жизненных областях такие необходимые аспекты, как критическое мышление, креативность, «европейское измерение» и активная жизненная позиция. Совместно эти способности содействуют развитию личности, активному взаимодействию и улучшению трудоустройства.

С.А. Маруев говорит о двух типах обобщенных моделей компетентностей специалиста – статической и динамической. «Динамическая природа компетенций обусловлена возможностью ее формирования и потерь (изменение носителя компетенции), так и возникновением и исчезновением интереса к решению некоторого набора задач, для которых предназначена компетенция (изменение среды применения), или создани-

ем и отказом от использования технологии (изменение технологической оснащенности сферы применения)» [4]. Гибкость компетентностных моделей должна стать важнейшей их характеристикой.

Заклучение

В качестве основных психолого-педагогических условий формирования профессиональной компетентности будущих специалистов помогающих профессий социомического типа выделим:

- 1) профессиональная компетентность самого преподавателя;
- 2) переориентация содержания образования на развитие личности (как цели и результата образования): ее индивидуальности, системы ценностей, креативного мышления, опыта творческой деятельности, ее самоактуализации, самореализации, саморазвития в учебно-профессиональной деятельности;
- 3) внедрение образовательных технологий, обеспечивающих развитие ценностной сферы личности студента, ее гуманистической составляющей как перспективы формирования личностного смысла в профессиональной деятельности;
- 4) использование образовательных технологий, актуализирующих профессиональную компетентность будущих специалистов помогающих профессий социомического типа – супервизии и социально-психологического тренинга;
- 5) направленности социально-психологического тренинга и супервизии на повышение потребности студентов в саморазвитии и самореализации; сопровождение процесса ориентации квалифицированным профессионально-педагогическим консультированием – изучение спецдисциплины «Технологии развития профессиональной карьеры», способствующей формированию компетентного отношения к профессиональной деятельности и дающей возможность определить свое место в мире профессий, найти личностный смысл в профессиональной деятельности (отсутствие специалистов-профориентологов делает проблемным такое консультирование);
- 6) внедрение системы непрерывной практической подготовки, направленной на формирование у студентов профессиональных компетенций через организацию не только практики в рамках учебного процесса, но и внеаудиторной практической деятельности и социально-коммуникативной практики

Основу педагогической технологии составляют субъектно-деятельностный и личностно ориентированный подходы к организации образовательного процесса. Основной целью педагогической технологии является достижение будущими специалистами помогающих профессий социомического типа высокого уровня сформированности профессиональных компетенций, достаточных для осуществления эффективной профессиональной деятельности.

Наряду с названными для достижения этих целей сегодня применяются: адаптивная технология А.С. Границкой, Е.А. Ямбурга; альтернативная технология Р. Штейнера (вальдорфская педагогика); модульное обучение К.Я. Вазиной; метод проектов П.И. Третьякова; технологии саморазвивающего обучения Г.К. Селевко; личностно ориентированные технологии И.С. Якиманской; технология решения творческих задач Г.С. Альтшуллера (ТРИЗ); управление проектами (project management); коучинговые технологии; технология развития критического мышления; эвристические техники генерирования идей; комплексные технологии активного обучения; игровые интерактивные технологии; учебные дебаты; метод проигрывания ролей; мастер-классы; творче-

ские мастерские; информационные технологии и другие. Они представлены в университете и на факультете как технологии открытого образования.

Процесс профессионального обучения должен быть направлен как на становление базовых компетентностей, так и на формирование творческого потенциала развития и профессионального совершенствования в будущем. При этом практическая направленность образовательного процесса должна сочетаться с фундаментальностью учебных дисциплин. Единство фундаментальной и практической подготовки позволит успешно формировать профессиональные компетенции на вузовском уровне непрерывного образования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зимняя, И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия / И. А. Зимняя. – М. : Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 40 с.

2. Дроздова, Н. В. Компетентностной подход как новая парадигма студентоцентрированного образования / Н. В. Дроздова, А. П. Лобанов. – Минск : РИВШ, 2007. – 100 с.

3. Методология TUNING: компетентностный подход при определении содержания образовательных программ : электрон. метод. пособие / А. И. Горылев [и др.]. – Н. Новгород, 2011. – 48 с.

4. Маруев, С. А. Компетенции специалиста: модели и методы исследования / С. А. Маруев. – М. : Рос. гос. аграр. заоч. ун-т, 2005. – 32 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 08.05.2018

Kovalevich M.S. The Formation of Professional Competence Among Future Specialists in Caring Professions of Socionomic Type

The article presents the results of a comprehensive study of the importance of professional competences for future professionals of the Brest state University named after Pushkin. Identified psychological and pedagogical conditions of formation of competence of future specialists of helping professions help type.

УДК 613.954 : 373.21(438)

H. Konowaluk-Nikitin¹, J. Waszczuk²¹dr pedagogiki, wykładowca Państwowej Szkoły Wyższej imienia Papieża Jana Pawła II w Białej Podlaskiej (Polska)²dr pedagogiki, wykładowca Państwowej Szkoły Wyższej imienia Papieża Jana Pawła II w Białej Podlaskiej (Polska)e-mail: ¹konowaluk@gmail.com; ²awaszczuk@op.pl**EDUKACJA ZDROWOTNA
W PRAKTYCE WYCHOWANIA PRZEDSZKOLNEGO**

Zdrowie jest wartością nie zawsze docenianą przez dzieci. Dzieci często nie zdają sobie sprawy z tego, że zdrowie można stracić i że trzeba o nie dbać. Kształtowanie umiejętności dbania o zdrowie własne i innych powinno być obecne w wychowaniu przedszkolnym. Edukacja zdrowotna w przedszkolu charakteryzuje się planowością, ciągłością i systematycznością, która ma na celu wraz z rozwojem dziecka wyposażyć je w elementarną wiedzę o zdrowiu. Celem artykułu było przedstawienie realizacji edukacji zdrowotnej w wybranym przedszkolu w Białej Podlaskiej. Autorzy omówiły ważniejsze elementy edukacji zdrowotnej oparte o podstawę programową obowiązującą w budowaniu tego typu programów. Następnie opisują możliwości omawianego Przedszkola № 15 w Białej Podlaskiej (Polska) i analizują działania podejmowane przez tę instytucję w zakresie edukacji zdrowotnej. W artykule wykorzystano dokumenty omawianej instytucji, wywiady z jej rodzicami i pracownikami oraz obserwację.

Wstęp

Przedszkole jest instytucją oświatową zajmującą się realizacją zadań opiekuńczych, wychowawczych i edukacyjnych, skierowanych do dzieci w wieku od trzeciego roku życia do osiągnięcia gotowości szkolnej. Przedszkolna edukacja cechuje się podejściem holistycznym do rozwoju dziecka i obejmuje: wychowanie moralne, religijne, umysłowe, fizyczne, ale także wychowanie zdrowotne, współcześnie określane mianem przedszkolnej edukacji zdrowotnej [2, s. 203]. Skupia się ona nie tylko na realizowaniu treści dotyczących zdrowia fizycznego, ale także uwzględnia zdrowie społeczne i psychiczne. Dąży do ukształtowania w dzieciach postawy prozdrowotnej, by prowadziły zdrowy styl życia. Zdrowie jest dla współczesnego człowieka wartością podstawową, warunkującą jego rozwój i podejmowanie różnych aktywności życiowych. Często bywa tak, że dziecko podejmuje działania narażające jego zdrowie na uszczerbek. Czasami robi to świadomie, ale najczęściej nie zdaje sobie sprawy ze skutków swoich działań. Dlatego też, najpierw rodzina a po niej przedszkole podejmuje kroki mające na celu promowanie zdrowia dziecka [1, s. 307].

Realizacja zagadnień edukacyjnych wśród dzieci pod względem instytucjonalnym leży w kompetencji przedszkola, szkoły. Przedszkole jest miejscem intensywnej nauki i rozwoju [8, s. 203]. Edukacja i zdrowie są ze sobą nieodzownie powiązane. Zdrowie sprzyja edukacji a edukacja sprzyja zdrowiu. Związek edukacji i zdrowia ma trojaki wymiar.

Edukacja jako zasób dla zdrowia. Wyższy poziom wykształcenia sprzyja podejmowaniu prawidłowych postaw zdrowotnych i prowadzenia zdrowego stylu życia, dzięki czemu u osób lepiej wykształconych obserwuje się niższa zachorowalność i śmiertelność z powodu chorób przewlekłych [3, s. 65].

Zdrowie jako zasób dla edukacji. Zdrowy i prawidłowo funkcjonujący organizm zapewnić dyspozycyjność i predyspozycje do dobrego przyswajania wiedzy.

Czynniki wpływające na zdrowie i edukację są podobne – zarówno zdrowie, jak i możliwości edukacyjne, zależą w głównej mierze od środowiska rodzinnego i rówieśniczego, warunków społeczno-ekonomicznych oraz pracy przedszkola i szkoły [14, s. 8].

W podstawie programowej edukacja zdrowotna została ujęta jako ważne działanie kształtujące nawyk dbałości o zdrowie własne i innych. Edukacja zdrowotna powinna obejmować wszystkie aspekty zdrowia: fizyczny, duchowy, psychiczny, społeczny. Edukacja zdrowotna powinna nieść ze sobą zmiany w podejściu do stylu życia, który przede wszystkim oddziałuje na zdrowie [11].

Najważniejszymi cechami edukacji dzieci i młodzieży są:

- 1) uwzględnienie wszystkich aspektów zdrowia;
- 2) prowadzenie edukacji w różnych okolicznościach, zarówno formalnych, jak i nieformalnych; realizacja jej założeń w ramach programowych przedszkoli i szkołach oraz innych instytucjach;
- 3) badanie wzorców wśród osób dorosłych: rodziców, nauczycieli i innych autorytetów;
- 4) stworzenie w placówkach edukacyjnych odpowiednich warunków do praktykowania zachowań zdrowotnych [14, s. 8].

Dzieci w wieku przedszkolnym są bardzo podatne na oddziaływanie i zachowania innych osób. Czasem nie rozróżniają zachowań dobrych (prozdrowotnych) od złych (antyzdrowotnych). Dlatego przedszkole zobowiązane jest do tego, aby prowadzić zajęcia z edukacji i promocji zdrowia wśród swoich wychowanków. Nauczycieli wychowania przedszkolnego, sytuacja ta zobowiązuje do aktualizowania i poszerzania posiadanych kwalifikacji i kompetencji z pedagogiki [14, s. 165].

Celem artykułu jest przedstawienie procesu edukacji zdrowotnej realizowanego w praktyce przedszkola № 15 im. Juliana Tuwima w Białej Podlaskiej.

Zdrowie, wychowanie zdrowotne i edukacja zdrowotna

Według B. Woynarowskiej, zdrowie jest pojęciem trudnym do zdefiniowania. Tym zagadnieniem, zajmują się przedstawiciele wielu nauk medycznych i społecznych (psychologia, socjologia, pedagogika, teologia) oraz nauki o zdrowiu. Każda z tych dziedzin opisuje zdrowie w innym aspekcie, z własnego punktu widzenia [12, s. 234]. Pedagodzy mają własną subdyscyplinę pedagogiki, dotyczącą tej problematyki. Jest nią pedagogika zdrowia. «Jej przedmiotem zainteresowań badawczych i analiz są społeczno-środowiskowe uwarunkowania zdrowia i choroby, wieloaspektowe i wielosektorowe działania środowiskowe (instytucjonalne i pozainstytucjonalne) na rzecz zdrowia różnych grup społecznych oraz badanie i ewaluacja procesu edukacji zdrowotnej (wychowania i kształcenia), ukierunkowanej na doskonalenie zdrowia fizycznego, psychicznego, społecznego i umiejętności życiowych, sprzyjających zdrowemu stylowi życia i poprawie jakości życia w każdym okresie życia człowieka celem projektowania pedagogicznych (w tym edukacyjnych) działań kompensacyjnych na rzecz jednostki i środowiska, wykorzystywanych także w pracy socjalnej» [10, s. 19]. Obecnie doliczono się ponad 300 definicji zdrowia, co wskazuje na to, że trudno jest wybrać jedną najbardziej rzetelną i trafną. Najczęściej cytowaną na świecie wydaje się być definicja z 1946 r., zapisana w Konstytucji Światowej Organizacji Zdrowia (WHO), która podaje, że «zdrowie jest stanem pełnego dobrego samopoczucia fizycznego, psychicznego i społecznego, a nie wyłącznie niewystępowanie choroby lub niedomagania (ułomności, niepełnosprawności). Zgodnie z tą definicją zdrowie jest stanem pozytywnym (angielski termin “well-being” tłumaczy się jako dobrostan), ma kilka wymiarów (fizyczny, psychiczny, społeczny), podlega subiektywnej ocenie (samopoczucie)» [12, s. 234]. Jest to pozytywna definicja zdrowia, oznaczająca dobrostan, pełnię możliwości. Uwzględnia ona wielowymiarowość tego zagadnienia.

Wychowanie zdrowotne to dziedzina wychowania usytuowana na pograniczu medycyny i pedagogiki: medycyna dostarcza treści, a pedagogika – formy oddziaływania wycho-

wawczego. Naczelnym celem wychowania zdrowotnego jest «wychowanie dziecka (człowieka) jako świadomego współtwórcy swojego zdrowia i aktywnie dopominającego się o zdrowie publiczne» [5, s. 177]. Proces wychowania zdrowotnego dzieci realizować należy tak, aby każdy z wychowanków:

- 1) rozumiał, iż jest odpowiedzialny za swoje zdrowie i bliskich mu osób;
- 2) doskonalił je, chronił i zapobiegał chorobom;
- 3) był świadom tego, co zdrowiu szkodzi, narusza je i skraca, co je podtrzymuje i przedłuża;
- 4) wiedział, kiedy i jak radzić sobie samemu, a kiedy i jak korzystać z pomocy służby zdrowia;
- 5) był przekonany, że od jego własnej aktywnej, czynnej postawy i zachowania zależy zdrowie ludzi, z którymi przebywa [5, s. 170–171].

Najszerzej i najszybciej wychowanie zdrowotne wprowadza się w przedszkolach. Celem wychowania zdrowotnego jest «kształtowanie osobowości dbającej o zdrowie poprzez rozwijanie umiejętności identyfikacji własnych potrzeb zdrowotnych, dokonywania wyborów i podejmowania decyzji na rzecz zdrowia» [8, s. 11]. Wychowanek po zastosowaniu odpowiednich metod wychowania ma być bardziej odpowiedzialny za własne zdrowie.

Edukacja zdrowotna mieści się w zakresie wychowania zdrowotnego. M. Demel zwrócił uwagę, że należy zrealizować cztery etapy edukacji zdrowotnej.

Etap pierwszy obejmuje okres od urodzin do 2–3 roku życia. Dziecko jest odbiorcą zabiegów pielęgnacyjnych rodziców i opiekunów, uczy się od dorosłych stopniowo wykonywać polecenia i ich naśladuje. Z czasem te czynności automatyzuje. W tym okresie dziecko poznaje swoje ciało [13, s. 218]. **Drugi etap** obejmuje okres przedszkolny i młodszy wiek szkolny. W tym okresie dziecko zaczyna bardziej samodzielnie dbać o własne zdrowie. Świadomie naśladuje zachowania dorosłych. Jest to okres opanowania podstawowych czynności higienicznych. Rodzice, wychowawcy, nauczyciele muszą mu o tym przypominać i nadzorować. Ważny jest wzór, jaki dziecko otrzyma od naśladowania oraz możliwość dania samodzielności dziecku. Ważną rolę wówczas zaczynają odgrywać media (reklamy). Przedszkola i szkoły powinni współpracować z rodzicami. Dziecko naśladuje rówieśników. **Trzecim etapem** jest autoedukacja. W tym okresie dziecko jest świadomym współtwórcą swojego zdrowia. Dotyczy to okresu dojrzewania. Dziecko buduje własną tożsamość, inaczej siebie postrzega, jest bardziej krytyczne. Często nie zgadza się z rodzicami (krytykuje, buntuje się). Zaczyna eksperymentować z zachowaniami szkodliwymi względem jego zdrowia, np. palenie papierosów, używki (napoje energetyczne), narkotyki, alkohol. Sam poszukuje informacji na nurtujące go pytania. Rodzice wspólnie z dzieckiem powinni wyznaczyć mu granice, których nie może przekroczyć. Rodzice mają wspierać dziecko [13, s. 219]. **Czwarty etap** – to heteroedukacja – odwrócenie ról. Młody człowiek zaczyna wychowywać dorosłych. Polega to na tym, że przenosi zachowania wyuczone w szkole na grunt rodzinny, np. zmiana diety, aktywność fizyczna. Dziecko występuje jako inicjator działań. W tym okresie jest ważne, by dać mu możliwość do aktywności na tym polu. Każdy z wymienionych etapów edukacji zdrowotnej wymaga współpracy wielu środowisk wychowawczych.

Realizacja edukacji zdrowotnej w przedszkolu imienia Juliana Tuwima w Białej Podlaskiej

Dokumentem podstawowym wyznaczającym ramy dla działalności dydaktyczno-wychowawczej przedszkola jest podstawa programowa wychowania przedszkolnego. Jest to dokument otwarty dopuszczający wykorzystywanie wielu różnych programów wychowania [4].

Tradycyjnie edukacja zdrowotna w tym etapie koncentrowała się na zdrowiu fizycznym, bezpieczeństwie, kształtowaniu nawyków higienicznych dziecka. Obecnie zaś poszerzono jej tematykę o promocję zdrowia. Wprowadzono też wiele innowacji pedagogicznych. Zaczęły się pojawiać i tworzyć sieci przedszkoli promujących zdrowie na wzór «Szkoły promującej zdrowie». Charakteryzują się one tym, że nauczyciel aktywnie promuje zdrowie, aktywność dziecka w przedszkolu ma odpowiedni rytm, wzmacnia się kondycję fizyczną dzieci, funkcjonuje zdrowe żywienie, spontaniczne zabawy oraz współpraca ze środowiskiem lokalnym. W Polsce takich przedszkoli jest już ponad 200 i ich liczba ciągle rośnie [13, s. 226].

Przykładem realizacji wyżej wspomnianych zagadnień jest przedszkole № 15 imienia Juliana Tuwima w Białej Podlaskiej. Placówka mieści się na ul. Akademickiej 8 i należy do kompleksu budynków, w skład których wchodzi szkoła podstawowa, gimnazjum (ostatni rok zgodnie z reformą) oraz liceum. Swoją działalność przedszkole rozpoczęło 3 września 1984 r. Obecnie prowadzi 9 oddziałów. Każdy z nich mieści się w osobnej sali. Oprócz tego są trzy sale zabaw. Grupy: I grupa «Krasnoludki», II – «Biedronki», III – «Figielki», IV – «Mróweczki», V – «Kamyczki», VI – «Tropiciele», VII – «Mądre Sówki», VIII – «Pszczołki», IX – «Słoneczka». Oprócz tego w przedszkolu jest kuchnia z zapleczem kuchennym, sanitariaty oraz pomieszczenia administracyjne. Praca wychowawczo-dydaktyczna prowadzona jest w oparciu o program wychowania przedszkolnego, rekomendowany przez MEN z dnia 14.02.2017 w sprawie podstawy programowej wychowania przedszkolnego oraz kształcenia ogólnego w poszczególnych typach szkół [4].

Podczas realizacji wytycznych podstawy programowej wykorzystywane są zestawy książek przeznaczonych dla dzieci w wieku przedszkolnym. Należą do nich m.in. «Wesołe Przedszkole Trzylatka», «Wesołe Przedszkole Czterolatka», «Wesołe Przedszkole i przyjaciele» napisane przez M. Walczak-Sarow i P. Kręcisz.

Program podstawowy rozszerzany jest ponadto o 2 autorskie plany nauczycieli pracujących w przedszkolu. W pracy wykorzystywane są także elementy programów «Dziecięca matematyka», którą opracowały E. Kruszczyk-Kolczyńska i E. Zielińska, ruch rozwijający Weroniki Sherborne, kinezylogiczny system edukacji przez ruch Doroty Dzimskiej oraz metoda dobrego startu autorstwa Marty Bogdanowicz. Program dydaktyczny uatrakcyjniamy dodatkowe zajęcia z języka angielskiego, rytmiki, plastyczne zajęcia. Głównym założeniem przedszkola jest stymulowanie ogólnego rozwoju dzieci, pomaganie wychowankom w rozwijaniu umiejętności i zdolności, zaspokajających naturalną potrzebę ruchu oraz kształtowanie w nich postawy prozdrowotnej i proekologicznej [15]. Każde dziecko uczęszczające do tej placówki czuje się ważne i potrzebne.

Na potrzeby niniejszego artykułu zostały przeprowadzone badania w przedstawionym przedszkolu. Celem badań było zapoznanie się z procesem realizacji edukacji zdrowotnej w praktyce przedszkola № 15 imienia Juliana Tuwima w Białej Podlaskiej. Badania przeprowadzono w okresie marzec–maj 2018 r.

Jak wiadomo, edukacja zdrowotna zaczyna się w rodzinie a następnie jest rozwijana także w przedszkolu. Dokonana analiza treści dokumentów oraz przeprowadzona obserwacja umożliwiły zaprezentowanie sposobów realizacji edukacji zdrowotnej w wybranej placówce. Po kolei umówimy momenty, w których realizuje się cele edukacji zdrowotnej w warunkach wybranej placówki. Pierwsze, to są zajęcia tematyczne. Zajęcia te są przeprowadzane w oparciu o założenia podstawy programowej. Tematy dotyczące zdrowia są bardzo często poruszane podczas zajęć o tematyce różnorodnej. W kwietniu odbywa się szczególnie dużo zajęć poświęconych wyłącznie zdrowiu w związku z obchodzonym w tym miesiącu Światowym Dniem Zdrowia (07.04). Są to rozmowy, pogadanki, zabawy i gry dostosowane do wieku.

Nauczyciel nie tylko słownie przekazuje treści zdrowotne, ale również wykorzystuje do tego metody ruchowe, plastyczne, techniczne i inne. W ramach tych zajęć dzieci uczestniczą w zajęciach poza budynkiem przedszkola (np. w gabinecie stomatologicznym w szkole znajdującej się w tym samym gmachu). Chodzą również na spacer do parku, na plac zabaw, do pobliskich ogródków działkowych. Spacer odbywają się o każdej porze roku, o ile pozwalają na to warunki atmosferyczne.

Warto zaznaczyć, że przedszkole uczestniczyło w programach profilaktycznych, takich jak, np. «Czyste powietrze wokół nas», ale przede wszystkim ma na celu ukształtowanie w dzieciach świadomej umiejętności radzenia sobie w sytuacjach, gdy ktoś pali w ich obecności papierosa, jak również kształtowanie postaw odpowiedzialności za własne zdrowie [6].

Kolejnym programem jest «Radosny uśmiech – radosna przyszłość» związany z dbałością o higienę jamy ustnej [9]. Następne programy to «Moja buzia tryska zdrowiem», «Lubię zimno» i program profilaktyczny zdrowia emocjonalnego «Przyjaciele Zippiego». Popularnym sposobem promowania zdrowia są konkursy wewnątrz przedszkolne jak i organizowane przez inne placówki oświatowe, np. odbyły się konkursy międzyszkolne Olimpiada w Ekolandii, wewnątrz przedszkolne «Czystość to zdrowie», «Chcesz być zdrowy jak ryba, jedz owoce i warzywa» promocja spożywania owoców i warzyw, «Tydzień czystości».

Nie można nie wspomnieć o «Olimpiadzie przedszkolaka» organizowanej przez Akademię Wychowania Fizycznego w Białej Podlaskiej [7]. Ta impreza jest festynem sportowo-rekreacyjnym dla dzieci i ich rodziców ze wszystkich przedszkoli miasta. Po raz pierwszy taka olimpiada odbyła się w maju 1992 r. i jest kontynuowana systematycznie raz w roku. Studenci II roku wspomnianej uczelni zorganizowali «Zawody sportowe». Od kilku lat dzieci uczestniczą w zajęciach na basenie w pływalni pobliskiej uczelni, zajęciach rytmiczno-tanecznych i zajęciach z korektywy.

Nauczycieli przedszkola zapraszają rodziców swoich wychowanków do podzielenia się swoim doświadczeniem związanym ze sportem. Tak w marcu do przedszkola został zaproszony tata Poli pan Dawid S., który jest sportowcem, nauczycielem wychowania fizycznego, trenerem sztuk walki oraz windsurfingu. Opowiedział dzieciom jak ważną funkcję pełni uprawianie sportu, pokazał kilka ciekawych ćwiczeń poprowadził zabawy ruchowe. W maju dzieci z grupy «Figielki» odwiedzili siedzibę Pogotowia Ratunkowego w Białej Podlaskiej. Zapoznali się ze specyfiką pracy ratownika medycznego.

Na początku czerwca dzieci z przedszkola biorą udział w trzydniowych wyjazdach do Serpelic (Zielonym przedszkolu), gdzie występuje specyficzny klimat sprzyjający profilaktyce chorób górnych dróg oddechowych. Wówczas dzieci mieszkają w domu rekolekcyjnym miejscowego klasztoru ojców kapucynów. W czasie pobytu uczestniczą w grach i zabawach na świeżym powietrzu, zajęciach sportowych oraz spacerach po pięknych okolicznych lasach.

W kronikach przedszkola można wyczytać, że dzieci wyjeżdżają do Grabanowa, gdzie poznają sekrety produkcji miodu. Przedszkole organizuje także pikniki rodzinne, prowadzone najczęściej w Woskrzenicach w ośrodku «Wiosenny wiatr», mieszczącym stajnię koni jeździeckich, małe zoo, altanki, scenę i park linowy (survivalowy) dla dzieci. Kontakt ze zwierzętami daje dzieciom sporą dawkę emocji, a przejście ścieżki zdrowia z torem przeszkód i przeprawą linową pod okiem miejscowych instruktorów rekreacji dostarcza dzieciom niezapomnianych wrażeń i stanowi interesującą próbę sprawności fizycznej.

W zimie dzieci odwiedzają miejscowość Kobyłany, żeby pojechać na sankach z góry. Nauczyciele przedszkola organizują wycieczki do gabinetu stomatologicznego i do przychodni pediatrycznej, gdzie dzieci mają okazję poznać bliżej zagadnienia zdrowotne i oswoić się z rolą pacjenta. Na terenie przedszkola odbywają prelekcje dla rodziców na tematy zwią-

zane ze zdrowiem, np. «Profilaktyka. Choroby meningokokowe oraz kleszczowe zapalenie mózgu», «Aktywność fizyczna dzieci i młodzieży», «Czyste powietrze wokół», «Higiena jamy ustnej» a także odbyła się prelekcja związana z zagrożeniem epidemii grypy.

Kolejnym obszarem edukacji zdrowotnej w przedszkolu jest racjonalne żywienie dzieci. Jest to bardzo ważne w wieku przedszkolnym, gdyż dzieci intensywnie rosną, mają dużą potrzebę ruchu a także uczą się prawidłowych nawyków żywieniowych.

Jedną z tradycji Przedszkola są «Owocowe śniadanka». Dzieci przynoszą z domu owoce, które następnie są rozdzielane na wszystkie dzieci w oddziale i wspólne spożywane na drugie śniadanie. Drugim tradycyjnym elementem żywieniowym jest podawanie świeżej marchwi do posiłków. Jadłospis musi uwzględniać indywidualne potrzeby dziecka, to znaczy brać pod uwagę dzieci ze schorzeniami, przy których wymagana jest odpowiednio dobrana dieta.

Posiłki podawane w przedszkolu są urozmaicone i bogate w wartości odżywcze, Podawane dzieciom produkty są bogate w białko, wapń, witaminy, potrzebne do rozwoju dzieci. Największy problem stanowi jedzenie surówek, za którymi dzieci nie przepadają. Nauczycielki zachęcają dzieci do samodzielnego zrobienia surówki i wspólnego zjedzenia.

W ramach tygodnia zdrowia, który odbywa się corocznie w kwietniu, dzieci robią kanapki z warzywami, sałatki warzywne i owocowe szaszłyki owocowe.

Przedszkole propaguje zdrowe żywienie poprzez stworzenie owocowego kącika oraz poprzez gazetki, plakaty i broszury.

Podsumowanie

Po zbadaniu pracy przedszkola na rzecz edukacji zdrowotnej należy dokonać konkluzji i sprecyzować wnioski. Przedszkole № 15 imienia J. Tuwima w Białej Podlaskiej podejmuje działania związane z wychowaniem zdrowotnym w bardzo szerokim zakresie. Przedszkole podejmuje wiele działań wychodzących poza podstawę programową:

1) proponuje swoim wychowankom dodatkowe zajęcia, takie jak korektywa, taniec, rytmika, basen;

2) nauczyciele dbają o przestrzeganie zasad higieny podczas codziennych czynności;

3) nauczyciele dbają o zdrowie dzieci, przekazują rodzicom informacje o stanie ich zdrowia, o wadach rozwojowych, odchyleniach od norm i podejmują działania mające minimalizować skutki zagrożeń zdrowotnych;

4) przedszkole jest w ścisłej współpracy ze środowiskiem lokalnym.

Po przeprowadzonej analizie należy stwierdzić, że omówione przedszkole dba o zdrowy rozwój swoich podopiecznych, kształtuje czynną postawę wobec zdrowia a także uczy odpowiedzialności za zdrowie własne i innych starając się to robić w sposób skuteczny i atrakcyjny.

LISTA WYKORZYSTANYCH ŹRÓDŁ

1. Ambros, E. Zdrowie: wielki poradnik rodzinny / E. Ambros. – Warszawa : Muza, 2001. – 808 s.

2. Matejczuk, J. Rozwój dziecka. Wiek przedszkolny / J. Matejczuk // Niezbędnik Dobrego Nauczyciela ; red. A. Brzezińska. – Warszawa : Inst. Badań Edukacyjnych, 2014. – 63 s.

3. Chodkiewicz, J. Psychologia zdrowia: wybrane zagadnienia / J. Chodkiewicz. – Łódź : Wydaw. Wyższej Szkoły Humanistyczno-Ekonomicznej w Łodzi, 2005. – 183 s.

4. Dziennik Ustaw z dnia 14 lutego 2017 r. – № 4, poz. 17.
5. Górniewicz, J. Teoria wychowania / J. Górniewicz. – Olsztyn : Olsztyńska Szkoła Wyższa, 2008. – 187 s.
6. Pismo z Powiatowej Stacji Sanitarno-Epidemiologicznej do dyrektorów przedszkoli z dnia 18.08.2010 r.
7. Promocja Zdrowia Przedszkola Samorządowego № 15 im. Juliana Tuwima w Białej Podlaskiej.
8. Przybyła, E. Edukacja zdrowotna. Przewodnik do studiów / E. Przybyła. – Katowice : Akad. Wychowania Fizycznego, 2008. – 287 s.
9. Sprawozdanie z prac oświatowo-zdrowotnych w Przedszkolu Samorządowym № 15 w Białej Podlaskiej za II półrocze roku szkolnego 2009/2010.
10. Syrek, E. Edukacja zdrowotna / E. Syrek, K. Borzucka-Sitkiewicz. – Warszawa : Wydaw. Akademickie i Profesjonalne, 2009. – 224 s.
11. Turner, J. S. Rozwój człowieka / J. S. Turner, D. B. Helms. – Warszawa : Wydaw. Szkolne i Pedagogiczne, 1999. – 725 s.
12. Woynarowska, B. Biomedyczne podstawy kształcenia i wychowania : podręcznik akademicki / B. Woynarowska, A. Kowalewska, Z. Izdebki. – Warszawa : PWN, 2010. – 320 s.
13. Woynarowska, B. Edukacja zdrowotna : podręcznik akademicki / B. Woynarowska. – Warszawa : PWN, 2010. – 608 s.
14. Organizacja i realizacja edukacji zdrowotnej w szkole : poradnik dla dyrektorów szkół i nauczycieli / red. B. Woynarowska. – Warszawa : Ośrodek Rozwoju Edukacji, 2011. – 96 s.
15. Przedszkole Samorządowe № 15 im. Juliana Tuwima w Białej Podlaskiej [Elektronowy zasób]. – Reżim dostępu: <http://przedszkole-piętnastka.republika.pl/misja.htm>. – Data dostępu: 29.08.2013.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.09.2018

Konowaluk-Nikitin H., Waszczuk J. Health Education as Employed in Preschool Education

Health is a value that is not always esteemed by children. Kids often do not realize that they can lose their health and that they have to nurse for it. Shaping the skills of caring for health of themselves and the others ought to be included in the preschool education. What is important about the health education taught in the kindergarten is its schedule, continuity and regularity which will gradually, as the child's development advances, equip it in basic knowledge about health. The aim of the article was an attempt to picture the execution of health education in a selected kindergarten in Biala Podlaska. The authors discuss important elements of health education based on core curriculum traditionally applied while creating such projects. Next they describe the abilities of Kindergarten №15 in Biala Podlaska, Poland and analyze actions concerning health education which are being taken by said kindergarten. In the article authors used files of institution concerned, interviews with its parents and staff as well as the authors' personal scrutiny.

УДК 378.016 = 111

Л.Я. Дмитрачкова

канд. пед. наук, доц., доц. каф. немецкой филологии и лингводидактики
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: paradise56@rambler.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ ОБРАЗОВАНИЯ (специальность 1-21 81 01 Инновации в обучении иностранным языкам)

Реализация компетентностного и технологического подходов в языковом образовании обуславливает изменения требований к уровню профессиональной культуры специалистов образования, иноязычного в частности. Представлены теоретико-методологические основания создания новационных моделей образовательного процесса на системной основе. Предложена образовательно-технологическая модель профессиональной подготовки учителей иностранного языка на II ступени высшего образования по специальности 1-21 81 01 Инновации в обучении иностранным языкам (ОСВО 1-21 81 01-2012) в Брестском государственном университете имени А.С. Пушкина.

Введение

Переходному периоду свойственно многообразие инновационных подходов к образованию. В рамках традиционной репродуктивной ориентации учебного процесса появляются инновации-модернизации, инновации-трансформации, преобразующие учебный процесс в исследовательский, частные, модульные, системные нововведения или радикальные, комбинаторные, модифицирующие. Очевидно, различные теории и разнообразные подходы все же должны быть интегрированы в единую концептуальную основу, ибо переход к гуманистической образовательной парадигме требует существенных изменений во всех звеньях педагогической системы. Внедрение компетентностного, например, подхода в исторически сложившиеся традиции «советского» образования влечет за собой переосмысление и преобразование его основ: ценностей, целей, результатов образования (переход от «знаний, умений, навыков» к формированию базовых компетенций/компетентностей современного человека); содержания образования (переход от абстрактных теоретических понятий к системным практико-ориентированным концепциям); педагогической деятельности (переход от монолога к педагогике творческого сотрудничества и диалога с обучающимися); учебно-познавательной деятельности обучающихся (переход от репродуктивной к созидательной деятельности в контексте интеллектуальной, духовной, социальной и предметной культуры); технологического обеспечения образовательного процесса (переход от традиционных к инновационным технологиям деятельности типа); образовательной среды как системы влияний и условий формирования и развития личности, индивидуальности; отношений с внешней средой, задающей контекст деятельности образовательного учреждения; уровней финансового, материально-технического, организационного и кадрового обеспечения деятельности системы образования в целом [1, с. 117].

В сфере иноязычного образования с появлением лингводидактики ситуация еще более усложняется. Ведется поиск новой методологии иноязычного образования, новой парадигмы лингводидактики. Или требуется, скорее, полипарадигмальность (интеграция исходных концептуальных схем) как методология, обеспечивающая свободу методическому творчеству учителя иностранного языка [2] в плане проектирования вариативных технологий достижения планируемых результатов. Ибо задачи развития «человека культуры», становления и реализации его индивидуальности признаются системо-

образующими при организации образовательного процесса. Как альтернатива знаниям, умениям и навыкам, ограничивающим цели обучения и недостаточно учитывающим «человеческий фактор» в условиях межкультурной коммуникации, в лингводидактике уже принят компетентностный подход, несмотря на неоднозначность и некоторую «идеальность» самого феномена «компетентность». Поиск теорий и технологий формирования этого органичного целого все еще продолжается. Возможно, это частично объясняет несоответствие между уровнем развития смежных наук и внедрением их достижений в традиционную практику обучения иностранному языку, в учреждениях высшего образования в том числе. Вышесказанное обуславливает наше обращение к проблеме профессиональной подготовки специалистов образования (иноязычного в частности) с целью ее научно-теоретического осмысления и разработки технологической модели образовательного процесса.

Компетенция традиционно понимается как социально обусловленные требования к уровню подготовки специалиста, заданное содержание компетентности, которое необходимо освоить, чтобы быть компетентным. Как правило, в состав компетенции включают: знания в области коммуникативных дисциплин; коммуникативные и организаторские способности; способность к эмпатии; способность к самоконтролю; культуру вербального и невербального взаимодействия и др. Как психологическая характеристика компетентность включает когнитивную (знания), операционально-технологическую (деятельностную), мотивационную (эмоциональную), этическую, социальную, поведенческую составляющие. Таким образом, компетентность (обладание компетенцией) – это интегративное качество личности, обуславливающее уровень соответствия заявленным требованиям. При этом именно надличностные и надпсихические образования (индивидуальность) оказывают влияние на состояние личности, динамику ее поведения, процессы деятельности и все виды общения. Уточним, индивидуальность человека – это системность индивидуальных, субъектно-деятельностных и личностных свойств (высшее измерение) и его духовность (выраженность свойств высшего порядка), благодаря которой человек взаимодействует с миром, определяет «Я-концепцию» и реализует стратегию собственного пути (Б.Г. Ананьев, В.С. Мерлин, Б.Ф. Ломов, Л.И. Анцыферова, К.А. Абульханова-Славская, М.К. Тутушкина и др.). Развитие же личности, индивидуальности обусловлено свойствами самодвижения психики – порождением и перестройкой новообразований психики только на основе собственной деятельности человека в условиях взаимодействия и общения с другими людьми (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др.).

Таким образом, самоактуализация, объективирование деятельностной природы психики и перестройка структур личного опыта, становление и реализация индивидуальности постулируются в качестве содержания, сущности обучения (Б.Г. Ананьев, В.С. Мерлин, Б.Ф. Ломов, Л.И. Анцыферова, К.А. Абульханова-Славская и др.). Главными характеристиками такой системы обучения являются автономия (самостоятельность) обучающегося, целостность его включенности в процесс обучения и взаимодействие с другими участниками (жизне)деятельности. При этом обучающийся призван разделить с обществом ответственность за свое образование. Цели обучения иностранному языку определяются при этом в соответствии с теоретическими позициями авторов: формирование «вторичной языковой личности» (Н.Д. Гальскова) в единстве прагматических, педагогических, когнитивных аспектов, «субъекта диалога культур» (П.В. Сысоев) или «субъекта межкультурной коммуникации» (В.В. Сафонова) – равнозначные в целом понятия. В Республике Беларусь, согласно Концепции учебного пред-

мета «Иностранный язык», формирование учащихся как субъектов межкультурной коммуникации в процессе овладения ими иноязычной коммуникативной компетенцией и развития у них качеств поликультурной личности принято считать генеральной целью обучения иностранному языку [3].

Однако подготовка «субъекта межкультурной коммуникации» в адекватных условиях диалога культур с должным уровнем иноязычной коммуникативной компетентности требует выводить обучение за рамки предметной области «иностраннй язык», расширяя ее до уровня «иноязычного образования» и «лингвокультуры» (предметно-объектной области) как базовой категории, синтезирующей «иноязык – инокультуру – личность» [4; 5]. Осуществляются попытки создания единой, обобщенной теории и иноязычно-образовательной парадигмы для вариативных технологий достижения планируемых результатов. Например, теория и технология иноязычного образования Е.И. Пасова [5]. Или когнитивно-лингвокультурологическая методология (базис) и теория иноязычного и полиязычного образования С.С. Кунанбаевой [4] (таблица 1). Нельзя не согласиться с тем, что когнитивно-лингвокультурологический базис способен составить содержательно-концептуальную и деятельностную платформу для становления личности с высоким уровнем сформированности когнитивно-знаниевых и деятельностно-коммуникативных основ межкультурной коммуникации, «межкультурно-коммуникативной компетенции» (С.С. Кунанбаева, 2010), что обеспечит гибкое и оперативное реагирование на вариативность ситуаций общения.

Таблица 1. – Методологические и концептуальные основы иноязычного образования (С.С. Кунанбаева)

<i>Когнитивно-лингвокультурологическая методология</i>	
Расширение предметной области до уровня «Иноязычное образование»	Объект иноязычного образования – междисциплинарный конструкт «Язык – Культура – Личность»
<i>Методические принципы:</i>	
когнитивный, коммуникативный, социокультурный, лингвокультурный, концептуальный, развивающе-рефлексивный (личностно-центрированный)	
<i>Методологическая категория «Лингвокультура»</i>	
Целерезультативная категория – «межкультурная компетенция»	Конечный результат – «субъект межкультурной коммуникации»

Действительно, иноязычная культура, являясь содержанием учебного предмета, служит в то же время средством для достижения цели. Благодаря общению как механизму в образовательном процессе объективируются «социокультурные» инструменты создания духовной и материально-деятельностной развивающей среды. В современной философии, социологии, педагогике культура и определяется как процесс, результат и качественный уровень деятельности. Речь идет о развитии познавательных (ощущений, восприятия, мышления, речи), интегративных (внимания, воображения, памяти), регулятивных (эмоционально-волевой, потребностно-мотивационной сфер, самосознания личности) психических процессов (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский) прежде всего. О «выращивании» гуманной творческой индивидуальности – в диалоге культур (индивидуальных, национальных, общечеловеческой. Отметим, что становление свойств личности и субъекта творческой деятельности, в структуре которой функционируют и развиваются природные свойства человека как индивида, и есть процесс развития индивидуальности (Б.Г. Ананьев, 1989). Именно с этих позиций – позна-

ния языка в контексте диалога культур (на чувственном, мыслительном, эмпирическом и теоретическом уровнях) и присвоения культуры как системы ценностей – мы рассматриваем феномен «иноязычное образование».

Профессиональная подготовка учителей иностранного языка предъявляет особые требования к организации образовательного процесса. Поясним это на примере II ступени высшего образования по специальности 1-21 81 01 Инновации в обучении иностранным языкам (ОСВО 1-21 81 01-2012) в Брестском государственном университете имени А.С. Пушкина. Речь пойдет об изучении дисциплин «Теоретико-методологические основания разработки инновационных технологий обучения иностранному языку» и «Разработка современных дидактических материалов» (Модуль 2. Технология проектирования авторских педагогических систем обучения иностранному языку).

Теоретико-методологическую основу технологической образовательной модели составляют положения контекстного образования, которое осваивается личностью в социально-культурной ситуации совместной учебно-профессиональной деятельности с целью «созидания» запланированного образовательного продукта – профессиональной культуры (социально-психологической, риторической, методической). В активном обучении контекстного типа моделируется алгоритм профессиональной подготовки, как-то: а) целесообразно организованная информация, имеющая структуру ориентировочной основы деятельности; б) формирование четкого образа предстоящей деятельности; в) обозначение целей, средств и способов деятельности; г) деятельность с реальными объектами в естественных ситуациях контактного взаимодействия (основанного на гуманистических духовных ценностях), предусматривающих концептуализацию опыта и «режим развития» различных видов профессиональной деятельности и отношений в контексте лингвокультурологической парадигмы с учетом новейших социально-гуманитарных исследований и трансдисциплинарных связей [6].

Подчеркнем: знания, умения, навыки выступают средством преобразования когнитивной и смысловой сферы личности при условии вовлечения внутреннего опыта в контекст обучения, при условии смысловой, категориальной и критической переработки реального индивидуального опыта. Это принципиальное изменение взгляда на учебный процесс как процесс преобразовательный. И поскольку «обучение через опыт» (перестройка структур личного опыта) является условием развития личностного потенциала и индивидуальной культуры профессионала, проектируется образовательная среда для освоения опыта выработки, принятия и реализации профессиональных решений на теоретическом, проективно-методическом/технологическом, практическом уровнях. Преобразование и развитие собственного лингвокультурного (социального) опыта предполагает совместную речемыслительную деятельность обучающихся в рамках культурологической концепции и личностно ориентированного коммуникативно-когнитивного подхода (таблица 2).

Содержание образовательной деятельности обучающихся определяется осознаваемыми потребностями. Особое внимание в ходе решения предлагаемых на выбор учебно-профессиональных задач уделяется совершенствованию способов деятельности. Проектируется педагогика сотрудничества, освоению подлежат технологии педагогических мастерских, игрового, проектного, проблемного, эвристического обучения (на основе сжатых знаково-символических моделей, учебного исследования и др.), развития критического мышления, тренинговые, информационно-коммуникационные и другие инновационные технологии.

В профессиональных формах речевого взаимодействия студента с реальной аудиторией (деловой разговор, беседа, «риторически-убеждающая» публичная речь, дискуссия и др.) наряду с коммуникативными задачами решаются и профессионально ориентированные: поиск схем ориентации и интеракции в ситуации естественного общения «здесь и сейчас», создание образа функционирующей языковой системы (в родной и инокультурной средах), освоение речеведческих понятий («культура», «(вторичная) языковая личность», «ситуация межличностного/межкультурного общения», «медиатор культур» и др.), а также анализ методического инструментария организации образовательной среды, инновационных технологий соизучения языков и культур в частности.

Очевидно, в самом содержании учебного предмета должны быть заложены механизмы, раскрывающие возможность практического использования иностранного языка как средства удовлетворения и развития интересов обучающихся, в том числе неязыковых. Именно психологические характеристики общения позволяют снимать противоречие между выполняемой деятельностью и личностным развитием обучающегося: социальность (перевод индивидуального опыта в опыт социальный), диалогичность («многоголосие»: вербализация личностных смыслов и мнений), рефлексивность, эмоциогенность, эвристичность, концептуальность (фиксация обобщенного и общезначимого в индивидуальном и социальном опыте, подведение единичного под общее, классификация явлений) [7]. Это процесс расширения сознания, приобретения социокультурного опыта, преобразования не только интеллектуально-когнитивной сферы личности, но психических и эмоциональных процессов.

Таблица 2. – Личностно ориентированная коммуникативно-когнитивная парадигма обучения

Принципы реализации личностно ориентированного коммуникативно-когнитивного подхода	Процесс преобразования и совершенствования опыта учебно-профессиональной деятельности
<ol style="list-style-type: none">1. Личностно развивающая стратегия воздействия в условиях диалогического общения.2. Совместное решение проблемных задач по освоению основ культуры профессиональной деятельности.3. Развитие педагогической техники.4. Совершенствование когнитивных схем учебно-профессиональной деятельности.5. Рефлексивная организация коммуникативно-познавательной деятельности.	<p>«Обучение через опыт» (D. Kolb, 1984)</p> <p>Опыт</p> <p>Тренинг</p> <p>Рефлексия</p> <p>Теоретизация</p>

Мы приведем отдельные примеры учебно-профессиональных задач, самостоятельно и успешно решаемых магистрантами в курсе «Теоретико-методологические основания разработки инновационных технологий обучения иностранному языку». Роль преподавателя сводится к тому, чтобы «помочь рождению нового знания» (Сократ) в процессе коррекции педагогических техник, «выявления» научных критериев их экспертной оценки, организации взаимообучения, взаимоконтроля, – создать условия для саморазвития студентов как элементов культуры, носителей «цивилизованных»

способов и средств, культурных образцов решения возникающих в ситуативной учебно-профессиональной деятельности проблем.

Учебно-профессиональная задача 1. *Актуализация и рефлексия социально-психологических, риторических, методических аспектов профессиональной культуры. Самостоятельное освоение (подготовка к решению) коммуникативной задачи «объяснение» в форме интерактивной лекции-демонстрации и эвристической беседы с использованием всех анализаторов, принимающих участие в речевой функциональной системе: слухового, зрительного, кожно-кинестетического, двигательного. Отбор и структурирование средств психологически выверенного межличностного воздействия, инновационных, диалогических по сути методов (таблица 3) в качестве прикладного инструментария для решения профессиональных задач – создания параязыковой среды и выработки индивидуального стиля. Эти методы (способы) отражают и культурно обусловленный демократический стиль взаимодействия в англоязычной культуре, где наиболее важное значение придается форме высказывания (А. Вежбицкая, Г.В. Елизарова, В.В. Сафонова, Т.В. Ларина, Н.М. Алешко и др.).*

Таблица 3. – Диалогические методы/приемы психологического воздействия на личность в профессиональных целях (А.В. Кириченко, 2003)

«Положительная социальная установка» (формирование положительного отношения к себе путем косвенной подачи положительной информации о себе, «заражения» и внушения положительной социальной установки в отношении ученика, специальной демонстрации соответствующего внешнего вида, набора поз, мимики, жестов и т.п.)
«Связующее начало» (использование «точек соприкосновения»: факт землячества, наличие общих интересов и т.п.)
«Сохранение лица» (бережное отношение к личности другого, непротиворечивость его взглядам, позициям, установкам)
«Психологический перевод социального статуса собеседника на более высокий уровень»
«Обаяние» (удовлетворение потребности учащегося в безопасности, самовыражении, значимости и постоянстве «Я», что создает располагающую атмосферу): обращение по имени, использование улыбки, поощрительных реплик и комплиментов, предоставление учащемуся возможности высказать свою точку зрения, сформулировать мнение
«Сходные отношения» (вербальное выражение сходных или идентичных отношений к предметам, явлениям, окружающим людям)
«Интересная личность» (вербализация своих положительных социально-психологических качеств: спортивные интересы, увлечения, хобби, эрудиция и др. с целью вызвать к себе интерес)
«Совместная деятельность» (сотрудничество, участие в совместной с учащимися деятельности)
«Заражение профессионализмом» (проявление профессиональной компетентности на уровне знаний, умений, навыков, опыта и культуры поведения)
«Оказание помощи» (проявление готовности или реальное оказание помощи ученику)
«Обмен доверительной информацией» (сообщение личной информации о себе)
«Психотерапевтический» метод (проявление понимания, сочувствия, сопереживания, поддержки)
«Подстройка» («подстройка» к партнеру по общению путем подражания его внешнему поведению: позе, мимике, темпу речи и т.д.)
«Совместное времяпрепровождение» (совместное чаепитие, трапеза, просмотр кинофильма, хобби)
«Укрепление доминирующих мотивов» (использование формулировок: «Это важно!», «Это нужно!», «Это правильно!» и т.д.)
«Порождение мотивов» (при помощи задавания вопросов, «заражения», обращения с просьбой, призывом) и др.

Поиск дидактических материалов осуществляется в контексте исследования или предлагаемого проблемного поля: Kolb's theory of experiential learning, Bandura's theory of social learning, Howard Gardner's theory of intelligence, W.M. Rivers' theory of interactive learning, Morgan's theory of instrumental learning, M. Byram's intercultural theory of foreign language education, R.V. Kaplan's cultural thought patterns in intercultural education (Интернет-ресурсы).

Учебно-профессиональная задача 2. *Социально-психологический тренинг: решение коммуникативной задачи «объяснение» в форме интерактивной лекции-демонстрации и эвристической беседы в ситуации межличностного (межкультурного) общения. С целью объективации поведения письменный его анализ предоставляется в распоряжение каждого участника для последующего осмысления.*

Предметом образовательной рефлексии при этом является как содержание предметных знаний (онтологическая область применения рефлексии), так и взаимодействие, сотрудничество обучающихся (психологическая область применения рефлексии) с целью вспомнить и осознать основные структурные компоненты деятельности (ее цель, смысл, типы, способы, проблемы, пути их решения, полученные результаты), а также внутренний опыт личности (знания, чувства, переживания, отношения, установки, смыслы, ценности).

Сформулируйте ваше субъективное мнение о конструктивных (способствующих достижению цели) и неконструктивных элементах в проявлениях профессиональной культуры ваших коллег:

а) социально-психологическая культура: самоактуализация, установление отношений, взаимодействие, стимулирование речемыслительной деятельности слушателей и др.;

б) методическая культура: отбор, структурирование, проектирование содержания, дидактических материалов, организация образовательной среды, реализация «педагогики сотрудничества» и др.;

в) риторическая культура: форма презентации и содержание дискурса.

Тренинговые технологии интерактивного обучения непосредственно ориентированы на использование активных методов групповой работы с целью развития компетентности в общении, воспитания творческого мышления в условиях дидактически организованного диалога и группового мышления. А творчество, как известно, и признак зрелой личности, и условие ее развития. В состав педагогических способностей входит *организационно-управленческая техника* в целом (психотехнический, мыслетехнический, группотехнический, коммуникативно-технический слои и рефлексивная техника как техника развития).

Учебно-профессиональная задача 3. *Концептуализация опыта различных видов деятельности и отношений в образовательной области: разработка и реализация логико-функциональных схем. Генерализация инновационных идей (в минигруппах).*

Вероятно, школьное и вузовское образование (в том числе языковое) должно быть направлено на решение общих задач. Эти задачи могут по-разному решаться в рамках изучения различных дисциплин, но в совокупности должны ориентироваться на формирование необходимых личностных качеств выпускников. Подготовьте проекты и организуйте полемическое обсуждение следующих проблем.

Что, по вашему мнению, необходимо изменить в образовательном процессе, для того чтобы сформировать:

1) готовность к решению проблем как в академическом плане, так и в более широком контексте жизнедеятельности;

2) стремление учиться всю жизнь, обновляя и совершенствуя полученные знания, умения и навыки применительно к изменяющимся условиям;

3) билингвальную коммуникативную компетентность в устном и письменном общении.

Целесообразным в связи с этим представляется использование визуально-картографических методов критического мышления. Графические организаторы, такие как линии времени, концепт-карты, интеллект-карты, аргумент-карты, причинные цепи, схемы процессов, модели идейной сетки и др., позволяют объективировать на бумаге, доске или экране компьютера личностную форму ментальных (когнитивных) процессов, прорабатывать известное, исправлять ошибки и овладевать навыками мышления более высокого порядка.

Новые данные, возникающие в учебно-профессиональной деятельности, способствуют появлению новых связей, выводов, что и является источником продуктивного мышления, преобразования информации в знание. Ибо знание – это подструктура личности, включающая как отражение предметов объективной действительности, так и действительное отношение к ним; это личностный смысл информации в контексте практического действия, поступка. Переработка профессионально значимой информации на личностном уровне позволяет обучающимся осознать собственные возможности в решении проблемы, переоценить прошлый опыт, трансформировать теоретическую информацию в ориентировочную основу деятельности. Причем обобщенные представления, смыслы, выделяемые с помощью языка, несут не только чисто познавательно-понятийную, но и оценивающую, эмоционально-императивную нагрузку, формируя «перцептуально-ценностные проекции реальности» (М.М. Шибаева) с системой моральных, эстетических и других норм и ценностей, внутренних способов действия или внутренних программ, когнитивных схем деятельности и общения. Это приводит к новым процессам регулирования и к новым содержаниям мотивов, комплексы которых и характеризуют личностное развитие.

Контроль, взаимо- и самоконтроль учебно-профессиональной деятельности осуществляются в ходе решения учебно-профессиональных задач в устных и письменных формах профессионального взаимодействия: деловой разговор, беседа, дискуссия, эссе, аннотация, научная статья, экспертное заключение, учебно- и научно-методическая документация, публичная речь (с презентацией разработанных когнитивных карт, коллективных и индивидуальных проектов, проектно-исследовательских заданий, дидактических материалов по темам и тематическим блокам) и др.

Заключение

Основу профессиональной культуры преподавателя иностранного языка составляет знание основ методологии компетентностного подхода и опыт развития комплекса умений в контексте «ситуативной» профессиональной деятельности: актуализаторских, фасилитаторских, риторических, рефлексивных, когнитивных, познавательно-исследовательских [7]. Соответственно образовательный процесс предполагает совместную учебно-профессиональную деятельность обучающихся по усвоению теоретико-методологических основ инновационной педагогики, совершенствованию опыта практического решения педагогических задач, сознательной регуляции индивидуального стиля и развитию профессиональной культуры. В социально-культурных ситуациях учебно-профессионального взаимодействия и межличностного (межкультурного) общения, переживания «успешности» этой «компетентностной» деятельности осуществляются про-

фессиональная идентификация, самоопределение и компетенция личности, становление творческой индивидуальности специалиста образования, иноязычного в частности. Профессиональная компетенция и есть актуальная способность и готовность к самореализации в профессиональной культуре (в социально-психологическом, риторическом, методическом ее аспектах). Это сознательно и самостоятельно культивируемая в совместной учебно-профессиональной деятельности способность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вербицкий, А. А. Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции / А. А. Вербицкий, О. Г. Ларионова. – М. : Логос, 2011. – 336 с.
2. Барышников, Н. В. Обучение иностранным языкам и культурам: методология, цель, метод / Н. В. Барышников // Иностр. языки в школе. – 2014. – № 9. – С. 3–9.
3. Концепция учебного предмета «Иностранный язык» / Н. П. Баранова [и др.] // Замеж. мовы. – 2015. – № 4.
4. Кунанбаева, С. С. Теория и практика современного иноязычного образования / С. С. Кунанбаева. – Алматы, 2010. – 344 с.
5. Пассов, Е. И. Методика как наука будущего (краткая версия новой концепции) / Е. И. Пассов. – Елец : Типография, 2015. – 164 с.
6. Дмитрачкова, Л. Я. Инновации в обучении иностранным языкам : учеб. пособие / Л. Я. Дмитрачкова. – Брест : БрГУ, 2018. – 188 с.
7. Дмитрачкова, Л. Я. Обучение будущих учителей-словесников устному общению (на материале английского языка) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Л. Я. Дмитрачкова. – Минск, 1997. – 137 л.
8. Дмитрачкова, Л. Я. Языковое образование: коммуникативно-когнитивный подход [Электронный ресурс] / Л. Я. Дмитрачкова // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста : сб. науч. тр. / под общ. ред. В. Ф. Сатиновой. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2018. – С. 236–245. – Режим доступа: <http://www.brsu.by/sites/default/files/deutsch-lang/24.11.2017-brsu-neb-18.pdf>.
9. Дмитрачкова, Л. Я. О тенденциях развития языкового образования [Электронный ресурс] / Л. Я. Дмитрачкова // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста : сб. науч. тр. / под общ. ред. В. Ф. Сатиновой. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2016. – С. 235–244. – Режим доступа: <http://www.brsu.by/sites/default/files/deutschlang/24.11.2017-brsu-neb-18.pdf>.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2018

Dmitrachkova L.Ya. Professional Training of Education Specialists (Specialty 1-21 81 01 Innovations in Teaching Foreign Languages)

Scientific approaches to the description of innovative foreign language education process are analyzed. The author describes technological model of training education specialists in Brest State University named after A.S. Pushkin. The accent is made on the experiential learning and interactive learning technique. Examples of professional problem solving tasks are presented.

УДК 330.342.24:005.336.5

Г.И. Займист¹, Е.Н. Григорович²¹канд. филос. наук, доц., доц. каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина²канд. социол. наук, доц., декан юридического факультета
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкинаe-mail: ¹zaimist@brsu.brest.by; ²grigorovich@brsu.brest.by**НАДПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТА
В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ**

Обосновывается необходимость формирования надпрофессиональной компетентности специалиста для работы в инновационных условиях; описана структура надпрофессиональных компетенций. Концепция авторов построена на понимании надпрофессиональных компетенций как совокупности всех внепрофессиональных компетенций, способствующих специалисту креативно и инновационно решать профессиональные задачи. Речь идет о множестве персональных и социальных качеств специалиста, формирующих основу любой профессиональной деятельности и являющихся предпосылкой для его адаптации к условиям инновационной экономики, для успешного трудоустройства и построения карьеры. В структуре надпрофессиональных компетенций выделяются такие элементы, как информационная компетентность, формальные (методические) компетенции, компетенции, определяющие индивидуальное и социальное поведение специалиста. Показано значение специального теоретического и практического обучения надпрофессиональным компетенциям в условиях университета как центра инноваций и подготовки специалистов для работы в условиях инновационной экономики.

Сущностным признаком инновационной экономики ученые определяют интеллектуальный ресурс, наукоемкость и информационность технологий, эффективное использование и качественное совершенствование всех факторов производства, при этом устойчивая тенденция повышения роли образования, знаний и инноваций выступает отличительной чертой инновационной экономики ряда стран с опережающим развитием. В этих странах имеется четко налаженная гибкая система опережающей подготовки и переподготовки кадров – профессионалов в области инноватики и инновационной деятельности, эффективно реализующих комплексные проекты восстановления и развития отечественных производств и территорий [1–3].

Исходя из предмета исследования в данной статье, подчеркнем, что важнейшим ресурсом инновационной экономики должна стать высшая школа, призванная обеспечить кадровую ее составляющую. Тема университета как центра инноваций и университет как центра подготовки специалистов для работы в условиях инновационной экономики активно обсуждается в научных кругах [4–5]. Как отмечают А.О. Грудзинский и А.Б. Бедный, «инновационная экономика изменяет потребности международного рынка труда, предъявляет новые требования к гражданам, включающие новые знания и компетенции для их повседневной жизни в обществе знаний. Подготовка кадров, способных удовлетворять этим новым требованиям, становится ключевой задачей системы высшего образования». Говоря об инноваторах, авторы подразумевают «людей, глубоко разбирающихся в той или иной области знаний (являющейся их основной образовательной специализацией), но при этом обладающих набором предпринимательских навыков и компетенций, являющихся ключевыми для успеха специалиста на рынке труда глобальной экономики знаний» [6]. На наш взгляд, данное определение не является полным, т.к. не учитывает ряд предваряющих предпринимательские навыки и компе-

тенции для успешности выпускника на рынке труда в условиях инновационной экономики, например креативность, критичность мышления и др.

Впервые стратегия формирования ключевых компетенций в процессе образования как ответ на вызовы современного общества была сформулирована экспертами Совета Европы в 1990-е гг. в «Европейском проекте» по вопросам образования (Брюссель, 1994 г.) и на симпозиуме «Ключевые компетенции для Европы» (Берн, 1996 г.) [7]. Через десять лет, в 2006 г., Парламент и Совет Европы сформулировали Рекомендации о ключевых компетенциях обучения в течение жизни «Ключевые компетенции для обучения в течение всей жизни – европейские рамочные установки» (18 декабря 2006 г.) [8]. В 2016 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе был составлен перечень ключевых навыков и компетенций для XXI века [9]. На указанных выше форумах фактически сформулирована стратегия образования XXI века, которая призвана вооружить будущих специалистов эффективными навыками (компетенциями) личностного и профессионального роста и самообразования. Указанные компетенции являются ориентационными при подготовке специалистов для работы в условиях инновационных производств в условиях «индустрии – 4.0».

Приоритеты и задачи Республики Беларусь в области инновационной экономики, задающие ее ориентиры и векторы развития, определены в документе долгосрочного характера «Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040», принятом II Съездом ученых Республики Беларусь (12–13 декабря 2017 г.). В документе следующим образом определена стратегия развития кадрового потенциала для условий интеллектуальной экономики: «Формирование нового качества кадрового потенциала сегодня требует не только овладения все увеличивающимся набором знаний, умений и навыков, но и развития таких компетенций, как активная жизненная позиция, лидерские качества и умения делегировать полномочия; способность работать в команде и отстаивать свою точку зрения; готовность быстро осваивать новые предметные (междисциплинарные) области и творчески подходить к решению поставленных задач; самостоятельность планирования исследований и ответственность при их выполнении» [10]. Стратегия предусматривает также стимулирование развития творческих, изобретательских и предпринимательских способностей личности на протяжении всей жизни посредством обновления содержания образования и перехода к новому поколению стандартов высшего образования, обеспечивающих подготовку специалистов, способных к самостоятельной научно-исследовательской, проектно-конструкторской, инновационной, управленческо-аналитической деятельности; обеспечение мобильности и гибкости программ высшего образования в соответствии с меняющимися потребностями рынка труда, инновационным развитием отраслей экономики и социальной сферы; развитие социально-личностных компетенций студентов, магистрантов, аспирантов, нацеленных на профессиональное самосовершенствование и т.п.

Вышеприведенные аргументы позволяют говорить о том, что в условиях инновационной экономики существенные изменения претерпевает структура компетенций современного специалиста, возрастает роль и значение его надпрофессиональной компетентности. Безусловно, профессиональная компетентность всегда будет занимать особое место при оценке личности дипломированного специалиста. Однако новейшие технологии и соответствующая им современная организация труда требуют от специалистов многих других качеств, далеко выходящих за рамки узкоспециальной подготовки.

Надпрофессиональные компетенции ученые, работодатели рассматривают сегодня как весомый фактор успешности специалиста, в частности успешности в професси-

ональной деятельности в инновационных условиях, в условиях цифровой экономики, т.к. считается, что именно эти компетенции формируют его мультидисциплинарное, междисциплинарное и трансдисциплинарное видение *ситуационных проблем* и способствуют выбору оптимальных, инновационных и перспективных вариантов их решения.

В современных многочисленных стратегиях и концепциях компетентности специалиста, на наш взгляд, нет четкого определения его надпрофессиональных компетенций. Одни ученые понимают их в широком смысле как весь набор компетенций, отличающихся от узкопрофессиональных, другие – в узком, включая в них три компонента: креативное мышление («мышление за рамками»); умение учиться и постоянное стремление к самообразованию; лидерские качества [11]. Наша концепция построена на понимании надпрофессиональных компетенций в широком смысле, как совокупности всех внепрофессиональных компетенций, способствующих специалисту креативно и инновационно решать профессиональные задачи. Речь идет о множестве личностных и социальных качеств специалиста, формирующих основу любой профессиональной деятельности и являющихся предпосылкой для его адаптации к условиям инновационной экономики, для успешного трудоустройства и построения карьеры.

Структуру надпрофессиональных компетенций специалиста можно представить четырьмя группами компетенций. К первой группе следует отнести *компетенции, составляющие информационную культуру профессионала*. Информационная культура, как важная составная часть культуры современного специалиста, предполагает наличие комплекса знаний, умений, навыков и рефлексивных установок во взаимодействии с информационной средой, включающий: умение вести поиск, просматривать, знакомиться, отбирать и изучать необходимую информацию, связанную с выполнением профессиональных задач; владение технологиями для доступа к различного рода информации; умение работать с базами данных, необходимых для профессиональной деятельности; владение специальными компьютерными программами делового назначения в сфере профессиональной деятельности.

Особое место в данной структуре принадлежит читательской компетентности, понимаемой как качество сохранения прочитанного, сформированное на основе общей культуры человека, обеспечивающее возможность решения возникающих учебно-академических, социальных и профессиональных задач адекватно ситуациям в широком социальном взаимодействии и образовательно-профессиональной деятельности. Читательская компетентность включает в себя: знание различных способов и приемов рационального чтения; умение самостоятельно работать с информацией, представленной в различных текстах; опыт интерпретации и понимания заключенного в ней смысла; особая культура взаимодействия читателя с текстом. На этом основании в соответствии с современными требованиями к информационной и читательской культуре специалиста нами выделены такие виды чтения, как критическое, контекстуальное, диалого-эвристическое, методологическое, междисциплинарное и трансдисциплинарное [12].

Ко второй группе относятся так называемые *формальные (методические) компетенции*; это системное, критическое и аналитическое мышление; способность к самостоятельным и аргументированным суждениям, адекватному восприятию и выражению мыслей; способность к самоорганизации и самоуправлению, умение принимать креативные и инновационные профессиональные решения, адекватно их осуществлять и нести за них ответственность; способность выбирать оптимальные стратегии и тактики успешного решения профессиональных задач; умения реализовывать принцип клиентоориентированности современной рыночной экономики и оригинальный подход к вы-

полнению своих трудовых обязанностей и т.п. Особое место в данной группе компетенций принадлежит умению делать аналитические презентации и знанию английского языка как рабочего инструмента специалиста.

К третьей группе мы отнесли *компетенции, характеризующие индивидуальное поведение специалиста*: деловая хватка, усердность и прилежание, целеустремленность и результативность, мобильность и инициативность и т.п. По сути, в этой группе компетенций речь идет о внутренней культуре специалиста по принятию обязательств и ответственности за их выполнение, о внутренней установке к профессиональной самоактуализации и самореализации специалиста. Немаловажное значение в этой группе компетенций имеют лидерские качества специалиста, высокая степень мотивации своей профессиональной деятельности.

Четвертую группу надпрофессиональных компетенций составляют *способности, определяющие социальное поведение профессионала*. На первый план здесь выступают способности к работе в команде; навыки управления персоналом; высокий эмоциональный интеллект; умение видеть и решать свои профессиональные задачи в социальном контексте; владение предпринимательскими качествами (особенно в области инновационного предпринимательства в условиях глобальной экономики знаний эта компетентность становится общепрофессиональной, необходимой для большинства профессий, связанных с интеллектуальным трудом); умения в области профессиональной деонтологии, мониторинга изменений к профессиональным требованиям в той или иной специальности на рынке труда.

В Образовательных стандартах Республики Беларусь для получения высшего образования (2013 г.) предусмотрен перечень надпрофессиональных компетенций для будущих специалистов. В контексте современных международных требований речь идет в первую очередь об академических и социально-личностных компетенциях. Однако, на наш взгляд, не предусмотрена четкая программа их формирования, требуется их дополнение и уточнение в связи с возникшей потребностью современного общества в подготовке инновационного специалиста.

В педагогической практике высшей школы используются две стратегии формирования у будущих специалистов надпрофессиональных компетенций. Одна из них предполагает интеграцию формирования надпрофессиональных компетенций в предметно-дисциплинарные рамки. Другая стратегия предполагает организацию специального теоретического и практического обучения студентов надпрофессиональной компетентности. Как показывает практика, наибольший результат достигается при эффективном сочетании обеих стратегий.

На юридическом факультете Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина с 2015 г. реализуется специальный проект по академической и профессиональной преадаптации студентов младших курсов, который представляет собой систему аудиторных и внеаудиторных форм обучения студентов надпрофессиональным компетенциям. Важнейшей составной частью проекта является *специальное теоретическое и практическое обучение надпрофессиональным компетенциям* как в рамках специальных дисциплин вузовского компонента, так и курсов по выбору или факультативов [13]. В нашем опыте задача формирования надпрофессиональных компетенций будущих юристов в рамках спецкурсов и факультативов решается на основе контекстного подхода. С помощью всех форм, методов и средств обучения моделируется предметное и социальное содержание усваиваемой профессиональной деятельности. Контекстный подход реализуется посредством моделирования предметно-ситуационных,

социокультурных, событийно-прогностических, практико-правовых ситуаций, в которых студенты погружаются в определенную правовую проблему, решение которой включает студента в контексты осваиваемой профессии юриста. Практические задания разработаны с учетом междисциплинарного характера профессиональной деятельности юриста, имитируют его будущую профессиональную деятельность и направлены на формирование практических навыков: управления процессом профессионального роста, коммуникативного взаимодействия, работы с документами, выбора деонтологически верного варианта поведения, публичного выступления в условиях состязательного процесса, первичной работы с нормативными правовыми актами и др.

Заклучение

1. Инновационная экономика предъявляет новые требования к специалистам на рынке труда, включающие новые знания и компетенции для их повседневной и профессиональной деятельности в обществе знаний. Важная роль в подготовке и переподготовке специалистов принадлежит университету как центру инноваций и центру подготовки специалистов для работы в условиях инновационной экономики. В структуре компетенций специалиста-инноватора особое значение приобретают надпрофессиональные компетенции.

2. Стратегия развития кадрового потенциала для условий интеллектуальной экономики Республики Беларусь определена в документе долгосрочного характера «Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040», принятом II Съездом ученых Республики Беларусь (12–13 декабря 2017 г.). В документе указаны векторы и ориентиры формирования профессиональной и надпрофессиональной компетентности специалиста для работы в условиях инновационной экономики.

3. Понятие «надпрофессиональная компетентность специалиста» недостаточно изучено в специальных исследованиях. Однако, на наш взгляд, достаточно четко можно представить ее структуру, в частности включающую следующие компоненты: информационная компетентность профессионала, формальные (методические) компетенции, компетенции, характеризующие индивидуальное поведение специалиста, и компетенции, определяющие социальное поведение профессионала.

4. Эффективным способом формирования надпрофессиональных компетенций будущих специалистов для работы в условиях инновационной экономики является специальное теоретическое и практическое обучение в рамках как специальных дисциплин вузовского компонента, так и курсов по выбору или факультативов.

5. В контексте стратегии, целей, принципов, тенденций и задач, сформулированных в Концепции развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 г., призванных обеспечить качественно новый уровень профессионализма юристов, формирование культуры надпрофессиональной компетентности будущих юристов становится практической задачей.

6. Опыт юридического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина проектного обучения студентов младших курсов надпрофессиональным компетенциям свидетельствует о востребованности данных компетенций у старшекурсников и выпускников факультета. Особое значение имеет проведение мониторинга, опроса, учебно-методических мероприятий с выпускниками по соответствующей проблематике [14].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баутин, В. М. Инновационная экономика: содержание, место и роль инноваций [Электронный ресурс] / В. М. Баутин // Изв. Темирязев. сельскохоз. акад. Экономика и экон. науки. – 2014. – Вып. 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-ekonomika-soderzhanie-mesto-i-rol-innovatsiy>. – Дата доступа: 06.11.2018.
2. Мага, А. А. К вопросу об определении понятия инновационной экономики [Электронный ресурс] / А. А. Мага // Электрон. науч. журн. – 2012. – № 3. – Режим доступа: <http://vseur.ru>. – Дата доступа: 06.11.2018.
3. Суслов, В. И. Инновационная экономика: общие положения [Электронный ресурс] / В. И. Суслов // Вестн. Алтайс. акад. экономики и права. – 2015. – № 1. – С. 15–24. – Режим доступа: elibrary.ru/contents.asp?issueid=1369653. – Дата доступа: 06.11.2018.
4. Университеты – центры инноваций : монография [Электронный ресурс] / А. В. Белоцерковский [и др.]. – Тверь : Триада, 2012. – 224 с. – Режим доступа: http://libra-ry.tversu.ru/images/stories/ch_z/vzaim_ViOo/18.pdf. – Дата доступа: 06.11.2018.
5. Подготовка инноваторов в вузах [Электронный ресурс] / А. А. Черникова [и др.] // Инновации. – 2013. – № 7 (177). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-innovatorov-v-vuzah>. – Дата доступа: 06.11.2018.
6. Грудзинский, А. О. Инноватор – новая компетентностная модель выпускника университета / А. О. Грудзинский, А. Б. Бедный [Электронный ресурс] // Вестн. ННГУ. – 2013. – № 5-2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovator-novaya-kompetentnostnaya-model-vypusknika-universiteta>. – Дата доступа: 06.11.2018.
7. Ключевые компетенции для Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://letopisi.org/index.php>. – Дата доступа: 07.11.2018.
8. Рекомендация Парламента и Совета Европы по ключевым компетенциям в сфере непрерывного образования от 18 декабря 2006 г. (2006/962/ЕС), декабрь 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/education/lifelong-learning-policy/doc42_en.htm. – Дата доступа: 16.02.2018.
9. Всемирный экономический форум в Давосе – 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-10-skills-you-need-to-thrive-in-the-fourth-industrial-revolution>. – Дата доступа: 17.02.2018.
10. Стратегия «Наука и технологии 2018–2040» [Электронный ресурс] : принята II Съездом ученых Республики Беларусь 12–13 дек. 2017 г. – Режим доступа: http://nasb.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf. – Дата доступа: 06.11.2018.
11. Антропова, Н. А. Надпрофессиональные компетенции как фактор успеха в профессиональной деятельности [Электронный ресурс] / Н. А. Антропова // Междунар. журн. эксперимент. образования. – 2011. – № 3. – С. 157–158. – Режим доступа: <http://www.expeducation.ru/ru/article/view?id=1290>. – Дата доступа: 03.05.2018.
12. Займист, Г. И. Обучение будущих юристов академическим компетенциям [Электронный ресурс] / Г. И. Займист, Е. Н. Григорович // Вучон. зап. Брэсц. ун-та : зб. навук. пр. – 2014. – Вып. 10. – Ч. 1. : Гуманітар. і грамад. навукі. – С. 55–60. – Режим доступа: http://www.brsu.by/sites/default/files/-vesnik/zapiski_ii_-_14.pdf. – Дата доступа: 13.11.2018.
13. Займист, Г. И. Академическая адаптация и профессиональная преадаптация первокурсников (опыт юридического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина) [Электронный ресурс] / Г. И. Займист, Е. Н. Григорович //

Вучон. зап. Брэсц. ун-та : зб. навук. пр. – 2017. – Вып. 13. – Ч. 1 : Гуманітар. і грамад. навукі. – С. 151–158. – Режим доступа: http://www.brsu.by/sites/default/-files/vesnik/vuchonyya_zapiski_vyp_13_ch.1.-gumanitarnyya_i_gramadskiya_navuki_-2017.pdf.

14. Выступлення выпускнікоў на навучна-методических семінарах і канферэнцыях для студэнтаў факультэта [Электронны рэсурс]. – Режим доступа: <http://www.brsu.by/div/novost-1>. – Дата доступа: 13.11.2018.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 12.11.2018

Zaimist G.I., Grigorovich E.N. Overprofessional Competence of a Specialist in the Conditions of Innovative Economy

The article substantiates the need for the formation of overprofessional competence of a specialist to work in innovative conditions; the definition and structure of overprofessional competencies are given. The concept of the authors is based on a broad sense of understanding of overprofessional competencies as a set of all non-professional competencies that encourage the specialist to solve professional problems creatively and innovatively, we are talking about a variety of personal and social qualities of a specialist forming the basis of any professional activity and which are a prerequisite for its adaptation to the conditions of innovative economy, for successful employment and career building. The following elements are distinguished in the structure of overprofessional competences: information competence, formal (methodological) competences, competences that determine individual and social behavior of a specialist; the importance of special theoretical and practical training of overprofessional competences at the University as a center of innovation and training of specialists to work in the conditions of innovative economy is shown.

УДК 373 + 373.3

Т.В. Александрович

канд. пед. наук, доц. каф. специальных педагогических дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: talex1965@mail.ru

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА РАЗВИТИЯ ВЕРБАЛЬНОЙ
КРЕАТИВНОСТИ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
В КУЛЬТУРНО-ИГРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ
УЧРЕЖДЕНИЯ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Обоснована необходимость развития креативности как базы творческого потенциала личности на ранних этапах онтогенеза. Определены сущностные характеристики креативности, критерии и показатели развития вербальной креативности у детей старшего дошкольного возраста, а также педагогические условия развития детской креативности. Разработано и апробировано методическое обеспечение развития вербальной креативности у детей старшего дошкольного возраста в культурно-игровом пространстве учреждения дошкольного образования на основе методов и приемов итальянского педагога Дж. Родари, автора «Грамматики фантазии: введение в искусство придумывания историй».

Введение

Реализация принципа личностного подхода – одного из основополагающих в современном образовании – предполагает максимальное развитие творческого потенциала личности, воспитание личности, способной наряду со знаниями, умениями и навыками привнести в дело свой талант. И если при решении задач классического образования педагоги опираются на фундаментально разработанные положения, применяют прошедшие апробацию технологии, то проблема воспитания таланта, развития творческих способностей личности на ранних этапах ее онтогенеза до сих пор остается до конца не решенной.

Творческий путь начинается с детства. Исследователи феномена детского творчества (Л.С. Выготский, Н.А. Ветлугина, Т.С. Комарова, Т.Г. Казакова, Н.П. Сакулина и др.) определяют дошкольный возраст как оптимальный период в развитии способности к творчеству. Именно этот возраст сензитивен для развития образного мышления и воображения – психических процессов, которые составляют основу для развития детской креативности. Вместе с тем при всей значимости проблемы воспитания творческой личности, развития творческих способностей, в дошкольном образовании недостаточно используется методология и теория развития творческого потенциала личности, недостаточно проработано программно-методическое обеспечение развития креативных способностей в культурно-игровом пространстве учреждения дошкольного образования. Анализ современной практики дошкольного образования позволяет говорить о том, что потенциальные возможности дошкольного детства для развития креативности используются недостаточно. Педагоги не в полной мере владеют способами развития творческих способностей, умениями создать необходимые условия для развития креативности у детей.

Проблема актуализируется также противоречиями в практике работы учреждений дошкольного образования: объективной потребностью общества и личности в развитии творческого отношения к действительности, в умении творчески решать различные задачи и недостаточным развитием способности к творчеству; задачами развития креативности дошкольников и слабым уровнем их решения в силу сохраняющихся стереотипов образования; потребностью дошкольных учреждений в технологиях, разви-

вающих творчество ребенка-дошкольника и недостаточностью апробированных как самих технологий, так и их программно-методического обеспечения для системы дошкольного образования.

Теоретические основы развития креативности личности

Креативность как интеллектуально-личностная категория, раскрывающая творческие способности индивида, рассматривается многими исследователями, поэтому содержательное определение креативности весьма многообразно. Дж. Гилфорд креативность рассматривает как психический процесс, а именно как дивергентное мышление, отличительной особенностью которого является разнонаправленность и вариативность поиска разных в равной мере правильных решений относительно одной и той же ситуации. Дивергентный способ мышления лежит в основе творческого мышления, которое характеризуется следующими основными особенностями: *быстрота* (способность высказывать максимальное количество идей); *гибкость* (способность высказывать многообразие идей); *оригинальность* (способность порождать новые нестандартные идеи); *законченность* (способность совершенствовать свой «продукт» или придавать ему законченный вид). Дивергентное мышление, как полагал Дж. Гилфорд, определяет творческие достижения, так как допускает варьирование путей решения проблемы, приводит к неожиданным выводам и результатам, а интеллект обеспечивает успешность понимания и усвоения нового (конвергентное мышление), и в этом заключается их основное различие [4, с. 176]. В психологии под креативностью понимаются творческие способности индивида, характеризующиеся готовностью к продуцированию принципиально новых идей и входящие в структуру одаренности в качестве независимого фактора. То есть это способность, присущая человеческому мышлению, эффективно решать проблемные ситуации, несмотря на недостаточность информации. Д.Б. Богоявленская [2], Л.С. Выготский [3] и др. при характеристике креативности указывают на проблему способностей и чаще всего креативность рассматривают как общую творческую способность, процесс преобразования знаний.

В синергетике креативность рассматривается как свойство неравновесной среды (сложной, нелинейной системы) самоорганизовываться, балансируя на границе порядка и хаоса. Характеристиками креативности выступают флуктуационность, безграничность, ацентрированность и процессуальность.

Креативность рассматривается в узком и широком значении. Креативность в узком значении – это дивергентное мышление (точнее, операции дивергентной продуктивности, по Дж. Гилфорду), отличительной особенностью которого является готовность выдвигать множество в равной степени правильных идей относительно одного и того же объекта. Креативность в широком смысле слова – это творческие интеллектуальные способности, в том числе способность приносить нечто новое в опыт (Ф. Баррон), способность порождать оригинальные идеи в условиях разрешения и постановки новых проблем (М. Валлах), способность осознавать пробелы и противоречия, а также формулировать гипотезы относительно недостающих элементов ситуации (Е. Торренс), способность отказываться от стереотипных способов мышления (Дж. Гилфорд). Правомерным следует признать подход зарубежных психологов, которые в проблеме креативности выделяют четыре аспекта: креативный процесс (как способность), креативный продукт, креативную личность и креативную среду (понимается как сфера, структура, социальный контекст, формирующие требования к продукту творчества).

В качестве критериев креативности исследователи рассматривают комплекс определенных свойств интеллектуальной деятельности:

- 1) беглость (количество идей, возникающих в единицу времени);
- 2) оригинальность (способность производить «редкие» идеи, отличающиеся от общепринятых, типичных ответов);
- 3) восприимчивость (чувствительность к необычным деталям, противоречиям и неопределенности, а также готовность гибко и быстро переключаться с одной идеи на другую);
- 4) метафоричность (готовность работать в фантастическом, «невозможном» контексте, склонность использовать символические, ассоциативные средства для выражения своих мыслей, а также умение в простом видеть сложное и, напротив, в сложном – простое [2; 4; 6].

Отметим, что, несмотря на множественность подходов к описанию феномена креативности, большинство исследователей в определении универсальных творческих способностей делают акцент на особенностях или качествах личности, активизирующих творческую продуктивность, способствующих проявлению и становлению творчества как субъективного индивидуально окрашенного стиля деятельности. Креативность – это более чем адаптивная характеристика, больше чем сочетание личностных качеств; особая ценность креативности – это возможность предъявить себя миру, проявить свою индивидуальность, открыть свои способности, а значит, познать самого себя.

Исследователи проблем творческого развития личности на ранних этапах онтогенеза (Е.С. Белова [1], В.Т. Кудрявцев [5], Н.Н. Поддьяков [7]) отмечают, что наиболее общей характеристикой и структурным компонентом творческого потенциала ребенка-дошкольника является познавательная мотивация, составляющая психологическую основу высокой исследовательской мотивации. Доминирующая познавательная мотивация выражается в форме исследовательской активности и проявляется в более низких порогах чувствительности к новизне ситуации, любознательности, высокой избирательности ребенка по отношению к исследуемому новому. По мере творческого развития ребенка (к 5–6 годам) основным структурным компонентом творческого развития ребенка становится проблематичность – «постановка субъектом системы вопросов, проблемно-творческих задач, которые направляют мышление на наиболее важные стороны исследуемого объекта и обеспечивают постоянную открытость ребенка новому» [7, с. 8]. Проявлением проблематичности является поиск несоответствий и противоречий, собственная постановка новых вопросов и проблем, а также настойчивость, склонность к рискованным действиям, преобразованиям.

Дж. Гилфорд различал два вида креативности – вербальную и невербальную. Вербальная креативность – это выражение творческих способностей человека посредством языка, индивидуального логического мышления. Невербальная креативность – это выражение творческих способностей посредством мимики, жестов, пантомимики [4]. Т.Н. Ушакова считает, что под понятием «словесное (вербальное) творчество» можно понимать любой случай креативности, связанный со словом, и полагает, что словесное творчество относится к двум областям: творчеству в речи и творчеству в языке. Речевое творчество приводит к созданию нового речевого продукта – нового речевого текста любого объема и в любой форме. Языковое творчество связано же с процессами, которые ведут к преобразованию в самой языковой системе как у отдельной личности, так и в общенациональном языке [8].

Таким образом, большинство исследователей (и мы в том числе) будем рассматривать креативность как индивидуальные психологические особенности личности, которые напрямую не зависят от умственных способностей и проявляются в детской фантазии, воображении, особом видении мира, своей точке зрения на окружающую действительность. Вербальная креативность рассматривается как словесное творчество и выражается в создании устных сочинений, рассказов, сказок, стихов и т.п. Творческое воображение и творческое мышление, характеризующиеся диалектичностью, ассоциативностью, системностью, делают мышление гибким, оригинальным, продуктивным и составляют обязательные компоненты в структуре творческой личности.

В исследованиях Н.А. Ветлугиной определены показатели, по которым можно судить о качестве творческих проявлений детей. В первой группе показателей дается характеристика отношений к творчеству: их увлеченность, способность «войти» в воображаемую ситуацию, искренность переживаний. На основе этого интенсивно развиваются художественные способности. Вторая группа показателей характеризует качество способов творческих действий детей: быстроту реакций, находчивость при решении новых задач, использование различных вариантов, комбинирование знакомых элементов в новые сочетания, оригинальность способов действий. Третья группа – показатели качества продукции: отбор детьми характерных черт жизненных явлений, персонажей, предметов и их отражение в рисунке, музыкальной игре, драматизации, в словесном и песенном творчестве, поиски художественных средств, удачно выражающих личное отношение детей и передающих замысел [10, с. 8].

В решении проблемы творческого развития личности важными для нас являются утверждения ученых, во-первых, о том, что все дети потенциально от природы наделены задатками к творчеству (нужно только суметь раскрыть их и реализовать) и что первые годы жизни детей являются самыми ценными для развития творческого начала личности, для становления творческой активности. Во-вторых, развитие креативности не определяется генетически, а зависит от культуры, в которой воспитывается ребенок. В-третьих, не существует прерывности в развитии способности к творчеству. Спад в развитии креативности можно снять в любом возрасте путем специального обучения, включения детей в творческую деятельность, позволяющей придать образованию личностно ориентированный характер, преодолеть авторитаризм в обучении и воспитании, сделать процесс образования эмоционально-окрашенным и личностно значимым. Важнейшими педагогическими условиями развития детской креативности является, во-первых, направленность на развитие креативности, организация педагогического пространства (психологического и физического) в зависимости от целей творческого развития детей. Во-вторых, содержательное и технологическое обеспечение (программы, методы, средства, формы, процедуры, направленные на диагностику и развитие креативности). Оба направления обеспечиваются следующими педагогическими условиями:

1) организация педагогического взаимодействия на основе личностно ориентированной технологии педагогической поддержки, которая представляет собой взаимодействие субъектов, где первый (педагог) оказывает различными методами помощь ребенку в реализации его потребностей и направляет его развитие, а второй (ребенок), ориентируясь на поддержку взрослого, достигает целей, удовлетворяет потребности, интересы, осознает свое место в мире и строит систему коммуникаций в нем;

2) работа педагога в зоне ближайшего развития креативности личности (педагогические усилия, направленные на идентификацию уровня креативности, создание мо-

тивации творческого саморазвития, продвижение в зону ближайшего творческого развития и саморазвития);

3) организация творческого и культурно-игрового пространства учреждения дошкольного образования (доверительные отношения, позитивные ожидания, создание ситуаций успеха; культурно-игровое пространство наполнено содержанием и сюжетами игр, стимулирующих творческие проявления детей и др.) [3; 6; 9].

Важным для нас является утверждение итальянского педагога Дж. Родари о том, что воображение не есть привилегия немногих выдающихся индивидов, что им наделяны все и что умение фантазировать, воображать, домысливать, представлять очень важно для любого человека. Такому умению можно и нужно учить детей как можно раньше. В книге «Грамматика фантазии: Введение в искусство придумывания историй» Родари предлагает множество приемов, решающих вполне практическую цель научить взрослых тому, что иные из них разучились делать, – играть с детьми. Не поучать, не обучать, а играть и фантазировать, сочинять сказки, стихи, загадки, придумывать истории. Рассмотрим некоторые методы и приемы «Грамматики фантазии».

«Бином фантазии». Дж. Родари предлагает брать два совершенно разных слова, составить из них словосочетание и придумать на основе его историю, например, нос и праздник – праздничный нос и т.д. Техника приема «фантастических гипотез» неизменно заключается в вопросе «Что случилось бы, если бы...». Например, «А что случилось бы, если бы животные вдруг заговорили? Если бы шел все время снег?». Отвечая на вопрос, можно придумать много забавных историй. Прием «произвольный префикс» – это деформирование слова за счет ввода в действие фантазии. Эта веселая и одновременно серьезная игра учит исследовать возможности слов, овладевать ими, побуждает детей к неизвестным раньше склонениям, стимулирует речевую свободу. Так, к слову добавляется «произвольный префикс» и получаются необычные слова (трехкорова, антизонт, вице пес, замкота, микроземля, минидом, максимышь и т.д.).

Итальянский писатель предлагает черпать темы для фантазии из игр. Например, вырезаются из газет заголовки статей, вырезки тасуются и группируются – получают сообщения о нелепейших, сенсационных или просто забавных событиях. Вариантом также может служить игра в записочки с вопросами и ответами или игра «рисунок в несколько рук» (получается персонаж для рассказа). Еще один прием – это создание лимерика (limerick – англ. вариант организованного и узаконенного нонсенса, нелепицы). В нем используется сочетание рифм (первая, вторая и пятая рифмуются между собой; четвертая рифмуется с третьей), что позволяет получить очень интересные и смешные стихи. Создание лимерика проходит в четыре этапа: первый – выбор героя; второй – указание на черту характера, выраженную действием; третий – реализация сказанного; четвертый – выбор конечного эпитета.

Техника приема «перевирание сказки» заключается в изменении характеристик и действий главных персонажей сказки. Сказку также можно «вывернуть наизнанку», и получится, что Красная шапочка злая, а волк добрый. Или предложить «салат из сказок», где в одной сказке встречаются герои из разных. В «сказке-кальке» берется популярная сказка и сводится к голой схеме, к основным сюжетным линиям. Из старой получается новая сказка, узнаваемая или полностью «перенесенная на чужую почву» (т.е. герои могут быть из известной сказки, но все события и действия вымышленные). В «путешествии по собственному дому» для рассказа берутся предметы из домашнего обихода (стулья, чашки, настольные лампы, книги и т.д.). Из этого могут получиться самые невероятные истории («Стул бежал за трамваем, он очень опаздывал...»).

Использование приема «конструирование загадки» приводит в действие логику и воображение одновременно. Как отмечал Дж. Родари, дети очень любят загадки потому, что они в концентрированной, почти символической форме отражают детский опыт познания действительности. Для ребенка мир полон таинственных предметов, непонятных событий. Само присутствие ребенка в мире – тайна, которую еще надо отгадать с помощью вопросов, прямых или наводящих. И процесс познания, зачастую происходит именно в форме неожиданного открытия. Дж. Родари вводит следующее правило для составления загадок: «отстранение – ассоциация – метафора». Таковы те три обязательных этапа, которые надо пройти, чтобы сформировать загадку. Возьмем, к примеру, ручку. Первая операция – отстранение. Нужно дать ручке такое определение, словно мы ее видим впервые. Шариковая ручка – это, как правило, пластмассовая палочка в форме цилиндра с конусным окончанием, особенность которого состоит в том, что если провести ею по светлой поверхности, то останется отчетливый след. Вторая операция – ассоциация и сравнение. «Светлую поверхность» можно сравнить с «белым полем». Третья операция – завершающая метафора. Метафорическое определение ручке: «Это нечто такое, что прочерчивает черную тропу на белом поле». Четвертая операция состоит в том, чтобы облечь таинственное определение предмета в максимально привлекательную форму. Например, он на белом-белом поле оставляет белый след [9, с. 55].

Использование приема «стеклянные человечки» побуждает детей придумывать страны, в которых живут люди, сделанные из определенного материала («мыльная страна», «бумажная страна», «деревянная страна» и др.). Дж. Родари также предлагает придумывать истории, в которых ребенок выступает как главное действующее лицо. Ребенок любит быть причастным к рассказу, чтобы в нем звучало хотя бы его имя. В таких историях место и действия в ключевых моментах должны быть ребенку знакомы; в тексте должны содержаться намеки на знакомые вещи.

Таким образом, Дж. Родари говорит о такой системе воспитания, которая прививает и развивает творческое начало. Множество методов и приемов Дж. Родари позволяют выбрать прием, соответствующий возрасту ребенка, его интеллектуальным возможностям и интересам.

Результаты эмпирического исследования

Экспериментальное исследование по проблеме педагогической поддержки развития вербальной креативности у детей старшего дошкольного возраста проводилось в ГУО «Ясли-сад № 25 г. Бреста». Выборку составило 40 детей: 20 – экспериментальная группа (ЭГ) и 20 – контрольная (КГ). На основе теоретического анализа научно-методической литературы были выделены критерии, показатели и уровни сформированности вербальной креативности у детей старшего дошкольного возраста.

Критерий *самостоятельность*. Показатели: составление рассказов без наводящих вопросов, сюжет не заимствован, употребление выразительных средств в новых сочетаниях.

Критерий *целенаправленность*. Показатели: умение подчинить все содержание рассказа замыслу, не отступая от темы, сохранение сюжетной линии.

Критерий *композиционная целостность (структурированность)*. Показатели: умение строить рассказ в соответствии с заданной структурой, соблюдать композицию сюжетного монолога (начало, развитие сюжета, концовка).

Критерий *творческая продуктивность*. Показатели: умение придумывать несколько рассказов на одну тему или несколько способов использования предмета в раз-

ных семантических зонах, оригинальность сочинений, ответов, способов использования предмета.

Критерий *синтаксическая оформленность сочинений*. Показатели: наличие простых (распространенных и нераспространенных) и сложных предложений в текстах.

Критерий *детализированность образов*. Показатели: использование сравнений, эпитетов при характеристике образа или предмета, эмоциональная окрашенность образа.

На основании этих показателей были определены три уровня развития вербальной креативности у детей старшего дошкольного возраста.

Высокий уровень. Ребенок составляет рассказ без наводящих вопросов, сюжет не заимствован. Подчиняет все содержание рассказа замыслу, не отступает от темы, строит рассказ в соответствии с заданной структурой, соблюдает композицию сюжетного рассказа (начало, развитие сюжета, концовка), придумывает несколько рассказов на одну тему. Ребенок использует простые и сложные предложения в зависимости от ситуации. Ошибок при построении предложений нет.

Средний уровень. Ребенок нуждается в частичной помощи со стороны педагога: составляет рассказ с наводящими вопросами, сюжет заимствован, частично нарушена логика изложения, имеет место фрагментарное описание, сочинение состоит из нескольких фрагментов, внутри которых наблюдается логика изложения, однако между фрагментами эта логическая связь нарушена, сочинение излагается прерывисто, с незначительными заминками и паузами, ребенок недостаточно использует различные лексические средства, употребляет простые распространенные предложения, редко сложные предложения с сочинительными союзами, иногда допускает ошибки при построении предложений.

Низкий уровень. Ребенок затрудняется придумать рассказ даже с помощью взрослого, сюжет заимствован, композиция сюжетного рассказа нарушена, может отсутствовать какая-либо структурная часть (чаще концовка). Ребенок допускает значительные паузы в процессе рассказывания, использует в основном простые предложения, сложноподчиненные предложения не встречаются совсем. Наблюдаются множественные ошибки при построении предложений. Речь не эмоциональна, не выразительна.

В качестве диагностирующего инструментария были использованы следующие методы и методики: тест Торренса «Диагностика вербальной креативности», методики «Слова», «Свобода ассоциаций», «Словесная ассоциация», «Употребление предмета», «Придумай рассказ». По результатам диагностического исследования высокий уровень развития вербальной креативности не был выявлен ни у одного ребенка. Средний уровень у 60 % детей ЭГ и 65 % КГ, низкий – у 40% детей ЭГ и 35 % КГ. Чаще всего дети ЭГ и КГ пересказывали известные им рассказы, сказки, мультфильмы, привнося что-то новое. Лишь несколько детей придумали свои истории.

Для развития вербальной креативности детей старшего дошкольного возраста в культурно-игровом пространстве учреждения дошкольного образования была разработана система игр-занятий, упражнений и заданий, направленных на развитие воображения и фантазии детей как основы творческой деятельности; гибкости мышления и способности генерировать большое количество оригинальных идей; образности речи, эмоциональности и художественной выразительности; обогащение и активизация словаря детей; формирование качеств творческой личности: активности, инициативности, любознательности.

Игры-занятия проводились с ориентацией на следующие *принципы*, которые являются исходными условиями и закономерностями процесса педагогической поддержки развития детской креативности.

1. Принцип *гуманистической направленности* ориентирован на то, что взаимодействие в системе «педагог – ребенок» базируется на взаимном уважении, справедливости и любви. Положительных результатов педагог может добиться, если в центре его внимания личность ребенка с его потребностями в познании мира, в приобретении умений и навыков, самоутверждении, в содержательном общении с детьми в интересной для них деятельности.

2. Принцип *наглядности* имеет особенно большое значение в обучении дошкольников, так как мышление ребенка носит наглядно-образный характер.

3. Принцип *свободы выбора*. Реализуется детьми через выбор тем, способов выполнения индивидуальных и групповых творческих работ, ориентируемых на получение личного результата, проявление самостоятельности и активности.

4. Принцип *совместной продуктивной деятельности*. В процессе совместной деятельности, творчества, познания окружающего мира происходит взаимообогащение, развитие творческих способностей ребенка, его коммуникативных умений и навыков.

5. Принцип *системности*. Педагогическое взаимодействие выстроено в систему специальных игр, упражнений и заданий.

В качестве методического инструментария были использованы методы и приемы «Грамматики фантазии» Дж. Родари. Методы и приемы выбирались с учетом возрастных особенностей детей, их возможностей, интересов. Работа велась планомерно, игры-занятия варьировались, усложнялись.

Эффективность разработанной и экспериментально апробированной системы игр-занятий на основе «Грамматики фантазии: введение в искусство придумывания историй» Дж. Родари показал контрольный этап эксперимента.

Высокий уровень сформированности вербальной креативности выявлен у 55 % детей ЭГ и 15 % детей КГ. Эти дети справились со всеми предложенными заданиями, выполняя их самостоятельно, без помощи педагога. Они составили рассказ (сказку) с оригинальными, незаимствованными сюжетами, использовали распространенные предложения. Их сочинения характеризуются композиционной целостностью. Дети использовали в своих рассказах различные образные слова и выражения. При ответах дети были эмоциональны, заражали своей эмоциональностью слушателей.

Средний уровень выявлен у 45 % детей ЭГ и 40 % детей КГ. В их сочинениях сюжет, как правило, заимствован из других художественных источников, но добавлено что-то свое. Дети нуждаются в частичной помощи со стороны педагога;

Детей с *низким уровнем* развития вербальной креативности в ЭГ не выявлено, тогда как в КГ 45 % детей продемонстрировали низкий уровень. Их сочинения очень небольшие, встречаются рассказы из одного-трех предложений, язык беден, речь невыразительна. Чаще всего дети пересказывали известные им рассказы, сказки, мультфильмы, привнося что-то новое. Лишь несколько детей придумали свои истории. Дети называли персонаж, но не характеризовали его. Эмоции рассказчика выражены очень слабо и не передавались слушателю. Было использовано ограниченное количество слов и образных выражений.

Заклучение

Таким образом, проведенное исследование по проблеме педагогической поддержки развития вербальной креативности детей старшего дошкольного возраста в культурно-игровом пространстве учреждения дошкольного образования позволяет констатировать, что методы и приемы «Грамматики фантазии: Введение в искусство придумывания историй» Дж. Родари, такие как «бином фантазии», «фантастические гипотезы», «стеклянные человечки», «творческая ошибка», «конструирование загадки» и др., можно успешно применять в практике работы современного дошкольного образования в целях воспитания творческой личности на ранних этапах онтогенеза, развития качеств дивергентного мышления и творческого воображения – продуктивности, гибкости, оригинальности как основы ее творческого потенциала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова, Е. С. Одаренность малыша: раскрыть, понять, поддержать / Е. С. Белова. – М. : Флинта, 2004. – 144 с.
2. Богоявленская, Д. Б. Психология творческих способностей / Д. Б. Богоявленская. – М. : Акад. проект, 2002. – 346 с.
3. Выготский, Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте / Л. С. Выготский. – М. : Просвещение, 1991. – 93 с.
4. Дружинин, В. Н. Психодиагностика общих способностей / В. Н. Дружинин. – М. : Академия, 1996. – 216 с.
5. Кудрявцев, В. Ребенок-дошкольник: новый подход к диагностике творческих способностей / В. Кудрявцев, В. Синельников // Дошкол. воспитание. – 1995. – № 9. – С. 62–70.
6. Малахова, И. А. Развитие личности. Способность к творчеству, одаренность, талант / И. В. Малахова. – Минск : Беларус. навука, 2002. – 158 с.
7. Поддьяков, Н. Н. Проблемы обучения и развития творчества дошкольников / Н. Н. Поддьяков. – Н. Новгород, 1999. – 38 с.
8. Ушакова, Т. Н. О психологии словесного творчества / Т. Н. Ушакова // Психол. журн. – 2007. – № 4. – С. 90–100.
9. Родари, Дж. Грамматика фантазии. Введение в искусство придумывания историй / Дж. Родари ; пер. с ит. Ю. А. Добровольской. – М. : Прогресс, 1990. – 44 с.
10. Художественное творчество и ребенок : монография / В. А. Езикеева [и др.] ; под ред. Н. А. Ветлугиной. – М. : Педагогика, 1972. – 287 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 24.09.2018

Alexandrovich T.V. Pedagogical Support of Development of Verbal Creativity in Children of Senior Preschool in the Cultural and Play Space Companies Preschool Education

The article substantiates the need for the development of creative abilities as the basis of the creative potential of the individual in the early stages of ontogenesis. The essential characteristics of the pedagogical system j are determined. Rodari, the program of development of creative abilities of children of the senior preschool age in cultural and game space of organization of preschool education on the basis of methods and receptions of the Italian teacher j is developed and experimentally tested. Rodari, author of the Grammar of fantasy: an introduction to the art of storytelling.

УДК 37.013:304.44-053.6

Е.Ф. Сивашинская¹, А.А. Быцко²¹канд. пед. наук, доц., доц. каф. педагогікі

Брэстскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

²магістрант каф. педагогікі

Брэстскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна,

педагог-арганізатар сярэдняй школы № 8 імя Героя Беларусі В.Н. Карвата (г. Брэст)

e-mail: ¹sivashinskaya@mail.ru; ²asya.korsak@mail.ru**МОДЕЛЬ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТАРШЕКЛАССНИКОВ
СРЕДСТВАМИ МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Раскрываются теоретические и методические аспекты развития социальных компетенций старшеклассников средствами музейной деятельности в системе работы педагога-организатора. Уточняются понятие, состав и содержание социальных компетенций учащихся данного возраста. Представлена модель и определены педагогические условия развития социальных компетенций старшеклассников средствами музейной деятельности. Приводятся фрагмент разработанной и экспериментально апробированной программы формирующего этапа эксперимента и краткая характеристика продуктивных методов и форм воспитания старшеклассников в контексте развития их социальных компетенций.

Введение

Важным направлением системы воспитательной работы учреждения общего среднего образования как института социализации является развитие социальных компетенций старшеклассников. Это обусловлено тем, что социальные компетенции играют ведущую роль в формировании готовности старших школьников к жизни в обществе, а также их готовности нести ответственность за свое социальное благополучие. С позиции компетентного подхода для современного обучающегося важны не только знания и умения, но и способность применять их для решения разнообразных профессиональных и личностных задач. Актуальность проблемы развития социальных компетенций старшеклассников определяется также их типологическими возрастными особенностями. Наряду с учебно-профессиональной деятельностью, являющейся, как известно, ведущей в данном возрасте, большое значение для развития личности старшего школьника имеет его общение, взаимодействие, социальное партнерство со сверстниками и взрослыми. Развитие социальных компетенций учащихся способствует включению их в систему социальных отношений, формированию у них способности и готовности жить в постоянно изменяющихся условиях и влиять на эти условия для достижения личностно значимых и общественно полезных результатов.

Исследователями установлено, что школьный музей является важным институтом социализации, действенным средством углубления общеобразовательных и специальных знаний и умений обучающихся. Это позволяет рассматривать музей в качестве важнейшего средства развития социальных компетенций старшеклассников. В связи с этим цель статьи – обосновать необходимость развития социальных компетенций старшеклассников средствами музейной деятельности, охарактеризовать модель данного процесса и программу ее опытно-экспериментальной апробации в работе педагога-организатора средней школы, а также определить педагогические условия развития социальных компетенций старшеклассников в различных видах музейной деятельности.

Проблему развития социальных компетенций следует решать с позиции компетентностного подхода и общей теории развития компетенций. В соответствии с концепциями А.В. Хуторского, И.А. Зимней, О.Л. Жук и др., компетенции личности – это знания, умения, опыт, система ценностей и отношений, необходимые ей для решения разнообразных жизненных и профессиональных задач [1–3].

Определим, какое место занимают социальные компетенции в системе ключевых компетенций. И.А. Зимняя выделяет три группы ключевых компетенций. В первую группу ею включены компетенции, относящиеся к самому человеку как личности и субъекту деятельности: компетенции здоровьесбережения, ценностно-смысловой ориентации в мире, интеграции, гражданственности, самосовершенствования. Вторую группу составили компетенции социального взаимодействия и общения. В третью группу вошли компетенции, относящиеся к деятельности человека (компетенции познавательной и иных видов деятельности, а также информационно-технологические компетенции) [2]. А.В. Хуторской в качестве ключевых образовательных компетенций учащихся учреждений общего среднего образования называет ценностно-смысловые, общекультурные, учебно-познавательные, информационные, коммуникативные, социально-трудовые и компетенции личностного совершенствования. Особый интерес для нашего исследования представляет группа социально-трудовых компетенций, которые, с позиции автора классификации, означают владение знаниями и опытом в сфере гражданско-общественной деятельности, в социально-трудовой сфере, в сфере семейных отношений и обязанностей, в вопросах экономики и права, в области профессионального самоопределения [1].

В образовательном стандарте высшего образования первой ступени Республики Беларусь представлены три группы компетенций, которые необходимо сформировать у обучающихся в процессе их профессиональной подготовки: академические, социально-личностные, профессиональные. Согласно О.Л. Жук, именно социально-личностные компетенции обеспечивают культурно-ценностные ориентации личности, знание идеологических, нравственных ценностей общества и государства и умение следовать им. При этом системообразующей для всех групп компетенций выступает способность личности к самоопределению – самостоятельному осуществлению выбора, направленного на продуктивное взаимодействие и общение, построение себя и собственной жизнедеятельности, формирование личных идеалов, жизненных принципов, мировоззрения [3]. Вышесказанное позволяет заключить, что авторы относят социальные компетенции к группе ключевых компетенций, которые, как подчеркивает А.В. Хуторской, выполняют «многофункциональную метапредметную роль, проявляющуюся не только в школе, но и в семье, в кругу друзей, в будущих производственных отношениях» [1].

Понятие, состав и содержание социальных компетенций раскрываются в работах Ю.В. Ивановой, О.Л. Жук, И.А. Зимней, О.Н. Мачехиной, С.А. Учуровой и других исследователей. Например, Ю.В. Иванова определяет социальную компетенцию как совокупность знаний, умений и способностей, формируемых в процессе социализации, которые позволяют человеку адекватно адаптироваться и эффективно взаимодействовать в обществе [4]. С.А. Учурова трактует социальные компетенции как синтез знаний об обществе и социальных умений (обязанностей), овладение которыми способствует адекватному выполнению индивидом норм и правил жизни в обществе [5].

О.Н. Мачехина рассматривает социальную компетенцию как личностную характеристику, способность учащегося успешно самореализовываться в обществе. Она пришла к выводу, что в основе социальных компетенций лежит способность человека эф-

фективно решать проблемы взаимодействия с обществом на основе актуализации знаний и опыта в конкретной области жизнедеятельности. Ею выделены следующие компоненты социальных компетенций: знания об основных социальных ценностях, нормах общественной жизни, моральных нормах и правилах поведения в различных социальных ситуациях, эффективных способах социально значимой деятельности; умения эффективного взаимодействия со сверстниками и взрослыми; умения эмоциональной саморегуляции, рефлексии своего поведения в различных социальных ситуациях [6]. В целом в структуре социальных компетенций учащихся старшего школьного возраста авторы обычно выделяют когнитивную, мотивационную, операционально-поведенческую, рефлексивную компетенции [4; 5; 7].

Теоретический анализ научных работ и нормативных документов по проблеме исследования позволил нам уточнить понятие, состав и содержание социальных компетенций. Под социальными компетенциями старшеклассников мы понимаем совокупность знаний, умений, ценностных отношений личности, необходимых ей для эффективного взаимодействия и функционирования в обществе, и опыт их применения и проявления в повседневной жизни и деятельности. Социальные компетенции обеспечивают ценностно-смысловую направленность личности, сформированность ее базовой культуры, способность и готовность к социальному взаимодействию.

При определении компонентного состава социальных компетенций старшеклассников мы опирались также на подход И.А. Зимней к описанию структурных блоков компетенций (компетентностей). Ученый выделила в структуре социальной компетентности знаниевый, мотивационный, поведенческий (процессуально-действенный), ценностно-смысловой, эмоционально-волевой компоненты [2]. В нашем исследовании компоненты социальных компетенций объединены в три группы: когнитивные (КК), ценностно-смысловые (ЦСК) и процессуально-деятельностные (ПДК). Опишем содержательно данные группы компетенций, обозначив их следующим образом.

КК-1 – знания об устройстве и функционировании социальных институтов, о социальных структурах и социальных процессах в обществе;

КК-2 – знание ролевых требований и ролевых ожиданий, предъявляемых в обществе к обладателям того или иного социального статуса;

КК-3 – знание основных социальных ценностей, норм общественной жизни, моральных норм и правил поведения в различных социальных ситуациях;

КК-4 – знания об эффективных способах социально значимой деятельности, умениях эффективного взаимодействия со сверстниками и взрослыми;

ЦСК-1 – проявление уважительного отношения к социальным ценностям, нормам общественной жизни;

ЦСК-2 – проявление эмоционально-ценностного отношения к качествам личности, лежащим в основе успешной социально значимой деятельности и эффективного взаимодействия со сверстниками и взрослыми (толерантность, уважение к себе и окружающим, ответственность за свои поступки, организованность, честность, уверенность в себе и др.);

ЦСК-3 – проявление эмоционально-ценностного отношения к эффективным способам социально значимой деятельности, умениям эффективного взаимодействия со сверстниками и взрослыми;

ЦСК-4 – критическое отношение к своему поведению и поведению других людей в различных социальных ситуациях;

ПДК-1 – владение моральными нормами и правилами поведения в контексте социальных ценностей, норм общественной жизни;

ПДК-2 – владение способами социально значимой деятельности;

ПДК-3 – умения эффективного взаимодействия со сверстниками и взрослыми в различных социальных ситуациях;

ПДК-4 – умения эмоциональной саморегуляции, рефлексии своего поведения в различных социальных ситуациях.

Развитие вышеназванных компетенций является целевыми ориентирами в воспитательной работе педагога-организатора со старшеклассниками, а значит, системообразующим компонентом модели развития этих компетенций в различных видах музейной деятельности. При использовании метода моделирования в нашем исследовании мы руководствовались тем, что данная модель, во-первых, должна отражать логику и организацию целостного педагогического процесса, а во-вторых – включать педагогические условия развития социальных компетенций старшеклассников в музейной деятельности в системе работы педагога-организатора. В соответствии с этим в ходе моделирования развития социальных компетенций старшеклассников в музейной деятельности нами были выделены целевой, методологический, содержательный, технологический и оценочно-результативный компоненты, а также определены педагогические условия развития социальных компетенций старшеклассников в музейной деятельности. Целевой компонент характеризуемой модели заключается в ориентации работы педагога-организатора и школьного музея на развитие социальных компетенций старшеклассников путем включения их в активную музейную (поисковую, учебно-исследовательскую, экскурсионную) деятельность. Методологический компонент представлен культурологическим, аксиологическим, личностно ориентированным, компетентностным подходами.

Содержательный компонент вышеназванной модели определяется составом и содержанием социальных (когнитивных, ценностно-смысловых и процессуально-деятельностных) компетенций старшеклассников. Ее технологический компонент включает методы и технологии развития социальных компетенций (дидактическая, ролевая, деловая и иные игры, подготовка и выступление учащихся с презентациями, интервьюирование, методы проектов, рефлексивной деятельности и др.), а также формы воспитательной работы (экскурсия, виртуальная экскурсия, коллективное творческое дело, музейный урок, музейная лекция и др.).

Оценочно-результативный компонент разработанной модели состоит из диагностического инструментария, уровней развития социальных компетенций старших школьников, критериев и показателей, необходимых для их диагностики, а также ожидаемых результатов опытно-экспериментальной работы по апробации данной модели. Диагностический инструментарий представлен такими методами, как наблюдение, анкетирование, исследовательская беседа, метод самооценки, метод экспертной оценки, которые будут применяться нами в рамках методик, разработанных М.И. Рожковым и А.М. Прихожан (соответственно «Методика изучения социализированности личности учащегося» и «Шкала социальной компетентности» [8; 9]). Уровни развития социальных компетенций старшеклассников в музейной деятельности определялись нами на основе уровней социализированности учащихся, охарактеризованных М.И. Рожковым, с учетом специфики нашего исследования: высокий (социальные компетенции ярко выражены, проявляются всегда или часто в различных социальных ситуациях); средний (социальные компетенции достаточно выражены, проявляются время от времени);

низкий (социальные компетенции недостаточно выражены, проявляются редко или не проявляются) уровни [8]. При этом прогнозируемым результатом апробации представленной модели в опытно-экспериментальной работе является повышение уровня развития социальных компетенций старшеклассников, включенных в разнообразные виды музейной деятельности.

В ходе моделирования развития социальных компетенций учащихся в музейной деятельности нами были определены педагогические условия развития данных компетенций: 1) целенаправленное использование педагогического потенциала школьного музея как средства развития социальных компетенций старшеклассников в работе педагога-организатора; 2) включение учащихся старших классов в разнообразные виды музейной деятельности: поисковую, экскурсионную, учебно-исследовательскую с акцентированием их ценностно-ориентационной составляющей; 3) применение продуктивных методов воспитания и обучения учащихся при проектировании и организации музейной деятельности, а также проведении воспитательных мероприятий в школьном музее. Рассмотрим кратко каждое из этих педагогических условий.

Изучение научно-методической литературы (Е.В. Белова С.Д. Гринько, Т.А. Ковальчук, Н.В. Нагорский, Б.А. Столяров, С.Л. Троянская и др.) позволяет сделать вывод о том, что школьный музей, являясь целостной личностно ориентированной образовательной средой, обладает значительным педагогическим потенциалом. Прежде всего музей выступает средством социализации, воспитания базовой культуры учащихся, их общего, эстетического, художественного образования и самообразования, разностороннего, в том числе творческого, развития и самореализации [10; 11].

Определяя второе педагогическое условие, мы опирались на вывод Б.А. Столярова о том, что образовательное влияние школьного музея проявляется при активном включении учащихся в музейную деятельность. Так, поисковая деятельность школьного музея заключается в проведении учащимися работы по пополнению фондов школьного музея (поиск, классификация и изучение музейных предметов и исторических источников, посещение музеев и архивов, обеспечение сохранности музейных предметов и др.). Учебно-исследовательская деятельность музея предполагает организацию мастер-классов и творческих занятий в условиях музейной среды, создание и обновление экспозиций, организацию временных выставок, проведение уроков мужества и др. Экскурсионная деятельность музея состоит в проведении экскурсий и лекций для учащихся школы, жителей микрорайона, гостей школы, в разработке экскурсий различной тематики, формировании портфеля экскурсовода и т.п. [11].

Согласно следующему педагогическому условию, в процессе развития социальных компетенций старшеклассников необходимо применять продуктивные методы и формы воспитания и обучения при проектировании и организации музейной деятельности, а также при проведении воспитательных мероприятий в школьном музее. При выборе подобных методов (игровые, проектные, интерактивные методы, интервьюирование, методы организации рефлексивной деятельности и др.) и форм (экскурсии, в том числе виртуальные, музейные уроки и занятия, викторины, коллективные творческие дела и др.) мы учитывали утверждение исследователей (О.Н. Мачехина и др.), согласно которому развитие социальных компетенций старшеклассников связано с их социальной и творческой активностью.

Экспериментальная работа по апробации модели развития социальных компетенций старшеклассников в музейной деятельности проводилась в средней школе № 8 г. Бреста имени Героя Беларуси В.Н. Карвата. В ней участвовали 44 учащихся 9–10 классов,

включенных в экспериментальную и контрольную группы (по 22 человека). На констатирующем этапе эксперимента с помощью охарактеризованного выше диагностического инструментария были выявлены уровни развития социальных компетенций старшеклассников: у 4,5 % учащихся данной выборки высокий уровень, у 45,5 % – средний, у 50 % – низкий. Полученные результаты свидетельствуют об актуальности и значимости исследуемой нами проблемы, а также об имеющемся потенциале развития социальных компетенций старшеклассников.

Основная цель формирующего этапа эксперимента заключалась в апробации модели развития социальных компетенций старшеклассников средствами музейной деятельности. Для его проведения нами была разработана программа формирующего этапа эксперимента. Приведем фрагмент этой программы (таблица).

Таблица. – Фрагмент программы формирующего этапа эксперимента

Месяц	Вид деятельности	Мероприятие или КТД	Целевые ориентиры	Методы, технологии, формы развития социальных компетенций
Апрель	Учебно-исследовательская	В рамках работы лекторской группы: подготовка учащимися мультимедийных презентаций и проведение музейного урока «Чернобыль – память и боль Беларуси»; подготовка и проведение квест-игры «История одного экспоната» для учащихся 6–8 кл.	КК-3, ЦСК-2, ПДК-1	Беседа; квест-игра; мультимедийная презентация; музейный урок
	Поисковая	Разработка поискового проекта «Самая интересная фотография – фотография из семейного архива» (поиск фотоматериалов в семейных архивах)	ЦСК-3, ПДК-1	Разработка проекта
	Экскурсионная	Разработка и проведение учащимися виртуальной экскурсии «Огромное небо в судьбе летчиков Брестчины»	КК-1, ЦСК-2, ПДК-4	Виртуальная экскурсия; рефлексия «Оценочный лист»
Май	Учебно-исследовательская	Организация и проведение конкурса творческих работ «Это гордое слово Победа»; подготовка и проведение учащимися урока мужества «Защитники Родины» (о защитниках Брестской крепости) для учащихся 2–8 кл.	КК-3, ЦСК-3, ПДК-3	Конкурс творческих работ; урок мужества
	Поисковая	В рамках работы по пополнению фондов музея: поиск материалов о летчиках Брестчины в архивах музея и города, интернет-источниках; разработка на основе собранных материалов проекта «Героями не рождаются – героями становятся»	ЦСК-2, ЦСК-4, ПДК-4	Разработка проекта
	Экскурсионная	В рамках КТД «Неделя школьного музея»: подготовка и проведение учащимися викторины «Музей В.Н. Карвата – наша гордость», квест-игры «Открытие музея», видеорепортажа «Пожелания музею»	ЦСК-2, ЦСК-3, ПДК-2, ПДК-3	КТД; викторина; квест-игра; видеорепортаж; метод рефлексии «Синквейн»

Охарактеризуем кратко методы, технологии, формы воспитания, которые использовались в ходе формирующего этапа эксперимента, в том числе представленные

в таблице. При обучении учащихся – будущих экскурсоводов в школьном музее нами применялся метод ролевой игры. Учащимся было предложено стать участниками ролевой игры «Я экскурсовод», в ходе которой на основе материалов из фондов музея они разработали маршрут экскурсии «Огромное небо в судьбе летчиков Брестчины» и затем проводили эту экскурсию для своих сверстников. В игре каждый учащийся с учетом общепринятых этических норм и правил исполнял определенную роль: экскурсовода, разработчика экскурсии, посетителя музея и др. В процессе таких ролевых игр учащиеся активно взаимодействуют друг с другом, работают в группе и овладевают соответствующими социальными компетенциями (КК-2, КК-3, ЦСК-2, ПДК-3 и др.).

В ходе поисковой работы по пополнению фондов школьного музея широко применялся метод проектов. Так, разработка проекта «Самая интересная фотография – фотография из семейного архива» включала поиск малыми группами фотоматериалов в семейных архивах. Работа над проектом «Героями не рождаются – героями становятся» была сопряжена с поиском информации о жизни и деятельности людей, получивших звание «Герой Беларуси». В рамках исследовательского проекта «Моя родная улица» использовался метод интервьюирования. Учащимся был составлен план тематического полуформализованного интервью, включающего вопросы по истории развития улиц Бреста. После проведения интервью, респондентами которого выступили жители микрорайона школы, полученные данные были проанализированы и обобщены. На их основе было проведено исследование на тему «Мои родные улицы». Учащимся были собраны материалы по истории создания и развития улиц Железнодорожная, Брестских дивизий, Мостовая. В целом, как показала опытно-экспериментальная работа, все методы, которые применялись в рамках технологии проектного обучения, способствовали развитию социальных компетенций старшеклассников (КК-1, КК-4, ЦСК-2, ЦСК-4, ПДК-3, ПДК-4 и др.).

Эффективными формами воспитания старшеклассников в контексте развития их социальных компетенций являются экскурсии. Так, занимаясь в «Школе экскурсоводов», учащиеся экспериментальной группы разработали содержание тематических экскурсий «Суровые сороковые», «Славные имена моей школы», «Полет в бессмертие», «В.Н. Карват – первый Герой Беларуси» и др., затем проводили эти экскурсии для других учащихся, гостей школы, жителей микрорайона. Экскурсия как форма работы школьного музея способствует развитию интеллектуальных, коммуникативных, информационных, творческих умений учащихся, и, следовательно, их социальных компетенций (КК-2, КК-3, КК-4, ЦСК-2, ЦСК-3, ЦСК-4, ПДК-2; ПДК-3 и др.).

С целью включения учащихся в активную музейную деятельность применялись такие формы их воспитания и обучения, как музейная лекция, музейный урок, коллективное творческое дело. Так, активом школьного музея был разработан и проведен музейный урок для учащихся 9–11-х классов «Чернобыль – память и боль Беларуси» с применением интерактивных методов. Участникам предлагались задания по схеме «найдите» – «сравните» – «отгадайте» – «подумайте, почему».

Учащимся совместно с педагогом-организатором было подготовлено и проведено коллективное творческое дело «Неделя школьного музея», в рамках которого проводились викторина «Музей В.Н. Карвата – наша гордость», квест-игра для учащихся начальной школы «Открытие школьного музея» и видеорепортаж «Пожелания музею». Коллективное творческое дело способствовало развитию всех групп социальных компетенций старшеклассников. С этой же целью учащимся предлагались такие творческие задания, как конкурс творческих работ «Это гордое слово Победа», конкурс моде-

лей самолетов «СУ-27» ко Дню рождения В. Н. Карвата, квест-игра «История одного экспоната», подготовка тематических мультимедийных презентаций и др.

Заклучение

Таким образом, теоретическое изучение психолого-педагогической литературы и нормативно-правовой документации позволило уточнить понятие, состав и содержание социальных компетенций старшеклассников, обосновать утверждение о том, что школьный музей обладает значительным педагогическим потенциалом в контексте развития социальных компетенций учащихся, разработать модель и определить педагогические условия развития данных компетенций средствами школьного музея.

Ход и предварительные результаты опытно-экспериментальной работы позволяют сделать вывод о том, что включение старших школьников в разнообразные виды музейной деятельности способствует их успешной социализации, развитию умений социального партнерства и сотрудничества, эффективного взаимодействия со сверстниками и взрослыми в различных социальных ситуациях, способности адаптироваться к изменяющимся условиям жизнедеятельности. При этом продуктивными педагогическими средствами развития всех групп (КК, ЦСК, ПДК) социальных компетенций старшеклассников в музейной деятельности являются деловая игра, квест-игра, интерактивные методы, методы организации рефлексивной деятельности, интервьюирование, видеорепортаж, экскурсия, виртуальная экскурсия, коллективное творческое дело, музейные уроки и лекции и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты [Электронный ресурс] / А. В. Хуторской // Интернет-журн. «Эйдос». – 2002. – Режим доступа: <http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm>. – Дата доступа: 09.10.2018.
2. Зимняя, И. А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека [Электронный ресурс] / И. А. Зимняя // Интернет-журн. «Эйдос». – 2006. – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0504.htm>. – Дата доступа: 09.10.2018.
3. Жук, О. Л. Педагогика. Практикум на основе компетентного подхода : учеб. пособие / О. Л. Жук, С. Н. Сиренко ; под общ. ред. О. Л. Жук. – Минск : РИВШ, 2007. – 192 с.
4. Иванова, Ю. В. Развитие исследований социальной компетентности в период модернизации образования / Ю. В. Иванова // Актуальные проблемы образования и воспитания: международный опыт и перспективы сотрудничества : сб. науч. ст. – Омск, 2009. – С. 151–158.
5. Учурова, С. А. Развитие социальной компетентности в образовательном процессе школы [Электронный ресурс] / С. А. Учурова. – Екатеринбург, 2011. – Режим доступа: <http://study.urfu.ru/Aid/Publication/10734/1/Ychurova.pdf>. – Дата доступа: 10.10.2018.
6. Мачехина, О. Н. Педагогические условия развития социальной компетентности старшеклассников: проектно-контекстный подход : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / О. Н. Мачехина. – М., 2007. – 26 с.

7. Нагайченко, Н. Н. Социальная компетентность старшеклассников: содержание и структура понятия / Н. Н. Нагайченко // Ярослав. пед. вестн. – 2012. – № 3. – Т. I (Психол.-пед. науки). – С. 14–19.

8. Воспитательный процесс: изучение эффективности : метод. рекомендации / под ред. Е. Н. Степанова. – М. : Сфера, 2000. – С. 64–66.

9. Прихожан, А. М. Диагностика личностного развития детей подросткового возраста / А. М. Прихожан. – М., 2007. – 56 с.

10. Нагорский, Н. В. Музейная педагогика и музейно-педагогическое пространство / Н. В. Нагорский // Педагогика. – 2005. – № 5. – С. 3–12.

11. Столяров, Б. А. Музейная педагогика. История, теория, практика : учеб. пособие / Б. А. Столяров. – М. : Высш. шк., 2004. – 216 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2018

Sivashinskaya E.F., Bytsko A.A. Model and Methodical Aspects of the Development of High School Students' Social Competences by Means of Museum Activity

The article deals with the theoretical and methodical aspects of the development of high school students' social competences by means of museum activity in the teacher-organizer's work. The term, structure and content of social competences of pupils of this age are refined. The model is presented and pedagogical conditions of development of high school students' social competences by means of museum activity are defined. A fragment of the developed and experimentally tested in the teacher-organizer's work of the program of the forming stage of the experiment is presented. A brief description of the productive methods and forms of high school students' education in the context of development their social competencies is given.

УДК 316.33

А.И. Лысюк¹, М.Г. Соколовская²¹д-р полит. наук, канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина²ст. преподаватель каф. политологии и социологии

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

e-mail: [1ailysiuk@list.ru](mailto:ailysiuk@list.ru); [2llogos@list.ru](mailto:llogos@list.ru)**ЖЕНЩИНЫ И ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

На основе результатов социологического опроса изучаются установки белорусов относительно занятия женщинами высоких политических должностей. Указывается, что в современных европейских государствах женщины уже являются важной частью политической элиты. Отмечается важность расширения женского присутствия в белорусской политике. Констатируется, что большинство опрошенных позитивно воспринимают факт получения белорусскими женщинами доступа к важным государственным должностям и готовы оценивать политика не по полу, а по его деловым и моральным качествам. Определяется также совокупность факторов, ограничивающих политическое восхождение женщин. Утверждается, что многие белорусы полагают, что расширение женского участия в процессе принятия политических решений приведет к тому, что государственная политика Республики Беларусь станет более социальной и справедливой, но одновременно менее милитаристской и рациональной.

Введение

Успешное общественное развитие в эпохи модерна и постмодерна предполагает масштабное вовлечение в социальные практики различных категорий населения. Особое значение имеет необходимость расширения «женского участия» в политике, поскольку практически во всех странах мира существует проблема преодоления многовековой традиции, изначально закрепляющей публичную политическую сферу за мужчинами и тем самым ограничивающей ее конструктивный потенциал.

В современных европейских государствах женщины стали частью политической элиты. Практически во всех странах – соседях Беларуси они уже занимали или занимают первые политические позиции, являясь их высшими руководителями, о чем свидетельствуют примеры Ю. Тимошенко (Украина), Б. Шидло и Э. Копач (Польша), Д. Грибаускайте (Литва), В. Вике-Фрейберга (Латвия) и др. Число женщин в правительствах скандинавских государств в начале XXI в. колеблется от 40 до 50 %.

В Беларуси также наблюдается тренд усиления политического влияния женщин. Если в Верховный совет Республики Беларусь 12 созыва были избраны только 13 женщин (3 %), а 13-го созыва – 5 (4,5 %), то в настоящее время в Национальном собрании Республики Беларусь насчитывается 33,7 % представителей слабой половины человечества, в местных Советах депутатов всех уровней – 45,5 %, в органах государственного управления – около 33 %, а одну из ключевых государственных должностей в стране (руководитель Администрации Президента) впервые заняла женщина – Н. Кочанова. Что же касается контрэлиты (оппозиционных политических партий), то, согласно исследованиям белорусского социолога Н. Ефимовой, число женщин не превышает 20 %.

Несмотря на эти позитивные изменения современная политика во многих государствах по-прежнему является сферой мужского доминирования. Например, в США женщины составляют только 17 % Сената и Палаты представителей и 14 % в представительных органах власти на уровне штатов. В 100 самых больших городах страны

только 9 женщин являются мэрами, а среди 50 губернаторов штатов лишь 6 – представители «слабого пола».

Белорусская политика также форматируется и формируется преимущественно мужчинами. В этой ситуации важное значение приобретает оценка потенциала расширения женского присутствия в структурах власти, поскольку, по справедливому замечанию белорусского политолога В. Саморядова, «ограниченное участие женщин в политической жизни, отстранение их от власти на любом уровне ограничивают эффективность деятельности государства. Ведь женщины способны принести в политику иной комплекс критериев, открыть новые перспективы в политическом диалоге, изменить традиционный стиль управления под углом зрения большего взаимопонимания, согласованности действий и гуманистических ориентиров... улучшения положения женщин» [1, с. 142–143].

Социологами Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина был проведен социологический опрос (март–апрель 2018 г.) с целью определения отношения различных социальных групп к проблеме более активного и масштабного участия белорусских женщин в политической деятельности, включая и ее элитарный уровень. По случайной выборке нами было опрошено 322 человека (ошибка репрезентативности не превышает 5 %). Они проживают в разных регионах Брестской области и представляют основные демографические и профессиональные группы.

Женщины в политических должностях

Социологический опрос показал, что политические ориентации большинства белорусов в гендерной сфере в целом соответствуют общеевропейским, т.е. в них доминирует позитивная установка на возможность расширения женского участия в политике. Так, 53,9 % опрошенных положительно воспринимают ситуацию, когда женщина занимает важную государственную должность. Негативно к этому относится сравнительно небольшое число респондентов – 15,7 %. Существенное число жителей области (21,1 %), мысля диалектически, полагают, что поскольку европейские государства являются во многом непохожими друг на друга, то и конфигурация представленности женщин во властных структурах отдельных стран может быть различной (таблица 1).

Таблица 1. – Распределение ответов на вопрос: «В европейских странах нередко женщины занимают важные государственные должности. Как Вы считаете, это правильно?», %

Варианты ответов	
Да	53,9
Нет	15,7
Все зависит от конкретной страны	21,1
Затрудняюсь ответить	9,3

В целом позитивно относясь к тому, что в европейских государствах женщины заметно усиливают свое влияние в структурах власти, белорусы не столь однозначно воспринимают женщин на руководящих политических должностях в белорусском обществе. Социологический опрос отчетливо показал, что преобладание мужчин в структурах власти не является предметом общественного беспокойства. Так, значительное число респондентов (40,0 %) относится к подобной ситуации безразлично и не рассматривает ее как социально значимую проблему. Достаточно весомое количество граждан Республики Беларусь (37,3 %) даже высказывает свою поддержку такому фор-

мату организации власти в стране с ее акцентом на мужском лидерстве в политических процессах. Возмущение, несогласие и сожаление по этому поводу выражают 12,6 %, что позволяет сделать вывод о том, что современные белорусы в своем большинстве воспринимают сформировавшийся в стране маскулинный формат государственной власти как естественный, целесообразный и разумный (таблица 2).

Таблица 2. – Распределение ответов на вопрос: «В современной Беларуси в своем большинстве высокие государственные должности занимают мужчины. Как Вы к этому относитесь?», %

Варианты ответов	
Безразлично	40,0
Положительно	37,3
С сожалением	11,1
С возмущением	1,5
Другое	3,3
Затрудняюсь ответить	6,6

Одновременно белорусы совершенно открыты к новшествам, т.е. к тому, что гендерный аспект в его маскулинном варианте не будет иметь принципиального и перво-степенного значения в системе рекрутирования политических элит. Социологический опрос показывает, что большинство опрошенных (51,8 %) заявило, что для них не имеет значения пол конкретного политика. Еще для 36,2 % белорусов важным представляется то, чтобы женщины в Беларуси наравне с мужчинами занимали высшие политические должности, и только совершенно незначительное число респондентов (12,6 %) выступают противником этого, настаивая на мужском характере белорусской политики (таблица 3). Отсюда можно заключить, что в случае демонстрации современными белорусскими женщинами лидерских и менеджерских качеств перед ними открывается доступ к самым важным государственным и партийным должностям.

Таблица 3. – Распределение ответов на вопрос: «Являетесь ли Вы сторонником того, чтобы женщины в Беларуси наравне с мужчинами занимали высшие политические должности?», %

Варианты ответов	
Да	36,2
Нет	12,0
Мне все равно, лишь бы для страны было хорошо	51,8
Затрудняюсь ответить	0

Почему же, когда сексистские установки граждан Республики Беларусь занимают периферийные позиции, так мало белорусских женщин занимаются политической деятельностью? Социологический опрос указывает на совокупность факторов, препятствующих приходу женщин в политику.

Действительно, современное белорусское общество во многом все еще сохраняет черты традиционного, только отчасти в ценностном отношении являясь интегрированным в процессы глобализации. Поэтому не удивляет тот факт, что почти половина опрошенных (47,9 %) полагают, что небольшое число женщин на руководящих должностях является отражением белорусской традиции: «у власти должен быть мужчина». Очевидно также, что в условиях концентрации государственной власти в Республике

Беларусь в руках президента страны, именно он в силу статуса является главным распорядителем политических должностей в стране. Поэтому совершенно логичным является убеждение 31,6 % опрошенных, что мужское доминирование в белорусской политике сложилось как проявление его волевых и административных решений. С другой стороны, сказывается и восприятие Президентом Республики Беларусь политики как деятельности чрезвычайно жесткой, жестокой и высоко конкурентной, требующей от тех, кто занимает руководящие позиции, проявления широкой гаммы маскулинных качеств (мужества, активности, выносливости, агрессии и т.п.), что делает политическую деятельность органичной для мужчин, а не для «слабой половины» человечества. Такую позицию разделяют и 27,4 % респондентов, в мировидении которых политика выступает как исключительно мужское дело, а женщина на руководящей должности воспринимается как некий социальный нонсенс. Кроме этого, еще 18,0 % опрошенных в силу различных причин полагают, что женщины не обладают необходимыми качествами политического управленца.

Существует и немалое число граждан Беларуси, убежденных, что слабое женское присутствие в политике – это проявление не столько дискриминации женщин, сколько результат их осознанного личного выбора. Так, с одной стороны, 40,6 % белорусов убеждены, что женщины, глядя на жесткий, грубый формат мужской политики, сами не испытывают желания стать политическими деятелями. С другой стороны, процессы социализации формируют у многих из них негативное отношение к миру политики и к возможности занятия политических должностей. Сказывается и то, что существенным барьером в политической карьере является противоречие между профессиональными требованиями и интересами семьи, заботой о детях, поскольку сама природа политики требует полного в нее погружения и посвящения, что не всегда допустимо для женщины. Так, по мнению 14,2 % белорусов, от политической карьеры женщин «отвращает» ответственное отношение к домашним обязанностям и семье (отметим позитивную динамику рождаемости в стране). Возможно также, что многие белорусские женщины удовлетворяют свои властные интенции, являясь лидерами в своих семьях, компенсируя тем самым свою второстепенную роль в мире политики. Еще 26,5 % опрошенных исходят из того, что пока еще не пришло их (женщин) время, когда они в равной степени с мужчинами разделят бремя политического лидерства, как уже можно наблюдать в большинстве европейских государств (таблица 4).

Таблица 4. – Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, по каким причинам в Республике Беларусь так мало женщин на руководящих должностях?», %

Варианты ответов*	
Такова традиция – у власти должен быть мужчина	47,9
Женщины, как правило, не испытывают желания стать политиками	40,6
Это отражение позиции президента Республики Беларусь	31,6
Политика – дело мужское, а женщина-политик не воспринимается всерьез	27,4
Просто пока еще не пришло их время	26,5
Женщины не обладают необходимыми качествами руководителя	18,0
У них слишком много домашних (семейных) обязанностей	14,2
Другое	3,3
Затрудняюсь ответить	6,9

* – Возможны три варианта ответов.

Политическое влияние женщин: возможности, содержание, ограничения

Что же нового и позитивного могут привнести женщины в политическую жизнь современной Беларуси в случае существенного расширения своих позиций в структурах власти? Социологический опрос показал, что в белорусском обществе подобные ожидания минимальны и большинство респондентов относится к этому вопросу равнодушно. Без малого две трети опрошенных (63,9 %) заявили, что эффективность принимаемых властных решений зависит от конкретной женщины, а не от женщины как таковой. В полной мере подобную оценку получают и мужчины-политики, которые не могут не отличаться своей компетентностью, моральностью и ответственностью. Добавим также, что только 2,7 % белорусов полагают, что усиление женского фактора в политике однозначно изменит ее в худшую сторону, и 3,6 % безусловно убеждены, что от этого политическая практика в стране станет более успешной.

Что же касается гендерной специфики политических практик женщин-руководителей, то респонденты чаще всего указывают на ее более выраженный «социальный» характер. По мнению 38,3 % опрошенных, женщины, пребывая во властных структурах, больше внимания, чем мужчины, будут уделять социальной сфере. 19,6 % белорусов убеждены, что они же в большей степени будут сфокусированы на проблемах семьи, а 9,6 % полагают, что ими (женщинами) будет проводиться более справедливая политика. Совсем небольшое число опрошенных указывает на возможную переориентацию политики в случае политического успеха женщин с учетом их гендерных особенностей. Так, 13,3 % отмечают, что политика станет менее милитаристской, более эмоциональной и менее рациональной (12,3 %), более справедливой (9,6 %) (таблица 5).

Таблица 5. – Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, что же нового могут привнести белорусские женщины в политику? Они сделают ее...», %

Варианты ответов*	
Все зависит от конкретной женщины	63,9
Больше внимания будет уделяться социальной сфере	38,3
Более чувствительной к проблемам семьи	19,6
Менее милитаристской	13,3
Более эмоциональной и менее рациональной	12,3
Более справедливой	9,6
Более успешной	3,6
Все станет только хуже	2,7
Другое	4,2
Затрудняюсь ответить	4,5

* – Возможны два варианта ответов.

Для того чтобы женщинам завоевать политические вершины, необходима совокупность некоторых факторов, как внешних, так и внутренних. Первоначально остановимся на внешних (рамочных) условиях политических карьер женщин, какими их видят наши респонденты.

При ответе на вопрос «Что необходимо сделать в обществе для того, чтобы увеличить женское представительство в органах власти Беларуси?», в первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что затруднилось ответить значительное число опрошенных – 30,1 %. Наибольшее же число белорусов (37,9 %) высказалось за снятие искусственных ограничений для продвижения женщин на руководящие должности,

за необходимости разрушения своеобразного «стеклянного потолка», ограничивающего их карьерные возможности. Действительно, бесспорным является то, что в системе государственного управления Республики Беларусь работает огромное число женщин, квалифицированно выполняющих свои профессиональные обязанности. Однако если мы сделаем гендерный анализ первых статусных позиций государственных учреждений (начальник, председатель, директор), то обнаружим в них очевидное доминирование мужчин. Типичным в этом отношении является, например, Брестский облисполком, где председатель, все его заместители, а также руководители комитетов и управлений (единственное исключение – главное управление идеологической работы и по делам молодежи) являются исключительно мужчинами.

Почти четверть опрошенных (24,1 %) являются сторонниками стимулирования продвижения женщин на руководящие должности, т.е. создания ситуации, в которой одним из критериев оценки эффективности деятельности органов государственной власти выступал бы уровень женского представительства. Обращает на себя внимание тот социологический факт, что только 9,9 % белорусов выступают за введение квотного принципа занятия женщинами управленческих должностей, что получило широкое распространение в европейских государствах. Учитывая, что белорусские женщины в высокой степени погружены в мир семьи и семейных обязательств, становится очевидным, что для некоторых «семейные обстоятельства» могут послужить препятствием для успешной политической карьеры. Чтобы избежать этого, 8,7 % опрошенных предлагают мужчинам в большей мере взять на себя бремя семейных проблем, чем они это делали ранее (таблица 6).

Таблица 6. – Распределение ответов на вопрос: «Что необходимо сделать в обществе для того, чтобы увеличить женское представительство в органах власти Беларуси?», %

Варианты ответов	
Снять искусственные ограничения для их продвижения в политику	37,9
Стимулировать продвижение женщин на руководящие должности	24,1
Ввести квоты на руководящие должности	9,9
Мужчины в большей мере должны взять на себя семейные обязанности	8,7
Другое	3,0
Затрудняюсь ответить	30,1

Очевидно, что при всей значимости внешних факторов, регламентирующих и детерминирующих политические практики женщин в Республике Беларусь, увеличение женского присутствия в высших эшелонах власти требует от них и осуществления эффективной деятельности, проявления качеств, способствующих их политической карьере. По мнению большинства белорусов, для успешного карьерного продвижения женщин необходима демонстрация ими преимущественно универсальных профессиональных достоинств, совершенно не связанных с гендером. Так, на первое место среди качеств, необходимых для успешной «женской» политической карьеры, 69,6 % опрошенных поставили ум и профессионализм, а 66,3 % назвали владение искусством коммуникации, что справедливо для любого современного политика.

С точки зрения 60,5 % респондентов, непременным атрибутом успешного политика является обладание высоким уровнем мотивации к власти и волей к власти, качеством, гендерно не обусловленным. Существенное число опрошенных (25,6 %) полагают, что современные политики должны уметь вызывать доверие, которое является обя-

зательным свойством, связанным с необходимостью участия многих из них в электоральных кампаниях, а также быть частью определенной политической команды, обладающей общим социальным капиталом. Что же касается чисто гендерного аспекта политического лидерства, то, с точки зрения белорусов, он совершенно незначителен.

17,8 % опрошенных указали на значимость умения женщин манипулировать мужчинами, 12,0 % – на важность того, чтобы «быть красивой, сексуальной и обаятельной», что опять-таки ценно для совершения манипулятивных действий, и 8,7 % констатировали необходимость протекции (поддержки) со стороны мужчин. Во всех этих случаях речь идет об использовании «женских чар» для произведения нужного эффекта на мужчин в карьерных целях. Однако, с одной стороны, необходимо этими «чарами» еще обладать, а с другой – подобное использование носит, как правило, недолговременный характер и не пригодно для длительной успешной политической карьеры.

10,8 % белорусов отметили, что политически амбициозная женщина не должна иметь личной жизни, столь значимой для любой женщины. Это реальная и трудно решаемая проблема не только в Беларуси. Например, в США 86 % всех женщин-депутатов в различных структурах представительной власти не имеют детей школьного возраста, пребывая, как отмечает М. Киммель, под двойным прессом: если они имеют детей, то осуждаются за то, что уделяют им мало внимания, занимая политические должности; если детей нет, то люди начинают думать, что с ними что-то не в порядке [2, с. 354]. В представлении 9,9 % опрошенных успешность женщины на политическом поприще напрямую связана со степенью ее похожести на мужчин (таблица 7).

Таблица 7. – Распределение ответов на вопрос: «Какими качествами должна обладать современная белорусская женщина, чтобы сделать успешную политическую карьеру?», %

Варианты ответов*	
Быть умнее и профессиональнее других	69,6
Владеть искусством коммуникации	66,3
Обладать сильным стремлением стать политиком и волей к власти	60,5
Уметь вызывать доверие	25,6
Уметь манипулировать мужчинами	17,8
Быть красивой, сексуальной и обаятельной	12,0
Уметь льстить и заискивать перед начальниками	10,5
Быть похожей на мужчин	9,9
Заручиться протекцией мужчин	8,7
Другое	4,5
Затрудняюсь ответить	0

* – Возможны три варианта ответов.

Если посмотреть на последние тренды в этой сфере, то в европейской и американской политике к женщинам-кандидатам на важные выборные должности выдвигаются такие же требования, как и к работающим женщинам: желательно, чтобы они были компетентными, но одновременно не теряли женского очарования и привлекательности, демонстрировали доброту, душевное тепло и преданность семье. Подобное отношение к женщинам-политикам является отражением более общей тенденции, зафиксированной политическими социологами США, нацеленной на переосмысление в политике границ гендера в рамках феномена «унисекса», поскольку все отчетливее стал проявляться социальный спрос на лидеров, персонифицирующих черты, которые ранее

считались мужскими или женскими. Многие исследователи назвали Обаму первым «унисексуальным» и «андрогинным» президентом США [2, с. 362].

Очевидно, что современная белорусская политика все еще является преимущественно сферой исторически сложившегося мужского доминирования. Социологический опрос, однако, показывает, что белорусское общество вполне созрело и для расширения женского политического лидерства. Так, по мнению наших респондентов, только 25,0 % представителей «сильного пола» негативно отнеслись бы к руководству ими женщиной. 37,9 % опрошенных уверены, что в ситуации «женского руководства» все зависит от конкретной женщины, от того, насколько она является эффективным управленцем, а 29,8 % – что от конкретного мужчины, от его «гендерного дисплея». Тем более в ситуации, когда в современных белорусских семьях лидерство мужчин не носит явно выраженного характера: только пятая часть белорусов (20,5 %) полагает, что в семье господствует традиционная модель и именно мужчины являются в ней безусловными лидерами; около двух третей опрошенных указывают на то, что такой формат семейных отношений остался уже в прошлом и бремя лидерства распределяется в зависимости от конкретного выбора супругов, который, безусловно, вариативен.

Какие же политические должности, по мнению респондентов, в наибольшей степени логичны для белорусских женщин, а какие нет? Наибольшая солидарность позиций наблюдается относительно поста министра силовых структур: 76,5 % респондентов уверены, что эта должность совсем не подходит для белорусских женщин, в то время как 11,4 % придерживаются противоположного мнения.

Существует и группа политических статусов, допустимых и даже закономерных для женщин в представлении современных белорусов: должность министра социального блока (социальная защита, образование, культура, здравоохранение), которая, по мнению 85,8 % опрошенных, в наибольшей степени подходит белорусским женщинам, с чем не согласны только 6,4 % респондентов. Эта позиция основывается и на уже сложившейся в Республике Беларусь практике: с одной стороны, те немногие женщины, которые были министрами в правительстве Беларуси, представляли в нем исключительно социальную сферу. С другой стороны, на местном уровне заместителями глав администраций, курирующих социальную проблематику, следуя советской традиции, являются также женщины.

В представлении значительного числа белорусов (83,1 %) разумно и руководство женщинами СМИ, несмотря на то, что в этом сегменте по-прежнему доминируют мужчины. Выражают скепсис относительно этого 11,7 % опрошенных.

Не вызывает удивления такой социологический факт, что, по убеждению 66,8 % респондентов, женщины вправе претендовать на руководство предприятиями (организациями), поскольку в настоящее время уже многие белорусские женщины возглавляют заводы, больницы, учебные заведения и т.п. Обращает на себя внимание и то, что чуть больше половины опрошенных (50,4 %) готовы отдать женщинам и бразды экономического управления страной, позволив им возглавить Министерство экономики. Объяснений этому обстоятельству как минимум два: во-первых, женщины традиционно на многих предприятиях (в организациях) занимают экономические должности (экономист, финансист, бухгалтер), с другой стороны, они же ответственно и рационально организуют и семейную экономику.

Существует и «зона мнений», в которой наблюдается примерный паритет позиций относительно возможного «женского» присутствия на некоторых руководящих должностях. Так, 37,6 % опрошенных позитивно относятся к тому, что женщина займет

пост руководителя региона (города), однако 32,9 % негативно воспринимают такую перспективу, еще 29,5 % – затруднились ответить. В свою очередь, в представлении 36,1 % респондентов, вполне возможным является пребывание женщины в статусе председателя Совета министров, но 42,2 % белорусов считают это недопустимым, а 21,7 % затруднились ответить. Вариант занятия женщиной должности председателя одной из палат Национального собрания находит поддержку у 34,9 % опрошенных, неприятие – у 39,7 %, и 25,0 % затруднились ответить.

Особая тема – должность президента Республики Беларусь. Несмотря на то, что почти половина опрошенных (47,3 %) воспринимает ее исключительно мужской, но 28,9 % респондентов положительно относится к возможному в будущем президентству женщины; 23,8 % пока еще не определили своей позиции.

Заклучение

Таким образом, гендерная ситуация в системе политических отношений Республики Беларусь противоречива. С одной стороны, мы можем зафиксировать пребывание значительного числа женщин на руководящих должностях в структурах представительной и исполнительной власти, среди руководителей предприятий и организаций. С другой стороны, не менее очевидно и то, что первые позиции во властных институтах занимают преимущественно мужчины. Согласно мнению респондентов, подобная картина форматируется по двум базовым причинам. Во-первых, это действие традиции, воспринимаящей политику в ее маскулинном варианте. Во-вторых, и сами женщины в своем большинстве не стремятся к политическому лидерству по личным (семейным) обстоятельствам в силу сложности совмещения интересов дома и работы. Перспективы вхождения женщин в политическую элиту в Республике Беларусь представляются в целом благоприятными, поскольку общественное мнение становится все более благожелательным к их восприятию на властных позициях, особенно в областях социальной защиты, культуры, образования, СМИ и даже экономики. Кроме этого, постепенно утверждается и новый стиль политического руководства, расширяющий гендерные границы, когда важное значение приобретают не только мужские, но и женские качества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Саморядов, В. Г. Политическое участие женщин в свете гендерной проблемы / В. Г. Саморядов // Белорус. политология: разнообразие в единстве – III : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. – Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2008. – Ч. 2. – С. 142–145.
2. Kimmel, M. Społeczeństwo genderowe / M. Kimmel. – Gdańsk : Wydaw. Uniw. Gdańskiego, 2015. – 551 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.09.2018

Lysiuk A.I., Sokolovskaja M.G. Women and Politics in Contemporary Belarus: Sociological Analysis

In the article, based on the results of sociological survey, attitude of Belarusians regarding the occupation of high political positions by women is studied. It is pointed out, that in modern European states women are an important part of political elite. It is outlined the importance of a wider women presence in the Belarusian politics. It is stated that the majority of respondents are positive about the fact that Belarusian women would occupy important state posts and are ready to evaluate politicians not only with respect to their gender, but according to business and moral qualities. The set of factors limiting women political ascent is defined. It is argued that many Belarusians believe wider women participation in the decision-making process will lead on the one hand to more social and fair, on the other to less militaristic and rational Belarus state policy.

УДК 330.101.8 : 172.16

Б.В. Салихов

*д-р экон. наук, проф., проф. каф. теории регионоведения
Московского государственного лингвистического университета,
проф. каф. экономики городского хозяйства и сферы обслуживания
Московского университета имени С.Ю. Витте
e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru*

**КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИЗАЦИИ
СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ**

Целью статьи является доказательство необходимости качественного обновления системы образования, призванного расширенно воссоздавать систему непередаваемого неявного знания как когнитивную основу креативного капитала и достойной жизни человека. Методологическим основанием работы является междисциплинарный и структуралистский подход к анализу когнитивных аспектов гуманизации современной экономики. Научная новизна результатов логико-гносеологического исследования заключается, во-первых, в применении методологии системной парадигмы к анализу гуманизации экономики, во-вторых, в характеристике экономики гуманистических знаний как основания достойной жизни домохозяйства, а также достойного бытия цивилизации и природы, и в-третьих, в интерпретации качественной целостности знаний, обеспечивающих гуманизацию экономики. Научно-практическое значение работы состоит в обосновании необходимости качественного обновления и ускоренного развития креативных форм образовательной деятельности.

Гуманизация экономики в рамках междисциплинарной матрицы системной парадигмы

В классическом плане под *экономикой гуманизма* резонно понимать общественную форму отношений между людьми в сфере воспроизводства благ, на деле обеспечивающих всестороннее развитие человека. Общественная форма отношений здесь предстает в качестве релевантного институционального капитала, обеспечивающего ожидаемое качество всех форм и видов, соответствующих императивам гуманизма, социально-экономических взаимодействий. Можно констатировать, что *экономика гуманизма* есть экономика, нацеленная на всестороннее развитие человека и заключающая в себе императивы, а также содержательные элементы (свойства, характеристики, инструменты и механизмы) такого развития. Экономика гуманизма есть экономика антропоцентризма, где все творчески-трудовые начинания и инновации тестируются на предмет реального вклада в развитие человека и общества в целом, причем в гармонии с живой и неживой природой. При этом важнейшую роль призван играть именно капитал формальных и неформальных институтов, обеспечивающих эффективность и интенсивность всех соответствующих трансакций [17; 29].

Что касается *гуманизации экономики*, то здесь имеется в виду некий механизм, заключающий в себе множество комплементарных инструментов и методов формирования системы экономики, четко ориентированной на всестороннее развитие человека, на становление его достойной жизни. В самом широком плане процесс формирования экономики гуманизма, то есть гуманизация экономики, включает в себя множество элементов, требующих специального рассмотрения. При этом отметим, что гуманизация экономики невозможна без создания релевантной когнитивной системы и отраслевой структуры экономики, без превращения экономических агентов всех уровней в реальных собственников, прежде всего своих человеческих и/или креативно-интеллектуальных капиталов. Кроме того, гуманизация экономики предполагает развитие разумных по-

требностей домохозяйств в жизненных благах, создание элементов вещественного капитала с набором свойств требуемого эргономического качества, институционализацию условий, обеспечивающих наиболее полную самореализацию экономических агентов [6]. Таким образом, можно констатировать, что *экономика гуманизма есть закономерный результат гуманизации экономики* и что качественная целостность экономики гуманизма есть функция системы инструментов, способов и форм гуманизации экономики.

Экономика гуманизма и гуманизация экономики могут быть интерпретированы и в качественном смысле, целостно охарактеризованы в рамках *методологического и научно-практического концепта системной парадигмы, то есть в рамках системы проекта, среды, объекта, процесса и субъекта* [11; 12]. В сфере «системы проекта» речь, очевидно, должна идти о создании экономики гуманизма как интеллектуальной экономики и одноименной цивилизации [30], призванных обеспечить реальный социально-гуманитарный прогресс при наиболее полном использовании *сущностных сил человека*. В экономическом смысле качественная целостность интеллектуальной экономики и интеллектуальной цивилизации основывается на воспроизводимых факторах производства при ведущей роли человеческого (креативно-интеллектуального) капитала, о чем немало сказано в релевантной литературе [9; 21]. Подчеркнем, что проект интеллектуальной экономики есть проект гуманистический по своей сути, ибо базируется на «джентльменском» отношении человека к самому себе, экономике и природе. Отсюда и вывод о том, что интеллектуальная экономика есть экономика человеческого эндогенного (воспроизводство самого себя) и экзогенного (воспроизводство развивающей среды обитания) созидания.

В рамках «системы среды» экономика гуманизма и гуманизация экономики характеризуются прежде всего как *гуманистически нацеленный институциональный капитал*, воспроизводство и функционирование которого осуществляется в русле формирования и развития антропоцентризма и социэкономии [2]. В частности, речь может идти о гуманистической системе собственности, состоящей из равновесного состояния всех ее ключевых форм (личной, частной, общенациональной и мировой) при реализации императивов их соответствующей защиты. Кроме того, система среды может включать в себя такой «стыковой» с институтами ментально-смысловой и социокультурный комплекс, как многоуровневое доверие, обеспечивающее высокое качество всех видов социально-сетевых и иных трансакций [20]. Если использовать известную метафору Дж. Кейнса, то система среды призвана обеспечить «жизнерадостность» инвесторам и всем экономическим агентам [10]; эта среда должна стать фактором расширенного воссоздания индивидуального, корпоративного и общенационального оптимизма, то есть уверенности в своих силах и творчески-трудовых возможностях.

Говоря о «системе объекта», экономику гуманизма и гуманизацию экономики можно охарактеризовать как определенную совокупность «центров притяжения» конкретных объектных форм управленческого воздействия. Прежде всего, имеется в виду система отраслевых приоритетов гуманитарно-экономического развития: а) отрасли экономики, обеспечивающие домохозяйства традиционными товарами и услугами, воссоздаваемыми по стандартам наивысшего качества; б) культурно-научно-образовательная система отраслей, в рамках которых осуществляется расширенное воспроизводство человеческого капитала ноосферного качества; в) перечень отраслей и производств, воспроизводящих современные инструменты когнитивной и производственной деятельности, включая релевантные цифровые технологии [14; 24]. В перечне названных отраслей безусловный приоритет принадлежит собственно сектору, в рамках кото-

рого воспроизводятся знания и компетенции человека как субъекта экономики в широком смысле. Таким образом, объектная структура экономической гуманизации состоит из человекоориентированных отраслей и производств, где ключевыми являются структуры, осуществляющие непосредственное воздействие на качество «креативного симптомокомплекса» экономического агента [7].

В рамках «системы процесса» следует выделить инструменты и механизмы, обеспечивающие ожидаемую скорость и требуемую масштабность функционирования экономики в интересах удовлетворения экзистенциальных потребностей человека. К таким процессным формам следует отнести прежде всего *множество социально-сетевых взаимодействий*, обеспечивающих «интеллектуальное трение», или «перекрестное опыление интеллекта», что способствует ускоренному воспроизводству гуманистически нацеленных явных и неявных знаний экономических агентов всех уровней [8]. Важнейшим процессным способом воссоздания *непередаваемых, но воплощаемых неявных знаний* является наставничество как длительное живое взаимодействие собственников человеческих капиталов. Априори полагая, что все субъекты развивающего обмена-общения обладают ноосферными ценностными смыслами, резонно ожидать высокое качество расширенно воссоздаваемых креативно-интеллектуальных капиталов. К процессным формам гуманизации экономики следует также отнести весь набор воспроизводственных технологий, обеспечивающих создание не только полезных продуктов, но и воссоздающих *высокое эргономическое качество экономической деятельности*, в рамках которой человек не находится «на службе» у машин и оборудования, а является действительным руководителем всех технологических процессов.

Применительно к «системе субъекта» важно отметить, что гуманизацию экономики осуществляет сам человек, уполномоченный «самим собой». В практическом и предельно глубоком плане такова основная задача *мировой, национальной и корпоративной креативно-интеллектуальной элиты*, призванной воспроизводить созидательные ценностно-смысловые модели экономической и любой другой деятельности человека. В данном случае созидательные (ноосферные) идеи важнее утилитарно-экономических, или плутократических, интересов [19]. Ключевая задача креативной элиты заключается в расширенном воссоздании духовно-нравственных смыслов экономической деятельности, *в развитии ноосферного смыслопроизводства* в противоположность действующим ментально-ценностным установкам антиноосферной хозяйственной деятельности с растущим объемом отрицательных социальных и природных экстерналий [22]. Развитие «системы субъекта» здесь заключается в непрерывном и масштабном воссоздании собственников человеческого (креативно-интеллектуального) капитала, качественная целостность которого характеризуется творчески-трудовой экологией. Резонно заключить, что в онтологическом смысле экономика гуманизма (креативно-интеллектуальная экономика) будет создана тогда, когда в обществе сформируется полноценный креативный класс, представители которого будут обладать созидательной творчески-трудовой экологией как конституирующим признаком принадлежности к данному классу.

Когнитивные аспекты гуманизации современной экономики

Известно, что социально-экономический и в целом общественный прогресс есть результат *когнитивного развития человека*, то есть функция неуклонного и последовательного повышения уровня его знаний и компетенций, а также способности к познанию как способу расширенного воссоздания этих знаний и компетенций [5; 15]. Качественная целостность экономики гуманизма, а также императивы гуманизации экономи-

ки нацеливают на выявление и анализ *гуманизации когнитивной деятельности человека* как субъекта экономических отношений. Это означает, что познавательная и преобразующая деятельность человека в воспроизводственной сфере должна осуществляться в рамках *ноосферных требований*, то есть при жестком соблюдении императивов внешней (экзогенной) и внутренней (эндогенной) экологии. *Целевой функцией гуманизации когнитивной деятельности* человека как субъекта экономики является обеспечение органического единства, качественной целостности и когерентности «триады достоинств».

Во-первых, необходимо обеспечить *достойную жизнь каждой личности и домохозяйству*; в этом состоит ключевая функция гуманизации экономики и заключается интегральный критерий создания экономики гуманизма. Отсюда когнитивный аспект формирования и развития достойной жизни человека состоит в расширенном воссоздании релевантных знаний о сущности и содержании феномена «достойной жизни», а также о путях и механизмах ее становления. На первый взгляд, достойная жизнь человека есть его бытие в соответствии с его ценностно-смысловым, именно высшим предназначением как *созидателя своей творчески-трудоу судьбы* в рамках природных задатков и благоприобретенных социальных свойств. Очевидно, что достойная жизнь, или «жизнь, достойная высокого звания человека», или «жизнь, достойная сути человеческого предназначения», или «жизнь с безусловным приоритетом достоинства духовных смыслов человеческого бытия», не является целостным единством традиционных концептов «уровня» и «качества» жизни. Достойная жизнь представляется явлением гораздо более специфическим, отражающим функцию качества имманентных сил конкретного человека, его уникальности и духовной созидательности. Резонно констатировать, что достойная жизнь человека есть форма и/или способ обеспечения его *эндогенной личностной гармонии*, или гармонии человека как «вещи в себе»; это жизнь человека в «ладу с самим собой». В целом под достойной жизнью резонно понимать духовно-нравственную форму уровня и качества как такового бытия человека [23].

Во-вторых, следует формировать и постоянно институционально обустраивать *достойное существование цивилизации* как единства всех обществ, наций, социальных общностей и групп. С экономической точки зрения достойное существование цивилизации означает, как минимум, бережное отношение к «миру людей и вещей», в котором мы живем и хотим развиваться. Когнитивный аспект проблемы заключается в расширенном воссоздании системы знаний о человеке и человечестве, о роли цивилизации в обеспечении созидательной «сцепки» человека и природы. Существующий набор знаний о цивилизации едва ли фиксирует ее созидательную роль в обеспечении гармонии человека и природы, а также гармонии жизни и деятельности различных обществ как системных экономических агентов. В самом общем плане, если под цивилизацией понимать «мир, созданный культурой», то достойное существование цивилизации есть создание мира социально-экономических и других отношений, где, безусловно, господствуют ценности и идеалы гуманизма и творчества, любовь к жизни и устойчивая мотивация к любым формам созидательной деятельности.

В-третьих, необходим такой вектор когнитивного развития человека, чтобы обеспечивалось *достойное бытие среды обитания человека*, то есть всей природы. Когнитивный аспект концепта «достойного бытия природы» заключается в глубоком и всестороннем знании и непрерывном дальнейшем познании объективных законов развития окружающего мира. Достойное бытие природы есть такое ее состояние и развитие, которое не нарушает баланс ее живой и неживой «составляющих», не приводит к деградации среды обитания человека, а, напротив, служит для него безграничным про-

странством для творчески-трудовой самореализации. Нетрудно увидеть, особенно в свете современных тенденций развития взаимодействия человека и природы, что достойное бытие природы пока остается лишь благим пожеланием и императивной задачей, чем реальной научно-практической функцией неоклассического «человека экономического».

Однако важно понимать, что человеку не дано быть «мудрее и умнее» природы, которая всегда будет для него не только «родительским домом», но и неиссякаемым источником познания и развития. Но получается, к сожалению, так, что человек часто ведет себя как «неразумное дитя», забывая корни и истоки собственного происхождения. Как сказал один мыслитель, человек правит миром потому, что ни одно другое животное не способно верить в то, что существует только в воображении – богов, государство, деньги или права человека [28]. Проблема, таким образом, в качестве этого «воображения» и, следовательно, в качестве атрибутов веры, власти и других элементов человеческой духовной и материальной культуры. Очевидно, что формирование и развитие достойного бытия природы есть задача духовно-нравственная, ценностно-смысловая, что изначально нацеливает на императивы релевантного смыслопроизводства [13].

Отмеченная «триада достоинств», конечно же, требует углубленного анализа и детального рассмотрения, однако важно отметить ее ключевые свойства. *Первое свойство заключается в каузальной качественной целостности достойной жизни домохозяйств, достойного существования цивилизации и достойного бытия природы.* Это означает, что обеспечение достойной жизни личности возможно лишь в том случае, если имеет место одновременное стремление к обеспечению достойного существования обществу и достойного бытия природы. В равной степени невозможно создать механизм становления достойного бытия природы, если отсутствует запрос на достойное существование человеческой цивилизации и на достойную жизнь каждой личности. При этом отношения каузальности означают, что «достоинство» каждого звена обеспечивается «достоинствами» других звеньев: в частности, достойное бытие природы, есть функция достойного существования цивилизации, которое, в свою очередь, есть результат осознанной человеком необходимости в стремлении к собственной достойной жизни [23].

Второе свойство триады состоит в императиве комплементарности отмеченных ее элементов. Комплементарность означает взаимодополняемость и сочетаемость соответствующих элементов системы, в данном случае элементов «триады достоинств». Суть заключается в том, что достойная жизнь домохозяйства невозможна, если она осуществляется в условиях господства антиценностей плутократии при растущей финансиализации хозяйственных отношений [3], а также с надеждой на мифические силы «рыночного гуманизма» и «рыночной справедливости». В равной степени невозможно обеспечить достойного бытия природы, если не будет создана «критическая масса» достойно живущих домохозяйств и обществ, мотивированных к сбережению природы и, следовательно, самих себя и будущих поколений от загрязнения окружающей среды, глобального потепления и множества других природных катаклизмов. При этом собственно эффект комплементарности состоит в том, что достойная жизнь домохозяйства органически включает в себя элементы достойного существования цивилизации и достойного бытия природы. В такой же степени и достойное бытие природы есть, по сути, интеграл достойной жизни домохозяйств и всей цивилизации.

Третье свойство триады заключается в когерентности, то есть согласованности во времени всех процессов развития элементов триады. Очевидно, что формирование и дальнейшее совершенствование рассматриваемых «достоинств» не должно происходить анклавно и спорадически. Необходимо обеспечить внутреннее согласование

и иерархический порядок соответствующих решений и действий: мероприятия по становлению достойной жизни домохозяйств (например, развитие системы собственности личности) должны подкрепляться мерами по развитию ценностно-смыслового капитала общества и всей цивилизации (например, формирование «культы» ноосферного творческого созидания). Требования принципа когерентности нацеливают на необходимость регионального и межстранового выравнивания всех элементов «триады достоинств»; в противном случае будут воссоздаваться такие иррациональные концепты, как, например, теория и практика «золотого миллиарда», что только отдалит человечество от реализации императива достойного существования.

Рассмотренная кратко *целевая функция* гуманизации когнитивной деятельности, заключающаяся в формировании «триады достоинств», является основанием для выявления и характеристики собственно *качества воссоздаваемых знаний* и творчески-трудовых компетенций экономических агентов любого уровня. *Во-первых, это должны быть рамочные знания*, непосредственно связанные с поиском путей и разработкой механизмов ноосферного типа воспроизводства и воссоздания отмеченных ранее достоинств. Это означает, что новейшие знания в области, например, добычи полезных ископаемых не могут более считаться созидательными и, следовательно, гуманистически ориентированными, поскольку их объективация приводит к разрушению среды обитания человека и цивилизации в целом. В лучшем случае такие знания могут считаться «переходными», но только в том смысле, что их материализация обеспечит трансформацию природной ренты в ренту креативно-интеллектуальную. Другими словами, доходы от сектора создания природной ренты будут напрямую использоваться для развития отраслей, которые обеспечат производство энергии в рамках производительного потребления исключительно воспроизводимых экономических ресурсов.

Во-вторых, это должны быть знания высшего порядка, то есть их глубинный уровень призван соответствовать новому качеству решаемых задач ноосферного развития домохозяйств, общества и природы – содержанию и качеству задач ноосферного типа воспроизводства. Очевидно, что речь идет о системе прежде всего *непередаваемого неявного знания*, представляющего собой глубинное основание креативности и креативного капитала экономического агента [18]. Это означает, что необходима качественно иная логика и парадигма образовательной деятельности как в рамках традиционных структур, так и в системе корпоративного обучения. Новое качество экономического и любого другого образования должно заключаться прежде всего в его научно-поисковом содержании, а также характеризоваться непрерывностью, масштабностью, междисциплинарностью и «субъективной эндогенностью». Названная «субъективная эндогенность» представляет собой внутренне мотивированное стремление субъекта экономики к постоянному самообучению и точное понимание бесконечности процесса творческого саморазвития [25]. В самом деле, «бесконечно только одно будущее, вечно зовущее, вечно новое, и там тоже есть свой высший момент, которого нужно искать, и это вечное искание и называется жизнью» [26, с.76].

В-третьих, это должны быть расширенно воспроизводимые знания и компетенции, поскольку императив гуманизации экономики объективно обуславливает необходимость воссоздания *непрерывных, масштабных и радикальных инноваций*. Такие инновации возможны только как функция креативного капитала высочайшего качества как результат развития эндогенных знаний и компетенций о том, как в принципе самостоятельно воспроизводить новые знания и компетенции. Это означает, что основным объектом производства в современной экономике знаний должен стать *креативный ка-*

питал хозяйственного агента любого уровня. Следовательно, на первый план выходит экономика неявного знания в системе общей экономики знаний, а в рамках экономики неявного знания актуализируется экономика непередаваемого неявного знания, что требует соответствующих инвестиций и релевантного институционального обеспечения [16].

В-четвертых, это должны быть междисциплинарные и многодисциплинарные, именно экономико-антропологические знания, так как система непередаваемого неявного знания, как онтология креативного капитала экономического агента, имеет своим основанием психические свойства, социальные установки, ментально-смысловые конструкторы индивида, социальных групп, нации в целом, а также всей человеческой цивилизации. Отсюда «когнитивным артефактом» следует считать действующую образовательную установку на формирование «прочных» профессиональных знаний и компетенций. Видится более резонным концепт, связанный с установкой на формирование прочных «знаний о знаниях» и «компетенций о компетенциях». Это означает, что действующие образовательные технологии, нацеленные на создание базовых и ключевых профессиональных компетенций субъекта обучения, необходимо существенно дополнить и «дорастить» до новейших технологий, нацеленных на расширенное воссоздание критических креативных компетенций, обеспечивающих субъекту обучения не только минимизацию рисков в сфере занятости, но и гарантии высокой эффективности любого вида творчески-трудовой деятельности.

Можно предварительно заключить, что когнитивный «портрет» экономики гуманизма и, следовательно, гуманизации экономики представляет собой *специфический процесс и результат познавательной деятельности*, обеспечивающей экономических агентов (собственников креативно-интеллектуального капитала) такими новыми знаниями и компетенциями, которые объективируются в релевантные требования экономического гуманизма, *экзистенциальные смыслы, ценности, идеологические концепты, а также конечные потребительские товары и услуги*. Таким образом, **экономика гуманистических знаний и компетенций** есть область специфических воспроизводственных отношений, в рамках которой воссоздаются названные смыслы, концепты, товары и услуги. Очевидно, что «системой субъекта», ответственного за качество этих смыслов и соответствующих продуктов, является креативно-интеллектуальная элита цивилизации, нации, региона, корпорации и др. Конкретных представителей этой элиты называют «лучшими людьми страны», «совестью нации», «корпоративными жрецами», «духовными наставниками» и т.д.

Высшей целью экономики гуманистических знаний является создание и развитие знаний о путях, способах и механизмах формирования и развития достойной жизни личности и домохозяйства как «системы проекта», причем становление достойного существования цивилизации, а также развитие достойного бытия природы здесь выступают как «система среды» для достойной жизни человека. При этом расширенное воссоздание этой системы среды также требует специфической системы гуманистических знаний и компетенций. Поскольку любая экономика, в том числе экономика гуманистических знаний, всегда есть функция определенных инвестиционных решений, то резонно вести речь и о *гуманизации инвестиций, либо гуманистической направленности инвестиционных программ*. Но поскольку экономика знаний непосредственно связана с действующей системой образования в рамках цивилизации, отдельных наций и государств, конкретных корпораций и домохозяйств, то становится императивом решение следующих задач.

роли наставников как собственников высокоэффективного креативного капитала [1]. Очевидно, что бурно развивающиеся цифровые методы образования могут быть лишь серьезным подспорьем, но отнюдь не основным способом расширенного воссоздания новейших знаний и творчески-трудовых компетенций, релевантных ноосферным императивам экономики гуманизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондаренко, О. Ю. Влиятельные индивиды: подходы к моделированию / О. Ю. Бондаренко // *Вопр. экономики.* – 2018. – № 9. – С. 114–131.
2. Бузгалин, А. В. Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) / А. В. Бузгалин // *Вопр. экономики.* – 2018. – № 2. – С. 122–142.
3. Бузгалин, А. «Рыночноцентрическая» экономическая теория устарела / А. Бузгалин, А. Колганов // *Вопр. экономики.* – 2004. – № 3. – С. 36–50.
4. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 576 с.
5. Гапоненко, А. Л. Управление знаниями. Как превратить знания в капитал / А. Л. Гапоненко, Т. М. Орлова. – М. : Эксмо, 2008. – 400 с.
6. Гейтс, Б. Бизнес со скоростью мысли / Б. Гейтс. – М. : Эксмо-Пресс, 2001. – 241 с.
7. Ильин, Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2012. – 448 с.
8. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / под ред. Б. З. Мильнера. – М. : Инфра-М, 2010. – 624 с.
9. Казьмин, А. К. Теория интеллекта. Как выбрать президента / А. К. Казьмин. – М. : Моск. учебники – СиДиПресс, 2001. – 240 с.
10. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс // *Изб. произведения.* – М., 1993. – 274 с.
11. Клейнер, Г. Б. Три вопроса к политэкономии (попытка системной интроспекции) / Г. Б. Клейнер // *Вопр. экономики.* – 2018. – № 8. – С. 118–128.
12. Корнаи, Я. Системная парадигма / Я. Корнаи // *Вопр. экономики.* – 2002. – № 4. – С. 4–23.
13. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2007. – 511 с.
14. Мау, В. А. На исходе глобального кризиса: экономические задачи 2017–2019 гг. / В. А. Мау // *Вопр. экономики.* – 2018. – № 3. – С. 5–30.
15. Медушевский, А. Российские реформы с позиций теории когнитивной истории / А. Медушевский // *Вопр. экономики.* – 2016. – № 3. – С. 131–160.
16. Нестеренко, А. Н. Экономика и институциональная теория / А. Н. Нестеренко ; отв. ред. акад. Л. И. Абалкин. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 416 с.
17. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М. : Начала, 1997. – 180 с.
18. Полани, М. Личностное знание / М. Полани. – М. : Книга по Требованию, 2013. – 342 с.
19. Родрик, Д. Когда идеи важнее интересов: предпочтения, взгляды на мир и инновации в экономической политике / Д. Родрик // *Вопр. экономики.* – 2015. – № 1. – С. 22–45.
20. Розинская, Н. Национальный проект «Доверие» / Н. Розинская, И. Розинский // *Вопр. экономики.* – 2015. – № 12. – С. 138–147.

21. Салихов, Б. В. Интеллектуальный капитал организации: сущность, структура и основы управления / Б. В. Салихов. – М. : Дашков и К°, 2009. – 156 с.
22. Салихов, Б. В. Креативный капитал в экономике знаний : монография / Б. В. Салихов. – М. : Дашков и К°, 2017. – 274 с.
23. Салихов, Б. В. Достойная жизнь человека как основа инновационного развития современной экономики / Б. В. Салихов, И. С. Салихова // Инновации и инвестиции. – 2010. – № 3. – С. 37–49.
24. Салихов, Б. В. Качество знаний и компетенций в зеркале структурных реформ российской экономики / Б. В. Салихов, И. С. Салихова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – № 10 (343). – С. 68–84.
25. Сенге, П. Пятая дисциплина. Искусство и практика самообучающейся организации / П. Сенге. – М. : Олимп-Бизнес, 1999. – 384 с.
26. Собрание мыслей Достоевского / сост. М. А. Фырнин. – М. : Звонница-МГ, 2003. – 640 с.
27. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». – М. : Проспект, 2013. – 160 с.
28. Харари, Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / Ю. Н. Харари. – М. : Синдбад, 2016. – 520 с.
29. Ходжсон, Дж. Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории / Дж. Ходжсон. – М. : Дело, 2003. – 464 с.
30. Цаплин, В. С. Разумное, но не мыслящее / В. С. Цаплин. – М. : Крафт+, 2009. – 352 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 08.11.2018

Salikhov B.V. Cognitive Aspects of the Humanization of the Modern Economy

The purpose of the article is to prove the need for a qualitative renewal of the education system, designed to recreate the system of inexpressible implicit knowledge as the cognitive basis of creative capital and a decent human life. The methodological basis of the work is an interdisciplinary approach to the analysis of the cognitive aspects of the humanization of the modern economy. The scientific novelty of the results of the logical-epistemological research consists of: firstly, in applying the methodology of the system paradigm to the analysis of the humanization of the economy; secondly, in the characterization of the economy of humanistic knowledge as the basis for a decent life of a household, as well as a decent civilization and nature; thirdly, in the interpretation of the qualitative integrity of knowledge that ensures the humanization of the economy. The scientific and practical importance of the work consists in substantiating the need for a qualitative renewal and accelerated development of creative forms of educational activity.

УДК 330.101 : 172.16 : 111.1

И.С. Салихова

*д-р экон. наук, доц., проф. каф. бухгалтерского учета,
налогообложения и таможенного дела
Московского университета имени С.Ю. Витте
e-mail: irinasalikhova@yandex.ru*

ОНТОЛОГИЯ, ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЕ КАЧЕСТВО И ИМПЕРАТИВЫ ГУМАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Обоснована необходимость превращения человека из средства в условие и цель хозяйственной деятельности при одновременной ее интеллектуализации. Методологическим основанием статьи является дисциплинарная матрица системной парадигмы. Научная новизна заключается, во-первых, в обосновании необходимости развития творчески-трудовой экологии человека в рамках ноосферного типа воспроизводства; во-вторых, в доказательстве необходимости замены неоклассической концепции монетарной плутократии на междисциплинарную парадигму антропоцентризма. Научно-практическое значение работы состоит в возможности использовании положений и выводов для качественного обновления системы общего образования и корпоративного самообучения.

Введение

Вопросы гуманизации, или «человеческого измерения» экономики, а также анализ социального качества хозяйственной действительности имеют длительную историю: по сути, ни одно серьезное экономическое учение и исследование не могли обойти стороной данную проблему. Всегда было понимание того, что экономика есть социальная наука и что объективные экономические законы всегда находят свое проявление исключительно в процессе деятельности людей как экономических агентов [15; 36]. При этом очевидным является положение о том, что качество человеческого капитала является ключевым фактором обеспечения качества всех форм и видов как таковой экономической деятельности [3]. Более того, проблема актуализации роли и значения человека и его экономических компетенций в хозяйственной деятельности давно стала не только первостепенной, но и междисциплинарной, учитывающей рекомендации и положения всех дисциплин о человеке. Для полноты картины добавим бурный рост экономической психологии, что нашло свое комплексное выражение в концепции поведенческой экономики [21; 23], ставшей предметным основанием для качественного обновления действующих парадигм в рамках «нормальной науки» [17].

В то же время, несмотря на существенный прорыв в выявлении и обосновании новой роли человека в современной экономике, действующие теории и концепции охватывают и концентрируются преимущественно вокруг *факторного значения человека* в экономике. Исследователи делают резонный акцент на обосновании и «поэлементной» характеристике новой, по сути, критической, ключевой экономической роли человека в воспроизводственном процессе именно как собственника уникальных знаний и компетенций. Однако все эти оценки и характеристики группируются, как отмечалось, вокруг понимания человека как средства или фактора создания экономических благ. При этом *гуманизация экономики* понималась и по-прежнему понимается именно как процесс ее «очеловечивания» с точки зрения повышения профессионального уровня собственников человеческого капитала, развития востребованных знаний и компетенций, повышения уровня физического здоровья, улучшения условий труда при одновременном развитии его творческой составляющей и др. Таким образом, в рамках традиционного понимания человека как элемента производительных сил, то есть в качест-

ве фактора производства, гуманизация экономики определяется утилитарно, или в «узком смысле», как процесс экономического обеспечения воспроизводства в рамках экзотенно заданных «продуктовых» и «денежных» целей хозяйственного развития.

Сущность и аксиологическое качество гуманизации современной экономики

В современных условиях множество социально-экономических, а также собственно экономических, глобально-природных и других проблем объективно определяют необходимость *качественного обновления общего концепта гуманизации экономики*. Действительно, новая роль человека в системе современных хозяйственных отношений должна заключаться не только и не столько в факторном обеспечении воспроизводства, сколько в его *ценностно-смысловом обеспечении, или в смыслообразующей функции*, хозяйственной деятельности. Этому соответствует и общеприкладное и междисциплинарное понимание гуманизма, который понимается как «признание ценности человека как личности, его права на свободное развитие и проявление своих способностей, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений» [5, с. 167]. При этом гуманистический индивидуализм характеризуется прежде всего интересом человека к самому себе и своему внутреннему миру; убеждением в высоком достоинстве человеческой природы вообще и в имманентном праве человека развивать свои способности; развитым интересом к окружающей действительности, влияющей на человека [6, с. 179]. Отсюда суть понимания нового качества роли человека в экономике состоит в ценностных смыслах, обеспечивающих целостность восприятия и созидательную комплементарность единого функционирования элементов известной триады: «человек – производство – природа». Это и составляет основание концепции антропоцентризма, в рамках которой человек является осмысленной целью созидательной формы социально-экономического развития. Другими словами, инновационный концепт экономической гуманизации не просто включает императив развития факторного качества человеческого капитала, но и с самого начала призван характеризоваться *ценностно-смысловыми рамками воспроизводства*. В границах такого воспроизводства не разрушается, а расширенно воссоздается природная, культурная и социальная среда обитания человека, что и обеспечивает духовно-нравственную направленность его всестороннего, в том числе и профессионального развития [22; 28].

В самом общем плане содержание экономической духовности заключается в таком способе, или механизме, экономической деятельности, при котором не разрушается, а восстанавливается природный капитал, то есть общие условия хозяйствования. Актуализация и растущая востребованность созидательных экономических смыслов, дополняя факторную роль человека в экономике (человек как фактор производства) его же ролью, но уже как средства обеспечения ноосферного типа воспроизводства (человек как условие неразрушающего производства), одновременно означает, что человеческий капитал принимает форму интеллектуального капитала. Другими словами, интеллектуальный капитал есть духовно-нравственная форма человеческого капитала, о чем уже немало сказано исследователями [14]. Теперь *критерий финансово-экономической эффективности* использования человеческого капитала как фактора производства уступает место критерию *ноосферной, или духовно-нравственной, эффективности* использования интеллектуального капитала как фактора созидательной (гуманистической, антропоцентричной) формы индивидуального и общественного воспроизводства [30].

Однако, как показывает научно-практический анализ процесса и результатов хозяйственной деятельности человека, концепция экономическая гуманизация требует более углубленных содержательных аспектов и релевантных качественных оценок. Ноо-

сферные условия воспроизводства товаров и услуг не возникнут автоматически. Здесь необходим специальный механизм, призванный обеспечить воспроизводство новейших знаний и компетенций такого качественного уровня, которого было бы достаточно для экономического роста на основе воспроизводимых ресурсов и факторов. Такой набор уникальных, а также масштабных новейших знаний может воссоздавать только человек (экономический агент), глубоко, *онтологически мотивированный к непрерывной творческой деятельности*, в процессе и результате которой создаются современные капитальные блага, цифровые и новейшие социальные технологии.

Названная онтологическая мотивация к творческой деятельности непосредственно связана с так называемой «генерализованной креативностью», или с «креативностью как радиоактивностью» [19]. Такая мотивация к творчеству, являющаяся функцией «радиоактивной креативности», может возникать только в том случае, если человек по-настоящему «нашел себя» и «свое место» в собственной иерархии внутренних интенций и целевых смыслов творчески-трудовой деятельности. Таким образом, *онтологическая мотивация к творчески-трудовой деятельности* экономического агента (отдельной личности, корпоративного сообщества, нации в целом) есть мотивация, основанная на его *творчески-трудовой экологии*, то есть на эндогенных интенциях созидательной деятельности, проистекающих из глубинных сущностных сил и целостностей конкретного субъекта. Именно эта онтологическая мотивация практически не требует существенных экзогенных механизмов стимулирования; онтологическая мотивация есть состояние творческого духа в «чистом виде», как неуловимая кантовская «вещь в себе», которая может стать либо не стать «вещью для общества» [29]. В самом деле, «тайна бытия человеческого не в том, чтобы жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорее истребит себя, чем останется на земле» [34, с. 23].

Сказанное означает, что в онтологическом смысле гуманизация экономики есть *процесс превращения человека в цель* всей хозяйственной деятельности. Гуманистическая экономика есть такая хозяйственная система, в которой формируется, обеспечивается и совершенствуется *эндогенная творчески-трудовая экология человека (экономического агента)*. Резонно констатировать, что факт наличия институциональной обеспеченности творчески-трудовой экологии человека есть критически важный параметр возникновения и конституирования феномена «достойной жизни», под которой нужно понимать *духовно-нравственную форму уровня и качества жизни человека* (домохозяйства, корпоративного сообщества, нации в целом) [31]. *Эндогенная творчески-трудовая экология человека* есть продукт влияния и непосредственного воздействия на субъекта экономики релевантных управленческих, организационных, социально-инженерных, психолого-педагогических, инвестиционных и множества других условий и факторов, воссоздающих его творчески-трудовые способности.

Можно без преувеличения сказать, что формирование, институциональное обустройство и развитие творчески-трудовой экологии человека (экономического агента) как ключевого параметра гуманизации экономики является ключевой системной и междисциплинарной задачей как всего образовательного блока, так и собственно производственного сектора экономики. В этом заключается «квинтэссенция» самореализации человека как субъекта любой созидательной деятельности. Здесь нетрудно провести параллель и с деятельностью экономических организаций, а также с функционированием национального хозяйства в целом. Если, например, немецкие и чешские машиностроительные предприятия производят лучшие в мире автомобильные двигатели, то именно в этом виде экономической деятельности скорее всего заключается творчески-трудовая

экологія соответствующих корпоративных человеческих (интеллектуальных, креативных) капиталов. И далее, если российское ракетостроение, атомная энергетика и военное производство являются лучшими в мире, то можно обоснованно говорить о соответствующем векторе творчески-трудовой экологии национального человеческого капитала.

Подводя предварительный итог, следует отметить, что *гуманизация экономики есть объективный процесс превращения человека в «меру всех вещей»* именно в экономическом смысле данной аристотелевской сентенции, то есть в *«меру всех экономических вещей»*. Другими словами, гуманизация экономики имеет место лишь в том случае, если «человеческое измерение» присутствует во всех формах, способах, инструментах и процессах хозяйственной деятельности. Интегральным критерием результативности этого измерения является феномен достойной жизни человека как индивида, как члена различных корпоративных и/или сетевых сообществ, как члена общества и члена мирового сообщества (всей человеческой цивилизации). *В воспроизводственном смысле* это означает: а) производство всех видов благ должно осуществляться в рамках творчески-трудовой экологии и посредством использования воспроизводимых экономических ресурсов [1; 29]; б) распределение воссоздаваемого продукта априори должно быть справедливым и «мотивационно емким» [13]; в) система обмена призвана становиться не только и не столько эквивалентной, но и содержать в себе растущий объем элементов дарообмена, основанного на человеческом бескорыстии и истинном гуманизме [16]; г) сфера и система потребительских отношений должна функционировать в рамках разумных потребностей, на деле обеспечивающих всесторонне развитие человека как личности и как субъекта экономики.

Таким образом, онтология гуманизации экономики должна пониматься не в узком (факторно-профессиональном), а в широком (воспроизводственном и ценностном) смысле, а именно: гуманизация экономики есть процесс формирования и развития системы условий и факторов, призванных обеспечить непрерывность поиска человеком «пути к самому себе», к выявлению и созидательному использованию эндогенных креативно-интеллектуальных способностей. Другими словами, «никто не может быть *чем-нибудь* или достигнуть *чего-нибудь*, не являясь самим собой» [34, с. 519]. Причем реализация креативно-интеллектуальных способностей должна осуществляться в рамках созидательных, духовно-нравственных смыслов творчески-трудовой деятельности. Следовательно, гуманизация экономики есть прежде всего процесс превращения человека из средства в цель и условие хозяйственной деятельности, что априори требует междисциплинарного подхода к решению столь сложной и противоречивой научно-практической задачи. Тем более что гуманизация именно современной экономики все в большей степени приобретает очертания кантовского «категорического императива».

Императивы гуманизации современной экономики

Известный французский социолог К. Леви-Стросс однажды сказал, что XXI век будет веком гуманитарных наук, или его не будет. Следуя логике данного смыслового сюжета, резонно сформулировать гипотезу о том, что *если в ближайшие годы экономика не станет гуманистической (антропоцентричной, человекоориентированной), то ее (экономики) попросту не будет, равно как и самой человеческой цивилизации*. В этом же контексте вполне актуальным видится положение о том, что сегодня «лечить нужно не экономику; лечить нужно цивилизацию» [12]. Сказанное вовсе не является метафорой, если бросить беглый взгляд на дела «рук человеческих» хотя бы за последние столетия. *Во-первых*, критических параметров достигла деградация среды обитания человека как результат целенаправленного превращения этого же человека в «серийного

убийцу» всего живого на земле. Природа давно уже «бьет в набат» по поводу грубейшего и расширенно воспроизводящегося разрушения гармонии живой и неживой природы, нарушения оптимума в сфере производства и окружающей среды, однако человек, как самое разумное существо в этом мире, умудряется не замечать губительных результатов своей деятельности, а по сути, собственного самоуничтожения. Достаточно лишь напомнить о глобальном потеплении, о расширении зон экологической катастрофы, о загрязнении мирового океана, о массовом исчезновении множества видов растений и животных в результате хозяйственной деятельности человека. При этом системное качество деградации среды обитания человека, то есть «качество» *разрушения экзогенной, природной экологии*, заключается в масштабном использовании человеком прежде всего невозпроизводимых экономических ресурсов [2].

Во-вторых, деградация окружающей среды есть функция деградации самого человека, ставшего заложником денежного фетишизма, а также собственных утилитарных смыслов и сугубо потребительских интенций и предпочтений. Капитализм, как наиболее «успешная религия» рыночно ориентированной хозяйственной деятельности, закономерно превратила человека в *средство извлечения денежного дохода, в инструмент обеспечения господства финансовой плутократии* [7]. При этом воинствующий индивидуализм столетиями кристаллизовал в человеке естественную дикость «атомистического» поведения как в экономике (безжалостная конкуренция), так и в других сферах общественной жизни (например, разрушение института семьи). Все это свидетельствует об эрозии экзистенциальных и аксиологических смыслов человеческого существования. В связи с этим трудно не согласиться с выводом Ю.Н. Харари о том, что *человек скоро исчезнет* и что с помощью новейших технологий в течение, возможно, нескольких десятилетий он превратит себя в совершенно иное существо, отдаленное от истинных смыслов человеческого бытия [35].

Деградация созидательных духовно-нравственных смыслов человеческой деятельности как результат внедрения и господства идеологии монетарной плутократии и воинствующего индивидуализма есть показатель *разрушения эндогенной экологии цивилизации* – планетарного человеческого предназначения. При этом основным «загрязнителем» экологии цивилизации является денежный фетишизм, обусловивший господство «власти денег» над «властью хлеба» [4]. Это привело к тому, что «нравственными» объявляются все формы экономической деятельности, обеспечивающие рост денежного дохода, что отнюдь не всегда коррелируется с ростом реального благополучия и ощущением простого человеческого счастья [26]. Даже если мы стали намного могущественнее наших предков, превратившись в «когноемкие человеческие сущности» в результате когнитивной революции, то едва ли мы стали счастливее тех, кто когда-то дал старт «необъявленной войне» человека с природой. При этом важно подчеркнуть, что *разрушение экзогенной, именно природной экологии* есть функция *разрушения эндогенной экологии цивилизации*, то есть функция эрозии созидательных смыслов человеческого бытия. И если в ближайшем будущем, измеряемом всего лишь несколькими десятилетиями (в лучшем случае), иммунные силы экологии человеческой цивилизации не «заявят» о себе в полный «голос», то человечество как «система проекта» отчетливо увидит исторические пределы своего существования [35].

В-третьих, деградация человека и «потеря» самого себя в пучине плутократии есть результат его повсеместной «измены самому себе», есть функция утерянного вектора ранее отмеченной *индивидуальной эндогенной творчески-трудовой креативной экологии*, под которой, как известно, понимается жизнь и деятельность человека по призванию, или по творчески-трудовому предназначению. Насколько сильно деструктив-

ное влияние идеологии плутократии на креативно-интеллектуальную экологию человека, можно судить по множеству статистических данных и опросов. В частности, по причине низкокачественных институтов и в целом национального институционального капитала многие выпускники отечественных вузов отнюдь не стремятся реализовать себя там, где создаются реальные ценности и инновационные продукты, а стараются попасть на «хлебные» должности в такие рентоориентированные организации, как «Газпром», «Лукойл», органы государственной власти и другие структуры [20]. Этому способствует функционирующий в стране механизм экономической реализации власти-собственности [32] и патрон-клиентских отношений, вызывающих деструкцию таких созидательных феноменов, как честность и справедливость, доверие и дисциплина выполнения контрактных обязательств и др. [24].

Резонно отметить, что человек всегда предстает как «свернувшаяся» цивилизация, а сама цивилизация есть «развернутый» человек. Очевидно, что качественные свойства человека есть функция качества цивилизации, и наоборот: качество цивилизации есть функция качества человека. В данной дихотомии имеет место *обратная положительная связь*: чем выше уровень общего цивилизационного развития, тем выше уровень качественных свойств человека; чем выше уровень развития человека, тем больше вероятность повышения качества цивилизационных основ человеческого бытия. В связи с этим истинными являются следующие утверждения. Во-первых, чем больше число людей, пораженных «вирусом» денежной плутократии, тем меньше шансов для прогрессивного развития цивилизации. Более того, после набора определенной критической массы индивидуальных носителей этой плутократии цивилизация вступает в полосу неких цивилизационных «провалов», не сулящих человеку и природе ничего хорошего. Во-вторых, чем глубже названные «провалы», тем меньше шансов у каждого человека выйти за пределы идеологических постулатов денежного фетишизма, что, по сути, означает духовно-нравственную гибель человека.

Теперь экологическая «цепочка» рассматриваемых процессов выглядит вполне завершенной: деструкция эндогенной творчески-трудовой экологии, вызванная господствующими институтами поиска «плохой» ренты, оказывает разрушительное воздействие на эндогенную экологию цивильности. Далее, разрушенная экология цивильности, вызванная критической массой индивидуальных творчески-трудовых экологических деструкций, закономерно обуславливает деградацию среды обитания, вовлекая в хозяйственный оборот все больший объем невозпроизводимых экономических ресурсов, нанося невозполнимый урон общей экологии природы, включая самого человека. Таким образом, человеческая цивилизация попала в «ловушку плутократии», смысловой конструкт которой прост и понятен: повышение уровня и качества материального благополучия как интегральная *цель* оправдывает любые *средства*, даже если они противоречат здравому смыслу и онтологии человеческого предназначения [27].

Таким образом, в самом широком смысле *императивами гуманизации современной экономики резонно считать определенный набор глубоко осознаваемых насущных экзистенциальных потребностей человека и общества, обеспечивающих такой способ хозяйственной деятельности, который бы оптимизировал природную экологию и экологию цивильности, т.е. обеспечивал бы гармонию человека, экономики и природы* (по В.И. Вернадскому) [9]. Перечень этих потребностей может быть весьма обширным, хотя с экономической точки зрения изначально следует ограничиться следующими конкретными императивами. *Во-первых*, система экономики, а также ее смысловое и идеологическое обеспечение призваны построить креативно-интеллектуальный хозяйственный механизм, основанный исключительно на воспроизводимых эконо-

мических ресурсах и релевантных факторах производства (ноосферный тип воспроизводства благ) [14]. Решение этой задачи потребует действительной «креативной революции», призванной обеспечить расширенное воспроизводство новейших технологий [7]. *Во-вторых*, этот креативно-интеллектуальный хозяйственный механизм призван стать индифферентным по отношению к ценностям экономической плутократии и основываться на ноосферных, именно созидательных смыслах человеческой деятельности, элементы которой уже давно являются предметом научного дискурса [11]. *В-третьих*, экономическая действительность должна стать антропоцентричной, то есть нацеленной на всестороннее развитие человека как основного источника новых идей и знаний, ценностей и смыслов хозяйственной деятельности, а также новейших технологий и продуктов. Именно это обстоятельство является центром притяжения теории и практики поведенческой экономики и множества современных социально-экономических дискурсов [8, 10]. Другими словами, у экономики нет другого «выхода», как последовательно «превращать» человека из *инструмента* создания благ с целью получения денежного дохода в *целевую функцию* как такового экономического развития, в источник воссоздания прогрессивных ценностей и смыслов собственно хозяйственной деятельности. Обобщенно императив гуманизации современной экономики заключается в необходимости целенаправленного развития таких качественных свойств человека, которые на деле обеспечат *гармонию человека, производства и природы*. Для создания такой гармонии и для ее непрерывного поддержания человек должен в действительности стать аристотелевской «мерой всех вещей».

Очевидно, что любые изменения в триаде «человек – производство – природа» должны иметь прежде всего человеческое измерение. Производство, «расположенное» в этой триаде между человеком и природой, *призвано обеспечивать развитие и человека, и природы в целом*; производство не должно разрушать человека, превращая его в инструмент достижения целей экономической плутократии, а также не должно разрушать природу как среду обитания человека. Следовательно, экономика должна быть *гуманистической, человекоориентированной*, причем именно человек и призван такую экономику воссоздавать, «вооружившись» для этого релевантными ценностями и смыслами экономического бытия [18; 25]. Важно также понимать и помнить, что *творчество человека не может быть выше творчества самой природы*. Как отмечал Ф.М. Достоевский, «*бытие должно быть непременно и, во всяком случае, выше ума человеческого, так, чтоб всю жизнь человек искал. Мало того, надо непременно, чтоб никогда не сыскал: это приличнее*» [34, с. 23].

Заключение

1. Гуманизация современной экономики непосредственно увязывается не столько с параметрами и показателями уровня и качества жизни человека (домохозяйства), сколько с императивами становления их достойной жизни, где безусловным приоритетом является расширенное воссоздание и соответствующее использование созидательных смыслов. Другими словами, гуманистическая экономика есть экономика созидательно-смыслопроизводства, или экономика ценностно-смыслового неявного знания [33]. Отсюда необходимым условием развития гуманистической экономики является производство гуманистических ценностей и смыслов, качество которых должно тестироваться на предмет их соответствия требованиям ноосферного типа воспроизводства [1].

2. Эффективность достойной жизни человека должна измеряться качеством его творчески-трудовой экологии, то есть вектором предназначения жизненного пути. Этот вывод проистекает из положения о том, что цивилизация есть «развернутый» человек,

и именно качество творчески-трудовых интенций и креативных мотиваций каждого человека есть «первокирпичик» и главный измеритель качества экологии цивилизации. Применительно к концепту достойной жизни следует сказать, что духовно-нравственное содержание ценностей и смыслов человека определяет качество направленности общей его деятельности; наличие творчески-трудовой экологии человека конституирует качество содержательности этой деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипина, О. Н. Тенденции гуманизации экономики при переходе к постиндустриальному обществу / О. Н. Антипина. – М. : ТЕИС, 1998. – 84 с.
2. Башмаков, И. А. Энергетика мира: мифы прошлого и уроки будущего / И. А. Башмаков // *Вопр. экономики.* – 2018. – № 4. – С. 49–76.
3. Беккер, Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / Г. С. Беккер. – М. : ВШЭ, 2003. – 672 с.
4. Бердяев, Н. А. Дух и реальность / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. – 679 с.
5. Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. – 5-е изд. доп. и перераб. – М. : Ин-т новой экономики, 2002. – 1280 с.
6. Брокгауз, Ф. Энциклопедический словарь. Современная версия / Ф. Брокгауз, И. Ефрон. – М. : Эксмо, 2005. – 672 с.
7. Бузгалин, А. В. Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) / А. В. Бузгалин // *Вопр. экономики.* – 2018. – № 2. – С. 122–142.
8. Бузгалин, А. Человек, рынок и капитал в экономике XXI века / А. Бузгалин, А. Колганов // *Вопр. экономики.* – 2006. – № 3. – С. 125–142.
9. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 576 с.
10. Гимпельсон, В. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений / В. Гимпельсон // *Вопр. экономики.* – 2016. – № 10. – С. 129–144.
11. Гребнев, Л. От «человека в экономике» к «экономике в человеке» / Л. Гребнев // *Вопр. экономики.* – 2006. – № 11. – С. 46–59.
12. Данилов-Данильян, В. Глобальный кризис как следствие структурных сдвигов в экономике / В. Данилов-Данильян // *Вопр. экономики.* – 2009. – № 7. – С. 31–42.
13. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2000. – 512 с.
14. Казьмин, А. К. Теория интеллекта. Как выбрать президента / А. К. Казьмин. – М. : Моск. учебники – СиДиПресс, 2001. – 240 с.
15. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс // *Изб. произведения.* – М., 1993. – 274 с.
16. Кузина, О. Корпоративная благотворительность и корпоративная филантропия: экономико-социологический анализ / О. Кузина, М. Чернышева // *Вопр. экономики.* – 2016. – № 3. – С. 115–131.
17. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М. : АСТ МОСКВА, 2009. – 317 с.
18. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – 3-е изд., доп. – М. : Смысл, 2007. – 511 с.
19. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб. : Питер, 2010. – 352 с.
20. Натхов, Т. Инженеры или юристы? Институты и спрос на высшее образование / Т. Натхов, Л. Полищук // *Вопр. экономики.* – 2012. – № 10. – С. 30–52.

21. Никифоров, А. Поведенческая макроэкономика: на пути к новому синтезу / А. Никифоров, О. Антипина // *Вопр. экономики.* – 2016. – № 12. – С. 88–104.
22. Духовно-нравственная онтология социально-экономического развития : монография / В. И. Новичков [и др.]. – М. : КНОРУС, 2011. – 328 с.
23. Ольсевич, Ю. Я. Психологические основы экономического поведения / Ю. Я. Ольсевич. – М. : ИНФРА-М, 2010. – 413 с.
24. Ореховский, П. А. Право на оспаривание, патрон-клиентские сети и коррупция / П. А. Ореховский // *Вопр. экономики.* – 2012. – № 11. – С. 101–118.
25. Петросян, Д. Этические принципы в социально-экономической политике России / Д. Петросян, Н. Фаткина // *Вопр. экономики.* – 2008. – № 2. – С. 122–133.
26. Румянцева, Е. Е. Нравственные законы экономики / Е. Е. Румянцева. – М. : ИНФРА-М, 2009. – 96 с.
27. Салихов, Б. В. Духовно-нравственные основы развития современной российской экономики : монография / Б. В. Салихов. – М. : Изд-во МГОУ, 2009. – 160 с.
28. Салихов, Б. В. Креативный капитал в экономике знаний : монография / Б. В. Салихов. – М. : Дашков и К°, 2017. – 274 с.
29. Салихов, Б. В. Управление качеством креативного капитала в ноосферной экономике знаний : монография / Б. В. Салихов. – М., 2017. – 250 с.
30. Салихов, Б. В. Неявное знание как онтология корпоративных инноваций / Б. В. Салихов, М. Б. Олигова. – М. : Изд-во РГУ им. А. Н. Косыгина, 2018. – 223 с.
31. Салихов, Б. В. Достойная жизнь человека как основа инновационного развития современной экономики / Б. В. Салихов, И. С. Салихова // *Инновации и инвестиции.* – 2010. – № 3. – С. 37–49.
32. Салихов, Б. В. Система государственной власти-собственности и качество человеческого капитала / Б. В. Салихов, И. С. Салихова // *Экономика и предпринимательство.* – 2014. – № 2 (43). – С. 45–52.
33. Салихов, Б. В. Когнитивная структура поведенческой экономики и императивы повышения качества неявного знания / Б. В. Салихов, И. С. Салихова, М. Б. Олигова // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность.* – 2016. – № 12 (345). – С. 55–71.
34. Собрание мыслей Достоевского / сост. М. А. Фырнин. – М. : Звонница-МГ, 2003. – 640 с.
35. Харари, Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / Ю. Н. Харари. – М. : Синдбад, 2016. – 520 с.
36. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й. А. Шумпетер. – М. : Эксмо, 2007. – 864 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 08.11.2018

Salikhova I.S. Ontology, Value-Semantic Quality and Imperatives of the Humanization of the Modern Economy

The purpose of the article is to identify the value-semantic quality integrity and justification of the imperative of the humanization of the modern economy. The necessity of transforming a person from a means into a condition and the purpose of economic activity while its intellectualization is substantiated. The methodological basis of the article is the disciplinary matrix of the system paradigm. Scientific novelty consists, firstly, in justifying the need to develop a creative-labor ecology of man in the framework of the noospheric type of reproduction; secondly, in proving the need to replace the neoclassical concept of monetary plutocracy by the interdisciplinary paradigm of anthropocentrism. The scientific and practical importance of the work consists in the possibility of using the provisions and conclusions for the qualitative updating of the system of general education and corporate self-study.

УДК 330.322

Н.В. Одиноченкова

*д-р экон. наук, проф. каф. «Экономика и менеджмент»
Брянского государственного технического университета
e-mail: kaf.eim@yandex.ru*

**ОРГАНИЗАЦИЯ ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

Раскрываются понятия инвестиционного товара и инвестиционного ресурса, обосновывается роль государства в социально-экономическом развитии общества и необходимость макрорегулирования инновационно-инвестиционной политики. Предлагается функционально-структурная модель многоуровневого макрорегулирования.

Введение

Проблема развития инновационно-инвестиционной деятельности находится под особым вниманием отечественных ученых. Довольно глубокое обоснование роли инновационных инвестиций как важнейшего ресурсного фактора экономического развития, экономический и организационный механизмы их эффективного использования нашли отражение в [1–4]. Здесь обобщено то, как трактуются происходящие в экономике изменения, какие ключевые аспекты заслуживают в них особого внимания, в чем их оригинальность, а также дано представление о современной парадигме инновационно-инвестиционного типа развития. Долгое время в российской экономической науке и практике инвестиции отождествлялись с капитальными вложениями, определяемыми как затраты на создание новых, а также на расширение, реконструкцию и техническое перевооружение действующих основных фондов. Однако долгосрочный характер капитальных вложений, отсутствие в них затрат на формирование и воспроизводство оборотных фондов показывают ограниченность такого понимания инвестиций. Учитываемые отдельно от текущих затрат основные производственные фонды снижают маневренность управления хозяйственными системами, ибо они не могут эффективно функционировать в отрыве от оборотных средств. Это полностью подтвердила хозяйственная практика переходного периода.

Некоторые авторы в своих исследованиях определяют, что инвестиции есть:

- 1) прирост функционирующего капитала,
- 2) получение дополнительного дохода,
- 3) отказ от части текущего потребления в пользу ожидаемого расширения потребления в будущем.

Однако, хотя и верные по своей сути, эти характеристики не раскрывают достаточно полно внутреннего содержания инвестиций. Не все инвестиции преследуют цель получения только дополнительной прибыли. В качестве целей могут выступать социальные, экологические и другие эффекты. В этой связи заслуживают внимания предложения по разграничению понятий инвестиционные товары и инвестиционные ресурсы. Критериями разграничения принимаются: 1) их участие в капиталобразовании, 2) удовлетворение платежеспособного спроса на основные фонды и технологии качественно нового уровня. К инвестиционным ресурсам отнесены материально-технические, финансовые и нематериальные активы.

Введение в научный анализ категории инвестиционных ресурсов позволяет более подробно представить этапы инвестирования и функции инвестиций. В таком понятийном варианте инвестирование определяется как циклический процесс аккумуляции средств в различной форме, превращение их в инвестиционные товары; формирование на этой основе инвестиционных ресурсов, введение их в производственную стадию; превращение инвестиционных ресурсов в капитальные вложения, трансформация их в преобразующие факторы-ресурсы, такие как новая техника, новые технологии, новые материалы, новая квалификация, интеллектуальные ресурсы, или собственно в капитал и возвращение инвестиционных средств в денежном эквиваленте.

По данному определению процесс инвестирования завершается образованием нового промышленного капитала и возвратом инвестированной суммы в денежной форме, а не просто включением инвестиций в производство. Отсюда допускается, что цикл инвестирования может иметь разрыв во времени, обусловленный периодами производства, рыночной реализации, получением дохода и его распределением. В качестве составляющих основу инновационных инвестиций рассматриваются средства, которые вкладываются в технику нового типа и новые технологические совокупности. То есть под инновационными инвестициями понимаются средства, вкладываемые в производство инноваций или вовлекаемые в процесс воспроизводства уже в виде новой техники, технологии, кадров с новой квалификацией, информационных и интеллектуальных ресурсов и пр. Все эти процессы формируют инновационно-инвестиционную экономику с акцентом на меры, способные обеспечить непрерывную связь инноваций с инвестициями. К сожалению, эффективность инвестирования многих инновационных программ остается близкой нулю, а часть инвестиций к тому же используется не по целевому назначению, и те системы, которым они предназначались, становились банкротами. Это является одной из причин того, что наша страна по состоянию инновационно-инвестиционной экономики относится к разряду развивающихся, а по степени риска занимает третье место в мире. Но исследования показывают, что ключевой причиной этого является отсутствие достаточно цельного системнообразующего регулирования инновационно-инвестиционной экономики. Поэтому изменения в ней не базируются на науке, опыте, а носят во многом субъективный характер.

Почти совсем не уделяется внимания научно-приватизационному, научно-финансовому, научно-организационному и научно-экономическому прогрессу. Поэтому инновационно-инвестиционная экономика и создаваемый на ее основе экономический прогресс, являющийся материальной основой развития всех других сфер деятельности, предполагает макрорегулирование, которое может быть обеспечено государством.

Инновационно-инвестиционная экономика повышает роль государства в социально-экономическом развитии общества, так как она сопровождается широкомасштабными нововведениями по качеству более высокого, чем прежде, уровня. Правильно выбранные формы и масштабы макрорегулирования предполагают самое активное участие государства в инновационно-инвестиционной экономике, ведущее к значительному уменьшению степени ее непредсказуемости. Высказывания о том, много или мало должно быть государства в современной инновационной экономике, звучат неактуально. Участие государства в ней должно быть таким, чтобы обеспечивалось достижение намеченных целей. В зависимости от складывающихся условий сегодня этого участия может быть больше, а завтра меньше или на оборот. Оно может регламентироваться лишь критерием развития творческой инициативы при увеличении инновационного потенциала и учете, что рыночная экономика является также объектом регулирования.

Рисунок. – Функционально-структурная модель многоуровневого макрорегулирования инновационно-инвестиционной политики

Как раз стабільнасць інновацыйна-інвестыцыйнага сістэмы і яе эканомікі з'яўляецца паказателем эфектыўнасці дзяржаўнай палітыкі.

Дзяржаўная палітыка інновацыйна-інвестыцыйнага эканомікі прадполагае яе многуюроўневае рэгуляванне, будуюцца на аснове разумення таго, што яна з'яўляецца сродкам дасягнення мэтаў сацыяльнага развіцця. Таму ў метадалагічным і практычным прызначэнні з улікам сацыяльнага складнага дзяржаўнай палітыкі трэба будаваць структуры многуюроўневага макрарэгулявання інновацыйна-інвестыцыйнага палітыкі. Адна з мадэляў такой структуры прыведзена на малюнку.

Праца па падобнай функцыянальна-структурнай мадэлі макрарэгулявання фарміравання і рэалізацыі інновацыйна-інвестыцыйнага палітыкі дазваляе расчленіць гэтую функцыю па ўзроўням, інстытутам і выканаўцамі, вызначыць рацыянальныя адносіны паміж імі і многае іншае.

Заклучение

Вядома, што ў вызначэнні напраўленняў развіцця прыярытэт прыналежыць стратэгічным мэтаў. У данай мадэлі рэалізаваны наступныя стратэгічныя мэтаў і функцыі развіцця: «Стратэгічная эканамічная мэтаў – стратэгічная сацыяльная мэтаў – функцыянальны блок інновацыйна-інвестыцыйнага эканамічнага развіцця, функцыянальны блок інновацыйна-інвестыцыйнага сацыяльнага развіцця».

Такім чынам, апісаная мадэль сістэмна і комплексна раскрывае магчымае арганізацыйнае і функцыянальнае ўладарства многуюроўневага макрарэгулявання інновацыйна-інвестыцыйнага развіцця як асновы эканамічнага сацыяльнага прагрэса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эканоміка рэгіёна: інновацыйны шлях развіцця. – М. : Логос, 2003. – 296 с.
2. Фоломьев, А. Н. Інновацыйнае інвестыраванне / А. Н. Фоломьев, В. Г. Ревизов. – СПб. : Наўка, 2001. – 184 с.
3. Дементьев, В. Інвестыцыйныя праблемы інновацыйнага паўзы ў эканоміцы / В. Дементьев // Праблемы прагназавання. – 2011. – № 4. – С. 13–27.
4. Швецов, А. Суадносіны цэнтралізацыі і дэцэнтралізацыі ў дзяржаўнай рэгіянальнай палітыцы: аб складзенай сітуацыі, неабходнасці і шляхах яе змянення / А. Швецов // Рос. экан. журн. – 2006. – № 5–6. – С. 14–35.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.10.2018

Odinichenkova N.V. Organization of Innovation and Investment Processes for Sustainable Development Social and Economic Development

The article reveals the concept of investment goods and investment resources, substantiates the role of the state in the socio-economic development of society and the need for macro-regulation of innovation and investment policy. A functional-structural model of such multi-level macro-regulation is proposed.

УДК 331:316

Е.А. Брык¹, О.Я. Седель², Д.А. Петрукович³¹гл. бухгалтер Брестского областного центра по ценообразованию в строительстве²канд. техн. наук, доц., доц. каф. экономики и управления

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

³канд. пед. наук, доц., зав. каф. экономики и управления

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

e-mail: dmitrypet@mail.ru

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ КАЧЕСТВА И УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

Проведен анализ основных социально-экономических показателей состояния качества и уровня жизни населения Брестской области. Выявлены слабые стороны состояния качества и уровня жизни населения Брестского региона, а также сформулированы основные необходимые мероприятия, обеспечивающие устойчивый рост качества и уровня жизни населения Брестской области.

Введение

Важным фактором развития человеческого потенциала и обеспечения устойчивого развития общества является эффективная социальная политика государства, призванная создать необходимые условия для обеспечения благосостояния населения. Стратегической целью социальной политики государства в долгосрочной перспективе является обеспечение достойного качества жизни и высоких стандартов благосостояния белорусского населения. В настоящее время в Республике Беларусь существует проблема формирования оптимального соотношения уровня и качества жизни населения, прежде всего на региональном уровне. Любое неравенство, особенно в качестве жизни, воспринимается людьми как нарушение принципов социальной справедливости и может в конечном счете привести к росту нестабильности и проявлению негативных явлений в обществе. От соотношения уровня и качества жизни населения зависит в первую очередь направление и темпы последующих преобразований в нашей стране. Во-вторых, от этого зависит экономическая и политическая стабильность общества.

Анализ состояния и качества жизни населения Брестской области

Характеризуя уровень и качество жизни населения Брестской области, следует проанализировать несколько основных показателей [1].

1. Характеристика качества жизни населения.

1. *Уровень зарегистрированной безработицы* – отношение численности безработных, зарегистрированных в органах государственной службы занятости, к численности экономически активного населения, рассчитанное в процентах.

На рисунке 1 представлен график, показывающая численность безработных, зарегистрированных в органах по труду, занятости и социальной защите за последние три года.

Анализ уровня зарегистрированной безработицы в Брестской области показывает, что на 1 января 2018 г. снизилось количество безработного населения по сравнению с прошлым годом. Это свидетельствует, что наниматели предоставляют больше свободных рабочих мест.

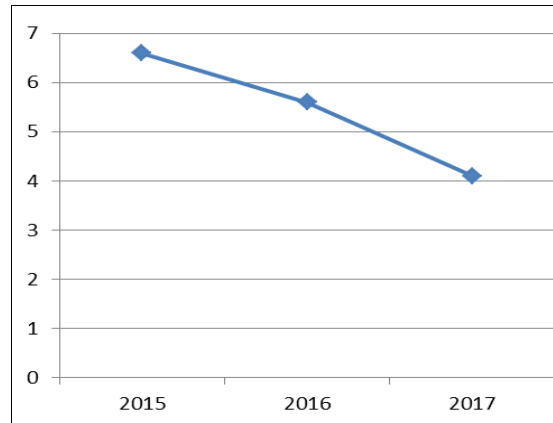

Рисунок 1. – Численность безработных в Брестской области, тыс. человек [2]

На рисунке 2 представлена гистограмма, отражающая уровень безработицы по областям Республики Беларусь за период 2015–2017 гг.

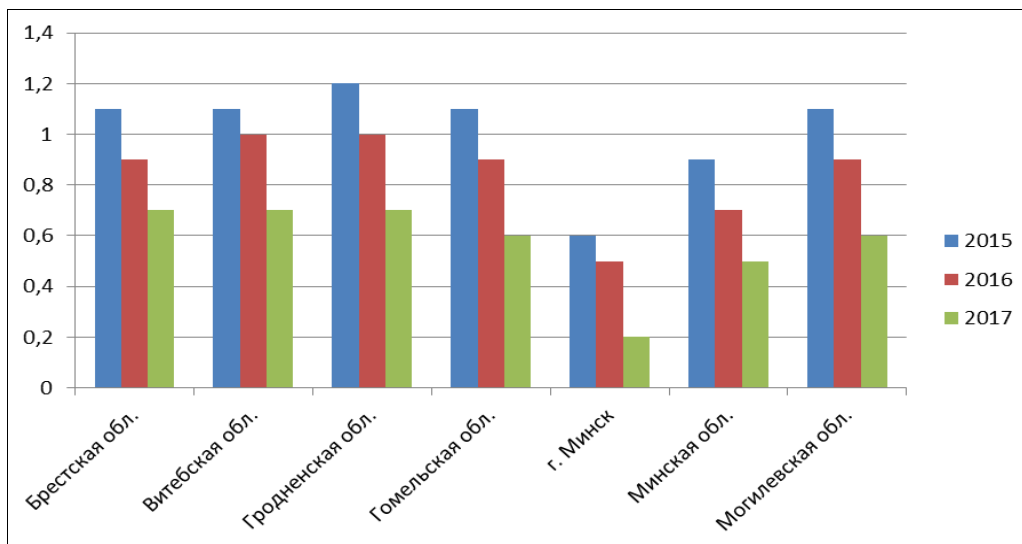

Рисунок 2. – Уровень безработицы в Республике Беларусь в 2015–2017 гг. [2]

Общая тенденция снижения безработицы за последние три года присуща каждой области. Уровень безработицы в Брестской области далеко не самый низкий среди всех областей. На 1 января 2018 г. показатель уровня безработицы составил 0,7 % (на 01.01.2016 – 1,1 %). Данный уровень является достаточно высоким для региона.

Безработица – это крайне опасное и тяжелое явление для экономики страны в целом. Поэтому следует использовать специальные нерыночные способы регулирования безработицы. В Брестской области для того чтобы сократить уровень безработицы, предприятиям рекомендуется сохранять рабочие места. Существуют центры занятости населения, которые не только ведут учет безработных и осуществляют выплату пособий по безработице, но и занимаются поиском и предложением рабочих мест зарегистрированным безработным в соответствии с их квалификацией. Эти центры занимаются также профессиональной переквалификацией безработных.

2. Соцыяльна-демаграфічныя паказателі.

Целью дэмаграфічнай палітыкі Рэспублікі Беларусь у цэлым з'яўляецца стабілізацыя колькасці насельніцтва і павелічэнне ачакаемай працягласці жыцця. Сярод асноўных рэшаемых тут задач – укрэпленне здароўя насельніцтва, развіццё сістэмы падтрымкі сямей з дзецьмі, рэгуляванне знешніх міграцыйных працэсаў.

Асаблівасці функцыянавання сістэмы здароўяхранення Брэсцкай вобласці – гэта поўны ахват насельніцтва ўсёмажливой медыцынскай дапамогай, прадстаўленай за счэт бюджэтных сродкаў, а таксама дзяржаўнае рэгуляванне і планаванне з рэалізацыяй комплексу дзяржаўных праграм у сферы аховы здароўя людзей. Сёння ідзе пераход да мадэлі здароўяхранення з пріорытэтным развіццём медыцынскай дапамогі, аказываемай у амбулаторных умовах, як менш затратнай і найбольш вострабаваанай. Для павышэння даступа да спецыялізаванай, у тым ліку высокатэхналагічнай, медыцынскай дапамогі праведзена значыцельная праца па ўвядзенню новых тэхналогій у практычнае здароўяхраненне рэспублікі. Асаблівую ўвагу ўдзяляюць аховы здароўя матэры і дзіцяці. Асноўныя дэмаграфічныя паказателі па Брэсцкай вобласці за 2015–2017 гг. прадстаўлены ў тэблліцы 1.

Тэблліца 1. – Дэмаграфічныя паказателі па Брэсцкай вобласці за 2015–2017 гг. [2]

Паказатэль	Год		
	2015	2016	2017
Чысленнасць насельніцтва (на пачаток года), тыс. чалавек	1 388,9	1 387,0	1 386,4
Ачакаемая працягласць жыцця, лет	74,2	74,5	74,4
Кэфэыцыент рождаемасці	13,5	13,5	11,8
Кэфэыцыент смертнасці	12,7	12,6	12,8
Кэфэыцыент есцэственнага змянення	0,8	0,9	-1,0

Із прыведзеных у тэблліцы даных можам бачыць, што за апошні год у Брэсцкай вобласці склаўся неаблагопрыятны сітуацыя, і кэфэыцыент есцэственнага змянення прыняў адмоўнае значэнне, што звязана з змяншэннем рождаемасці, а таксама павелічэннем смертнасці насельніцтва. Чысленнасць насельніцтва Брэсцкай вобласці мае тэндэнцыю да зніжэння. Таксама трэба звярнуць увагу, што ў Брэсцкай вобласці зніжэнне чысленнасці насельніцтва адбываецца на дастаткова стабільным узроўні паказатэля ачакаемай працягласці жыцця за даследуемы перыяд. У адпаведнасці з праграмай сацыяльна-эканамічнага развіцця Рэспублікі Беларусь на 2016–2020 гг. плануецца павялічыць ачакаемую працягласць жыцця да 75,3 года, і Брэсцкая вобласць упэўнена выконвае гэты паказатэль.

3. Паказателі, характэрызуючыя стан асяроддзя.

У апошнія гады ў Брэсцкай вобласці назіраецца найменшае забруджэнне атмасфернага воздуча па сраўненню з іншымі вобласцямі Рэспублікі Беларусь. У першую ачадэду гэта звязана з тым, што на тэрыторыі Брэсцкай вобласці няма вялікіх прамысловых прадпрыемстваў энергетыкі і нафтаперапрацоўкі. Большасць выбросаў у атмасферу ў Брэсцкай вобласці адбываецца ад перадывжых істочнікаў. Аўтаатранспарт «паставляе» ў асяроддзю велікі колькасць выбросаў, аб'ёмы якіх сутэственна адрозніваюцца па вобласцям і аддзельным гарадам. Практычна ўсё парк большагрузных аўтамабіляў, а таксама транзытныя цягачы укомплектаваны дызельнымі дывэгатэрамі, што ўплывае на забруджэнне прыроднага асяроддзя.

4. Показатели уровня обеспеченности жильем.

Обеспечение населения качественным и доступным жильем – важное направление социальной политики белорусского государства. По данному показателю в целом Республика Беларусь занимает одно из лидирующих позиций среди стран СНГ. На рисунке 3 изображена гистограмма, характеризующая обеспеченность жителей Брестской области жильем в сравнении с другими областями Республики Беларусь на конец 2017 г. (квадратные метры общей площади на одного жителя).

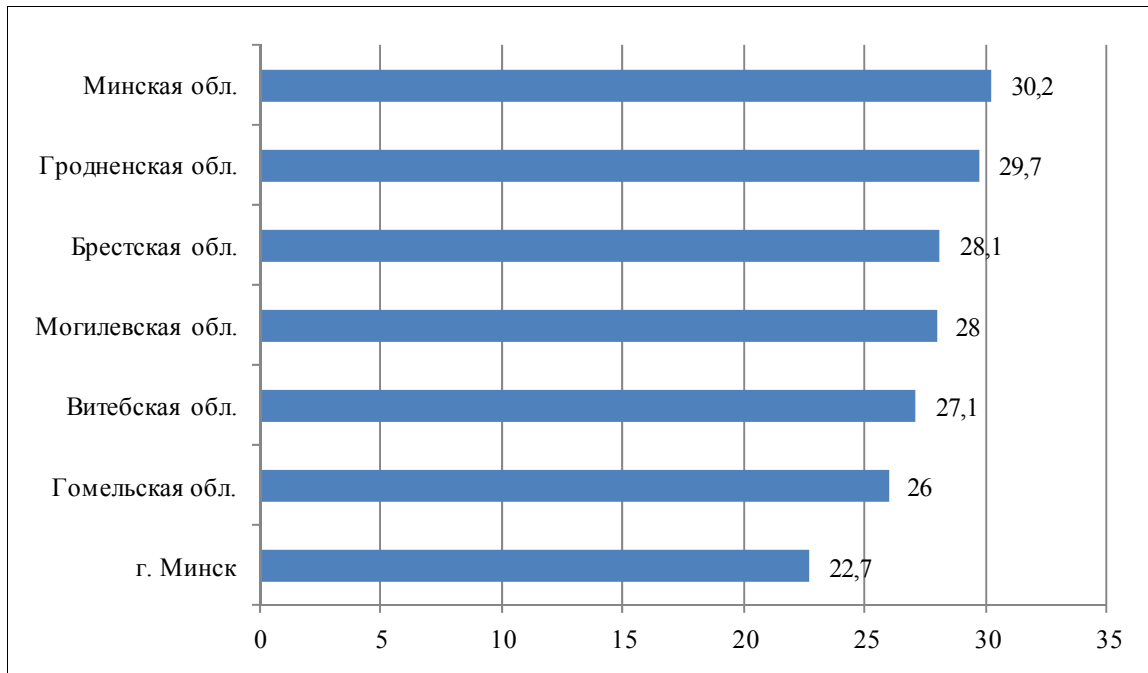

Рисунок 3. – Обеспеченность населения жильем [2]

Показатель обеспеченности населения жильем по Брестской области один из самых высоких. По данному показателю Брестская область за 2017 г. занимает третье место после Минской и Гродненской областей. Рост обеспеченности населения жильем обусловлен увеличением введенных в эксплуатацию метров жилья.

Также набирает обороты программа строительства арендного и социального жилья, наращиваются объемы строительства жилья для многодетных семей, успешно продолжается строительство жилья по государственному заказу и формирование фонда жилых помещений коммерческого использования.

В последние годы в Брестской области наблюдается устойчивая тенденция повышения интереса граждан к проживанию в индивидуальных жилых домах.

5. Уровень физической культуры и образования в регионе.

В Брестской области проводится работа по внедрению новых форм физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы среди населения.

Создаются клубы по физической культуре и спорту, туристические клубы, проводится модернизация спортивных площадок на дворовых территориях.

Все большее число людей приобщаются к здоровому образу жизни и посещают спортивно-оздоровительные секции.

Растет также качество и доступность образования, в университетах открываются новые специальности, востребованные у абитуриентов.

В Брестской области также осуществляется строительство учреждений образования (детских садов, школ), совершенствуется образовательный процесс, обновляется содержание и учебно-методического обеспечения образования, население области старается повышать свой уровень образования и социальный уровень в целом.

Конечно, в области существует нехватка учреждений дошкольного и среднего образования, а также специалистов для работы в них, вследствие чего качество образования пока не на самом высоком уровне.

Однако областной бюджет выделяет необходимые средства для строительства садов и школ, а специалисты имеют возможность совершенствовать свои профессиональные навыки.

6. Обеспечение безопасности жизнедеятельности населения.

Обеспечение безопасности жизнедеятельности населения направлено на создание благоприятных условий для комфортного проживания людей, снижение уровня последствий стихийных бедствий и гибели от них, минимизацию возможного ущерба от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Во всех регионах Брестской области созданы и функционируют аварийно-спасательные службы, обеспечивающие жизнедеятельность населения, происходит их оснащение современными и перспективными образцами специального оборудования и техники, средствами и технологиями предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, модернизируются автоматические системы оповещения, в учреждениях образования проводится обучение детей основам безопасности жизни.

В организациях и на предприятиях области усиливается контроль за состоянием систем охраны труда и обеспечения безопасности работающих.

7. Развитие национальной культуры и творческого потенциала.

Можно утверждать, что Брестская область является одной из самых культурно развитых регионов страны. Здесь находится огромное количество памятников архитектуры, музеев, парковые комплексы, самый известный в Республике Беларусь заповедник «Беловежская пуща».

В Брестской области регулярно проводятся реставрационно-восстановительные работы на объектах, являющихся памятниками истории и культуры, развивается художественное образование и творчество, растет количество музыкальных, танцевальных и театральных коллективов.

II. Говоря об **уровне жизни населения** Брестской области, проанализируем основные показатели, характеризующие данное понятие.

1. Денежные доходы населения.

Еще в 2014 г. изменилась методология оценки отдельных видов денежных доходов населения (фонда заработной платы работающих по найму, доходов от предпринимательской и иной деятельности, приносящей доход) и группировки основных статей денежных доходов населения (доходов от предпринимательской и иной деятельности, приносящей доход, доходов от собственности и прочих доходов).

Структура денежных доходов населения Брестской области представлена на рисунке 4.

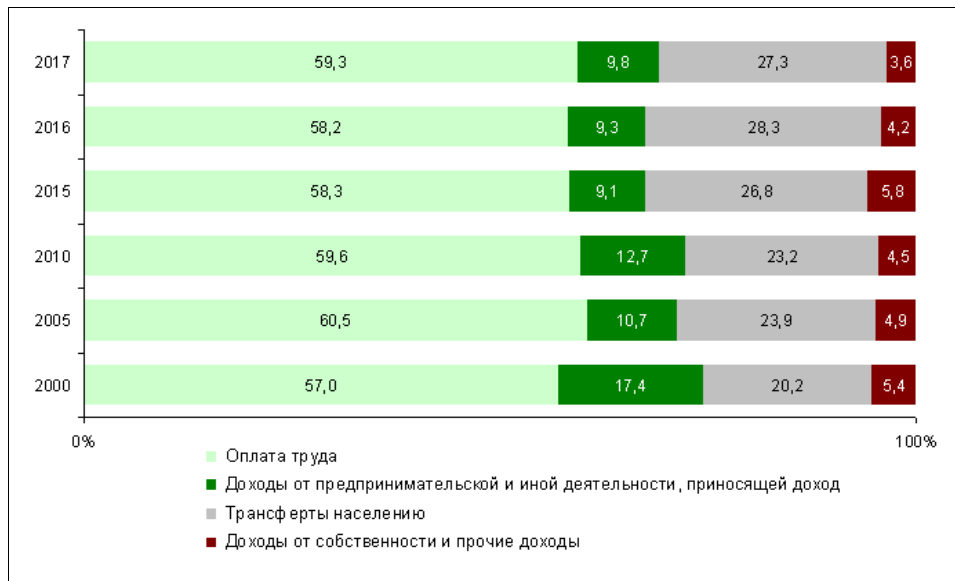

Рисунок 4. – Структура денежных доходов (в % к итогу) [2]

2. *Реальные располагаемые денежные доходы населения* – это денежные доходы за вычетом налогов, сборов и взносов, скорректированные на индекс потребительских цен на товары и услуги.

3. *Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников* – это отношение начисленного фонда заработной платы (включая подоходный налог и обязательный страховой взнос работника) к среднесписочной численности работников, принимаемой для исчисления средней заработной платы, и к количеству месяцев в периоде.

4. *Реальная заработная плата* – относительный статистический показатель, характеризующий покупательную способность заработной платы в отчетном периоде в связи с изменением цен на потребительские товары и услуги по сравнению с базисным периодом, рассчитываемый путем деления индекса номинальной начисленной заработной платы на индекс потребительских цен за один и тот же временной период.

5. *Средний размер назначенных пенсий* определяется делением общей суммы назначенных пенсий на численность пенсионеров.

6. *Реальный размер назначенных пенсий* характеризует покупательную способность назначенных пенсий в отчетном периоде в связи с изменением цен на потребительские товары и услуги по сравнению с базисным периодом. Он рассчитывается путем деления индекса среднего размера назначенных пенсий на индекс потребительских цен за один и тот же временной период.

7. *Бюджет прожиточного минимума (в среднем на душу населения в месяц)* – стоимостная величина прожиточного минимума, а также обязательные платежи и взносы. В Республике Беларусь бюджет прожиточного минимума используется для оценки уровня малообеспеченности.

Данные по основным показателям уровня жизни населения по Брестской области приведены в таблице 2 [2].

Таблица 2. – Основные показатели уровня жизни населения Брестской области за 2015–2017 гг.

Показатель	Год		
	2015	2016	2017
Денежные доходы в расчете на душу населения, 2015 г. – тыс. руб. в месяц, 2016, 2017 гг. – руб. в месяц	4 090,6	424,0	465,2
Реальные располагаемые денежные доходы населения, % к предыдущему году	92,5	92,6	103,3
Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников, 2015 г. – тыс. руб. в месяц, 2016, 2017 гг. – руб. в месяц	5 757,0	617,4	699,1
Реальная заработная плата, % к предыдущему году	95,8	95,9	106,8
Средний размер назначенных пенсий (на конец года), 2015 г. – тыс. руб. в месяц, 2016, 2017 гг. – руб. в месяц	2 679,5	3,2	299,8
Реальный размер назначенных пенсий, % к предыдущему году	95,1	95,6	101,2

Рассмотрев данные таблицы, можно сделать вывод, что в результате государственного регулирования, осуществления государственных социально-экономических программ все показатели доходов населения имеют устойчивую тенденцию к росту. Структура и значения денежных доходов по Брестской области за 2015–2017 гг. приведена в таблице 3 [2].

Таблица 3. – Структура денежных доходов населения Брестской области в 2015–2017 гг.

Показатель	Год		
	2015	2016	2017
Все денежные доходы населения, 2015 г. – млрд руб., 2016, 2017 гг. – млн руб.	68 128,3	7 055,9	7 733,2
оплата труда	39 881,5	4 109,9	4 585,8
доходы от предпринимательской и иной деятельности, приносящей доход	6 315,9	655,6	461,8
трансферты населению	17 954,3	1 994,0	2 108,6
доходы от собственности	2 565,0	168,8	140,5
прочие доходы	1 411,6	127,6	136,5
Все денежные доходы населения, %	100	100	100
оплата труда	58,5	58,2	59,3
доходы от предпринимательской и иной деятельности, приносящей доход	9,3	9,3	9,8
трансферты населению	26,3	28,3	27,3
доходы от собственности	3,8	2,4	1,8
прочие доходы	2,1	1,8	1,8

Как видно, основным источником денежных доходов населения Брестской области это – заработная плата.

В то же время приведем в таблице 4 данные по распределению населения Брестской области относительно уровня среднедушевых располагаемых ресурсов.

Таблица 4. – Распределение населения Брестской области по уровню среднедушевых располагаемых ресурсов (руб. в месяц) за 2017 г., % [1]

До 150,0	2,5
150,1–200,0	7,1
200,1–250,0	10,8
250,1–300,0	12,0
300,1–350,0	15,0
350,1–400,0	13,4
400,1–450,0	11,1
450,1–500,0	7,9
500,1–550,0	4,4
550,1–600,0	4,1
600,1–650,0	2,8
700,1–750,0	1,2
750,1–800,0	1,4
Более 800,0	4,6

Численность населения Брестской области, по данным за 2017 г., составила около 1 386 400 человек. Таким образом, более 116 тыс. жителей области располагали доходами ниже 197 руб. 81 коп. на человека (напомним, это размер бюджета прожиточного минимума с 1 ноября 2017 г. по 31 января 2018 г.).

Среднедушевые располагаемые ресурсы – это совсем не то же самое, что средняя заработная плата. Они учитывают все доходы семьи за вычетом затрат. К заработной плате (той, что остается после вычета налогов) прибавляется пенсия, если она есть, пособия на детей, стипендии, денежные переводы, проценты по вкладам, материальная помощь и тому подобное. Учитываются также доходы, полученные от продажи продуктов, выращенных на дачах и приусадебных участках и полученных в личных подсобных хозяйствах.

В 2017 г. в выборочном обследовании по уровню жизни участвовало 920 домашних хозяйств (по данным Главного статистического управления Брестской области). В результате обследования в Брестской области резко уменьшилось число семей, в которых среднедушевые располагаемые ресурсы составляли менее 150 руб. В третьем квартале 2016 г. такие суммы определялись почти для 68 тыс. человек (4,9 %), спустя год – лишь для 26 тыс. (1,9 %). Уменьшилось и число домохозяйств с уровнем располагаемых среднедушевых ресурсов от 150,1 до 200,0 руб. (6,6 % населения). Этот факт имеет свою логику: цены понемногу растут, зарплаты в целом тоже идут вверх.

Вместе с тем, как уже говорилось, выросло число людей, располагающих ресурсами ниже бюджета прожиточного минимума. Такая, на первый взгляд, нелогичность вызвана тем, что сам бюджет прожиточного минимума тоже растет. Тенденция к росту численности бедных слоев населения отмечается во всех регионах, однако Брестская область наряду с Гродненской опережают этот показатель.

Самую большую группу населения (28,4 % всех жителей области) составляют те, кто располагает ресурсами в диапазоне от 300,0 до 400,0 руб. на человека. Это свидетельствует о невысоком уровне жизни большого количества жителей Брестчины.

8. *Потребительские расходы* – денежные расходы домашних хозяйств на питание (включая общественное питание), покупку алкогольных напитков, табачных изделий, непродовольственных товаров и оплату услуг. В состав потребительских расходов не включаются налоги и страховые взносы, материальная помощь и другие расходы,

не связанные с потреблением, а также все расходы, связанные с производством сельскохозяйственной продукции в личном подсобном хозяйстве и накоплением (банковские вклады, покупка недвижимости, иностранной валюты и т.д.). Структура потребительских расходов домашних хозяйств приведена в таблице 5.

Таблица 5. – Структура потребительских расходов домашних хозяйств (по данным выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни), %

Показатель	Год		
	2015	2016	2017
Продукты питания	39,2	38,7	37,1
Алкогольные напитки, табачные изделия	3,2	3,1	2,9
Одежда, обувь	8,8	8,4	8,4
Жилищно-коммунальные услуги	6,5	7,6	7,3
Здравоохранение	4,3	4,5	4,5
Услуги общественного транспорта	1,7	1,7	2,1
Связь	4,9	5,5	5,8
Культура, отдых, спорт	4,5	4,8	5,2
Образование	1,2	1,2	1,3
Прочие товары и услуги	16,6	16,0	17,3

Исходя из данных таблицы можно сделать вывод, что во все рассмотренные периоды в Брестской области основную долю потребительских расходов составляли расходы на продукты питания. Для характеристики благосостояния населения страны наиболее важным является доля расходов на питание в общей структуре расходов. Если эти расходы превышают 50 %, то население такой страны в мировой практике принято считать бедным. В Брестской области расходы на питание не превышают 50 % всех расходов, следовательно, население области нельзя назвать бедным.

Заключение

Таким образом, Брестская область по уровню малообеспеченности населения стала лидером (2017 г. – 8,5 %; 2016 г. – 8 %). Жители Брестской области, имеющие уровень среднедушевых располагаемых ресурсов до 300 руб., составляют 32,4 %.

Брестская область обеспечивает выполнение всех нормативов государственных социальных стандартов, направленных на создание комфортных условий жизни населения независимо от места проживания. Вместе с тем в силу удаленности ряда сельских населенных пунктов от крупных центров качество и доступность большинства социальных услуг в них остаются низкими. Область занимает предпоследнее место среди регионов республики по уровню обеспеченности населения койками в больничных организациях, четвертое – по численности практикующих врачей. Остается острым вопрос укомплектованности районных учреждений здравоохранения узкоквалифицированными специалистами. Происходит сокращение демографического и трудового потенциала, особенно в малых городских населенных пунктах и сельской местности.

Также на основе проведенного анализа можно представить систему мер по повышению качества и уровня жизни населения Брестской области (рисунок 5).

Рисунок 5. – Взаимодействие основных мероприятий по повышению качества и уровня жизни населения Брестской области

Основываясь на данной схеме, следует отметить, что повышение качества и уровня жизни населения Брестской области основывается на принципах единства и взаимосвязи социальной сферы, экономики и окружающей среды. Белорусская модель социально-экономического развития должна сочетать преимущества рыночного хозяйства с эффективной социальной защитой. Только при сбалансированности и абсолютной консолидации всех факторов, таких как модернизация, устойчивое развитие, развитие человеческого потенциала, инновационное развитие, а также их составляющих, возможно устойчивое повышение качества и уровня жизни населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шимова, О. С. Устойчивое развитие : учеб. пособие / О. С. Шимова. – Минск : БГЭУ, 2010. – 431 с.
2. Статистический ежегодник Брестской области, 2018 / Брест. обл. стат. упр. – Брест, 2018. – 88 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.10.2018

Bryk E.A., Sedel O.Ya., Petrukovich D.A. Analysis of the Condition of Quality and Living Standards of the Population in the Brest Region

The analysis of the main socio-economic indicators of the state of quality and standard of living of the population of the Brest region. Based on the analysis, we identified weaknesses in the quality and standard of living of the population of the Brest region, and also formulated the main necessary measures to ensure a steady increase in the quality and standard of living of the population of the Brest region.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія зборніка навуковых прац разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 08.09.2016 № 206. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па цэнтры);
- звесткі пра аўтара (навуковая ступень, званне, пасада);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па цэнтры);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАКа да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс выкарыстанай літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (курсіў; да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнаасцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, афармленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *К.М. Мароз, Л.М. Калілец*
Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 29.12.2018. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.
Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 29,30. Ул.-выд. арк. 21,33.
Тыраж 100 экз. Заказ № 499.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/55 ад 14.10.2013.
224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.